

Марк
Ферро

Марк Ферро

КАК РАССКАЗЫВАЮТ ИСТОРИЮ ДЕТЯМ В РАЗНЫХ СТРАНАХ МИРА

КАК РАССКАЗЫВАЮТ
ИСТОРИЮ ДЕТЯМ
В РАЗНЫХ СТРАНАХ МИРА

36'6

♥ *Marc Ferro*

COMMENT ON RACONTE
L'HISTOIRE AUX ENFANTS
À TRAVERS LE MONDE

Марк Ферро

КАК РАССКАЗЫВАЮТ
ИСТОРИЮ ДЕТЯМ
В РАЗНЫХ СТРАНАХ МИРА

МОСКВА КНИЖНЫЙ КЛУБ

УДК 821-111(73).09

ББК 83.3-4 Фра

Ф 31

Marc Ferro

Comment on raconte l'histoire aux enfants á travers le monde

Дизайн В.В. Гусейнова

Перевод с французского Е.И. Лебедевой

Печатается с разрешения автора, издательства Payot & Rivages
и Литературного агентства Анастасии Лестер.

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям в рамках
Федеральной целевой программы «Культура России».

Ферро, М.

Ф 31 Как рассказывают историю детям в разных странах мира /
Марк Ферро ; [перевод с фр. Е.И. Лебедевой]. — М. : Книжный
Клуб 36.6, 2010. — 480 с.

ISBN 978-5-98697-136-0

Марк Ферро — известный французский историк, заместитель директора Высшей школы социальных наук (Франция), автор многочисленных исторических книг, фильмов и телепередач.

Книга «Как рассказывают историю детям в разных странах мира» впервые была издана во Франции почти 30 лет назад. Написанная в популярной форме, книга поднимает важнейшие вопросы преподавания истории в школе, пропаганды исторических знаний, фальсификации истории, отношения к историческому наследию. Переводы книги Марка Ферро выходили в Германии, Испании, Японии, Италии, Португалии, Бразилии, Нидерландах, а также в России — в 1992 году. За прошедшие десятилетия многое изменилось — не только в России и других странах, но и в вопросах преподавания истории. Актуальность бережного отношения к историческому знанию высока сейчас как никогда раньше. Марк Ферро внес необходимые изменения в текст книги и существенно ее дополнил. В новом виде книга вышла во Франции в 2004. На русском языке книга выходит в переводе именно с этого издания. Книга снабжена хронологическими таблицами, библиографией и комментариями. Предназначается для широкого круга читателей.

Охраняется Законом РФ об авторском праве

ISBN 978-5-98697-136-0

Copyright © 1981, 1983, 1986, Éditions Payot

Copyright © 1992, 2004, Éditions Payot & Rivages

© Е.И. Лебедева, перевод, 2010

© Д.А. Ермольцев, послесловие, 2010

© Издание на русском языке, оформление. «Книжный Клуб 36.6», 2010

Посвящается Вонни

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не приходится сомневаться: образ других народов, так же как и живущий в нашей душе образ самих себя, зависит от того, как в детстве нас учили истории. Узнавание прошлого становится для нас открытием мира, которое запечатлевается на всю жизнь. Именно на эти представления впоследствии накладываются все наши мимолетные размышления и устойчивые понятия. То, что удовлетворяло нашу первую любознательность, пробуждало наши первые эмоции, остается неизгладимым.

Вот почему так интересно со всем вниманием рассмотреть это неизгладимое впечатление, оставшееся в нас ли, в других ли, где бы они ни жили — в Тринидаде, Москве или Иокогаме. Мы совершим необычное путешествие в пространстве и, разумеется, во времени. Мы увидим, как прошлое преломляется в зыбких изменчивых образах. Ибо общего прошлого не только не существует для всех людей — оно преобразуется с течением времени даже в памяти каждого из нас. По мере развития наук и изменения идеологии, по мере того, как в обществе трансформируются сами функции истории, изменяются и представления о прошлом.

Сопоставление и понимание несхожести этих образов представляются нам сегодня в высшей степени важными. Границы мира раздвигаются, экономически он все больше унифицируется, в то время как политическая обособленность стран сохраняется. В этих условиях история становится все более весомым аргументом в столкновениях государств, наций, культур и этнических групп. Ссылаясь на

прошлое, легче овладеть настоящим, придать легитимность власти, обосновать претензии. Государство, церковь, политические партии и группы, связанные частными интересами, контролируют средства массовой информации и книгоиздание. Именно они финансируют культуру: от выпуска школьных учебников и комиксов до кино и телевидения. Прошлое, которое они «отпускают» всем и каждому, выглядит все более и более единообразным. Отсюда глухой протест со стороны тех, чья история оказывается «под запретом».

Да и какая нация, какая группа людей способна еще воссоздать свою собственную историю?

Уже у древних народов, когда-то объединенных в государства, вроде Хазарского каганата или королевства Арелат, групповая самобытность растворилась в безымянном прошлом. Совсем недавно французские и германские историки вновь горячо спорили о Версальском договоре: одни вспоминали о массовом уничтожении людей, другие — о нарушении неприкосновенности территории. На Востоке, от Праги до Улан-Батора, все этнические и национальные конфликты еще сравнительно недавно объяснялись в рамках одной и той же модели, якобы принадлежащей Карлу Марксу, но на самом деле созданной в Москве. А из этой столицы не очень хорошо видна разница между, например, историей Грузии и Армении, хотя сходство этих народов ярко выражено и общепризнано. Что же говорить о других, у которых оно не столь очевидно?

Наконец, в огромной части мира, находящейся в южных широтах, освободившиеся народы деколонизируют свою историю, привлекая подчас те же средства, какими пользовались колонизаторы. Они просто конструируют себе прошлое, противоположное тому, что им навязывали прежде.

Сегодня у каждой или почти каждой нации есть несколько историй, которые накладываются одна на другую и спорят между собой. В Польше, например, история, что еще недавно преподавалась в школе, заметно отличается от той, которую рассказывали дома. Не совсем одинаковая роль от-

водилась в них русским... Мы обнаруживаем здесь столкновение коллективной памяти с официальной историографией; и именно в нем проблемы, которые ставит история, проявляются гораздо яснее, чем в трудах историков.

История в том виде, как ее рассказывают детям, да и взрослым тоже, позволяет одновременно узнать и то, что общество думает о себе, и то, как с течением времени изменяется его положение. Нужно только не ограничиваться изучением школьных учебников и комиксов, а попытаться сопоставить их с постулатами современной науки. Например, история армянского народа, которую преподавали в Советской Армении, та, что учат дети диаспоры (а в Советской Армении узнавали в домашнем кругу), и та, которую представляет общераспространенное толкование мировой исторической науки, — суть три разные версии прошлого. При этом отнюдь нельзя утверждать, что последняя более реалистична или более законна, чем другие.

В самом деле, помимо обеспечения научного знания, история выполняет еще две функции: врачевания и борьбы. В разные времена эти миссии осуществлялись по-разному, но смысл их всегда оставался неизменным. Независимо от того, превозносятся ли Иисус Христос во франкистской Испании, нация и государство в республиканскую эпоху во Франции, коммунистическая партия в СССР или в Китае, история равным образом играет миссионерскую роль: наукообразие и методология служат не более чем «фиговым листком» идеологии. Бенедетто Кроче писал в начале XX в., что история в большей мере ставит проблемы своего времени, чем той эпохи, которую, как предполагается, она изучает. Так, фильмы «Александр Невский» Эйзенштейна и «Андрей Рублев» Тарковского, воскрешая русское Средневековье, информируют нас: первый о сталинской России и ее страхе перед Германией, второй — об СССР брежневских времен, борьбе за свободу внутри него и внешних проблемах в отношениях с Китаем. История, которую преподают сегодня маленьким африканцам, говорит о современных проблемах Черного континента не меньше, чем о его прошлом. Там книги для де-

тей призваны прославлять великие средневековые империи Африки, великолепие которых сопоставляется с упадком и отсталостью феодальной Европы в ту же эпоху. В данном случае, несомненно, выполняется функция врачевания. В той же Африке — и это не менее актуально — замалчиваются конфликты и проблемы, порожденные приходом ислама; они смягчаются, приуменьшаются, их существование даже ставится под сомнение.

В Карибском регионе, где масса населения оторвана от своих исторических корней (там живут чернокожие, китайцы, индийцы и т. д.), история в переложении для детей преобразует потомков прежних рабов и кули в граждан мира, имеющих исключительное преимущество, даваемое им принадлежностью ко всем культурам человечества. История рабства представляется таким образом, что черный ребенок на Ямайке меньше сочувствует участи своих предков, чем участи несчастных англичан, которых во времена Цезаря отправляли в Италию в качестве рабов.

Что касается функции истории как орудия борьбы, то тут на ум приходят прежде всего манипуляции, практиковавшиеся в СССР. Долгое время забвению предавался Троцкий, а говорилось только о Сталине, затем имя Сталина исчезло или почти исчезло, а Троцкого стали цитировать достаточно часто, но лишь для того, чтобы осудить. В годы перестройки вновь появился Бухарин, мягче стали писать о Троцком, вспомнили Мартова... Однако еще более радикальна эволюция образования в США. Она состоит в переходе от идеологии *melting-pot* (Америки как «плавильного котла», в котором перемешиваются народы, превращаясь в единое целое) к идеологии *salad-bowl* («салатницы»), согласно которой каждая культура сохраняет свою самобытность.

И все же, несмотря на всю изменчивость, своего рода матрица истории каждой страны всегда сохраняется: это доминанта, запечатленная в коллективной памяти общества. И очень важно знать суть этой матрицы. Истории и легенды, из которых она состоит, будь то героические подвиги Шиваджи в Индии, злоключения Йосицунэ в Японии, при-

ключения Чаки, короля зулу, или рассказы о Жанне Ашет во Франции, всегда превосходят колоритностью и выразительностью любой анализ; это вознаграждение историку, который тоже ведь является читателем.

В этой книжке я не собираюсь излагать истину, приемлемую для всех, это было бы абсурдом и ложью. Я хотел бы воссоздать разные образы прошлого, которое было пережито многочисленными обществами нашего мира. При этом может случиться, что один образ явит собою прямую противоположность другому; это будут противоположные «истины». Пусть меня простят: профессиональная привычка историка всякий раз заставляет меня стремиться к изображению правдивой картины.

Конечно, в этом кругосветном путешествии, в этом повествовании о далеких образах прошлого, которые преподносились детям СССР или детям Тринидада, я не буду рассматривать всю историю этих стран. Я попытаюсь дать лишь общее, насколько возможно верное представление об общностях или нациях, оказавшихся в поле моего зрения, поскольку именно оно определяет понимание человеком других и самого себя. Я не упущу случая сопоставить разные интерпретации одной и той же проблемы, но не стану этим злоупотреблять, ибо в этой книге меня интересует каждая национальная история в своей целостной самобытности, видение прошлого, присущее каждой культуре.

Итак, речь идет о том, чтобы поставить под сомнение саму идею традиционной «всемирной истории». Я не веду повествование, начинающееся со времен фараонов и завершающееся похоронами Хомейни или разрушением Берлинской стены. Подобный порядок изложения означал бы как раз идеологизирование истории под знаком ли христианства, марксизма или же попросту приверженности идее прогресса. Кроме того, он неизбежно свидетельствовал бы о европоцентризме, когда народы «входят» в Историю лишь тогда, когда их «открывают» европейцы. В этой книге все будет совсем по-другому.

Мы будем встречаться с европейским взглядом на историю, но только в его связи со взглядами остального мира. Что же касается других сторон этой столь хорошо нам знакомой истории, то на страницах этой книги мы сможем соприкоснуться лишь с некоторыми из них. Ведь достаточно припомнить, что смысл и содержание этой истории останутся почти одинаковы, рассуждают ли о ней в Париже, Милане, Берлине, Барселоне или даже Загребе. История будет отождествляться с историей Запада, и на разных уровнях проявится один и тот же этноцентризм. Первый уровень обнаруживается при описании народов Азии и Африки или даже европейских стран, когда в русской истории обращают внимание, например, главным образом на время после Петра Великого, то есть период, когда эта страна «европеизируется». Европа при этом подходе отождествляется и с христианством, и с техническим прогрессом.

Второй уровень того же этноцентризма проявляется в трактовке взаимоотношений каждой страны с ее соседями. Например, во Франции Священная Римская империя германской нации практически не упоминается после того, как появляется Карл Великий. А между тем она существовала еще в течение девяти веков. Германская империя возникает вновь, только когда надо подчеркнуть, что Наполеон в 1806 г. сыграл существенную роль в ее крушении. Французы точно так же недооценивают роль и влияние на Европу романтизма, расцветшего в Германии, зато очень настаивают на важности для этой страны последствий Французской революции XVIII в. Этот второй тип этноцентризма особенно распространен во Франции, Испании и Англии; он меньше свойственен Италии, где общенациональное государство сформировалось позже. Зато в Италии (как и во Франции) практикуется третий уровень этноцентричного подхода к прошлому, при котором преувеличивается роль Северной Италии или Северной Франции по отношению к южным провинциям. В Великобритании эта особенность уже давно преодолена: истории Шотландии, Ирландии, Уэльса анализируются сами по себе, а не только в связи с Лондоном, с английским правительством.

Итак, написана ли «всеобщая история» во Франции, в Италии или где-то еще, за ней скрываются разные формы этноцентризма. Она всегда «зарождается» в Древнем Египте, Шумере и Израиле и получает свое развитие в великих цивилизациях Греции и Рима. «Средние века» начинаются с падения Западной Римской империи в 476 г. и с великих варварских нашествий, а завершаются падением Восточной Римской империи в 1453 г. и турецким завоеванием. Великие географические открытия, гуманизм и Реформация открывают «Новое время», которое уступает место современной эпохе, ведущей отсчет своего времени от революции 1789 г.

Я, как увидит читатель, следовал другой логике. Не стану утверждать, что мой путь — наилучший. Однако я предлагаю читателю пройти по нему вместе со мной. Я знаю, что читатель будет перелистывать книжку, блуждая по ее страницам, и не могу помешать ему начать, например, с главы об исламе или о Японии. Для его удобства я почти везде поместил в начале глав своего рода хронологические ориентиры.

Наконец, последнее.

Охват исторического материала, содержащегося в этой книге, настолько велик, что замысел отдает манией величия. Приходится объясняться и оправдывать неизбежные слабости его реализации.

Выбрав для анализа пятнадцать—двадцать обществ, которые здесь фигурируют, я должен был исследовать огромное количество учебников, фильмов, комиксов, исторических романов и т. д. на неведомое скольких языках. А ведь нужно было еще вникнуть в каждую из этих культур, в повороты истории каждой нации, познакомиться с ее историографией. Это, впрочем, не испугало меня, и я не отказался от идеи. Однако я решительно отверг мысль, что каждая глава должна стать некоей «докторской диссертацией», — для этого не хватило бы целой жизни. Да и работа оказалась бы совершенно напрасной, ибо, едва пробежав дистанцию до конца, я должен был бы вновь засесть за книги, фильмы и прочее, созданное новым поколением, новым бытием.

Серьезные различия в подходах к изложению в разных главах объясняются обилием и разнообразием материала. Я вполне сознаю, что некоторые мои построения отличаются большей вольностью, чем другие, некоторые разделы всего лишь описательны, а педагогические проблемы поднимаются реже, чем хотелось бы. Но я надеюсь, что мне, по крайней мере, удалось очертить панораму без сколько-нибудь важных лакун и впоследствии я смогу переработать в полноценные главы то, что здесь предлагается лишь в скромной форме заметок.

Пусть читатель знает, что я испытывал огромное удовольствие, истинную страсть, когда работал над этой книгой. И да поможет она тебе, мой друг, лучше понять ближнего твоего, как это случилось и со мной.

Марк Ферро

Работа над этой книгой доставила мне радость, которая умножается, когда я приношу искреннюю благодарность тем, кто мне помогал. В первую очередь это относится к Пьеру Сорлену: он знает, сколь важен был его вклад в мое начинание...

Самым сложным был подбор литературы и ее перевод. Нужными книгами меня снабжали мои друзья и ученики: Магда Вассеф — по Ираку и Египту, Махьяр Джахадерьян — по Персии, Элиан Блондель — по Польше, М. Блез и Мишель Картье — по Китаю, Клаус Венгер и М.-Ж. Патрикс — в отношении некоторых немецких текстов, Ольга де Ореллана — по Мексике, Ш. Лемерсье — по Турции. Некоторые из них вводили меня в целые культурные миры и служили там вожаками. Ни с чем не сравнимой была помощь Пьера-Франсуа Суири в том, что касается Японии.

Мишель Картье и Ж.-Л. Доменак проконсультировали меня относительно литературы по Китаю, Катрин Кокери-Видрович — по Черной Африке, Люсет Валенси — по исламскому миру, Кшиштоф Помьян — по Польше. Я благодарен им также за компетентные замечания по содержанию соответствующих глав. Клер Мурадян посоветовала мне, какие книги прочесть по Армении, Жиль Вайнштейн — по Турции, Ж.-П. Берт — по Мексике.

В отношении главы о Франции неоценимой стала помощь Алис Жерар. Равным образом я благодарю и Кристиана Амальви, ознакомившего меня с рукописью своей неизданной диссертации.

Конечно, я не смог использовать, как предполагал вначале, все сочинения, которые получил: это были книги об Индонезии, Израиле, Швеции, Хорватии... Я приношу глубокую признательность всем, кто мне их прислал. Это прежде всего Ф. Гарсон, М. Фридман, а также М. Пуршепадас, предоставивший в мое распоряжение необходимую литературу по истории Индии и отредактировавший соответствующую главу, и Анри Моньо, прочитавший главу о Черной Африке.

Как всегда, я в долгу перед Международной документальной библиотекой по современной эпохе. Однако на этот раз я оказался обязан и другим учреждениям. Это библиотеки Дома наук о человеке в Париже, Бенджамина Франклина в Филадельфии, Стэнфордского, Йельского, Колумбийского, Нью-йоркского университетов, Гавайского университета в Маноа; библиотеки Русского и Африканского центров Школы высших исследований по социальным наукам в Париже. Разумеется, я благодарен и асу документальной иконографии Ж.-Л. Шарне.

Наконец, я приношу мою искреннюю благодарность Марилен Додье из издательства Пайо, которая имела терпение внимательно прочитать и отредактировать текст этой книги.

Первое издание книги Ферро вышло в 1992 г. Оно имело успех у читателя и быстро исчезло с полок книжных магазинов. Книга хорошо вписалась в культурный контекст 1990-х гг. и, будучи прочитана многими учителями, определенным образом повлияла на преподавание истории.

Я рада, что издательство «Книжный Клуб 36.6» выпускает новый перевод второго французского издания едва ли не самого популярного сочинения Марка Ферро. Возможно, сегодня эта книга еще более актуальна для нас, чем двадцать лет назад.

Как и в первом издании, я хочу поблагодарить тех, кто помогал мне при подготовке перевода: отвечал на вопросы, давал библиографические справки или взял на себя труд прочесть тексты отдельных глав в переводе и высказать свои замечания. Это М.С. Альперович, А.С. Балезин, И.А. Белявская, Ю.Л. Бессмертный, О.И. Варьяш, А.А. Вигасин, Р.Р. Вяткина, А.Я. Гуревич, М.В. Исаева, А.В. Коротаев, С.И. Лучицкая, А.Н. Мещеряков, А.С. Намазова, С.В. Оболенская, Б.Н. Флоря, Г.С. Черткова.

«Охват исторического материала, содержащегося в этой книге, настолько велик, что замысел отдает манией величия», — предупреждает в предисловии автор. Перед читателем развернется калейдоскоп дат, имен, названий, исторических событий, научных трудов и учебников для детей, фильмов и комиксов. Совершенно невозможно было прокомментировать каждое имя, каждый факт или событие, которые могут оказаться неизвестными читателю-неспециалисту. Это бы-

ла бы еще одна книга. Содержащиеся в книге комментарии (на них указывают в тексте звездочки) даются лишь там, где они необходимы для точного восприятия мысли автора.

Сочинение М. Ферро предназначено отнюдь не только для специалистов-историков и педагогов. Оно рассчитано на широкого читателя и именно поэтому обрело такую популярность во всем мире.

Марк Ферро заставляет нас задуматься не только о смысле исторической науки, но и о том, как наука соотносится с историей, «отпускаемой» всем и каждому. Задуматься о том, какова ее роль в формировании взаимоотношений между людьми, группами людей, между народами. И многие мысли автора этой книги оказываются интересными именно для нас, прежде всего для нас.

Вот почему второе обращение к тексту Ферро снова доставило мне большое удовольствие. И я снова надеюсь, что его разделят со мной читатели.

Е. Лебедева

— Скажи, мама, почему не любят евреев?
— Потому что они убили Иисуса и отравляли колодцы...
когда я была маленькой, меня так учили на уроках Закона
Божия...

Гейдрих. Я знаю, что все это ложь, но какая разница — эта
традиция может быть нам полезной.

*Из фильма «Холокост»**

БРЮССЕЛЬ ВО ВРЕМЯ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ...

Член организации спасения. И все же, почему вы больше не хотите прятать ребенка?

Гражданин. Потому что он вор...

Член организации спасения. Вор... Но ему нет еще четырех лет...

Гражданин. И тем не менее он вор...

Член организации спасения. Ну, слушайте, как это может быть?
Что же он украл?

Гражданин. Он украл младенца Иисуса...

Член организации спасения. Украл младенца Иисуса?

Гражданин. Да, мы с женой поставили рождественские ясли,
а он тайком украл младенца Иисуса.

Член организации спасения (ребенку-еврею). Это правда, ты украл
младенца Иисуса?

Ребенок (упрямо). Неправда, я не украл, я не украл...

Член организации спасения. Послушай, Самуил, скажи нам
правду. Эти дядя и тетя хотят тебе только добра; ты же
знаешь, они прячут тебя от немцев...

Ребенок (в слезах). Я не украл... я не украл... ведь младенец
Иисус... он еврей... я его спрятал... я укрыв его от немцев...

*Из сценария фильма Э. Хоффенберга и М. Абрамовича
«Как будто это было вчера», 1980 г.*

ГЛАВА I

ПЕРЕЖИТКИ «БЕЛОЙ» ИСТОРИИ: ЙОХАННЕСБУРГ

Хронология

- 1488 г. — Бартоломеу Диаш достигает мыса Доброй Надежды.
- 1652 г. (6 апреля) — Высадка Яна ван Рибекка, представляющего нидерландскую Ост-Индскую компанию.
- 1658 г. — Первая доставка рабов из Анголы.
- 1685 г. — Отмена Нантского эдикта во Франции; начало иммиграции французских гугенотов.
- XVIII в. — Начало борьбы буров против коса, зулу, а затем других племен банту.
- 1795 г. — Прекращение деятельности Ост-Индской компании. Образование Батавской республики. Англичане занимают Кап.
- 1806–1814 гг. — Южная Африка переходит к Англии.
- 1833 г. — Англичане упраздняют рабство.
- 1837–1854 гг. — Великий трек* буров под предводительством А. Преториуса.
- 1838 г. — Победа буров над зулу у реки, получившей в память об этом сражении название Кровавой (Блад-ривер).
- 1839 г. — Провозглашение бурами республики Натал.
- 1843 г. — Англичане аннексируют республику Натал.
- 1852 г. — Основание бурами республики Трансвааль.
- 1877 г. — Первое нападение англичан на Трансвааль.
- 1879 г. — Конец королевства зулу.
- Ок. 1880 г. — Открытие алмазов в Кимберли и золота в Йоханнесбурге.
- 1881 г. — Первая война Трансвааля за независимость. Победа Крюгера над англичанами у Маджубы.
- 1885 г. — Открытие золота в Витватерсланде; массовое прибытие английских иммигрантов. Сесиль Родс, губернатор Капской колонии, президент «Де Бирс компани», занимавшейся добычей алмазов, ставит задачу подчинения Трансвааля.

1887 г. — Сесиль Роде аннексирует Зулуленд.

1899—1902 гг. — Вторая англо-бурская война. После трех лет борьбы лорд Китченер и лорд Робертс одерживают победу.

1910 г. — Возникновение британского доминиона Южно-Африканский Союз.

1913—1926 гг. — «Закон о землях туземцев» запрещает африканцам приобретение земель вне резерватов. Политика «цветного барьера». Согласно закону о «цивилизованном труде» африканцы не должны допускаться к работам, требующим высокой квалификации.

1925 г. — Голландский язык (африкаанс) становится официальным языком наряду с английским.

1931 г. — Принятие английским парламентом Вестминстерского статута: существенное расширение прав доминионов, в том числе Южно-Африканского Союза.

1948 г. — Победа на выборах Националистической партии. Лидер партии Малан провозглашает программу апартеида, т. е. обособленного, раздельного существования разных рас, недопустимости какой бы то ни было расовой интеграции.

1959 г. — Закон о развитии самоуправления банту. Начинается создание бантустанов, «национальных отечеств» племен банту. На остальной территории страны африканцы лишаются остатков прав.

Возникновение Панафриканистского конгресса — националистической организации черных.

1960 г. — Первые крупные выступления африканцев в Йоханнесбурге. Демонстрация в Шарлевиле, пригороде столицы, по призыву Панафриканистского конгресса. Полиция открывает огонь по демонстрантам, погибают 69 человек.

1976 г. — Восстание в Соуэто, африканском пригороде Йоханнесбурга, жестоко подавленное властями. Политика апартеида осуждена ООН.

1990 г. — Первые меры по постепенному сворачиванию политики апартеида.

Понимание исторического процесса как истории белых людей отслужило свое, но оно еще живо. «Белая» история при смерти, но «белая» история еще не умерла.

Р. Прейсверк и Д. Перро (I.1), основываясь на систематическом изучении школьных учебников нескольких европейских стран, составили перечень свойственных этой истории стереотипов. Стереотипы «белой» истории, на которых основывается периодизация, включают в себя главные ценности европейцев, проявляющиеся во взаимоотношениях с остальным миром. Это уважение к порядку и закону, национальное единство, монотеизм, демократия, предпочтение оседлого образа жизни и индустриальной экономики, вера в прогресс и т. д. Во всех странах Европы ценности примерно одинаковы.

Однако во второй половине XX в. эта история перестала внушать доверие. Сомнения могли, разумеется, исходить и от самих белых, но главным двигателем пересмотра стала борьба народов колоний за независимость. Под мощным давлением исторического процесса деколонизации «белая» история постепенно уступала свои позиции.

Рассказы о Черной Африке в школьных учебниках 50-х гг. уже обнаруживают крохотные сдвиги. Тукулёров* и аль-Хадж Омара* перестают называть в них «мусульманскими фанатиками». Омар теперь уже не «грабит Бамбук», а «завоевывает его...» (III.6,7).

Требования дипломатии и веяние времени заставляют бывшие метрополии приспособливаться. Так, в 1980 г. из французского учебника для 3-го класса исчезает иллюстрация «Улица после прохода французских войск» (1907), на которой видны трупы марокканцев на улице Касабланки.

«Белая» история в западных странах постепенно уходит из книг. Однако в коллективном сознании она остается гораздо более живучей; в этом мы убедимся не раз.

Вместе с тем, очевидно, что в конце XX в. ни в Европе, ни тем более за ее пределами «белая» история в чистом виде уже не существует. Если и можно ее встретить где-то в неевропейском мире, стремящемся реанимировать свое культур-

ное прошлое, то это в Южной Африке. Это та история, которая излагается белым детям Йоханнесбурга.

Выдающийся вест-индский революционер и социальный философ Франц Фанон утверждал, что история африканерской Африки является «историей белого человека, а не тех, кого этот человек подавляет, насилует, грабит и убивает». Это верно, однако важно подчеркнуть еще и то, что она восходит к «христианской» традиции. Вечными спутниками бура, затерянного на огромных просторах Африки и мучимого постоянным страхом, были Библия и ружье.

Ниже приводится текст 1949 г., составленный в Христианском институте национальной педагогики, в котором совершенно ясно выражены «христианские» и одновременно расистские цели преподавания истории. Он воспроизводит формулировки и идеи, зародившиеся сразу после Французской революции, когда в начале XIX в. делались первые неудачные попытки придать образованию более светский характер.

В основе преподавания детям белых родителей и их воспитания должны лежать представления родителей; следовательно, они должны основываться на Священном Писании... любви к тому, что есть наша родина, ее язык и история.

История должна преподаваться в свете Откровения и пониматься как исполнение воли Божьей по отношению к миру и к человечеству. Мы верим, что Сотворение мира, Грехопадение, Воскресение Иисуса Христа являются основополагающими историческими фактами и что жизнь Иисуса Христа была великим поворотом в мировой истории.

Мы полагаем, что по воле Божьей существует деление на нации и народы, что это Господь даровал каждому из них свое призвание, свои задачи и свои способности. Молодежь с верой воспринимает обеты старших только в том случае, если она знает историю, то есть имеет ясное представление о нации и ее наследии. Мы считаем, что вслед за изучением родного языка единственным способом внушения любви друг к другу является патристическое обучение национальной истории (III.3).

ОТ ВЕЛИКОГО ТРЕКА К МАРКО ПОЛО

Великий трек — одно из основных событий истории африканеров наряду с прибытием первых колонистов. Великий трек — это решение всего народа пересечь страну в поисках земли, которая стала бы для него прибежищем, спасением от власти англичан, хозяйничавших на Капе с 1815 г.

Буры желали таким образом обеспечить сохранение своих верований, сохранение африкаанс в качестве официального языка, сохранение своего традиционного образа жизни и «традиционных» форм взаимоотношений с аборигенами. Все это стремились изменить англичане, давая африканцам равный статус с белыми. «Это было противно закону Бога и восставало против естественных различий рас и религий. Такое унижение было невыносимо для всякого доброго христианина; вот почему мы предпочли удалиться, дабы сохранить в чистоте наши убеждения».

Такая концепция взаимоотношений между белыми и черными была записана в конституции первой республики африканеров Трансвааль, основанной в 1852 г.: «Не будет идти речи ни о каком равенстве между белыми и небелыми ни в делах церкви, ни в делах государства».

Как заметила М. Корневен (III.20), Великий трек буров точно повторяет исход Моисея, это поиск своего рода обетованной земли. Священен его маршрут, священны также определенные моменты и места, через которые проходят его пути. Так, например, день, когда Андриес Преториус воззвал к Всевышнему, — это день, когда бурский народ заключил союз с Богом. Озаренный клятвой, он одержал блестящую победу над зулу на Кровавой реке, и тридцать лет спустя буры воссоздали на этом месте лагерь, служивший им когда-то убежищем. Впоследствии они точно так же отмечали памятными знаками места, где вели первые бои за независимость против англичан. Лорд Милнер распорядился сбросить эти памятники в Индийский океан, поскольку понимал значение символов.

Итак, эти места, эти камни и предметы составляют вехи истории африканеров. В школьных учебниках их перечню посвящена целая глава; и это единственный в своем роде пример. Изучать историю в Южной Африке означает совершать паломничество.

Решение уйти было принято совершенно свободно, поэтому Великий трек свидетельствует о воле буров противостоять навязыванию им законов и обычаев, противных их убеждениям.

Символика Великого трека пронизывает всю их историю.

Вот, например, начало учебника истории для 3-го класса. Речь идет, как ни странно... о Марко Поло. Очевидно, что цель первой главы — определить место Южной Африки в мире, очертить пути Великих географических открытий. Из предшествующих рассуждений можно понять, почему здесь вдруг появляется Марко Поло. Они позволяют прочесть эту главу по-новому, увидеть в ней своего рода предварительные размышления на тему событий, которые последуют дальше.

Хотели бы вы покинуть родину в 19 лет и отправиться в путешествие, которое продлится 24 года?

Хотели бы вы посетить таинственную страну и стать очень богатым?

Хотели бы вы увидеть диковинные вещи, которых никогда не видали прежде?

Наша история начинается в давние, очень давние времена, более чем за тысячу лет до рождения вашего прадедушки. В те времена люди не уходили далеко от своих родных деревень, потому что путешествовать было слишком дорого или слишком опасно.

Однако некоторые пускались в далекие странствия, становились паломниками. Они отправлялись по святым местам и чаще всего в Святую землю, Палестину, хотя это было труднее всего. Паломники встречали там арабов, которые спали на мягких матрасах, а не на соломенных тюфяках, ели вкусную, сдобренную пряностями пищу и пользовались всевозможными предметами роскоши: шелками, бархатом, коврами, благовониями. Представьте себе, что рассказывали паломники, возвратившись на ро-

дину. В 1071 г. воинственные турки отняли у арабов Иерусалим, Святую землю. В святых войнах или крестовых походах против турок участвовало множество воинов; крестоносцы, в свою очередь, познакомились с богатствами Востока.

Европейские торговцы, особенно из итальянских городов Генуи и Венеции, поняли, что смогут выгодно продавать в Европе предметы роскоши, пряности и шелка, которыми богат Восток. Эти товары стоили дорого, так как риск их доставки в Европу был велик, торговцы часто подвергались нападениям хищных зверей или диких племен.

Именно тогда Марко Поло совершил свое великое путешествие.

Марко Поло жил в Венеции, городе необычном, с каналами вместо улиц. Мир того времени вообще показался бы вам странным, ведь там не было ни автомобилей, ни самолетов, ни пароходов, и в Европе еще понятия не имели о Южной Африке. Живы вы, сегодняшние, например, в Англии тех времен, — вы не понимали бы ее языка.

Однажды отец Марко Поло и его дядя, оба торговцы, отправились в деловое путешествие. Шли годы, а они все не возвращались, и их уже стали считать погибшими. Однако спустя девять лет они вернулись в Венецию и рассказали, что побывали в волшебной стране под названием Китай. Вообразите, с каким восторгом слушал Марко об увиденных ими чудесах. А когда он узнал, что правитель той страны Кублай-хан пригласил его отца и дядю приехать еще раз, его радости не было предела. Быть может, его возьмут с собой...

Через два года Марко Поло уехал вместе с ними.

[...] Какие только сюрпризы не ожидали Марко Поло в столице Китая. Хотя бы то, что там делали деньги из бумаги! Европейцы тогда слыхом не слыхивали об этом, так как в Европе еще не изобрели печатного станка, а китайцы пользовались им уже сотни лет... А чего только ни было во дворце Кублай-хана, наверное, прекраснейшем в мире! Сколько чудес... И дикие звери, и множество белых кобылиц в стойлах. Ремесленники трудились над шелками и коврами. А вот алхимик; он пытался железо превратить в золото или найти эликсир жизни... Пиршества и увеселения следовали одно за другим, не прекращаясь. [...]

После того как Марко Поло пробыл какое-то время в столице государства Ханбалыке, его спросили, что показалось ему самым поразительным в Китае. Знаете, что он ответил?

Ответ был удивителен.

Марко, приехавшего из страны одной религии, поразило, что король позволял своим подданным исповедовать разные религии... Среди его стражников были и христиане, и буддисты, и иудеи, и индуисты, и мусульмане... (III.3).

ДОБРОДЕТЕЛЬ И МУЖЕСТВО БУРОВ

Итак, Южная Африка — это земля свободы и *религиозной терпимости*. Таково первое представление, которое впитывают в себя дети этой страны. Процитированное введение в историю, ответ Марко Поло, а потом и другие сведения укрепляют их в этом. Они узнают о прибытии беженцев-гугенотов, спасающихся от преследований Людовика XIV, короля Франции; а также подданных других стран, стремящихся сюда в поисках свободы. Эти свободные граждане составили нацию и позже, в борьбе против англичан, меньшее значение придавали золоту, богатству, чем благородным ценностям веры...

Белая Южная Африка стала страной веротерпимости и радушия. Но следует помнить, что она родилась вследствие необходимости.

Поскольку пути на Восток преграждали турки, западным торговцам приходилось искать, как иначе добраться до Азии. Двигаясь вдоль африканского берега, первыми Индии с запада и с юга достигли португальцы. «Вот почему некоторые порты в стране носят португальские названия». Но португальцы здесь не остались, «потому что возник конфликт с готтентотами и губернатор Альмейда вместе с шестьюдесятью пятью его людьми были убиты в стычке, когда они возвращались на корабли, стоявшие вдоль берега на якоре». С этого момента власть португальцев стала ослабевать, в то время как тем же маршрутом начали пользоваться англичане и голландцы.

До сих пор португальцы ревниво охраняли секрет пути в Индию и пользовались преимуществом торговли, которая обогащала их. Голландцам приходилось довольствоваться ролью пе-

рекупщиков. Когда в 1580 г. король Испании и Португалии Филипп II нанес тяжелый удар голландцам, закрыв для них Лиссабон, голландцы, которые жили морской торговлей, были вынуждены самостоятельно искать пути в Индию. И, будучи умелыми моряками, они преуспели в этом.

После смерти Альмейды португальцы боялись селиться в Южной Африке из-за готтентотов. Место было свободно. Голландцы же рассудили, что готтентоты будут весьма расположены наладить с ними торговлю, в особенности скотом. Не обращая внимания на подозрительность готтентотов, они стали осваивать эти земли. В 1652 г. двести голландцев под предводительством отца нашей родины Яна ван Рибек основали первое постоянное поселение в Южной Африке. В память об этом событии 6 апреля отмечается у нас как национальный праздник.

КАК ТРУДНО БЫТЬ ПОСЕЛЕНЦЕМ

Ван Рибек изо всех сил стремился установить связи с готтентотами, обладавшими огромными стадами. Вначале к поселенцам лишь иногда заходили местные жители, собиравшие неподалеку ягоды. Одного из них звали Гарри. Через него и установился обмен с племенами готтентотов.

13 апреля. Корова и бык выменены на три медные тарелки и медную проволоку.

6 июня. Болезнь с каждым днем наступает. Из 113 человек только 60 способны работать.

4 сентября. Появились всходы гороха и моркови. Люди Ван Рибек были недовольны: у них было слишком много работы и недостаточно еды. Однажды ночью четверо из них попытались убежать. Но они возвратились и были наказаны двумя годами каторги на рудниках, в цепях.

К несчастью, готтентоты тоже доставляли много хлопот. Они меняли скот на разные предметы, а затем возвращались и забирали вымененный скот. На Гарри больше рассчитывать не приходилось. В один прекрасный день исчез весь скот. Не хватало еды. Нехватка мяса сказывалась так сильно, что поселенцы ели даже обезьян.

Готтентоты крали коров, баранов. Они требовали лугов, которые Компания выговорила себе, и в знак протеста против их за-

хвата жгли пастбища. Ван Рибек соорудил пограничный часток, чтобы как-то решить эту проблему. Когда голландцы стали сами разводить скот, готтентоты сетовали, что у них отняли землю. Ссоры возникали беспрестанно. Наконец вспыхнула война; готтентоты потеряли свои земли вблизи Капа. Что же касается поселенцев, то они, в свою очередь, сетовали, что не могут теперь вести обмен с готтентотами.

Поскольку необходимо было снабдить поселенцев работниками, а готтентоты для этого не годились, Ван Рибек предложил ввезти рабов.

28 марта 1658 г. Из Анголы прибывают 170 рабов. Большинство из них больны, 80 человек умерло на борту судна. Оставшиеся в живых, в основном девочки и мальчики-подростки, работниками могли стать не раньше, чем через 4–5 лет.

17 апреля. Открывается школа для рабов, которыми колонию снабжает португальский торговец [...]. Для того чтобы содействовать обращению рабов в христианство и посещению ими проповедей, приказано выдавать им по стаканчику бренди и по две понюшки табаку после каждой проповеди.

Ввоз рабов в Капскую колонию обернулся большим несчастьем. Поселенцы стремились оставлять им самую тяжелую работу, а сами стали забывать ремесла, поскольку для того, чтобы трудиться, имелись рабы. В то же время рабы внесли свой вклад в развитие колонии. Большинство прекрасных каменных ферм в стране выстроено именно рабами. [...]

Нравы той эпохи описаны Менцелем, посетившим Южную Африку в начале XVIII в. Поселенцы и служащие Компании без церемоний ходили друг к другу, гостям подавали вино или чай, а рабы каждому подносили хорошо набитую трубку и огниво. Между служащими Компании и поселенцами не существовало социальных барьеров, которые могли бы помешать им вступать в брак. Случались свадьбы между простыми солдатами и девицами из хороших семей.

Помимо рабов, принадлежавших частным лицам, которые возделывали сады, а затем везли продукцию на рынок в город, существовали сотни рабов Компании, размещавшиеся в специальном здании. К сожалению, с этими рабами обращались не слишком хорошо: законы были суровы, а наказания жестоки. За воровство рабов публично вешали, сажали на кол или же четвертовали. Губернатор Тюльбаг упорядочил законы, касающиеся рабов, и все

же они остались суровыми. Гуманные чувства губернатора проявились в его обращении с собственными рабами, которые после его смерти были освобождены (III.3).

Эта «идиллическая» эпоха завершилась во времена Батавской республики, которая, как «сестра» Французской республики, стремилась секуляризировать все свои учреждения. После аннексии Южной Африки Великобританией по решению Венского конгресса 1815 г. положение резко изменилось.

Колонизатор-бур попал в колониальную зависимость от Англии.

Меры, которые английская корона предприняла по отношению к черным, обусловили Великий трек 1838 г. и расселение буров за Оранжевой рекой, а затем основание в 1852 г. Республики Трансвааль. Занятие этих земель сопровождалось войнами с племенами коса и королевством зулу.

Спустя двадцать лет в Трансваале открыли месторождения алмазов и золота, что неизбежно должно было привлечь сюда искателей приключений и богатств. Один из них, Сесиль Роде, сумел убедить в успехе своих завоевательных проектов правительство королевы Виктории. Стремление англичан присвоить Трансвааль явилось причиной нескольких англо-бурских войн, кончившихся победой англичан в 1902 г. Южная Африка стала британским доминионом.

Только после 1948 г. буры, которых называли теперь африканерами и которые пользовались наибольшим влиянием в стране, вновь смогли навязать концепцию апартеида. Банту были переселены в так называемые *национальные отечества*, бантустаны, границы которых установил Йоханнесбург.

ПРОБЛЕМА «НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТЕЧЕСТВ» АФРИКАНЦЕВ И ОПРАВДАНИЕ АПАРТЕИДА

В той истории, которую преподают детям и которую хранит память белых, племена банту двинулись с Великих озер и из Центральной Африки в то же самое время, когда белые устре-

мились на север. Столкновение черных с расселявшимися бурами выглядит таким образом, будто белые занимали никому не принадлежавшие и опустевшие после нападений племен зулу и матабеле земли.

В 1834 г. разведчики трека были посланы для сбора информации в районы, расположенные за Оранжевой рекой. Добытые ими сведения о плодородии земель и о качестве пастбищ были очень благоприятны. Они сообщали также, что на этих землях *почти* (курсив мой. — М. Ф.) никто не живет, потому что множество туземцев было перебито зулу и матабеле, а оставшиеся в живых прятались.

Получается, что приход белых даже как будто бы спасал черных от истребления...

Участники трека покончили с господством матабеле и зулу. Это означало не только последующее заселение земель белыми, но и окончание ужасных войн, в которых страна разорялась, а самые маленькие племена погибали. Вторым результатом состоял в том, что участники трека, *не ставя перед собой такую цель* (курсив мой. — М. Ф.), спасли от уничтожения маленькие племена, покончив с могуществом тех, кто их до сих пор терроризировал (III.3).

Выделенные курсивом слова свидетельствуют о том, что тексты школьных учебников подчас более тонки в интерпретации трудных вопросов, чем речи политических деятелей. Последние гораздо решительнее отстаивали тезис об одновременном появлении за Оранжевой рекой белых и черных, узаконивая таким образом равные права буров на захват этих земель. Между тем М. Корневен убедительно показала, что эти утверждения относятся к области мифов (III.20). Она опровергла их, опираясь на данные антропологии и археологии, полученные в 60–70-е гг. Банту обосновались здесь раньше и покидали свои земли вследствие внутренних войн, а затем войн с англичанами и бурами. И самое важное — эти данные свидетельствуют, что современное рассредоточение «национальных отечеств» африканцев есть результат на-

сильственной политики белых властей, изгонявших черных с лучших земель. Официальное толкование истории Южной Африки, утверждающее, что они соответствуют исконным территориям проживания этих племен, весьма далеко от реальности.

РАСИСТСКАЯ ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ

Хотели бы вы жить с людьми, которые никогда не моются?

Хотели бы вы носить простую кожаную рубашу?

Хотели бы вы провести жизнь в пустыне и не ходить в школу?

Знаете ли вы, почему зарубежных ученых и студентов в нашей стране больше интересуют бушмены, чем белые? Потому что бушмены находятся сегодня на той стадии развития, на которой европейцы были тысячи лет назад. Изучение бушменов помогает понять, как жили наши предки в каменном веке [...].

Будучи хорошими охотниками, они умеют притворяться страусами, умеют имитировать крики птиц; они неутомимы и могут поймать зайца на бегу; они так изматывают зверя, что он сам идет к ним в руки. Кроме того, они пользуются отравленными стрелами, умеют идти по следу животного, хранят воду в скорлупе страусовых яиц, высасывают с помощью трубочки сок растений. Вонзенная в землю стрела обозначает у них место, где добывают воду, и у каждого оно свое, а другим запрещено к нему прикасаться.

Как-то раз одного бушмена пригласили в Кейптаун и показали ему все, чем гордится город. Когда же его спросили, что произвело на него наибольшее впечатление, он показал на обыкновенный кран. То, что можно получить сколько угодно воды, просто повернув кран, показалось ему совершенно необыкновенным [...].

У бушменов странные взгляды на религию. У них много богов, среди которых луна, дождь и даже насекомое богомол...

Они не разводят скот, так как не достигли еще соответствующей стадии развития. Увидев стадо, принадлежащее белым или банту, они охотятся на домашних животных, как на диких зверей. Естественно, что владельцы стремятся защитить свой скот, и по этой причине много бушменов погибает. В какие-то моменты они

становились до такой степени невыносимыми, что их изводили словно паразитов. Они попросту не могли понять, что эти животные принадлежат другим, и в результате почти полностью исчезли как раса.

А вот вопросы, предлагаемые после того, как глава прочитана:

«Какой стадии достигли готтентоты?»

(Ответ: стадии скотоводства.)

«В чем они походили на бушменов?»

(Ответ: в методах охоты.)

«Какой современный скот они разводили?»

(Ответ: овец и коз.)

«Почему они бросали своих знахарей в холодную воду?»

(Ответ: чтобы те потеряли свои способности, если поступали плохо.)

«Что означает слово готтентот?»

(Ответ: оно происходит от голландского слова *huttentut* — заика.) (III.1,3).

В этом вопроснике воплощен биологический и расистский подход «белой» истории, которой до конца 80-х гг. открыто придерживались лишь в Южной Африке. Но еще недавно она господствовала в книгах великих наций-колонизаторов. С этой точки зрения Д. Мэнгено изучил французские школьные учебники времен Третьей Республики и другие детские книги того времени (I.2). Чисто языковой анализ текстов позволил показать, что одной из основных задач этих текстов являлось обоснование иерархии рас. Это касается известной книги «Путешествие двоих детей по Франции», впервые опубликованной в 1877 г., много раз переиздававшейся вплоть до 1914 г. и совсем недавно выпущенной вновь. Исследователь обратился к популярному учебнику географии П. Фонсена. В нем есть глава, посвященная африканским расам, где говорится, что бушмены «не достигли еще уровня объединения

в племена», что «им свойствен грубый фетишизм», что «они низкорослы и на вид уродливее обезьян, а на более высоком уровне стоят готтентоты». И далее рассуждения построены в таком же духе.

Во всех этих книгах на основании целой системы критериев выстроена иерархия народов по уровню развития в зависимости от того, чем они занимаются, как строят жилище, как организовано их общество и т. д. На вершине африканской иерархии оказываются арабы, берберы и мавры.

Учебник по истории для 3-го класса южноафриканской школы завершается рядом глав по всеобщей истории; они прямо не касаются истории страны, но как бы следуют из нее. В них рассматривается общественный и технический прогресс начиная от Египта эпохи фараонов и кончая ядерными реакторами XX в. Таким образом удовлетворяется потребность в том, чтобы найти место Южной Африки в великой истории Запада. Ведь до сих пор в книге шла речь об истории поселенцев, увиденной глазами и рассказанная устами тех, кто эту историю пережил и осуществил. Их взгляд не имеет ничего общего с европейским представлением о тех же событиях как о проявлении европейской экспансии, первой фазе империализма.

Что касается африканцев, то они в данном случае как раз принимают традиционное европейское понимание исторического процесса, однако дают ему противоположную оценку. То же самое обнаруживается в толковании арабами присутствия израильтян в Палестине, хотя конкретные обстоятельства, конечно, далеко не во всем совпадают.

И наконец, самое интересное, что с нашей точки зрения есть в этом учебнике, — это его заключительная глава. В ней дается перечень исторических мест африканерской Африки, пятьдесят главных достопримечательностей. Их посещение призвано способствовать укоренению гражданина на земле, право на которую может быть у него оспорено.

Подобный феномен встречается только в США и Канаде, где, кстати, опасности потери земли нет и в помине: индей-

цы уничтожены или вытеснены в резервации. Идея паломничества глубоко усвоена гражданами тех стран, которые существуют на протяжении всего лишь нескольких поколений. «Занятия историей при помощи собственных ног» обретают у них символический смысл заклинания злых духов.

«ЧЕРНАЯ» КОНТРИСТОРИЯ?: КРЕДО МУТВА

Традиционные версии прошлого, предлагаемые банту, отличаются от «белой» истории. В какой-то своей части они были собраны врачом-знахарем Кредо Мутвой (III.21); он унаследовал их от деда, а через него — от более далеких предков. «Это истории, которые старейшины рассказывают детям, мальчикам и девочкам, сидящим вокруг огня и слушающим разинув рот. Их взгляды не омрачены еще тем, что составит их будущую жизнь: ни болезнями, ни горечью, ни гневом».

Кредо Мутва прочел и хорошо знал историю в изложении белых. Он оспаривал не ее правдивость, а ее циничную слепоту. «Разве эти так называемые суеверия, которые представляются “странными”, сами по себе делают из африканцев недочеловеков? Для подобного утверждения нужно не иметь ни малейшего представления о том, что было бы, если бы в мечеть Дар-эс-Салама ввели поросенка или попытались надругаться над статуей Девы Марии на глазах религиозной процессии на Сицилии».

Разумеется, банту из-за недостатка образования подчас не вполне понимают природу технических приспособлений. Они, например, избегают селиться близ телеграфных столбов, поскольку опасаются, что по проводам их разговоры передаются в полицию. Фотографирование или дактилоскопия кажутся им таинственными манипуляциями, секретом которых владеет белый человек. Но в то же время банту и бушмены обладают знаниями, о которых белые не имеют понятия и, очевидно, не будут иметь никогда (...). Намного

раньше европейцев они получили правильное представление о Солнечной системе. Их знания о природе гораздо более плодотворны, чем знания белых, давно утративших контакт с ней. Точно так же они располагают весьма продуманной правовой системой, а португальцы и голландцы совершенно игнорировали ее; им и в голову не приходило, что таковая может существовать».

Объяснение «белой» историей кафрских войн*, с точки зрения Кредо Мутвы, не имеет ничего общего с действительностью.

Труднее всего оказалось победить племена коса. Это был настоящий народ, оформившийся раньше, чем зулу; после уничтожения империи Мономотапа они эмигрировали на юг и смешались с готтентотами и бечуанами. В отличие от зулу они начинали бой на близком расстоянии, а не издалека, так как не умели делать достаточно совершенные дротики. В бою они применяли дубинки и тупые орудия, против которых не годился никакой щит. Коса обладали поразительным искусством метания пращи.

«Они специализировались на краже скота и достигли высокого искусства в этом деле. Но подобно племенам масаи в Кении, они уводили скот скорее ради удовольствия, чем по необходимости, а затем перекрашивали животных таким образом, что их нельзя было узнать. Только согласно правовой системе коса одновременно разрешалось и воровать, и лишать вора его имущества. Таким образом, коса вынужден был постоянно совершенствовать свои приемы, причем имелось в виду, что тот, с кем он «вступает в контакт», в свою очередь, поступает так же».

Ведя между собой обмен, коса, с одной стороны, и португальцы или голландцы, с другой, придерживались разных обычаев. Европейцы обвиняли коса в воровстве, когда те, будучи приглашены в гости, уходя, забирали что-нибудь с собой: «разве те не пользуются пищей, когда приходят к нам пировать?» А главное — перед кафрскими войнами англичане и голландцы не знали, что корову нельзя обменивать на не-

одушевленные предметы, будь то даже очень много металлических изделий или табака. Кроме того, существовал обычай при обмене забирать обратно часть потомства самки. В результате белый человек радовался, что так хорошо провел коса, оставившего ему свою корову, тогда как в действительности она являлась своего рода залогом следующей сделки, которая обязательно происходила спустя несколько месяцев и по которой стоимость самки возмещалась другим животным или даже двумя.

Голландцы, не понимавшие подобных условий обмена, приходили в полное изумление, когда сотни животных исчезали после того, как стали предметом сделки и вроде бы перешли в собственность белых поселенцев.

Кредо Мутва упрекает авторов учебников в том, что они не дают себе труда проанализировать разницу между правовыми системами голландцев и коса, рассматривая последних как «суеверных людей, не ведающих, что такое сила договора».

Правда, знание европейцами местных нравов и обычаев не всегда шло африканцам на пользу. Вот как его использовал еще в XIX в. губернатор Капской колонии Джордж Грей. Он узнал, что, согласно представлениям коса, те не нападут на поселенцев в течение семи лет после поражения, если только боги не прикажут им это сделать. Грею удалось мистифицировать коса и заставить их поверить в такое повеление свыше в тот момент, когда это было равно самоубийству. Так, не подвергаясь риску новой войны, ему удалось истребить значительную часть общины коса.

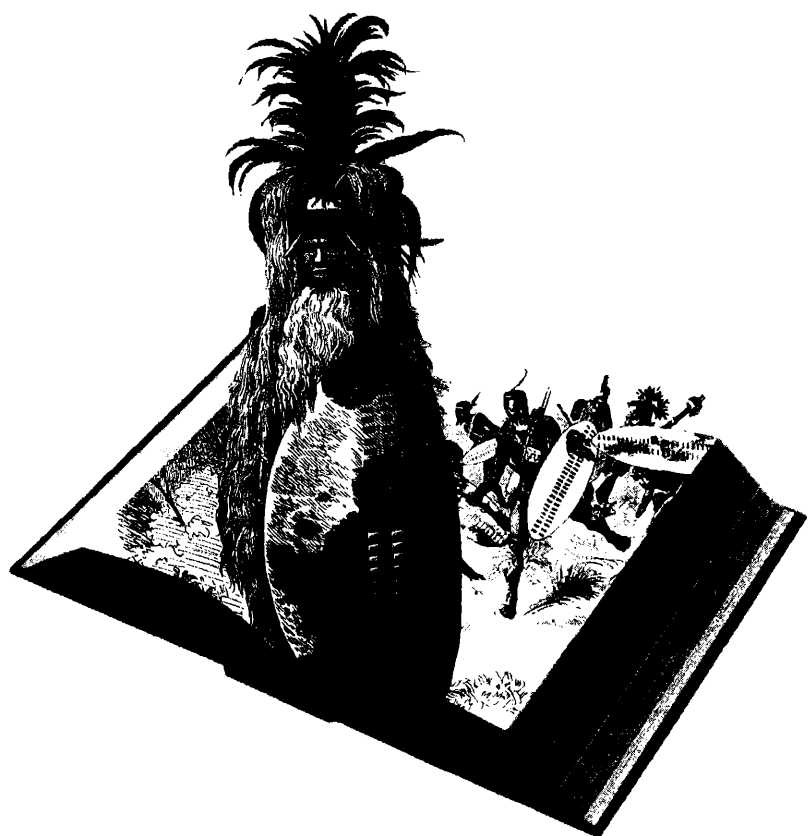
Свидетельство Кредо Мутвы не единственное. «Черная» история стала активно утверждаться в Южной Африке с тех пор, как практически вся Африка стала независимой, а жестокие репрессии в Соуэто вызвали негодование международной общественности против расистской практики правительства Претории.

«Черная» история ставит под сомнение ту интерпретацию фактов, которая имеет целью узаконить замыкание ту-

земцев в рамки их племен, распределение их по произвольно определенным «национальным отечествам», словом, подвести моральное и историческое основание под апартеид. И все же нам представляется, что сами африканцы, несмотря на все большую настойчивость их требований и уверенность в своем будущем, практически не имеют возможности воздействовать на «белую» историю и изменять ее содержание. По крайней мере в ЮАР это так.

«Черная» история, в том числе история Южной Африки, может быть написана только где-то в другом месте¹.

¹ С тех пор как апартеиду в 1991 г. пришел конец и в Южной Африке утвердился новый режим, содержание преподавания истории должно было измениться. Однако мужчины и женщины, которые управляют страной, сформировались под воздействием именно той традиции, которую мы здесь проанализировали. Похожий пересмотр школьных курсов происходит и в Австралии. (Прим. автора.)

ГЛАВА II

ДЕКОЛОНИЗИРОВАННАЯ ИСТОРИЯ: ЧЕРНАЯ АФРИКА

СТРАТИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ В ЧЕРНОЙ АФРИКЕ

Представления о прошлом в Черной Африке стратифицированы по трем уровням. Наиболее укоренившаяся, устная традиция зиждется не только на фактах, но и на мифах. Так, например, легенды о Чаке или Сундиате обладают в ней такой же реальностью, как и их подлинные подвиги. Вторая страта — это история, которую преподавали колонизаторы. Наконец, третья складывается в условиях независимости. Освобождение дало импульс современным африканским историкам и африканистам, результатом чего стала переоценка всей истории Африки. Новый взгляд на прошлое и в наше время только еще формируется и утверждается. Одним из ярких его выразителей является журнал *Африка замани* («Африка сегодня»). Новые воззрения находят отражение и в школьных учебниках франкоязычной Африки: в них представлена деколонизированная история.

ОТ ИСТОРИИ К ЛЕГЕНДЕ: ЧАКА, КОРОЛЬ ЗУЛУ

В памяти африканцев о Чаке, правившем в 1816–1828 гг. и укрепившем королевство зулу, легенда перемешивается с историей. Африканская негритянская литература, особенно франкоязычная, восприняла суть сохранившихся воспоминаний, наполнив их новым смыслом.

Воин изумительной отваги, Чака предал своего сюзерена, который не пожелал возвести его в сан наследника престола. Чака указал врагам место, где его повелитель рассчитывал дать сражение. Как только тот попал в плен, Чака занял его место и добился главенства зулу над племенами мтетва (1816). Он сразу же модернизировал военное дело, реорганизовал армию, введя в ней спартанские обычаи. Первым делом Чака изменил размер дротиков, у зулу по традиции длинных (их бросали издалека). Дротики стали короче, и теперь их можно было использовать и в рукопашном бою. Чака ввел физические упражнения для укрепления мускулов воинов, кроме того, они стали получать больше мяса. Получили распространение разного рода соревнования, кульминацией которых стали состязания в совершении подвигов.

В качестве награды победители получали от короля самых красивых молодых женщин. Те также приобщались к воинскому делу. Чака заставлял их тренироваться под горящими взорами воинов. Однако прикасаться к ним до окончания испытаний запрещалось под страхом смерти.

Зулу не практиковали обрезания, так что враги не могли пользоваться для нападения периодами общего недомогания самых молодых воинов племени. «При Чаке сексуальные побуждения зулу отвращались от естественной функции продолжения рода, чтобы сублимироваться в воинственности» (Ш.16).

К 1828 г. зулусское королевство стало грозным территориальным и военным объединением, которое европейцы не трогали. Однако в это время часть зулусской армии, уставшей от военной муштры и административной тирании, встала. После двенадцати лет царствования Чака был убит.

Стало ли то следствием импотенции, гомосексуальности или патологического страха перед старением, однако Чака не оставил наследников. Его преемники ослабили пружины военного государства, могущество которого тем не менее продолжало беспокоить буров и англичан. Во время Великого трека буры одержали победу над зулу на Кровавой

реке и отбросили их к Наталу. Спустя пятьдесят лет против королевства выступили англичане. Потерпев вначале тяжелое поражение, они сумели 4 июля 1879 г. разбить противника. Это стало концом могущества Людей Неба королевства зулу.

Такова историческая традиция. В памяти же народа зулу, в особенности за пределами ЮАР, жизнь Чаки выглядит совершенно иначе: это наполовину миф, который все же отражает реальность более полно, чем картина, представляемая историком.

Для одних Чака стал своего рода черным Христом, для других — воплощением типичных качеств африканца. В устной и письменной традиции бурная жизнь Чаки совершенно преобразилась (III.11). Начало было положено эпосе «Чака», написанной Томасом Мофоло, христианским монахом, по происхождению банту; ее текст в течение многих лет хранился в библиотеке парижского миссионерского евангелического общества. Герой Мофоло побеждает, но ему помогает дьявол; он совершает тысячу преступлений, творит бесчинства, прежде чем погибает в результате заговора, составленного его братьями. В других преданиях Чака в девятнадцать лет убивает леопарда, бросает вызов воинственным колдунам и приказывает запереть повелительницу вражеского племени наедине с прожорливой гиеной. Из отряда в пятьсот человек он создает непобедимую армию, которая, согласно еще одной легенде, вскоре насчитывает 400 000 воинов; с ее помощью Чака собирался управлять всем миром.

Как реакция на версию Мофоло появляется новый миф. Осуждение сменяется восхвалением. В драме «Зулу» Ненекали-Камаре Чака становится собирателем земель, символом и предвестником африканского единства.

Позже восхищение Чакой в литературных произведениях — в поэмах и драмах — становится еще большим. Он обретает жизнь после смерти или же воспринимает смерть как

освобождение, поскольку дело возрождения подхвачено, продолжено африканским народом, истории которого он положил начало. В то время как у христианина Мофоло смерть Чаки символизирует поражение зла, здесь она ассоциируется с героическим самопожертвованием человека, ставшего отцом-основателем подлинного африканского государства. Он умер, и освободилось место для белых, пришедших поработить Африку. Его смерть стала предвестием Апокалипсиса.

Мы станем рабами их компасов и циркулей. Наша империя теряет имя и будет называться Южной Африкой. И наши боги допустят это! Наши лучшие умы займутся болтовней за бутылкой в бистро. И наши священники допустят это! Наши братья будут бить нас до смерти за горсть риса. Мы не сможем ходить, куда захотим, мы станем хуже собак. Специальные поезда будут привозить людей глазеть на нашу нищету, но алмазы высушат слезы на их глазах. Вы, женщины, будете в муках рожать детей, обреченных на муки. И бессильно будут взывать наши голоса! У нас появится больше мучеников, чем их было на равнинах иудейских («Зулу», акт. III).

ПРОСТРАНСТВО ПРОШЛОГО

Исторические представления о более отдаленном прошлом, например, у африканцев Кот д'Ивуар не имеют «своего собственного пространства» (III.5), как в Европе; они не образуют отдельной отрасли знаний. Эти представления тесно связаны со всеми компонентами коллективного сознания. История воскрешается во время церемоний: траурных бдений, праздника ямса и т. д. Прошлое вторгается в повседневность в моменты, важные с точки зрения коллективной жизни, при этом оно всегда ограничено строгими правилами. Поскольку история является достоянием предков, то доступ к ней в этих церемониях имеют лишь священные лица. Поскольку же она равным образом связана с передачей по-

литической власти, то содержание исторического процесса воспроизводится сообразно с интересами власть имущих. Таким образом, многое из того, что было в прошлом, забывается. «Достоинства предков могут быть обнародованы, но их неудачи, ошибки замалчиваются. Войны всегда победоносны, а государи образцовы». В общем, «прошлое является предметом для подражания, а настоящее лишь его бледным продолжением». Память о таком прошлом поддерживается; это своего рода капитал, резервуар, в котором народ черпает вдохновение, находит для себя образцы. При возведении на трон государя, например, вспоминают всех его предков. «Ему дают добрые советы согласно точному ритуалу, сопровождающемуся назидательным рассказом, в котором невозможны ни слабость, ни колебания» (III.5).

Обычно память о прошлом восходит к временам исхода, то есть заселения ныне занимаемого региона. Она завершается колониальным завоеванием, так как статус последующего периода иной: каждый волен восстанавливать его в своей памяти как хочет, и эти воспоминания не являются предметом кодификации.

Клод Перро (III.5) доносит до нас один из примеров той доколониальной Истории. Автор пользуется рассказом Нана Алу Меа, вождя Куадиокуро. Из него видно, как на исторической памяти народа н'дениан (Кот д'Ивуар) сказывается стремление облагородить происхождение своей элиты.

У н'дениан было три крупных племенных объединения, и соответственно три человека имеют право на ранг сафохена, или военного вождя. В военной иерархии они располагаются сразу же вслед за королем. Происхождение двух вождей соответствуют официальной традиции: их предки, основатели племен, во всех версиях исхода играют роль несколько не меньшую, чем роль короля или его предков. Что же касается третьего, то тут дело обстоит по-другому. Согласно рассказам жителей соседних с его владениями деревень, предок этого третьего вождя принадлежал не к поколению исхода, а к следующему поколению. Он разбогател на торговле золотом

в Кейп-Косте. Вождем племен его сделало крупное состояние, тогда как обычно происходило наоборот: именно статус короля обеспечивал богатство.

Итак, третий сафохен получил свой высокий ранг не благодаря военным доблестям, а благодаря тому, что мог оказывать услуги. А это противоречит древним ценностям, и народ агни (н'дениан) не мог признать подобного происхождения. Вот почему этот вождь не фигурирует в официально установленной традиции.

Таким образом, история власти имеет несколько вариантов. Такие же подчистки можно обнаружить в перечне королей н'дениан. Вообще-то в нем насчитывается десять имен, начиная с Аи Бэя, современника исхода. Однако, как отмечает Клод Перро, эта картина нуждается в уточнении. Можно составить неофициальный список из семнадцати королей с точным порядком их следования. Относительно четырех точно известно, что их убрали из традиционных династических анналов как неудачливых борцов против европейских завоевателей или просто как жертв какого-нибудь несчастья. «Настоящий король не может потерпеть поражение или попасть в плен».

ВТОРАЯ СТРАТА: «НАШИ ПРЕДКИ ГАЛЛЫ»

Ситуация заучивания африканскими школьниками этой фразы выглядит комично. Ее часто приводят, когда саркастически критикуют политику Франции в Черной Африке.

Всестороннее исследование Дениз Буш (III.7), посвященное преподаванию истории в Сенегале в 1817–1920 гг., показывает, что тогда ничего подобного дети не учили. Во-первых, в те времена в школу ходили только белые дети. Во-вторых, впоследствии, независимо от цвета кожи учеников, они не подвергались риску услышать в школе о галлах. В начале XIX в. у французов еще не было принято провозглашать галлов своими предками. В школе преподавалась Священная

история и сообщались какие-то сведения о первых королях, изложение шло по векам и по царствованиям. История Франции начиналась с легендарного Фарамона и останавливалась на Карле Лысом или Людовике Святом. Редко когда учителя доходили до Бурбонов.

И тем не менее упрек, касающийся преподавания африканцам истории «наших предков галлов», не лишен смысла. Уже в конце XIX в. говорили, что в государственных школах Сенегала преподается то же самое, что и во Франции. «Кажется, можно было бы опустить как минимум убийство Лотаря и крещение Хлодвига [...]. Неуместно обнаруживать в ходе нашей истории ошибки, которые мы совершили, прежде чем достигли нынешнего цивилизованного состояния». Если тогда и предпринимались попытки ввести в программы немного истории и географии Черной Африки, то в очень ограниченной форме и как бы поневоле. Выходцы из Франции с трудом мирились с распространением образования на туземцев. Генеральный инспектор Французской Западной Африки Жорж Арди, защищавший необходимость обучения африканцев, утверждал, что оно принесет большую пользу. «Мы представляем не историю Франции, а французское могущество в исторической перспективе, чтобы противостоять тенденциозной и часто антифранцузской истории марабутов* и в особенности гриотов*, которые изображают победы французов как преходящие и случайные». Арди утверждал, что историю следует не только преподавать на соответствующих уроках, она должна пропитывать собой весь школьный материал. Он сочинил «Песнь местной общины школы», где прославлял труд, бережливость и другие добродетели французов:

Чтобы сделать нашу Африку богатой,
Примемся за работу, друзья, за работу...
Вместо того чтобы спать или болтать,
Идемте расчищать земли.
Прежде чем приглашать родственников и соседей,

Заплатим налоги, разделаемся с долгами,
Отложим несколько мешков зерна про запас,
И тогда мы сможем петь во все горло...
Да здравствует Франция, пусть славится твое имя!
Мы любим тебя как мать.
Тебе мы обязаны тем,
Что кончились наши несчастья.

Учителя и преподаватели-французы просто в силу своего происхождения непременно приносили в обучение представления, исходявшие от метрополии, хотя постепенно появлялись и школьные учебники по истории и географии Сенегала.

В Сенегале, по свидетельству одного англичанина, черный, принадлежащий к французской культуре, является французом во всем. После провозглашения в 1946 г. Французского Союза ассимиляция африканцев усилилась. Предписания парижской администрации составлялись в духе равенства; по всем предметам и на всех ступенях образования в Африке вводились те же программы, что и в метрополии. Тогда-то в учебниках африканских школьников появились галлы... Отныне в начальной школе все занимались историей Франции, а в средней — той историей, которая начинается в Греции и Риме и центром которой является Европа.

Колония была продолжением метрополии, а значит, история для поселенца — это прошлое не ограбленной страны, а его собственной нации, которая здесь наживалась. В этой истории не находилось места Сенегалу как таковому, а только лишь его покорению и возрождению под эгидой колониальной Франции. Владычество Франции повсюду воплощало в себе исторический прогресс цивилизации.

Начиная в 1948 г. в Оране занятия в 5-м классе, я решил сделать общий обзор программы. Когда я сказал сорока ученикам-французам, что после падения Римской империи и варварских королевств на смену им пришла арабская цивилизация, последовал оглушительный взрыв хохота. В голо-

вах школьников слова *арабы* и *цивилизация* никак не вязались друг с другом.

СВИДЕТЕЛЬСТВО МОЛОДОЙ СЕНЕГАЛКИ СОУ НДЕИ

В момент провозглашения независимости Сенегала Соу Ндеи было двенадцать лет. Она училась в 4-м классе школы, где преобладали белые ученики. Для нее прошлое — это главным образом римляне и жизнь римских детей, римские термы, театр и цирк. Она вспоминает также галлов, их зеленую, в лиственных лесах страну с резко различающимися временами года, чего нет в Сенегале. Живое и дивное прошлое она представляет себе под солнцем Прованса. Первая книга, которую она прочла, называлась «В голубой стране», и там рассказывалось о греко-римской истории. А затем следуют Карл Великий, основавший школу, Людовик XIV, соорудивший необыкновенные сады и дворцы... Вот пространство, в котором движется ее память о далеком прошлом. Ни родной стране, ни Африке в целом в нем места нет. Они выступают на сцену лишь в значительно более поздние эпохи; учительница говорит, что раньше их история была «неинтересной».

Соу Ндеи совершенно не смущало, что из всего прошлого Африки в ее памяти осталось лишь два ничтожных следа. Во-первых, это Мусса, жена короля Мали. Она совершала паломничество в Мекку и во время перехода через пустыню пожелала принять ванну: слуги тотчас вырыли ей бассейн прямо в песках. Во-вторых, это кровожадный Самори, который приказывал умерщвлять беременных служанок и толочь зародыши в специальном сосуде. Нет, прошлое Африки никак не могло питать воображения девочки. История, о которой можно было грезить, осуществлялась где-то в другом месте.

Первая рана, зарубцевавшаяся лишь через двадцать лет, была получена в 5-м классе. «Вслед за вестготами, — расска-

зывала учительница, — в Галлию вторглись остготы, франки, а затем приверженцы ислама. Мусульманские завоеватели пришли из Африки в Испанию, а потом и в Галлию. Однако, к счастью, им не удалось ее завоевать. Их остановил Карл Мартел, и они были изгнаны сначала из Галлии, а позже и из Испании». Это «к счастью» кинжалом пронзило сердце Соу Ндеи. О своей обиде она шепнула соседке, такой же, как и она, черной и мусульманке. Рана затягивалась с трудом. Она вновь открылась, когда преподаватель французского языка дал ей прочесть поэму Бернара Дадье «Благодарю тебя, Боже, что ты создал меня черным». У девушки полились слезы.

Отныне Соу Ндеи почувствовала связь между борьбой за независимость и стремлением воссоздать ценности африканской культуры. «Черное красиво» — пела она вместе с подругами. Соу Ндеи стала носить такие же украшения и головные уборы, какие носили ее предки, стала искать в прошлом источники национального самосознания.

Сегодня подобные поиски порождают в Черной Африке отчужденность по отношению к историкам и кинематографистам, даже самым благорасположенным по отношению к африканскому прошлому. «Двадцатидневного пребывания не может хватить, чтобы нас узнать, чтобы нас понять», — говорит Соу Ндеи. И я чувствую, что скрывается за ее любезной улыбкой. «Вот, — думает она, — эти люди завоевали, грабили и эксплуатировали нас, а теперь этот иностранец хочет отнять то последнее, что у меня осталось, хочет добраться до моего сокровенного самосознания».

Жестко кодифицировано и не может быть предметом размышлений только далекое прошлое; близкое же можно вспоминать. В таком положении находится история колониальных завоеваний, которая сохраняется еще в памяти африканцев. Жан Руш превосходно воспроизвел ее в фильме «Бабату и три совета».

ЗАПРОГРАММИРОВАННАЯ ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ

Современные исследования показывают, что колыбелью человечества является тропическая Африка. Именно эту идею в первую очередь подчеркивает Умар Кане, один из основателей журнала «Африка сегодня», ставя перед собой задачу «деколонизации истории», то есть перемещения ее «очага» из Европы (III.8).

«Итак, следует утверждать, что Африканский континент заселялся с доисторических времен; почти все доисторические этапы развития человеческих умений протекали на африканской земле, в особенности на высоких плато Восточной и Южной Африки.

Первостепенное внимание в исследовании доисторической Африки следует уделить неолитической революции с ее двумя основополагающими новшествами: возникновением земледелия и скотоводства. Принято говорить, что земледелие привнесено извне, что этот навык был завезен в Африку. Но если не отрицается роль и первенство Месопотамии, плодородного Востока и Нила, то почему же нельзя рассматривать зарождение земледелия в Африке независимо от этого внешнего фактора...»

«Из всех исследований вытекает, что земледелие в Африке повсеместно распространилось между 4-м тысячелетием и первой половиной 2-го тысячелетия, тогда как некоторые регионы познакомились с ним лишь в первой половине 1-го тысячелетия. Растения, составляющие основу нашего питания, вероятно, получены путем селекционного отбора: мелкое просо, фоньо, элевзина, сорго, ямс [...].

Особое внимание следует обратить на прогрессирующее наступление пустыни в районе Сахары и на последствия этого явления. Наступление пустыни позволяет объяснить расселение африканских народов в течение целых исторических периодов, миграции скотоводов на огромные расстояния, когда они в поисках пастбищ вынуждены были теснить

на своем пути оседлые народы. Разве жители наших саванн не являются как бы наследниками жителей Сахары в эпоху неолита? Разве скотоводы пелхи и туареги не потомки скотоводов Сахары? Разве оседлые крестьяне сахело-суданских саванн не имеют отношения к жителям деревень, следы которых обнаруживают ныне в пустынных впадинах Сахары?»

Подобное расхождение со схемами «всемирной истории» требует новой периодизации.

Что касается исторически обозримой эпохи, Умар Кане предлагает принять хронологию чешского африканиста Хрбека. Она уходит и от традиционной западной, и от марксистской схем, трудно приложимых к эволюции африканских обществ. Вот она, эта периодизация, основанная на динамике самих этих обществ. Она представлена от настоящего к прошлому.

1950–1960 гг. — Движения за независимость.

1890–1910 гг. — Конец периода независимости, начинающегося около 1830 г.

1805–1820 гг. — «Глубокие потрясения как в зоне контактов, так и в зонах изоляции. Джихад Османа-дан-Фодио в Западном Судане, образование государства зулу во главе с Чакой, возвышение Буганды в Межозерье, основание Мухаммедом Али современного Египта, объединение государства Имерина на Мадагаскаре, начало гегемонии Омана на восточном побережье. Повсюду тенденция к объединению, к бесконтрольной абсолютной монархии. Это совпадает с прекращением работорговли».

Рубеж XV–XVI вв. — «Прибытие европейцев и ввоз растений американского происхождения. Завоевание Восточной Африки племенами, пришедшими с Нила. Образование государств Куба, Луба, Лунда; упадок Сонгаи и расцвет городов-государств хауса, Канем-Борну, Вадаи*. Продолжается движение племен банту на юг. В средиземноморской Африке господствует Оттоманская Порта».

«Расселение племен банту в Центральной и Южной Африке и наступление железного века в Черной Африке

(III в. до н.э. — V в. н.э.). Железный век начался с движения протобанту из бассейна верхнего Конго в направлении южных саванн. Экспансия банту совпала с ввозом съедобных растений из Юго-Восточной Азии». [...]

Таким образом, распространение ислама и образование центральноафриканских империй оказываются на втором плане».

Периодизация, предложенная Хрбеком, не только отделяет прошлое Черной Африки от прошлого Востока и Европы, но и старается исключить из африканской истории все, что могло бы бросить тень на настоящее, разжечь распри, повредить идее единства Африки. На практике учебники для детей сохраняют по отношению к этим «рекомендациям» относительную независимость. Например, очень новаторская книга А.М. М'Боу, Ж. Ки-Зербо и Ж. Девисса (III.1) отнюдь не отодвигает на второй план центральноафриканские империи, а, наоборот, ярко высвечивает их. Но для человека, постигавшего в детстве историю под углом зрения европоцентризма, такая периодизация в любом случае представляет собой откровение.

НА ЧТО БРОСАЕТ СВЕТ И О ЧЕМ УМАЛЧИВАЕТ НОВАЯ АФРИКАНСКАЯ ИСТОРИЯ

История африканского континента предстает перед его юными жителями как сияющая череда королевств и империй, среди которых одни совершеннее и чудеснее других (III.1). Сначала это империя Гана*, где царствовал король золота Сиссе. Затем империя Мали, достигшая своего наивысшего расцвета при Гонго Мусе, благородном и великодушном, щедром на милостыню. Во время паломничества в Мекку он истратил на милостыню сто мер золота, сначала по дороге в Каир, затем в самом Каире и, наконец, между Каиром и благородным Хиджазом. На обратном пути он даже вынужден был занимать деньги у торговцев под свое поручи-

тельство. Затем следует империя Сонгаи (XV в.), централизованное государство с разветвленным аппаратом управления, в котором были советники и министры церемониала, юстиции, финансов, флота, пехоты и кавалерии. Культура империи достигла высокого уровня, университет в Томбукту славился далеко за пределами страны. Южнее располагались королевства моси, для которых были характерны «тщательно продуманная политическая организация, очень высокая степень стабильности и почти полное отсутствие связей с внешним миром». Отличительной чертой городов-государств хауса являлось демократическое устройство. Они ссорились между собой, но тоже демонстрировали высокую стабильность. Еще далее на юг находились чудесные «страны побережья», города-государства йоруба и королевство Бенин. Что касается возникших позже королевств банту, то они были «богаты и миролюбивы», но вскоре, за исключением Конго, стали жертвами работорговли и колонизации. Более славная судьба ожидала государство Мономотапа* в Восточной Африке. Его богатство определило процветание всего приморского региона, помимо всего прочего поддерживавшего связи с Индией, арабами, Китаем. Здесь сложилась одна из самых блестящих цивилизаций, называемая по имени распространенного в регионе языка-посредника цивилизацией суахили. Она достигла своего апогея к моменту прихода португальцев, появление которых и стало причиной ее упадка.

А что происходило в тот же самый период в европейском христианском мире? Государство Каролингов было неустойчивым, на смену ему пришла раздробленность, бушевали войны. Там «люди мало путешествуют и плохо знают соседей». Лишь значительно позднее, вместе с расцветом городов Фландрии и Италии, наступило Возрождение. Но как только положение в Европе стабилизировалось, а численность ее населения возросла, она немедленно обратилась к захватам. Европейская экспансия выразилась в крестовых походах и в колониальных завоеваниях.

Сравнение сверкающего африканского мира и мира западного просто поразительно. Очень показательно, какие слова в том и в другом случае употребляют авторы:

Королевство Гана

Могущественная империя.
Прибыльные торговые связи.
Великолепный город Тегдауст.
Простое и выдающееся по своей
точности наследственное
право.
Умеренные налоги.
Государственная казна очень
богата.
Богатство страны.
Центр торговой активности.

Христианский Запад

Барщины, устанавливаемые
 сеньорами.
 Голод.
 Отсутствие излишков
 для торговли.
 Низкий прирост населения.
 Люди умирают молодыми.
 Болезни и эпидемии.
 Свободы ограничены.
 Крестьяне — жертвы
 социального устройства.
 Ухудшение положения сервов.

Одновременно с этим в учебнике редко проясняются взаимоотношения между африканскими государствами и исламом. Говорится, разумеется, о том, что короли обращались в новую религию, но лишь вскользь упоминается о сопротивлении исламизации в странах тропических лесов. Любопытно, что это единственная область, где авторы ссылаются на сложность трактуемых проблем, на неспособность историков их разрешить и прийти к согласию в интерпретациях. Внезапно и только здесь появляются сослагательное наклонение и выражения типа «может быть».

«Традиция, которую многие историки рассматривают как не слишком достойную доверия, говорит об оккупации Ганы Альморавидами в 1075 г. Они якобы заставили государя обратиться в ислам и перебили всех жителей, не желавших отречься от анимизма. Как бы там ни было, Абу-Бекр посвятил последние годы своей жизни войне со сторонниками анимизма. Место, где он нашел в бою свою смерть, неизвестно. [...]

Возможно, — пишут А.М. М'Боу, Ж. Ки-Зербо и Ж. Девисс, — давление Альморавидов заставило владык Ганы, придерживавшихся анимизма, выбрать новую, более защищенную столицу, чем Кумби-Сале. Все это вопросы очень сложные, они еще недостаточно исследованы и вызывают споры» (III.1).

Итак, стоит зайти речи об исламе, как рука историка начинает дрожать.

ЧЕДДО И ИСЛАМ

В учебнике процесс внедрения ислама в африканскую культуру отражен слабо. А как он переживается? Трагическое содержание этого процесса показано в фильме Самбена Усмана «Чеддо». Опираясь на опросы и устную традицию, режиссер воссоздал далекий XVII в., когда чеддо оказывали сопротивление утверждению ислама. Чеддо — так называли у народов волоф тех, кто стремился к абсолютной свободе. Они не ассоциировались с каким-то отдельным племенем или религией. В фильме чеддо похитили и держат в плену дочь короля. Они готовы признавать власть монарха, но требуют отстранения совета имамов, понемногу присваивающего себе право надзора за всем обществом от имени короля. Опираясь на Коран, этот совет все больше прибирает к рукам власть. Король знает, что утрачивает рычаги управления, но он слаб. В глубине души он не осуждает похищение своей дочери, поскольку понимает его значение. Однако монарх является заложником порядка, который ввели имамы с его молчаливого согласия. Они представили ислам как высшую мудрость и высшее знание, утверждали, что Всевышний могущественнее всех королей. И вот теперь ислам лишил его власти, упрочивая власть вельмож, вошедших в совет имамов.

Принцесса-пленница ждет освобождения. Она также стала мусульманкой, а память о двух братьях, которых одного за другим убили чеддо, укрепляет ее гордыню. В борьбе с мятежниками ее отец погибает, но и они в конечном счете тер-

пят поражение. Чеддо не хватало оружия, и им приходилось обращаться за ним к белым.

После победы над чеддо принцесса обещана имаму. Однако в момент бракосочетания она выхватывает кинжал и закалывает жениха на глазах силой обращенного в ислам народа, который одобряет этот поступок.

Мусульманская элита почувствовала себя задетой этой великолепной и вызывающей драмой. Европейцы тоже оказались недовольны, потому что белый человек представал в фильме — и так было уже не первый раз — в образе священника, единственная забота которого состояла в распространении власти Католической церкви на всех африканцев. В погоне за этой химерой он проявлял полное безразличие к судьбе чеддо, к их борьбе, их поражению, их стремлению выжить.

АНТИХРИСТИАНСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ПОЭЗИИ СУАХИЛИ

Истина, как ее понимают в Сенегале, не обязательно совпадает с истиной общеафриканской. В Восточной Африке не было «религиозных войн», и коллективная память хранит другой образ исламизации. Этот образ был изучен Яном Кнаппертом (III.10) по литературе на языке суахили, особенно по местной поэзии — сказаниям, основанным на народной традиции. В самом древнем из этих памятников — «Эрекели» — говорится об обращении в ислам христиан и язычников. Текст начинается со смерти двоюродного брата Мухаммада Джафара, убитого христианами, которых он пытался обратить в свою веру. Тогда Мухаммаду является Гавриил и передает приказ объявить войну императору Эрекели. «Если ты станешь мусульманином, — говорит ему Мухаммад, — мы сделаем вас народом». Это характерный момент обращения в ислам сторонников анимизма в Африке.

В том же произведении христианский епископ в гневе стучит ногами, что свойственно, по мнению суахили, хри-

стианам — нетерпеливым, вспыльчивым и грубым. «Алчные и раздражительные христиане ведут себя, как дети, они не обладают достоинством и возвышенностью мусульман». «Без сомнения, — говорит епископ, — мы поклоняемся младенцу Иисусу, который является как бы первым ребенком среди наших детей». Этот ответ поражает африканцев: они еще могли бы поклоняться человеку в летах, но никак не ребенку. Христиане демонстрируют в сказании и другие смешные странности: впереди их армии несут кресты и хоругви с изображениями; во время битвы, когда со всех сторон им грозит смерть, они начинают эти изображения рассматривать.

Победы мусульман постоянно воспеваются в устной традиции суахили. Обращение в ислам выглядит здесь как совершенно обычное дело, даже если кого-то и приходится обращать силой, а детей — с помощью кнута и палки. Обращение в ислам объясняется в эпической традиции также и чудесами, которые совершает Мухаммад; они хорошо вписываются в мир магии африканца, дополняя его. Для африканцев важен равным образом культ мужественности: у Мухаммада было девять жен, и молодые мусульмане обязаны знать имена всех его супругов. У него было девять жен, потому что он был мужчина необыкновенный и мог их всех удовлетворить за одну ночь. Христианство проповедует воздержание и целомудрие, а ислам учит, что «лучше одна жена, чем много, но чтобы избежать греха разрешается иметь четыре». Таким образом удовлетворяется потребность в полигамии и, кроме того, гарантируется превосходство мужчины над женщиной.

ТОРГОВЛЯ В ОДНОМ НАПРАВЛЕНИИ

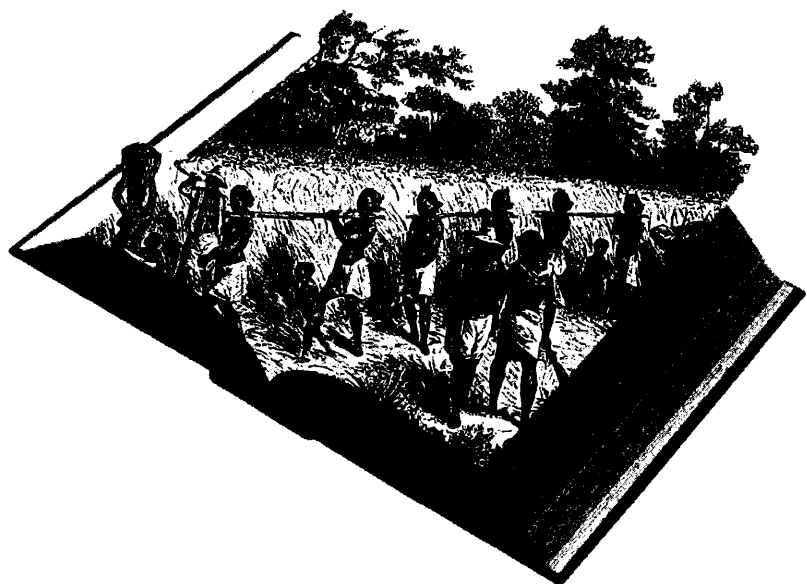
Та же «сдержанность», с какой говорится о проблеме исламизации, характеризует главы, посвященные работорговле. При этом учебнику для 4-го класса (III.2) дан подзаголовок «Торговля чернокожими».

Работоторговля — это коммерция, связанная с продажей черных в рабство; их отрывали от семей и отправляли главным образом в Америку. Эта торговля началась с конца XV в. Она практиковалась большинством европейских наций, американцами и арабами при соучастии самих африканских правителей. Работоторговля продолжалась до конца XIX в. и сильно сказалась на всей истории Черной Африки.

Замечательный был бы текст, если бы только продажа рабов в арабский мир не началась на семь веков раньше и в главе упоминалось о чернокожих рабах в странах ислама. Опять дрогнула рука, когда речь зашла об арабах и совершенных ими преступлениях, о том, как они превращали в евнухов и лишали возможности иметь наследников тысячи своих пленников... Тогда как перечень преступлений европейцев — и с полным основанием — занимает целые страницы.

Потомков этих рабов мы обнаруживаем за Атлантикой, на Антильских островах. В Тринидаде и Тобаго или на Ямайке чернокожие и выходцы из Индии, прибывшие сюда в XIX в., живут вместе, сменив караيبов и индейцев, которых истребили первые колонизаторы: испанцы, португальцы и голландцы.

Какое видение прошлого представляют сегодня учебники истории этим потомкам людей, оторванных от своих корней?

ГЛАВА III

ЗАМЕТКИ О ТРИНИДАДЕ: ИСТОРИЯ-ЗАКЛИНАНИЕ

Идя по улицам города в Вест-Индии, мы встречаем людей, кажется, всех наций мира*. Здесь есть китайцы, евреи и сирийцы; чернокожие африканцы и индийцы; португальцы и испанцы; а эти могут быть французами или англичанами, голландцами или немцами. В Британском Гондурсе встречаются индейцы майя и карайбы, а на маленьком острове Доминика — араваки...

В Европе живут миллионы детей, которые никогда не видели собственными глазами ни китайцев, ни индийцев, ни африканцев. В Китае — миллионы детей, которые никогда не видели никого, кроме китайцев. А в школах Тринидада мы видим мальчиков и девочек различных рас в одном классе; лучшие друзья многих индийцев и китайцев — сирийцы или чернокожие. Поистине, в мире мало таких стран, как наша...

Мы не должны забывать, что во многих частях света народы ссорятся и воюют только потому, что не научились жить вместе с теми, у кого религия или цвет кожи не такие, как у нас. Здесь, в Вест-Индии (на Тринидаде и Тобаго, на Барбадосе и на Ямайке), мы умеем жить вместе и живем вместе уже давно. Это очень важно. Мы смогли бы научить этому весь мир и гордились бы этим.

Так начинается первая книжка по истории, которая попадает в руки детей, чернокожих или потомков выходцев из Индии, составляющих 95% населения острова. Она называется «Наше наследие» (XI.10).

На деле же взрослые потомки африканцев и индийцев на Тринидаде и Тобаго оспаривают друг у друга главенство и богатство. Чернокожие контролируют политическую власть, прессу, телевидение, экономическую инфраструктуру, подчиненную государству, особенно связанную с добычей и перера-

боткой нефти. Индийцы понемногу стали хозяевами в торговле и на земле. Люди труда — как чернокожие, так и индийцы — зависят от руководителей своих общин. Индийская община более однородна, так как в процессе переселения индийцы образовали своего рода огромный культурный анклав. Достигнув экономического могущества, ее члены хотели бы иметь больше влияния в политических делах.

И все же, культурно и политически менее однородная община потомков африканцев продолжает господствовать. Она подверглась значительно большему воздействию Запада, была гораздо в большей степени «раскультурена» и обращает свои взоры на Восток или на Запад в зависимости от идеологической ориентации. Таким образом, классовая борьба и расовое соперничество тесно переплетаются в странах Карибского бассейна.

Благодаря президенту Эрику Вильямсу, «отцу нации», которого многократно переизбирали подавляющим большинством голосов начиная с 1962 г., это соперничество не выходит за рамки представительной демократии английского типа. Свободно функционируют деятельные и мощные профсоюзы; бок о бок действуют многочисленные политические партии, оппозиция имеет глубокие корни как среди чернокожих, так и среди индийцев. Страна ориентируется на Запад больше, чем Гвиана или Ямайка, но меньше, чем Барбадос или Гаити. Благодаря своим нефтяным запасам она постепенно перестает быть слаборазвитой. Эта страна еще бедна, но уже не живет в нищете.

Земля, открытая Христофором Колумбом, являет собой превосходный объект для изучения образов истории, преподносимых детям: здесь рядом живут все расы. Европа представлена флагами всех наций-колонизаторов: сначала испанцев и голландцев, затем французов, появившихся во времена Туссена-Лувертюра в качестве беженцев и завоевателей, наконец, англичан, ставших хозяевами обоих островов по Амьенскому договору 1802 г. Это англичане начали завозить на острова рабочих из Индии. А в 1962 г. Англия признала независимость Тринидада и Тобаго.

И вот с этого момента в исторических текстах для детей начинается «заклинание злых духов». Конфликт между расами, то есть повседневная реальность жизни островов, уже в первых параграфах книги отрицается, затушевывается. При этом проблема расового и национального самосознания занимает важное место; ей одной, начиная с пещерного века и до сегодняшнего дня, посвящено семь глав из двенадцати. Самый поразительный пример содержится в главе об истории рабства. Но прежде чем перейти к ней, обратимся к тем самым начаткам «исторического знания», которые получает маленький ребенок — чернокожий, индеец или белый, — живущий на островах Карибского бассейна.

Вот отдаленное прошлое. После пещерного века «первыми вехами в истории культуры» были Китай, Индия, Вавилон, Египет. В Европе греки предстают под знаком военного корабля, а «римляне были завоевателями и сколотили империю, немного похожую на Британскую». Затем наступили Средние века, распространилось христианство, пришло начало Нового времени. «Западные, в особенности европейские, народы стали создателями индустриальной цивилизации. Можно сказать, что западная цивилизация — это цивилизация машин».

В других главах рассматриваются цивилизации, наследниками которых стали народы Карибского региона: Китай, Индия, Африка.

Китай — это страна «миролюбивого народа», который Конфуций наставлял следовать принципу: не делать другим то, чего не хотел бы по отношению к себе. Китайцы — народ «просвещенный, влюбленный в красоту и в искусства, великий изобретатель как в области материальных приспособлений, так и в области медицины». Сунь Ятсен помог модернизации страны, развитие которой ускорилось при коммунистическом режиме сразу после Второй мировой войны.

Индия. Эта страна была цивилизованной, «когда белые, европейцы, англичане еще жили в пещерах». Индийский народ уже тогда умел писать, следить за движением звезд. В Индии с глубокой древности известны искусные врачи, и именно здесь были

созданы лечебницы даже для животных. Это индийцы придумали «ноль», они являются основоположниками нашей десятичной системы счета. Население в стране распределялось по кастам в зависимости от занятий и профессий.

Индия дала миру великих людей. Прежде всего это Будда, который учил, что своими несчастьями человечество обязано эгоизму и невежеству, что человек преодолет их и достигнет нирваны. «Девяносто миллионов индийцев являются мусульманами, это означает, что они исповедуют религию, которой учил Мухаммад. Мухаммад был не индийцем, а арабом, он жил 1300 лет назад [...]. Когда он был юношей, ему явился ангел Гавриил и сказал, что он пророк Аллаха — так у арабов зовут Бога».

В Индии были и другие великие люди, кроме Будды. Таким в XX в. стал Ганди, который всю свою жизнь боролся за независимость Индии [...]. Ганди носил индийские одежды и питался молоком козы и овощами, как самые бедные среди индийцев. Хотя он был очень богат, но жил скромно, «стремясь помогать ближнему». Ему многое пришлось перенести ради своей страны. Миллионы людей в Индии и за ее пределами почитали его и прислушивались к его мнению. «Он проповедовал всем индийцам мир».

«Мир всем индийцам» — это единственный намек на теорию ненасилия, на вражду между индуистами и мусульманами в Индии, на отделение Пакистана.

Африка и африканцы. В жилах восьми из десяти жителей нашей страны течет африканская кровь. Выходцы из Африки есть также в США, в Бразилии, на Кубе, и происхождение подавляющего большинства жителей Гаити связано с Африканским континентом. [...] Говорят, что здешние африканцы — это чернокожие; однако чернокожие — это лишь одна из африканских рас [...]. Кроме того, люди с черной кожей живут не только в Африке; такие народы есть, например, на юге Индии.

[...] В некоторых странах есть люди, которые были бы очень рады избавиться от тех, кто не одной с ними крови. Например, евреев многие века гнали из одной страны в другую. Во времена Гитлера евреев преследовали в Германии и в Польше, миллионы их были убиты или обращены в рабство... С тех пор образовалось

независимое еврейское государство Израиль, но старые конфликты с арабами остаются.

Если нужен еще пример, то в Южной Африке африканцы и азиаты подвергаются всяческому унижению из-за своего неевропейского происхождения. Они не имеют одинаковых с европейцами прав. [...] Так же обстояло дело и в США, лишь сравнительно недавно там был принят закон, положивший конец сегрегации в школах. Черных и белых больше не отделяют друг от друга. Все это может показаться нам странным, так как в нашей стране важен не цвет кожи, а то, насколько ты честен и полезен, насколько ты хороший гражданин. Все расы могут гордиться собой. Все расы дали миру знаменитых людей.

В следующей главе учебника под названием «Два знаменитых человека с черной кожей» рассказывается о жизни Букера Т. Вашингтона и Джорджа У. Карвера. Первый был рабом, а затем стал директором колледжа в Алабаме. Второй — инженер и ботаник; он открыл 300 способов приготовления арахиса, 118 способов приготовления картофеля. Им повсеместно восхищались не только в США, но и в СССР. Он был даже лично приглашен Сталиным».

А затем идет глава о рабстве.

РАБСТВО СКВОЗЬ ГОДЫ

Быть свободным — это делать то, что нам хочется, когда нам хочется, не причиняя при этом вреда другим. Если человек становится рабом, он теряет эту свободу, он принадлежит кому-то другому, как животное или предмет. Если раб убегает от своего хозяина, если его «крадут», то закон помогает хозяину его возвратить. Он является собственностью своего хозяина.

Мы не знаем, кто был первым человеком, владевшим рабом. Кто бы он ни был, можно быть уверенным, что он желал иметь кого-то для своих услуг и не платить ему. Можно также с уверенностью сказать, что практика использования рабов существует давно, очень давно. Многие думают, что рабами были только чернокожие. Это грубейшая ошибка! В определенный период своей истории люди всех стран — мужчины, женщины, дети — были ра-

бами. Так было в Индии, в Китае, в Египте, в Персии, в Англии, во Франции, в Испании. Иной раз и белые могли быть рабами черных, как мы увидим в параграфах, посвященных туркам и другим народам, исповедующим ислам.

Было время, когда человек становился рабом, совершив преступление, или же мог быть продан в рабство вместе со своей семьей за долги. Часто в рабство продавали людей, оказавшихся в плену в результате войн. В Библии мы читаем, что в египетском рабстве оказалось все племя израильтян.

В Греции [...] рабам поручали торговать, они становились школьными учителями. С ними обращались намного лучше, чем с рабами последующих эпох.

Существует знаменитая история об английских мальчиках, проданных на невольничьем рынке в Риме. Это было во времена Римской империи. Они были так хороши собой — белокурые, с очаровательными личиками, — что христианский священник поинтересовался, откуда они родом. Они ответили, что они англы (*angli*), таково было латинское название их племени. Священник стал звать их ангелы (*angeli*).

[...] Распространение христианства привело к исчезновению рабства в Европе; рабы превратились в сервов. Сервы были прикреплены к земле и не могли уйти с нее без разрешения своего хозяина. Когда земля продавалась, сервов продавали вместе с ней. Еще триста лет назад в Шотландии сервы носили железные кольца на шее. Но в Англии сервов нет уже пятьсот лет. А вот в России они существовали еще восемьдесят лет назад.

В течение сотен лет отвратительная форма рабства существовала в районе Средиземного моря. Турки-мусульмане имели обыкновение продавать в рабство всех христиан, взятых в плен, если только те не отрекались от своей религии и не становились мусульманами. Мусульманин не может обратить в рабство другого мусульманина, это осуждается в их священной книге, называемой Кораном. Средиземное море было заполнено кораблями североафриканских мавров, появляться там христианам было опасно. Европейцев обращали в рабство, кто бы они ни были. Их делали гребцами на мавританских галерах, приковывали к палубе, с ними жестоко обращались, их наказывали бичом. Если галера во время боя шла ко дну, весь экипаж тонул вместе с ней. Турки в свое вре-

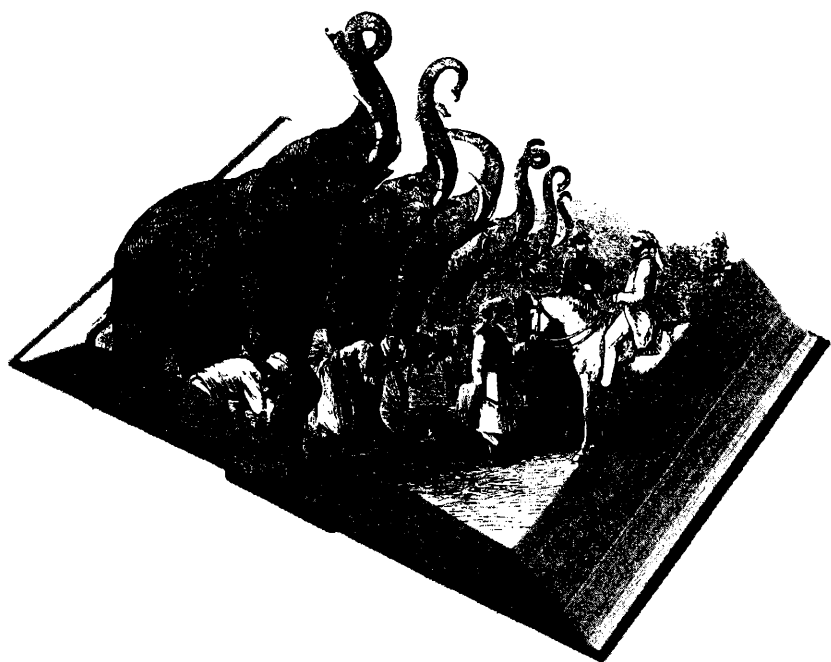
меня набирали в войска детей-пленников, похищенных у родителей-христиан. Их обучали военному делу, и те становились грозными воинами янычарами.

Из следующей книги вы узнаете, что собой представляло рабство в Западной Африке.

Но на этом история рабства не кончается, ибо примеры этой старой и постыдной практики сохраняются вплоть до новых времен (XI.10).

Итак, о торговле чернокожими рабами речь пойдет год или два спустя, и она будет выглядеть не столь уж особенным явлением, не столь уж драматичной. И не будет сказано, что это была массовая работоторговля, что продолжалась она очень долго, являясь постоянным фактором развития общества на протяжении веков, не будет сказано, наконец, что все чернокожие, живущие сегодня на Американском континенте, — это потомки завезенных сюда рабов.

В результате в памяти юного жителя Центральной Америки, в том числе и чернокожего, символом рабства останется иллюстрация «Английские мальчики, привезенные в Рим в качестве рабов».

ГЛАВА IV

ИНДИЯ: ИСТОРИЯ, ЛИШАЕМАЯ СУЩНОСТИ

Хронология

1. Арии начинают прибывать в Индию	ок. 1550 г. до н.э.
2. Рождение Гаутамы Будды	ок. 623 г. до н.э.
3. Начало царствования Ашоки	273 г. до н.э.
4. Рождение Иисуса Христа	начало христианской эры.
5. Царствование Самудрагупта	ок. 340–380 гг. н. э.
6. Встреча Харшавардханы и Сюань Цзана	643 г.
7. Начало большого строительства при династии Паллавов	ок. 642 г.
8. Ала-уд-дин Хилджи становится султаном Дели	1296 г.
9. Рождение Кабира	ок. 1488 г.
10. Васко да Гама прибывает в Калькутту	1498 г.
11. Кришнадеварая восходит на престол	1509 г.
12. Рождение Тулси Даса	1532 г.
13. Акбар основывает новую религию*	1582 г.
14. Джахангир вступает в брак с Нур Джахан	1611 г.
15. Сэр Томас Роу посещает Джахангира	1615 г.
16. Рождение Шиваджи	1627 г.
17. Строительство мавзолея Тадж-Махал	1630–1652 гг.
18. Битва при Плесси	1757 г.
19. Последнее сражение Типу (с англичанами)	1799 г.
20. Раджа Рам Мохан Рай умирает в Англии	1833 г.
21. Великое восстание	1857 г.
22. Ганди начинает движение за несотрудничество	1920 г.
23. Провозглашение независимости	1947 г.
24. Провозглашение Республики Индия	1950 г.

Эта хронологическая таблица взята из учебника «История Индии для детей» (IV.4).

Приходилось ли вам считать цвета радуги? Их много, все они являются частью спектра, и разделить их нельзя. В какой-то мере наша страна напоминает радугу. Ее жители принадлежат к разным расам, их предки прибыли в Индию в разные эпохи. Это были прежде всего арии, затем народы Центральной Азии и Монголии, а также представители других народов. Кто-то лишь прошел через страну или учился в больших индийских университетах, но многие обосновались здесь, и эта страна стала их родиной. Пришельцы ассимилировались, а потом появлялись другие, и это повторялось снова и снова. В результате сегодня в каждом индийце, как в радуге, несколько составляющих. [...]

Наша история удивительна, и мы можем ею гордиться. Разумеется, есть и такие периоды, гордиться которыми нельзя, но следует знать [...] в нашем прошлом как хорошее, так и плохое (IV.4).

Итак, с самого начала в истории, которую рассказывают детям, звучат две темы. Первая — что Индия сама давала и учила, прежде чем заимствовать у других; вторая — что завоеватели ассимилировались в ней, и, подобно Античной Греции, «она покоряла своих диких победителей». При этом не упоминаются ни арабы, ни турки, ни персы, ни афганцы — постоянные грабители индийской земли.

Как и в Черной Африке, переоценка прошлого позволяет переоценить настоящее.

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ДРЕВНОСТЬ И МУДРОСТЬ ИНДИИ

Наши ученые открыли очень старое поселение в Синде, в местечке, которое называется Мохенджо-Даро. Оказалось, что поселение это существовало пять тысяч лет назад. Дома его были сложены из кирпича; для поддержания чистоты жители соорудили целую систему водостоков. У них были бани, широкие улицы.

— — —

Должно быть, они были очень умелыми ремесленниками, поскольку там нашли изящные гончарные изделия из глины и прекрасное оружие из меди и бронзы... Страна эта была тогда зеленой и плодородной. И это может удивить нас сегодня, когда Синд является пустыней.

Поистине, можно гордиться тем, как много умели люди нашей страны в такой глубокой древности.

Источник мудрости индийцев состоит в «знании *вед*, которые учат возвышаться над несчастьем и счастьем, над гневом и завистью, искать истину». *Веды* учат также «о перерождениях и о том, что Бог един».

Итак, в историю проскальзывает индуистская религия, оценочные суждения и изложение фактов не различаются... «Пришедшие из Центральной Азии или из Европы арии искали себе места, чтобы осесть. Вначале у них было много боевых столкновений с первыми жителями Индии, но позже они стали друзьями» [...]. Арии научили их *ведам*, склонили принять систему каст [...]. Эта система помешала единству индийского народа в момент опасности, как это будет видно».

На самом деле этого не будет видно. Во всех книгах, предназначенных для индийских детей, если и делается хоть малейший намек на систему каст, так только для того, чтобы выразить сожаление: «Это было большое несчастье для Индии...»

«Но расскажем сначала чудесную историю Рамы и Ситы» (IV.4).

ЧУДЕСНАЯ ИСТОРИЯ РАМЫ И СИТЫ*

Все вы слышали о Раме и Сите, и всем вам знакомо огромное изображение Раваны, которое сжигают каждый год. Память о подвиге доброго царя Айодхьи Рамы, который победил и убил злого правителя Ланки Равану, похитившего его жену Ситу, отмечают процессиями и иллюминациями. Вот эта история.

В царстве Айодхья жил некогда государь по имени Дашаратха. Его старшего сына звали Рама. Все его любили и ждали, когда он, в свою очередь, станет царем. Однако мачеха Рамы Кайкейя хотела, чтобы трон перешел к ее первому сыну Бхарате. Она заставила мужа сослать Раму в лес на четырнадцать лет. Будучи послушным сыном, Рама уехал, сопровождаемый своей обожаемой женой Ситой и своим братом Лакшманой. Государь был так потрясен отъездом сына, что умер от горя, а юный Бхарата так любил Раму, что отказался от трона [...].

Жизнь Рамы, Ситы и Лакшманы в лесу была очень сурова, полна опасностей, они были лишены тех удобств, к которым привыкли во дворце. Тем не менее они были счастливы, жили в согласии с природой, среди деревьев и животных. Им приходилось также бороться с лесными демонами [...].

Шурпанкха, сестра демона-царя Раваны из Ланки, увидела Лакшману и сочла его столь красивым, что потребовала себе в мужа. Он отказался. Она же не желала с ним расставаться, а он был так этим разгневан, что отрезал ей нос. Услышав об этом, Равана пришел в бешенство и, чтобы отомстить, послал к Раме своего дядю Маричу. Тот обернулся ланью. Увидев красивое животное, Сита была так очарована, что попросила мужа поймать лань. Рама согласился, поручив брату охранять Ситу во время своего отсутствия. Внезапно Лакшмана услышал крик Рамы о помощи. Что ему было делать? Спешить на выручку к брату или же оставаться с Ситой, как тот ему приказал? В конце концов он отправился. Но это была хитрость Маричи, подражавшего голосу Рамы. Равана воспользовался моментом, проник в хижину Ситы, схватил ее и утащил.

Рама возвратился, естественно, с пустыми руками, так как лани не было. Сита пропала, и сердце его было разбито. Вместе со своим храбрым братом он отправился на ее поиски. Ему помогали обезьяний царь Сугрива и его министр Хануман. Армия обезьян передвинула тысячи скал, чтобы перегородить море, соорудить над ним переход и таким образом добраться до Ланки. Там Рама сражался с Раваной и убил его. Сита была освобождена, а поскольку годы изгнания кончились, Рама вернулся в Айодхью в сопровождении Ханумана, Ситы и Лакшманы. По прибытии Рама был встречен народом с великой радостью. Бхарата передал ему трон в неприкосновенности, и Рама, наконец, смог стать царем. Правление его было справедливым и добрым, его и до сих пор называют идеальным (IV.4).

ОЧИЩЕНИЕ И СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ ИСТОРИИ

В этой чудесной повести об истоках, где сочетаются миф и история, негативные черты отсутствуют. Легенда очищена от всего, что могло бы осквернить источники прошлого. «Рамаяна» — это история идеального правительства, которой последующим государям полагается вдохновляться. Поэтому в ней остаются скрытыми «ошибки», совершенные Рамой. Вероятно, самое постыдное его преступление — это нарушение законов войны, когда он предательски, в спину, убил Валина, завистливого брата Сугривы, сражавшегося в тот момент с другим. Второй проступок — отречение от Ситы, обожаемой и верной жены, от которой Рама после своей победы над Раваной отказывается, так как она жила у другого. Согласно легенде, Сита поднимается на костер, но не сгорает и таким образом доказывает свою верность. После этого она может возвратиться на трон.

Эти эпизоды и им подобные замалчиваются, чтобы не бросить тень на образ Рамы, представляемый детям. Их хорошо знают и историки, изучающие происхождение индийцев, и они также по традиции стремятся «оправдать» Раму, объяснить его поведение.

Точно так же в книгах, посвященных происхождению индийцев, замалчивается этнический конфликт между северными ариями, завоевателями с более светлой кожей, и более темными индийцами с Юга. Замечается только, что они «стали друзьями». Равным образом не говорится о «Грихьясутрах», основополагающих предписаниях, которые определяли поведение главы индусской семьи, перечне ритуалов, сопровождавших человека от рождения до смерти. Но ведь суть инду-са, именно инду-са, то есть того, кто принадлежит к религии индуизма, а не индееца вообще, как раз и составляют эти домашние ритуалы. Они являются характерной чертой жизни и истории Индии.

Однако вопрос о ритуализированном характере повседневности индееца замалчивается, как будто цель преподавания истории состоит в лишении Индии ее индуистской

сущности. И это наше предположение многократно подтверждается.

Сверкающей нитью сквозь всю историю последующих веков будет проходить память о добродетелях Будды* и об индийских государях.

У Будды были самые чудесные игрушки, он ел самую изысканную пищу, носил самые роскошные одежды, женился на самой прекрасной из принцесс... Однако, увидев нищего, сказавшего, что он хотел бы умереть, Будда был потрясен и решил все бросить... Он поклялся, что не успокоится до тех пор, пока не найдет для мира избавления от печали и несчастья... [...] Он остриг волосы, лишил себя еды и питья, обращался ко всем мудрецам Индии, но не нашел ответа ни в посте, ни в паломничестве. [...] Однажды он сидел под огромным деревом и внезапно ему пришел ответ. [...] Зависть, желание обладать — вот, что порождает в мире вражду и страдание. [...] Для того чтобы с ними покончить, нужно постичь восемь заветов, найти «средний путь». Он повсюду творил добро, отказывался различать касты*... (IV.4).

Что же касается государей, то самой характерной их добродетелью выступает милосердие, сочетающееся с гордостью.

Как мне с тобой обойтись? — спросил Александр Великий, когда он пришел в Индию и захватил в плен царя Пора.

Как с царем, — ответил Пор.

Под впечатлением этого ответа Александр оставил Пору царство. [...] Солдаты устали, они отказывались идти дальше. Александр возвратился в Грецию.

Подвиги Александра заворожили и возбудили молодого индийского принца Чандрагупту Маурья. Он решил подражать Александру и завоевать всю страну. Ему это удалось, и он основал царство, которое охватывало почти всю Индию. Он прекрасно управлял государством, а его министр даже написал книгу о том, что значит быть хорошим государем. Книга называется «Артхашастра»* (IV.4).

Красной нитью через весь учебник проходит тема единства Индии. Она выражается, например, в аллегории букета цветов Ашоки.

БУКЕТ ЦВЕТОВ АШОКИ* (273 г. до н.э.)

Ашоке, потомку царя Пора, того, что противостоял Александру Великому, удалось объединить Индию от Гималаев до реки Кавери. После покорения Калинги величие империи Маурья достигло своей вершины. Но это не сделало царя счастливым. Потрясенный видом поля битвы, усеянного тысячами трупов людей и животных, он стал последователем Будды и решил больше не убивать живых существ.

Он перестал есть мясо и старался остановить убой скота. Для того чтобы его указы были известны во всех уголках обширной империи, Ашока приказывал высекать их на скалах и каменных столпах, воздвигавшихся по всей стране. Что же предписывали эти указы?

Ашока требовал, чтобы народ был доброжелателен, правдив, убеждал, что не следует убивать. В указах говорилось также о величии царя и о его любви к народу.

На столпах изображались четыре льва и колесо; они и теперь украшают герб и печать нашего государства.

Если вам приходилось составлять букет цветов, то вы знаете, что их надо крепко держать, иначе букет рассыплется. Разожмите руку — и малейший порыв ветра разбросает цветы по сторонам. Царь Ашока и был тем человеком, который сжимал цветы твердой рукой; эти цветы — многочисленные маленькие княжества Индии, существовавшие в то время, когда императором был его дедушка. После смерти Ашоки цветы рассыпались... (IV.4).

Индия более поздних эпох изображается «наставником мира». Отдаленные страны, такие, как Египет, Рим, покупали здесь рубины, ткани. С Индией стремились познакомиться даже в Китае, откуда приехал Сюань Цзан* «узнать о сути религии буддизма...». Ему навстречу отправился Харшавардхана* в сопровождении великолепного кортежа с огромным золотым Буддой во главе. Харшавардхана «почитал обе

религии: и индуизм, и буддизм». После пятнадцати лет пребывания в Индии Сюань Цзан, ставший ученым буддистом, возвратился к себе на родину...

В то время как в Северной Индии управляли Гупты, затем Харшавардхана, на Юге главенство оспаривали друг у друга две большие династии — Паллавы и Чалукья. Это «эпоха культурного расцвета в Махабалиपुरаме и Канчипурамe, где был большой университет».

Много лет назад индийский принц с пятью тысячами человек отправился из этих государств на остров Бали. Они освоили этот остров. Этим объясняется то, что на Бали «Рамаяну» представляют так же, как в Индии. [...] Ява тоже стала индийской территорией [...], как и другие страны, усвоившие обычаи и нравы Индии. В таких странах как Камбоджа, Таиланд, Малайзия полагали, что индийская культура содержит в себе много прекрасного и доброго (IV.4).

О ЧЕМ НЕ РАССКАЗЫВАЮТ ЮНЫМ ИНДИЙЦАМ

Эпоха царств Маурьев, Гуптов, Харши — это самый длительный период процветания, который когда-либо знала Индия. Она длилась больше тысячи лет — с IV в. до н.э. до VII в. н.э. Индия достигла такого величия, что являлась наставником даже по отношению к Китаю. Нашествие гуннов стало лишь недолгим трагическим эпизодом, прервавшим расцвет, но быстро изгладившимся.

Однако юным индийцам не рассказывают, что порядки царства Маурья не ограничивались принципами и правилами добродетели. Это было полицейское деспотическое государство, единственное в своем роде государство-шпион. Донос был возведен здесь в принцип управления, и эта практика, действовавшая в течение многих царствований, продолжалась во времена ислама и сохранялась вплоть до появления англичан. Шпионы всегда играли существенную роль в индийской общественной жизни, об одном из них, от кото-

рого пострадала Сита, говорится даже в «Рамаяне». В государстве Маурья была разработана «Книга шпионов», нечто вроде кодекса профессии и присущих ей приемов. В «Артхашастре», составленной одним из министров Чандрагупты, агенты классифицированы по пяти категориям: праздношатающиеся — они не вызывают никаких подозрений; астрологи и хироманты — они внушают людям доверие; аскеты — они имеют доступ во все классы общества; наконец, земледельцы и торговцы. Бывало, что доносчиками выступали также сиделки, кухарки и проститутки.

Да и мораль той эпохи отнюдь не выглядит вдохновляемой исключительно идеалами святости. В книге тайного мистического сообщества «Гухья Самаджа» утверждается, что Будда постоянно предается разврату с ангелами. Неудивительно, что сохранились свидетельства легкомысленного поведения духовных лиц. Священная книга «Хемендра», написанная одним из самых авторитетных наставников своего времени, являла собой своего рода автобиографию проститутки, повествовавшей о своих эротических приключениях. Она то вступала в любовную связь со знатным человеком, то прикидывалась монашенкой и совершала паломничество, то приобщала молодых людей к изысканному разврату.

Естественно, что реакцией на подобные извращения становилось возрождение индуизма*. В школьных учебниках говорится об учении Бхагавадгиты, однако никак не объясняются причины его возникновения.

«Когда религия будет клониться к упадку, — говорит Кришна, — и когда надо будет уничтожить Силы Зла, тогда я возрожусь...» Задача перевоплощения или превращения изложена в «Бхагавадгите». Это учение противопоставило буддизму притязание каждой человеческой личности на достижение состояния божественности. Главным его проповедником стал Шанкара*. «Это было возрождение индуистской религии. Многие буддисты стали индуистами. Постепенно отличить индуистов от буддистов стало невозможно. Индуизм опять стал великой религиозной доктриной Индии» (IV.4).

Таким образом, завуалированным оказывается важнейшее событие истории Индии — вытеснение из страны буддизма и возвращение к древним мистическим источникам веры, которые не были так сильно связаны с моралью и поведением. В противном случае происходила бы десакрализация величия прошлого, а это невозможно.

Очень часто вспоминается заморская культурная экспансия Индии, которая предстает подчас в образах сомнительных приключений. Вот, например, одно из них про Камбоджу, или, как она называлась в начале нашей эры, Фунан.

Когда-то эта страна управлялась царицей. Однажды, увидев, что по морю плывет на корабле мужчина, она хотела помешать ему высадиться. Незнакомец однако пронзил стрелой лодку царицы и убил гребца. Царица испугалась, спустила парус и сдалась. Иностранец взял ее себе в жены, а поскольку на ней не было никакой одежды, он прикрыл ее куском ткани...

Ясно, что Камбоджа, Ява, Суматра были «индианизированы» силой, о чем никогда не рассказывается детям, перед которыми этот процесс предстает в виде спонтанного восприятия народами этих стран индийского образа жизни.

Не упоминается, например, о том, что в 484 г. н.э. правитель Камбоджи, индеец по культуре, отправил посольство в Китай, чтобы просить помощи и поддержки против растущей мощи его опасного соседа — королевства Чампа (Вьетнам). Китайский император воспринял эту простую просьбу как демонстрацию верноподданнических чувств. Ответ был составлен в форме эдикта. «Из поколения в поколение предки царя Фунана, как и он сам, управляли отдаленными землями на юге, и, несмотря на расстояние, эти земли всегда были нам верны. Справедливо будет, следовательно, взамен засвидетельствовать ему наше расположение и пожаловать славный титул командующего умиротворенного Юга и царя Фунана».

Таким образом, начиная с V в. Китай, а затем, в XIX в., Франция и вновь Китай во второй половине XX в. пришли на смену Индии, не выполнявшей своей «естественной мис-

сии» поддержки и защиты Камбоджи. И об этом также умалчивает история, преподаваемая юным индийцам.

ВЫЗОВ ИСЛАМА

Индия была разделена на множество княжеств, которые воевали друг с другом, растрачивая силы. Когда же на них напали извне, выяснилось, что они слишком слабы, чтобы оказать сопротивление.

Сначала, в VIII в., извне напали арабы. Они появились как простые торговцы, но были заворожены богатствами Индии и захотели ее завоевать. Правители Раджпутаны сопротивлялись триста лет. Позже турки под предводительством Махмуда Газневи* 17 раз вторгались в Индию, грабя страну, похищая ее рубины, драгоценности и круша все, что не могли унести. Так, был разрушен храм в Сомнатхе, охранявшийся семьями брахманами. Несмотря на этот урок, индийские государи продолжали воевать друг с другом до тех пор, пока не пал Дели...

Эпоха господства мусульман была временем испытаний и унижений; султан требовал от индийцев лишь двух вещей: смирения и послушания.

Когда сборщик требует у кхирадж гузаров (кличка, данная индийцам мусульманами, буквально означающая «свиньи-язычники») денег, те должны, не задавая вопросов, отдать золото. Если сборщик желает плюнуть плательщику в рот, тот должен незамедлительно открыть рот. Поступая столь благоразумно, индус показывает свою кротость, свое смирение, свое почтение» (IV.4).

«История Индии для детей» не слишком задерживается на этих трудных веках. Разъясняется прежде всего, что «мусульманские завоеватели прижились в Индии, смешались с индусами, восприняли их нравы. Возник своего рода синкретизм в искусстве, религии и в повседневной жизни». Победа ислама, таким образом, затушевывается.

У индусов стала очень строго соблюдаться система каст, и с людьми низших каст обращались очень сурово. [...] И вот тогда произошло нечто весьма примечательное: возникло новое понимание религии и новое восприятие Бога. Когда вы вырастаете, то поймете, что идеи могут быть настолько сильны, что изменяют жизнь. Именно это новое понимание жизни распространяли среди народа святые, например, Рамануджа*, освободивший индуизм от сложного ритуала. Святые проповедники бхакти* говорили, что нужно забыть о себе и любить Бога. Самым знаменитым из них был Кабир* [...], мусульманин, учивший, что «Бог един, поклоняемся ли мы ему под именем Рамы или Аллаха». Тысячи индийцев, индуистов и мусульман, стали его последователями. Когда Кабир умер, все оспаривали друг у друга его тело: индусы хотели его сжечь, мусульмане закопать. Легенда гласит, что, когда подняли покрывало, которым было укрыто тело, то вместо него увидели охапки розовых лепестков, и те разлетелись по ветру (IV.4).

Эта красивая легенда также набрасывает вуаль на эпоху. А ведь ее ужасы превзошли, кажется, все, что когда-либо знала Индия. Низшие касты, эксплуатируемые завоевателями, оставались в то же время жертвами брахманской реакции. Растущее кастовое неравенство чувствительно затрагивало угнетенных: не видели ли они в исламе эгалитарную религию, не ведающую ни богатых, ни обездоленных? Ислам бросал опасный вызов индуизму, который в ответ превозносил религию личности, уже не ритуализованную, а имевшую целью сублимацию индивидуума в Боге, своего рода бегство от суровой жизненной реальности.

До сих пор углубление в мистицизм было уделом брахманов, элитарных слоев. Наступившие тяжелые времена заставляли и низшие классы искать прибежища в созерцании: они потеряли все, им оставалась вера, которую возрождали проповедники бхакти. Тулси Дас переложил «Рамаяну» на народный язык хинди, а проповедники учили, что богатые и бедные равным образом могут общаться с Богом. Их религия несла внутреннее освобождение: верующие отныне игнорировали как имущественное, так и религиозное неравенство. Синкретизм был ответом Индии на угнетение и не-

справедливость. Следствием его распространения стало уменьшение числа случаев обращения в ислам.

ВЕЛИЧИЕ И УПАДОК ВЕЛИКИХ МОГОЛОВ

Начиная с завоевания в 1526 г. Дели Бабуром, потомком Тамерлана и первым Великим Моголом, в текстах «Истории Индии для детей» вновь появляется назидательный тон. Он отражает относительное одобрение режима Великих Моголов, идентификацию себя с ним. Вот Бабур жертвует собой у постели умирающего сына, и тот выздоравливает. Восхваляется и Акбар, который восстановил «единство Индии от Кабула до Бенгалии и Годавари», и Шах-Джахан, «самый великий строитель в истории», соорудивший мечеть Джамии Масджид и знаменитый мавзолей Тадж-Махал в Агре.

Тон повествования меняется, когда речь заходит об Аурангзебе, боровшимся со своими братьями и бросившем в тюрьму собственного отца. Он не сумел поддержать союз с раджпутами*, а «также» предавал казни сикхов*. Ему приходилось бороться с маратхами*, дерзкими конными воинами, которые вели партизанскую войну.

После блеска и пышности эпохи Шах-Джахана наступило время дорогостоящих войн. Индийские крестьяне беднели под гнетом налогов. Росла неуверенность. Всеобщее недовольство усугублялось суровостью Аурангзеба: он запретил при дворе музыку, отослал поэтов и писателей. Строгий мусульманин, он читал Коран наизусть. Он разрушал индуистские храмы, облагал торговцев-индусов дополнительными налогами, вновь обложил немусульман джизьей. Все это превратило индусов в его врагов.

Аурангзев не прекращал разрушать все, содеянное Акбаром (IV.4).

Государство Моголов походило на старый дуб, корни которого облеплены паразитами, поедающими их со всех сторон. В то время как империя разваливалась изнутри, в Индию

вторгся Надир-шах с целью присоединить ее к Персии. Это было настоящее избиение: великолепные дворцы предавались огню, заливались кровью. Наконец Надир-шах удалился, унося с собой несметные богатства Индии, среди которых был знаменитый золотой Павлиний трон из Дели и самый знаменитый алмаз мира Кох-и-Нор. Империя Моголов не оправилась от этого удара.

Одновременно она подвергалась атакам маратхов, последователей Кабира и Нанака. Самым знаменитым из них был Шиваджи.

ПОДВИГИ ШИВАДЖИ

Отец Шиваджи был офицером в армии султана. Воспитанием Шиваджи занималась мать, женщина очень религиозная. Она пела ему песни о героях Индии прежних времен, рассказывала истории о благородном Раме. Шиваджи жил с мыслью, что сам совершит столь же великие деяния, находился ли он среди пастухов или с удовольствием бродил по джунглям, не думая об опасности. Однажды он напал на форты, принадлежавшие султану Биджапура, и овладел ими. Отец Шиваджи был призван к ответу, но заявил, что уже не имеет власти над сыном.

Поскольку Шиваджи упорствовал, султан послал против него своего лучшего военачальника Афзаль-Хана, хвалившегося, что он, не слезая с коня, приведет Шиваджи, закованного в цепи. В действительности ему это не удалось. Афзаль-Хан не сумел взять крепость Пратапгарх, где заперся Шиваджи. Устав вести осаду, он предложил переговоры. Шиваджи согласился. Они встретились, но не как друзья. Афзаль-Хан пришел со стилетом, спрятанным в рукаве. Однако Шиваджи носил кольчугу и стальную каску под тюрбаном, а на ногтях его были стальные напальчники с гвоздями. Оба сделали вид, что приветствуют друг друга, но вскоре стало ясно, что они дерутся. Афзаль-Хан был убит в бою, и по сигналу маратхи бросились на армию Биджапура.

После этого Шиваджи выступил непосредственно против Великого Могола. Партизанская тактика делала Шиваджи неуловимым, и Аурангзеб прозвал его Горной Крысой. Император был так раздражен неуловимостью своего врага, что решил послать ему приглашение в свой дворец и устроить ловушку.

В тот день в Агру были приглашены и другие военачальники. Чтобы захватить Шиваджи, император приказал посадить его за стол низших офицеров. Как и ожидалось, Шиваджи почувствовал себя оскорбленным. Как и ожидалось, он пришел в ярость. Императорские гвардейцы, как и ожидалось, немедленно схватили его. Тогда перед лицом всех присутствующих Шиваджи сделал вид, что его внезапно сразил таинственный недуг. Он рухнул на пол, и его унесли, чтобы оказать помощь. Затем, неизвестно как, ему удалось обмануть бдительность охраны и покинуть дворец, спрятавшись в гигантскую корзину с грудой печенья.

Его возвращение стало триумфом, и он был коронован как правитель маратхов. [...]

Храбрый и безупречный, он был любимым и справедливым государем. Он следил за тем, чтобы крестьяне платили налоги в соответствии со своими возможностями. Он был очень набожен, почитал святыни и своего гуру (наставника).

Спустя двести пятьдесят лет маратхи продолжают чтить имя Шиваджи и воспевают его память (IV.4).

Преемники Шиваджи не имели его достоинств, хотя пешвы (наследственные первые министры у маратхов) все время били Великих Моголов. В конце концов они заняли Дели, но были остановлены в своей экспансии на Север Ахмед-Шахом Дуррани, правившим в Кабуле, который разгромил у Панипата армию маратхов, потерявших 200 000 воинов.

Именно тогда маратхи обратились за помощью к Англии.

АНГЛИЧАНЕ, ИЛИ СКАЗКА ОБ ОБЕЗЬЯНЕ И ДВУХ КОТАХ

Богатство Индии притягивало торговцев и завоевателей. В тот момент, когда слабела империя Великих Моголов, на

смену португальцам в Индию пришли голландцы, затем датчане и наконец появились англичане и французы.

Именно англичане оказались самыми ловкими из всех, и именно они остались. Знаете, как они действовали? Например, Роберт Клайв из Ост-Индской компании? Он заметил, что индийские правители постоянно ссорятся. Тогда он предложил свои добрые услуги, подобно хитрой обезьяне из басни, которая делит кусок хлеба между двумя ссорящимися котами. И каждый раз он извлекал какое-нибудь преимущество для Великобритании. В той истории обезьяна утверждает, что разделит кусок на две совершенно равные части; для этого она все время как бы сравнивает их вес, откусывая по кусочку от каждой части, чтобы уравнять ее с другой. И так до тех пор, пока не съедает все, а котам ничего не остается. Так же поступал и Клайв. Как-то раз, выступив против бенгальского наваба, он втайне предложил его полководцу проиграть битву, пообещав сделать навабом именно его. Это была битва при Плесси (1757 г.), которую выиграли англичане.

Отныне в Бенгалии наваб и англичане только и делали, что собирали налоги вместо Великого Могола. Король Англии был в восторге. Клайв все сделал для утверждения английского владычества в Индии. Тем не менее, когда он уже стариком возвратился в Англию, там нашлись люди, осудившие его методы. Клайва обвинили в бесчестности и жестокости. Он был крайне раздосадован, а позже впал в бедность и покончил с собой.

Оценку роли Клайва, наиболее соответствующую мыслям индийцев, дает Паниккар: «Клайв был гангстером, добившимся почестей, фальсификатором, лжецом и жуликом, что он и сам признавал. Его так называемые военные операции смешны, если сравнить их с кампаниями современных ему полководцев. “Государство”, которое он основал и которым управлял в течение семи лет, занималось только лишь разбоем, преследовало единственную цель извлечения максимальной выгоды из якобы управляемых территорий. Английские историки предпочитают замалчивать период с 1757 по 1774 г., но достаточно сказать лишь одно: ни в какой период

длительной истории Индии, даже в царствование Тораманы* или Мухаммеда Туглака*, народу не приходилось сносить такой нищеты, как в Бенгалии во времена Клайва» (IV.14).

ЛИЦОМ К ЛИЦУ С АНГЛИЧАНАМИ: НЕПРЕКРАЩАЮЩЕЕСЯ СОПРОТИВЛЕНИЕ

С европейской точки зрения, Индия была своего рода ставкой в игре разных государств. Индийский народ перестал существовать как единое целое после изгнания оттуда французов англичанами. Юным же индийцам внушают, что национальное сопротивление завоевателям продолжалось все время, не прерываясь.

Им рассказывают о подвигах героев, боровшихся за свободу против англичан: о Хайдаре Али* и его сыне Типу Султане*, этих *солдатах*, побеждавших превосходящие военные силы. Во времена Уоррена Хейстингса, Веллингтона и т. д. мощь англичан неуклонно возрастала, тогда как Индия после аннексии Майсура не могла набирать большие армии. Но, по крайней мере, «героические» действия индийцев позволили владениям некоторых князей не попасть в прямую зависимость от завоевателей.

Вымогательства Компании все болезненнее ощущались в «оккупированной Индии»: алчность чиновников, разорение ремесленников вследствие конкуренции ливерпульского текстиля, отстранение индийцев от управления делами, всеобщее обнищание — сколько пороховых бочек, к которым был в конце концов поднесен факел. Это был известный случай с патронами, послуживший поводом к великому восстанию 1857 г.

Англичане даже не старались узнать наши нравы и обычаи. Смазка, покрывавшая их новые патроны, делалась из свиного сала или говяжьего жира, а их приходилось скусывать зубами. Офицеры не знали или не желали знать, чего требовали от ин-

дийских солдат: они отдавали команду нарушить религиозный запрет, касавшийся как индусов, так и мусульман. Солдаты отказались повиноваться и стали стрелять в офицеров. Начался бунт (IV.4).

Подобное пренебрежение к местным верованиям воспламенило ненависть, охватившую всю армию и все население. Возмущение распространялось, как пожар. Мятежники призывали старого императора Могола, давно лишённого всякой власти и по своему характеру «более склонного писать поэмы, чем возглавлять армии». Тем не менее его присоединение к восставшим имело значение символа. «Повсюду появлялись герои, мужчины и женщины, вроде Лакшми Бай, рани Джханси, погибавшие на поле боя». Однако «во время решающей битвы было совершено предательство, и восстание было подавлено». Несмотря на победу, англичанам пришлось извлечь урок из этих событий, лишив Ост-Индскую компанию права управлять Индией. Отныне страна подчинялась непосредственно короне.

С тех пор стало активно развиваться национальное движение; «его вдохновляли примеры американской и французской революций, учения ирландца Бёрка и француза Жан-Жака Руссо.

Так в сложном взаимодействии традиций и западной культуры родилась современная Индия. Многие выдающиеся индийцы воплощают в себе это сочетание культур: например, Рам Мохан Рай*, один из первых индийцев, учившихся в Англии; Тилак, Гокхале*, Рабиндранат Тагор, наконец, Ганди. «Их деятельность оказывала глубочайшее воздействие на общество, хотя внешне все казалось абсолютно спокойным».

О Ганди, «отце отечества», которого «вы, дети, видеть не могли, знайте, что он даже мог не носить одежды, но все же силы и власти у него было больше, чем у самого великого из императоров... Это была сила доброты, а знаменитый ученый Эйнштейн говорил о нем: пройдет тысячелетие, и трудно будет поверить, что подобный человек мог существовать».

Уже мальчишкой Ганди был горд, как Артабан. Когда учитель в школе велел ему спросить у товарища, как пишется слово *kettle*, он отказался. Когда его старший брат задолжал, он стянул деньги у родителей, чтобы отдать брату, а затем, рыдая, признался в своем проступке всей семье. Мать послала его в Англию для завершения образования, но поставила условие, что он должен воздерживаться от трех соблазнов: алкоголя, женщин и мяса.

В Лондоне он стал одеваться как английский джентльмен и участвовал в вегетарианском движении. Он получил диплом адвоката.

После возвращения на родину Ганди отправился в Южную Африку. На первом же процессе, в котором он участвовал, выступая защитником индуистов, Ганди отказался снять тюрбан в зале суда (что требовалось по существующим правилам) и покинул его. В поезде, следовавшем в Преторию, он был по жалобе белого англичанина изгнан из вагона первого класса, хотя оплатил стоимость билета. Глубоко униженный этими притеснениями, он посвятил свою жизнь защите прав индийского народа. Прочитав Рескина, он стал апостолом ненасилия и долгое время состоял в переписке с Толстым. Но после того как он встретился с генералом Яном Сметсом, экстремисты патаны объявили его предателем и клеймили за лояльность по отношению к англичанам во время англо-бурской войны. В конце концов, применение тактики ненасилия, *сатьяграха*, привело к признанию права индийцев жениться в соответствии с их ритуалами и к узакониванию этих ритуалов.

По возвращении Ганди в Индию Тагор провозгласил его Махатмой («великой душой»). В 1917 г. Ганди организовал агитационную кампанию среди мелких крестьян. Затем он провел голодовку в поддержку рабочих-текстильщиков, получавших мизерную зарплату. В 1914 г. Ганди призывал своих соотечественников вступать в английскую армию: позже военный опыт сможет им пригодиться. Его предвидение подтвердилось, когда в апреле 1919 г. национальные лидеры были высланы из Амритсара и начались восстания, жестоко подавленные: тогда погибли 379 индийцев.

Мусульмане протестовали против низложения турецкого султана. Ганди присоединился к ним, чтобы образовать единый индуско-мусульманский фронт в борьбе с англичанами. Большой успех имело начатое по его инициативе движение за бойкот английской продукции; Ганди стал призывать к его расширению,

ратуя за развитие ремесленного, ручного ткачества. Но когда было совершено насилие по отношению к английскому полицейскому, он тотчас оставил движение несотрудничества и начал одиночную голодовку. Ганди арестовали, и он потребовал либо самого сурового приговора, либо отставки судьи. Его приговорили к шести годам тюрьмы и т. д. (IV.4).

ВИДЕНИЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Естественно, юные англичане ничего обо всем этом не знают, причем сегодня еще меньше, чем знали старшие поколения. Английская «История королевства. Книга для юношества» сугубо обтекаемо говорит о пребывании в Индии Роберта Клайва. Деятельность «Компании старого Джона» выглядит невинно: это португальцы и голландцы якобы мешали ей спокойно торговать, что приводило к кровопролитию. Впрочем, «индийские правители тоже были не слишком дружелюбны в те времена [...]». Однако молодой человек по имени Клайв показал себя хорошим воином в борьбе с французами, и тем пришлось оставить всякую надежду на утверждение в Индии. Именно его компания по-настоящему управляла страной в течение века после этого...»

Что касается последующей эпохи, то тут 15-е издание «Истории королевства для юношества», вышедшее в 1967 г., еще более сдержанно. В самом деле, а была ли Англия когда-нибудь империей? Можно было бы задаться подобным вопросом, если бы умолчания, характерные для учебников, не восполняла всякого рода историческая беллетристика. Как правило, она превозносит англичан, для которых Индия стала местом обогащения.

Независимо от того, выступает ли автором Теккерей или лорд Керзон, эта литература прежде всего воспевает стойкость сыновей Англии в страданиях.

Что за странная напыщенность свойственна, на мой взгляд, всей нашей истории в Индии. Кроме официальной истории, за-

полняющей газеты и начертавшей слово «победа» на знаменах, той, что дает моралистам и нашим врагам основания разоблачать вымогательства англичан, а нашим жалким патриотам — возможность кичиться английской непобедимостью, кроме блеска завоеваний, богатства и славы, удовлетворенного честолюбия, добровольно пролитой крови во имя завоевания всего этого, — разве не следовало бы вспомнить также и слезы? Разве не следовало бы подумать о той цене, которую вынуждены платить наши сыновья ради этих победоносных подвигов? Да, эту цену платят уже около двух веков, и над тронном вице-короля возвышается не только расшитый золотом балдахин, но также и завеса из человеческих слез. Я думаю, что большинство из тех, кто страдал, страдал без ропота. Пусть наши соотечественники хотя бы знают о них! Пусть они знают, что камни, лежащие в основании нашего владычества в Индии, скреплены кровью сердец мужчин и женщин. Потому что управление Индией — это не развлечение, а испытание, не костюмированный бал, а чаще всего страдание (IV.20).

Разумеется, в «Простых рассказах с гор» Кипплинга больше балов и пикников, чем страданий и крови. У него, как и у Анни Стил или Перрена, Индия состоит из «тигров, джунглей, балов, холеры и сипаев». При этом индеец появляется разве что в качестве конюха или для того, чтобы служить противоположностью истинному англичанину с его хладнокровием, юмором, чувством чести, спортивным духом. Война предстает в виде игры, как, впрочем, и великое восстание. В индийца стреляют, как в мишень на ярмарке: «Браво, Гарри, меткий выстрел!» Гарри уважает правила игры, он играет мастерски. «Он мог убить этого факира, охранявшего храм, из пистолета [...], но у индийца была лишь шпага в качестве оружия и Гарри пришлось убить его шпагой». Именно такого рода добродетели дают англичанам право и обязывают их учить этих людей жить. Какие бы то ни было деловые отношения или сближение с ними пагубны. Самый тяжкий позор для героини романа Крукера состоит в том, что во время восстания сипаев она под страхом смерти отдалась индийцу. Она уронила тем самым свое достоинство и лишилась самоуважения, так как *британский образ жизни* противоположен

индийской пассивности, вследствие которой их страну надо во всем направлять и защищать. Не зря в английских книжках и фильмах войны всегда ведутся на окраинах и на границах Индии с целью ее охраны.

Приобщаться к жизни Индии опасно, почти непристойно, в лучшем случае смешно. Когда полицейский Стрикленд в рассказе Киплинга становится *саисом* («Саис мисс Йол»), чтобы приблизиться к своей возлюбленной, он становится смешным в глазах соотечественников. В самом деле, странный этот Стрикленд: «Он придерживался той необычной теории, что в Индии полицейский должен стараться узнать о туземцах столько, сколько они сами о себе знают».

Стрикленда сторонились, поскольку он, «следуя своей нелепой теории, слонялся по всяким отвратительным местам, сунуться в которые не решился бы ни один порядочный человек, а также якшался с подонками туземного общества. Таким своеобразным способом учился он в течение семи лет, и люди были не в силах это оценить. Он вечно толкался среди туземцев в личине последователя какого-нибудь вероучения, в пользу чего ни один разумный человек, конечно, не верит. Однажды, получив отпуск, он в Аллахабаде был посвящен в Сат-Бхай; он знал «Песню ящерицы» людей санси и видел пляску халь-е-хак — религиозный канкан самого необычайного жанра. А уж если человек знает, какие люди пляшут халь-е-хак, как пляшут, когда и где, — он знает кое-что, чем можно гордиться». Однако все это не оценили. «Почему, черт возьми, — говорили о нем, — Стрикленд не может сидеть у себя в канцелярии, писать служебные отчеты, полнеть и помалкивать, вместо того чтобы выставлять напоказ неспособность своих начальников?»¹

Ни в коем случае не следует стремиться понимать Индию. Она, как женщина, требует не понимания, а твердой руки. «Твердой власти, не такой, как власть Мак Гоггина, которого угнетали его обязанности, для которого невозможно было, получив приказ, не постараться его усовершенство-

¹ Перевод М. Клягиной-Кондрагеевой. (Прим. перев.)

вать». Его теория «возлагала на людей слишком большую ответственность», ибо «дело ведь происходило не на родине, а в Индии», находящейся в стадии детства. «Одной кордой можно смирить старую лошадь, но никак не молодого жеребца» (IV. 20).

Трех качеств не хватало англичанам в индийцах, трех качеств, свойственных британцу: физической силы, дисциплинированности и организованности. Пока они не обрели этих достоинств, с ними надо обращаться, как с детьми: быть строгими, но справедливыми, показывая силу, как это делал лорд Керзон, уже после восстания. Отныне на смену Индии торговцев и лавок пришла Индия военных парадов и «трех бенгальских улан» из одноименного фильма с Дугласом Фербенксом в главной роли.

На самом деле чем больше Индия стремилась к свободе через единство, восстановленное англичанами, тем более резко англичане различали бенгальцев и маратхов, мусульман и индусов, сикхов и раджпутов. Конечно, они отдавали некоторое предпочтение мусульманам, своим предшественникам в деле господства в Индии. «Они прекрасно ездили верхом и превосходно играли в поло». В рассказах А. Стил симпатии автора на стороне мусульманина и завоевателя Бабура. Еще более показательно, что, хотя организаторами великого восстания были индусы, в рассказах англичан именно мусульмане всегда выступают как люди действия. Определенно, в представлении англичанина индеец, в особенности бенгалец, это пассивное существо, на которое нельзя рассчитывать. В рассказе Киплинга бенгалец, которому поручено очень ответственное дело, бежит при первой же угрозе, при первой опасности, он абсолютно неспособен владеть собой (IV. 20).

В таких условиях невозможно вообразить существование национального движения. В истории, которую рассказывают детям, а также и взрослым, не рассматривается развитие *Свараджа* — движения за освобождение, а есть только его таинственный и необъяснимый взрыв. Все восстание сводится к истории с жиром и патронами. Задним числом англичане

признают, что все произошло из-за их ошибки: «они не сумели воспитать индийцев», а те проявили «неблагодарность» по отношению к Англии, которая столько сделала для них (железные дороги, больницы, плотины и т. д.).

Наконец, последнее: «Заслуживает ли Индия прощения своей неблагодарности»? Такой вопрос задает себе Анни Стил. Ребенком она пережила великое восстание и рассказывает об этом в книге «На поверхности воды». Она была счастлива не тогда, когда ее «книга продавалась, как хлебцы», а когда получила письмо от читателя. Он писал, что может теперь простить Индии смерть своей жены, убитой во время восстания, так как из рассказа А. Стил явствует, что не все индийцы ответственны за насилия. Очень многие из них оставались лояльны, верны, послушны, признательны... (IV. 20).

ВИДЕНИЕ ИНДИЙЦЕВ

Когда проблему национального движения освещают в Индии, то один, и весьма существенный, ее аспект затрагивают вскользь. Это конфликт между индусами и мусульманами. Не говорится ясно, что объединение Индии англичанами, установившими равенство всех жителей, освободило индусов от статуса низших, который был закреплен за ними в течение веков. Отмечается, конечно, что англичане стали обращать внимание на прошлое Индии: это льстит самолюбию; но ведь прошлое было индуистским, и оживление интереса к нему тоже было преимуществом для индусов, но не для мусульман.

Тилак тотчас понял, какую пользу могут извлечь индусы из подобного положения. Он создавал «общества в защиту коровы», превозносил Шиваджи и т. д., и таким образом под прикрытием почитания культуры прошлого он возрождал индуистскую Индию, а не Индию, ставшую частью исламского мира. Точно так же Ганди позже призывал к ненасильственным действиям, которые он представлял как средство

борьбы с оккупантами, с британцами. Но ведь и эти методы тоже происходили от индуистской традиции, а не от вообще индийской.

Вследствие британской оккупации мусульмане лишились прежнего господства и обеспеченности, тогда как богатство дельцов-индусов, до тех пор весьма непрочное, с развитием капиталистических порядков постепенно обретало вес. Такое изменение вдвойне принижало мусульман и вдвойне возвышало индуистов. История, которую рассказывают и преподают детям в Индии, не может во всеуслышание объявлять об этом. Ведь тогда обнаружилось бы, что, борясь за независимость, индийские вожди одновременно стремились посредством внешне невинного приобщения к английской демократической системе придать статус господства индуизму. Принимая во внимание численное превосходство индусов, такое положение обеспечивало в единой и унифицированной Индии верховенство немусульман. С установлением независимости меньшинство, которое в недавнем прошлом господствовало, неизбежно оказывалось в подчиненном положении, несмотря на то что руководители Индийского национального конгресса предпринимали все меры предосторожности, чтобы помочь мусульманам сохранить лицо. Для этого они вводили принцип обособленных избирательных коллегий.

Итак, точка зрения индийских мусульман не представлена нигде. Молодые индийцы даже не подозревают, что такая может быть, хотя им не рассказывается и о том, что Англия сначала, опираясь на индусов, сокрушила государство Великих Моголов, а потом, опираясь на мусульман, тормозила движение Индии к независимости.

Распри между мусульманами и индусами лишь упоминаются как «большое несчастье». Они нигде не подвергаются анализу, как и отделение Пакистана в 1947 г., которое также представлено «достойным сожаления».

Другая проблема, которая замалчивается, — это кастовый режим и его воздействие на историю Индии. Конечно, когда

говорится о прошлом, неоднократно подчеркивается, что деление на касты причиняло индийскому народу ущерб.

Этот режим «разделял общество». Но только ли в этом дело?

Говорится, что в эпоху Моголов, а затем британского владычества духовные вожди и позже Ганди стремились положить конец существованию статуса неприкасаемых. На самом же деле, если Ганди пришлось признать необходимость обособленной избирательной коллегии для мусульман, то, борясь против того же самого права для неприкасаемых, он объявлял голодовку.

Этот эпизод замалчивается в истории, преподаваемой индийцам, так как из него ясно, что система каст связана с индуизмом, тогда как ее стремятся представить как своего рода автономный социальный, а не религиозный феномен, не имеющий с индуизмом специфических связей.

На самом деле, как показал Луи Дюмон (IV.10), три принципа кастового режима — обособленность, иерархия, взаимозависимость наследственных групп — сводятся к одному: религиозному противопоставлению чистого и нечистого. Национальное движение стремится реформировать кастовый режим, чтобы спасти индуизм. Вспоминать о нем означало бы вновь возвращаться к вопросу об индуистской ориентации национального движения, что может лишь умножить противников как этой религии, так и режима, в котором господствуют брахманы.

Таким образом, отношения эксплуатации, огромная проблема задолженности связываются исключительно с колониальным господством. Короче говоря, многие стороны устройства иерархического общества совершенно исключены из истории, игнорируются социальные движения против каст, рабочее движение, интернационализм. А ведь одним из теоретиков движения стран третьего мира был индиец Н. Рой. Правда, коммунизм в Индии не играл заметной роли вплоть до установления независимости.

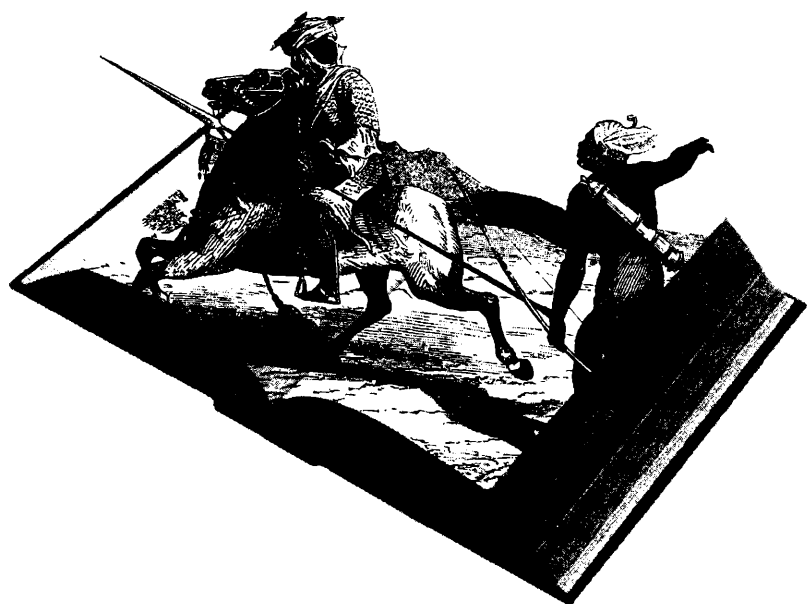
Равным образом замалчивается демографическая проблема, проблема самоубийств, ни слова не говорится о межна-

циональных конфликтах, которые постоянно вспыхивают, порождаемые желанием господствовать над меньшинствами, например народами нага или мизо, контролировать Бутан и Ассам. Итак, история в Индии в своем стремлении узаконить единство и воплотить (как знать!) мечту о новом воссоединении на самом деле лишает исторический процесс значительной части его содержания, отнимая у Индии и ее народов их существенные черты.

ИНДУИСТСКАЯ РЕАКЦИЯ

В 1992 г. индуистские экстремисты разгромили мечеть в Айодхье, желая на ее месте возвести храм в честь, как они говорили, рождения Рамы. Это событие ознаменовало собой мощный подъем фундаменталистского движения в Индии. В парламенте оно пришло на смену Индийскому национальному конгрессу, который выступал как внеконфессиональная партия.

Индуистские экстремисты стремятся изменить приглаженное видение индийского прошлого, которое до сих пор преобладало в образовании (см. предыдущий). Согласно их утверждениям, арии являлись автохтонами, а отнюдь не пришли извне. Завоевателями же на индийской земле были только появившиеся позже мусульмане и христиане. Именно Бабар и его последователи якобы принесли сюда нетерпимость и насилие, которые стали печальным наследием Индии на несколько веков.

ГЛАВА V

ИСТОРИЯ ИСЛАМА ИЛИ ИСТОРИЯ АРАБОВ?

Если существует в наше время сообщество наций, в котором история занимает привилегированное положение, так это страны ислама. Это феномен относительно молодой, едва ли вековой давности. Он проявился при столкновении мусульманского мира с колониальной экспансией индустриальной Европы, следствием которого стало активное возрождение прошлого. В самом деле, прежде история в исламских странах не имела высокого статуса, теология, не допуская конкуренции, отодвигала ее на задний план и принижала ее. Столкновение с завоевателями восстановило жизненные силы истории, и она пережила свое второе рождение. Это касается в первую очередь Египта.

На самом деле исламские страны были предрасположены к подобному возвышению истории. Ведь ислам основывается не только на священной книге — Коране, но и на истории подвигов, славных деяний Пророка. Их обязан знать каждый верующий. Мухаммад учитывает уроки прошлого, включает свою собственную деятельность в процесс развития мира, начиная с момента Творения и до дня Высшего Суда. Забота о выполнении миссии Пророка после его смерти передана мусульманской общине. Таким образом, прошлое народа исламская доктрина (*ижма*) рассматривает как реализацию этой миссии, «плана Бога по спасению человечества».

При этом мусульмане полагают, что причиной бесконечного повторения одних и тех же ошибок и несчастий является упрямство человека, его тяготение к греху, склонность

к злу. Хорошо, что в истории встречались вдохновенные избранники, дававшие человечеству шанс спастись. Но человек, как правило, отвергал открывавшиеся перед ним возможности. Например, для христиан такой единственной возможностью был Иисус; отныне спасение возможно для них лишь за гробом, на небесах. Что касается иудеев, то они будут непрерывно страдать до пришествия Мессии.

И лишь мусульмане благодаря откровению Мухаммада могут оптимистически смотреть на свое существование. Каждое мгновение жизни Пророка, а затем и победы ислама постоянно подтверждают справедливость его взглядов. С этой точки зрения историей является лишь то, что способствует исполнению заветов ислама. Прошрое, таким образом, не рассматривается как бесконечная череда событий от истоков до наших дней, как хронологический ряд. История имеет свою логику и свой смысл, в соответствии с которыми производится отбор фактов и событий. Она начинается не с Мухаммада, а с поражения предшествовавших ему пророков, ибо в этой версии прошлого исламская цивилизация окружена народами без истории, примерно так же, как еще недавно на Западе считали «лишенными истории» многие народы, поскольку их жизнь не была интегрирована в западную цивилизацию. Она возрождается, когда в странах ислама, подавляемых империализмом, формируется общественное самосознание, когда в борьбе за свободу растет понимание собственной самобытной сущности. Смысл и значение каждой проблемы определяется ее местом в борьбе за освобождение.

Особенно явственно и рельефно эти принципы проявляются в тех разделах истории, которые касаются не специфически мусульманских проблем. Так, Средние века на Западе оцениваются, например, в сравнении с историей Востока. Они выглядят царством мракобесия, поскольку за точку отсчета берется блеск ислама в это же самое время. История Великих открытий, которая в западной традиции связывается с путешествиями Христофора Колумба и Магеллана,

в арабо-исламской традиции начинается с исследований финикийцев, за которыми следуют путешествия арабов в Индийский океан, и именно их географические и научные открытия делают возможными дальнейшие исследования генуэзцев и венецианцев. История освобождения человечества начинается с провозглашения независимости США и с Французской революции 1789 г. Продолжением ее становится борьба за объединение Италии и Германии. Она, в свою очередь, оказывается предвестником как уничтожения колониальной зависимости народов, так и объединения исламо-арабского мира.

История, преподаваемая детям, отдает должное западной историографической традиции, но при этом твердо следует собственной, арабо-мусульманской, по самой своей природе призванной выполнять ряд функций.

Начиная с эпохи халифов*, мусульманские правители желали знать о подвигах своих предшественников, дабы сравняться с ними и их превзойти. Именно этим объясняется значимость, придававшаяся истории в исламских странах: она «должна представлять государям хороший и плохой пример», как писал Ибн аль-Асир, историк конца XII — начала XIII в. Естественно, особую роль играли биографии, которые по крупицам собирали писцы и государственные чиновники — арабы, персы или турки. Таким образом история обретала строго утилитарное назначение, ей поручалась определенная функция, а какого бы то ни было философского осмысления она не предполагала.

Но если в жанровом отношении история ислама следовала биографической традиции, то в не меньшей степени она являлась также детищем культуры аравийских племен и была глубоко укоренена в эту почвенную основу. Именно идея отождествления ислама с арабами есть та точка, в которой фокусируются самые острые конфликты между народами исламских стран. По-видимому, именно в Египте в XVIII в. почвенное и национальное самосознание стало конкурировать с мусульманским самосознанием: это было реакцией на

господство Турции. По крайней мере, этот процесс отразился в историографии. Понятие *ватан* (родина) возоблагодало отныне над идеалом верности династии, каковы бы ни были ее связи с Пророком. Вскоре вновь стало высоко цениться доисламское прошлое Египта, как в Иране — древнее прошлое Персии. Впрочем, постепенно объектом почитания и исторического познания становились не столько земля Египта или Ирана, сколько нация сама по себе, например египетский народ, отождествлявшийся с арабами вообще.

В XX в. стремление к арабизации истории ислама было провозглашено во всеуслышание на конференции по арабской культуре Лиги арабских стран. Предусматривалась «унификация учебников по истории, придание единообразия образованию, при котором будет сделан акцент на участие арабов в развитии цивилизации и в борьбе против империализма». Что верно для истории, верно и для литературы. И вотуже в 1964 г. в Объединенной Арабской Республике клеймили писателей, которые «под предлогом ломки, изменения поэтических ритмов доходят до предательства арабизма». На самом деле «новые поэты» хотели сломать каноны арабской классической поэзии, чтобы добраться до местных, не обязательно арабских, народных источников. Это движение в поэзии не получило большого отклика. Зато в каждой стране, несмотря на указания Лиги арабских стран, история сохраняла свое национальное содержание, возрождение которого восходит к XIX в. Это движение, испытывавшее влияние Запада, родилось с шейхом Рифа'а Рафи аль-Табави, пионером не арабской, а египетской истории Египта. В других странах восстановление доисламского и доарабского прошлого происходило медленнее. Особенно это касается Ирака, где только при режиме Саддама Хусейна начали проявлять некоторый интерес к Вавилону. При этом в Иране, где лишь на юге страны говорят по-арабски, или даже в Алжире история, как мы покажем, имеет мало общего с общеарабской нормой, которая выражается в наиболее чистом виде в учебниках, предназначенных для иракских

детей. В Египте «фараонизм» обнаруживается уже во введении к первой книжке по истории.

В этой книжке правдиво рассказывается о прошлом. Это делается не для того, чтобы превознести дела минувших дней, а для того, чтобы ты над ними задумался, поразмышлял над тем, что позволило твоим предкам достичь высочайшего уровня культуры. Что побуждало их, рассчитывая только на самих себя, братья за разрешение проблем, которые ставила жизнь, и проявлять при этом ум, трудолюбие и настойчивость, во всем помогая друг другу.

Нет сомнений, что *те факторы, которые помогли нашим предкам в Древнем Египте встать впереди народов мира, налицо и сегодня*. Так пусть же путь, обозначенный нашими предками, служит для нас путем разбега, когда мы последуем их примеру (V.27).

РОЛЬ ГЕОГРАФИИ

Обрисованное выше видение истории дополняется еще и специфическим представлением о географии, которое присуще арабо-мусульманскому миру. В своем труде о географах эпохи расцвета арабской цивилизации (V.4) Андре Микель показывает, что если история четко делится на два периода — до Пророка и после, то в географии исламские страны «являются пупом, центром мира». Разумеется, такое понимание мира было свойственно и Китаю с его Срединной империей, но в арабо-мусульманской культуре эта идея выражена наиболее отчетливо. В каком-то смысле она оправдана, потому что арабы на самом деле оказались в центре.

А. Микель показывает, например, что все климаты земли классифицированы арабскими географами таким образом, что четвертый климат находится в центре, то есть в Ираке, три расположены к северу, а три — к югу от него. Называемый «пупом мира» регион Ирак — Аравия (к которым иногда прибавляется Иран) стоит на первом месте в истории мировых царств, а за ним следуют четыре других: Китай, Турция,

Индия и Византия. К тому же именно над Ираком светит самое ясное солнце. Эта страна богаче всех других. Императору Китая лучше всего повинуются, он господствует над людьми. Владыка турок — царь хищников, и это касается как людей, так и животных. Повелитель Индии — владыка слонов и мудрости. Император Византии царствует над искусными людьми и над алхимией. Что же касается повелителя арабов, то он властвует над всем. Говоря об отрицательных качествах разных народов, географ Ибн аль-Фарих отказывает туркам в верности, византийцам в благородстве, хазарам в стыдливости, чернокожим в серьезности, славянам в смелости, индийцам в целомудрии.

Связанная с исторической памятью, арабская географическая традиция определяет видение других народов. А. Микель излагает взгляды арабских географов: «Китайцы — это народ, искусный в технике и в ремеслах; Индия — страна теоретических наук, математики и вытекающих из них астрономии и музыки. Наследникам греков — византийцам, искусным в технике, также принадлежит астрономия, но вместе с медициной, философией и алхимией. Ирану даны во владение этика и политика; наконец, туркам остается война. А арабам? За собой они признают — и никто у них этого не оспаривает — истинный поэтический дар, и вслед за жителями Халдеи, владевшими даром пророчества, они обладают истинной религией. Именно в этом заключается различие между ними и остальным миром, и в этом они черпают сознание своего превосходства» (V.4).

Описывая и изучая богатства Индии и Китая, арабские географы утверждались в этом превосходстве. Разумеется, все эти чужеземные страны цивилизованны, но они не поняли, в чем состоит сущность жизни, не поняли необходимости согласия между волей Бога и верующего. «Если их социальные структуры и достойны похвалы, то это лишь по счастливой случайности. Однако не ведая истинного смысла жизни, эти страны никак не выдерживают сравнения с миром ислама. И если существуют разные оценки челове-

ческого поведения, то в вопросе веры их только две: мусульманин и немусульманин. Единственная граница проходит между ними» (V.4).

УРОК ИСЛАМА

Итак, в странах ислама начальное образование носит религиозный характер. В дальнейшем религиозное воспитание может занимать больше трети всего учебного времени, как в Саудовской Аравии, составляя в среднем приблизительно десятую его часть. В Тунисе религии отводится еще меньше времени. Основой религиозного воспитания является Коран. К 12–13 годам его упрощенная версия запечатлевается в памяти детей.

На практике обучение Корану сильно различается в разных странах, а еще больше варьируется его соотношение с историей. Бывает, что история так или иначе отделяется от ислама, когда детям начинают рассказывать о происхождении народа, восходящем к мифическому времени (в Марокко, Тунисе, некоторых странах Черной Африки).

Что же касается обучения непосредственно Корану, например, в Судане или в Нигерии, то первое знакомство с ним осуществляется не по самому тексту священной книги. Сначала преподается ее толкование — *тафсир*. Здесь излагаются отдельные элементы вероучения: история Юсуфа (Иосифа), рассказы о вознесении Мухаммада через семь небес к трону Аллаха, об ангеле Исрафиле, о падении через семь кругов ада, об искушении Мухаммада и его вознесении на небо в сопровождении Джабраила. В *тафсирах* воспроизводится эпопея Александра, «двурогого Искандера», который в сопровождении полумифического Хидра, или Хадира, отправляется на поиски источника живой воды.

Эти истории составляют самую суть мусульманской устной и письменной традиции, которой обучаются дети повсюду, где исповедуется ислам, от Башкирии до Нигерии.

Кроме того, к основам знания относятся источники Закона, деяния и речения Мухаммада — *хадисы*. Таким образом, с правилами, касающимися брака, развода, наследования — важнейших аспектов жизни, знакомятся совсем маленькие дети.

— Почему Аллах в своей мудрости лишь мусульманам предоставил право иметь несколько жен? — спрашивает учитель.

— Потому что из-за этого у мусульман будет много детей и их станет больше, чем христиан...

— Неплохо, неплохо... А ты, Ахмед, как думаешь?

— Потому что женщин больше, чем мужчин.

— Конечно, а еще? Как ты думаешь, Анвар?

— Потому что Аллах в своей мудрости понял, что мусульмане так любят женщин, что одной на каждого им не хватит (V.15).

Понятно, что представления и общественное поведение мусульманина, сформировавшиеся под таким воздействием, соответствуют его религиозным убеждениям (эту черту мы обнаружим и в Японии). Мусульманина учат также *фикху*, то есть праву, вытекающему из Корана. Он знает, как это право применяется, в отличие от юридически беспомощного человека Запада, который имеет лишь общее представление о законах, оставляя истинное владение ими и понимание их юристам. Разумеется, подобные специалисты — улемы — существуют и в исламских странах. Однако улемы не обладают монополией на знание, они всего лишь знатоки.

К этому добавляются знания, полученные из литературы. Читать полагается панегирики (*мадх*), по-разному разрабатываемые в каждой исламской культуре; биографии, играющие необычайно важную роль везде, где ислам связан с арабизмом; назидания и проповеди о смысле жизни и неизбежности смерти, о пустоте и ничтожестве этого мира, о переходе в мир иной и о необходимости покаяния и т. д.

В Нигерии начальное образование дополняется другими предметами. В Черной Африке его осуществляют наставники, получившие специальную лицензию на преподавание

основ религии, а также географии, «Пролегомен» Ибн Халдуна*, астрологии. В университетах, например университете города Кану, на севере Нигерии, ислам изучается по тем же направлениям. Добавляется к этому история распространения ислама, теология, история религиозных орденов, история политического движения в странах ислама на современном этапе.

Сравнивая учебники, предназначенные для иракских и для египетских детей, замечаешь существенные различия с первых же глав, где рассказывается об арабах до установления ислама. В стране, где живут арабы, в Багдаде, доисламскому прошлому отводится немного места, хотя Ирак — это древняя Халдея, Месопотамия. Лишь режим Саддама Хусейна, претендовавший на светский характер, придавал какое-то значение истории далеких предков, например Навуходоносору. Впрочем, идентификация нынешней страны исключительно с арабами VII в. все равно оставалась в неприкосновенности. В египетском же учебнике о мало-развитой Аравии того же периода говорится с ноткой снисходительности.

ДВА ВИДЕНИЯ АРАБОВ: ИРАК

Арабский мир — это одно из самых древних мест на земле. В древности люди создавали здесь цивилизации, города и государства самые могущественные на земле. Это колыбель истории.

Жители этих земель всегда были арабами; волны переселенцев из Аравии постепенно заселили пространство арабского мира.

Арабский мир многократно переживал нашествия чужестранцев. В 1539 г. до н.э. Вавилон был завоеван Ахеменидами, и они распространились по арабскому миру. Позже Ирак был завоеван персами, а Египет, Сирия, Северная Африка — римлянами.

Лишь Аравия, а также Йемен, всегда оставались независимыми.

Народ Йемена соорудил ирригационную систему, у него были торговые связи с Африкой и с Азией. Жители Аравии переселялись на Север и на Запад; царица государства Саба и ее подданные

покинули Йемен после крушения Марибской плотины. Племена кинда основали на севере страны эмират, который противостоял захватчикам. Но вскоре он попал под власть Эфиопии и Персии. Отныне централизованного арабского государства не существовало. Остались только арабские общины и княжества, располагавшиеся на путях между центрами торговли (V.26).

ЕГИПЕТСКАЯ ВЕРСИЯ

Аравия — это страна, из которой вышел Пророк, и именно оттуда происходят арабы. До прихода Пророка они жили племенами. Жилищем им служили шатры, они перемещались на дромадерах в поисках источников воды. Одним из самых больших племен было племя курейш*, жившее на севере. Некоторые племена участвовали в торговле между Йеменом и Сирией через Ясриб (Медину) и Мекку.

Веры в единого Бога не существовало: одни арабы поклонялись Луне, деревьям, другие — Солнцу и идолам. Некоторые племена совершали паломничества в Мекку. Вокруг Мекки стояло много идолов.

Некоторые арабы исповедовали иудаизм, а другие — христианство. В Аравии не было единого государства и правительства, но у каждого племени был свой шейх. Между шейхами часто происходили войны, было много случаев кровной мести.

Традиционно пользовались уважением гостеприимство, верность, соседская взаимопомощь, почитание старших. Но были также и дурные обыкновения: мстительность, пристрастие к выпивке и к игре, практика захоронения живьем новорожденных девочек.

Все это привело к тому, что Бог послал к ним Пророка (V.27).

АРАБСКОЕ «ЗАВОЕВАНИЕ» ПРЕВРАЩАЕТСЯ В «ОСВОБОЖДЕНИЕ»

При четырех первых халифах произошло освобождение арабских земель, завоеванных римскими императорами. Арабы вновь овладели Плодородным Полумесяцем.

В то же время в Ираке Ибн Харисса защищал страну от персов. Народ Сирии все время боролся против византийского императора. Когда появилась исламская арабская нация, Пророк сумел объединить все арабское население, и это породило такой энтузиазм, что все братья, находившиеся еще под чужеземным господством, были с легкостью освобождены.

Абу-Бекр послал сражаться Халида ибн аль-Валида. Византийцы, оценив мощь арабов, послали против них большое войско. Однако армия Халида победила в битве при Ярмуке и освободила страну вплоть до реки Иордан.

После смерти Абу-Бекра была освобождена вся Палестина.

Его преемник Омар отправился в Иерусалим. Христиане приглашали халифа молиться в их церквах. Он, однако, отказался, чтобы не подумали, будто он хочет переделать церкви в мечети. Омар предпочел молиться под открытым небом. Это не могло не вызвать восхищения жителей Иерусалима. Позже мусульмане построили на этом месте рядом с церковью мечеть.

На землях, расположенных западнее, борьбу за освобождение вел Муавия, который взял город Барка в Ливии. В освобожденном Тунисе полководец Окба основал Кайруан, ставший новым перевалочным пунктом мусульман. Оттуда они отправлялись далее на Запад, к Атлантике.

В то же время Муавия строил могущественный флот, чтобы легче было победить Византию, и напал на острова Средиземного моря, отрезая от империи Египет. Имея 700 кораблей, он напал на Кипр и Родос, угрожал Константинополю.

Арабизация продолжалась при халифе Абд аль-Малике ибн Мерване, при котором арабский язык стал официальным в арабском исламском государстве, вытеснив греческий в Сирии, коптский в Египте и персидский в Иране. Выстраивая систему управления, он привлекал молодых арабских интеллектуалов. Иноземцы почувствовали опасность и стремились помешать арабской исламизации, но им это не удалось. Арабский язык стал, таким образом, языком государства, общества, науки и культуры (V.26).

АРАБЫ В АЗИИ

Завоевание продвинулось также и на Восток. Халиф Абд аль-Малик ибн Мерван поручил это Кутайбе, который утвердился в Бухаре и Самарканде, а потом даже достиг пределов Китая. Другая армия, двигавшаяся южнее, достигла Индии, строя все больше мечетей и обращая часть населения в ислам.

В то же время Буиды напали на Иран, находившийся под властью династии Аббасидов. Возникло государство, земли которого простерлись вскоре до Багдада, который они завоевали в 334-м году хиджры* (956 г.), во времена халифа Мустафы.

Ирак пребывал под их властью. В эпоху преобладания Буидов население раскололось, поскольку правительство поощряло развитие сект. Правители переписывали историю арабов, искажая ее. Однако росли недовольство и анархия, государство приходило в упадок, и вот в 447-м году хиджры (1069 г.) страна была завоевана Сельджукидами. Государство распалось, и этим воспользовались крестоносцы, чтобы завоевать Сирию и поставить под угрозу Египет. Багдадский халиф Аббасид постоянно на них нападал, но в 528-м году хиджры (1150 г.) он был убит (V.26).

Итак, рассматривается только первый этап арабских завоеваний, и они представляются как освобождение.

Действительно, накануне прихода арабов власть Византии была ненавистна населению Сирии, Египта, даже Ифрикии. Причинами этого являлись налоговый гнет и религиозная унификация. Государство нуждалось в деньгах для оплаты наемников, и Константинополь буквально обескровливал эти провинции. Наемное войско должно было противостоять варварам на Севере и империи Сасанидов на Востоке, поскольку в начале VII в. персы возобновили свои завоевательные походы. Они угрожали Александрии и даже Константинополю в 622 г. Как в Сирии, так и в Египте влияние эллинистической и византийской культуры было в это время довольно слабым. Раздражение населения усилилось, когда после Халкедонского собора император Ираклий, стремясь прекратить догматические споры о природе и воле Христа, издал в 638 г. так называемый Экфесис («Изло-

жение веры»), провозгласил монофелитство государственной религией и признал двойственность природы, но одну волю у Христа*.

В Египте, как и в Ифрикии (современный Тунис), религиозный раскол на местном уровне предвещал раскол политический. Арабов встречали как освободителей, поскольку они предоставляли каждому свободу веры. Более того, чтобы добиться расположения коптов, арабы в Египте отдавали им христианские храмы. В Сирии арабов тоже принимали хорошо. Завоеванию сопротивлялись только берберы, точно так же как они беспрерывно сопротивлялись римскому и византийскому владычеству.

В Иране истощенные длительными войнами против Византии, враждовавшие между собой полководцы Сасанидов терпели поражения, а «царь царей» от сражения к сражению отступал к восточным рубежам своей империи, где и был убит.

Сопротивление иранцев проявилось позже. Впрочем, побежденные народы по всей империи Омейядов возобновили борьбу в IX–X вв. Часто она велась под прикрытием какой-либо секты ислама. Династия Буидов, например, — это полуиранская династия, принявшая шиизм.

Исламизация, таким образом, практически не встретила сопротивления, скорей напротив — ее принимали с энтузиазмом. Совсем иначе обстояло дело с арабизацией. Триумф Аббасидов означал в какой-то мере переход от арабской империи к империи мусульманской, не обязательно арабской. В книге, предназначенной для маленьких арабов Ирака, ничего не говорится о воцарении Аббасидов и об избиении Омейядов.

Разница между освещением этого периода в иракском и египетском учебниках невелика, разве только египетский нет-нет, да и позволяет себе критику в адрес арабов: «Абу-Бекр преобразовал государство, так как после смерти Мухаммада нашлись арабы, которые обратились к идолопоклонству, и стране угрожал возврат к старому».

Составление Корана, которое историки обычно связывают с Османом, в иракском учебнике связывается с предшествовавшими царствованиями. «Коран учили наизусть, но с расширением войн и завоеваний традиция начинала теряться. Тогда Коран был записан на пальмовых листьях, на костях животных, на шкурах верблюдов; его собрали в одну книгу для того, чтобы он не потерялся по частям». При Османе складывалась государственная система, были уменьшены налоги, допускалась свобода вероисповедания «при условии уплаты налога». Он был «строг к богачам, наживавшимся за счет обездоленных; по вечерам он переодевался так, чтобы его не узнали, и отправлялся посмотреть, как на самом деле живут люди».

В царствование Османа стали заметны некоторые изменения. Он был чересчур добр, снисходителен; он слишком покровительствовал своим родственникам. Вследствие этого начались бунты, например, наместника Куфы. Несогласные требовали отстранения халифа. К нему явились их представители, и во время спора он был убит. Среди мусульман произошел раскол, и между группами началась война (V.26).

Четвертый халиф, Али, не участвовал в заговоре против Османа, но и не осудил его убийство. Против него восстала, с одной стороны, знать Мекки, сгруппировавшаяся вокруг вдовы Пророка Аиши, которая ненавидела Али. С другой стороны, наместник Сирии Муавия собирал тех, кто хотел отомстить за халифа. Первый мятеж был усмирён в знаменитой «битве верблюда». Она получила такое название, потому что самые ожесточенные схватки происходили вокруг верблюда, на котором восседала Аиша собственной персоной. Тем не менее Али был вынужден покинуть Аравию и собрать своих сторонников в районе Куфы в Нижнем Ираке. Судьба второго, более крупного мятежа, решалась в сражении в долине Сиффин (657 г.), когда воины Муавии прикрепили к копьям листы Корана. Сторонники Али восприняли

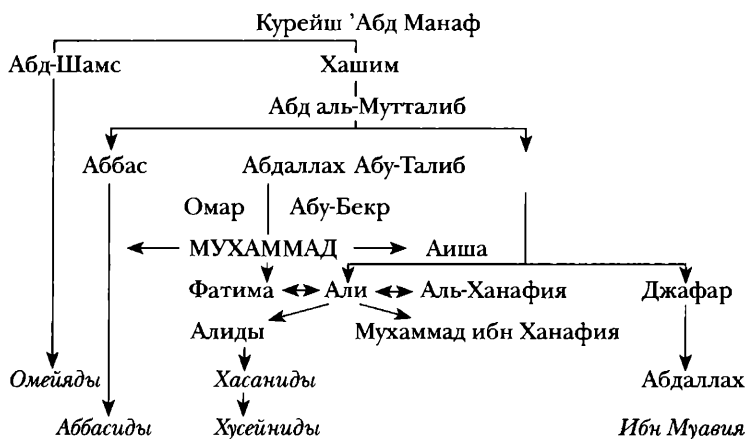
это как обращение их врагов к Божьему Суду. Но если Али понял это так и согласился на третейский суд, то некоторые его приближенные считали, что смертные не могут судить о Божьей Воле. Это были «выходящие», или хариджиты, которые отвергли принцип третейского суда. Суд оправдал Османа, обвинив таким образом Али в том, что он принял халифат. Али собирался обуздать хариджитов, а затем выступить против Муавии. Но именно в это время он был убит.

В 660 г. Муавию провозгласили халифом и началась династия Омейядов, тогда как сторонники Али и его семьи, шииты, откололись. Старший сын Али, Хасан, помирился с Муавией, и поэтому, пока он был жив и пока царствовал Муавия, восстаний практически не было. После смерти последнего все переменялось.

Преемником Муавии стал его сын Язид, однако тут перчатку поднял младший брат умершего Хасана, второй сын Фатимы, Хусейн. Началась война. Военные действия еще не начались, и Язид не успел ничего предпринять, когда Хусейн погиб в засаде при Кербеле. Позор пал на голову «узурпатора» Язида, которого к тому же обвиняли в убийстве внука Пророка. Отныне шииты получили ореол страдания и мученичества.

Обо всем этом не говорится в книгах, предназначенных для юных арабов Ирака, которые официально являются суннитами и признают законность Омейядов. Наоборот, как мы увидим дальше, в Иране убийству и мученичеству Хусейна отводится очень большое место. Легенда о нем преодолела Кавказский хребет и Гиндукуш. Еще недавно в республиках Средней Азии, где исповедуют ислам, дети-шииты вызывали негодование советских учителей, предпочитая играть в историю Хусейна, а не в подвиги Александра Невского.

АРАБСКИЕ ДИНАСТИИ И ГЕНЕАЛОГИЯ СЕМЬИ МУХАММАДА

АРАБИЗАЦИЯ ИСТОРИИ ИСЛАМА

В заключительной главе первой книги по истории для иракских детей повествуется о «ренессансе Аббасидов» в царствование ан-Назир ли-дин Аллаха. Господство турок Сельджукидов, пришедших на смену Буидам, династии персидского происхождения, занимает лишь несколько строчек, тогда как оно продолжалось два с половиной века — с 945 по 1180 г. Само название «ренессанс Аббасидов» говорит об арабизации ислама. Так, более славной выглядит роль араба ан-Назир ли-дин Аллаха, чем роль прославленных халифов эпохи истинного величия Аббасидов — Мансура, Харуна ар-Рашида (VII и IX вв.) и др. Эти Аббасиды были персами.

Халифы следовали один за другим, они создавали и приумножали силу и величие Аббасидов, в особенности ан-Назир ли-дин Аллах, ставший халифом в 1180 г. Он реорганизовал армию, систему управления, помогал Салах-ад-Дину бороться с крестоносцами. Ему удалось вновь объединить исламский мир после разногласий эпохи Буидов.

Вот первый намек на раскол в исламе: «Он не отдавал предпочтения ни одной из сект, создал ополчение из народа (мы еще вернемся к этим фактам), поощрял физические упражнения и уделял много внимания молодежи. Он обновил душу мусульманского народа».

Вот какой была его политика в отношении арабов: осматривая однажды городские развалины, он оказался на багдадском кладбище. Халиф потребовал, чтобы оттуда убрали могилы всех чужеземцев (то есть не арабов, а турок. — М. Ф.). Все исламские князья поддержали его в этом. Один из сыновей халифа после его смерти построил Аль Мустанзир, первый в мире университет.

В его правление в 1258 г. монголы под предводительством Хулагу заняли Багдад.

С падением Багдада арабское государство исчезло, оказавшись под властью захватчиков, которая сохранялась вплоть до 14 июля 1958 г. (V.26).

Этой фразой книга заканчивается.

Здесь наблюдается полная арабизация истории. Ведь если монгольские завоеватели не были мусульманами, то пришедшие вслед за ними турки исповедовали ислам. Заметим также, что в этом изложении не слишком высоко оценивается роль Египта. Дело в том, что, хотя весь арабский мир был покорен в 1258 г., Египет оставался независимым. Он являлся прибежищем и надеждой ислама. И именно египетская армия сокрушила и изгнала в 1260 г. монголов из арабского мира. Иракские дети ничего не знают об этой победе, спасшей ислам.

Учебник 6-го класса является продолжением предыдущего. Во введении рассказывается об арабском географе Абдаллахе Тарифе Идриси, родившемся в 1099 г. «Он вырос в Кордове, бывал в Северной Африке, в Центральной Азии. Король Сицилии Рожер II услышал о путешественнике и пригласил его к себе в Палермо, где тот и окончил свои дни». Там он составил карту мира и написал труд «Отрада страстно желающего пересечь мир».

Таким образом достижения арабской науки были переданы всему миру. Лучи арабской культуры с Кипра и из Андалузии распространились по всей Европе, и она многое узнала о других народах.

Европейцы не знали путей к этим народам; они пользовались путями арабов. Лишь в XV в. они стали искать собственные; это была эпоха Великих открытий.

Арабы ушли из Андалузии, но осталась привнесенная ими культура, и вследствие этого испанцы и португальцы имели возможность пользоваться достижениями арабских географов, искусством арабов-мореплавателей. Это помогло их морякам открыть в XV в. северо-западное побережье Африки. Они добрались до мыса Доброй Надежды и достигли Индии.

Португальцы хотели обеспечить себе выгоды торговли с Индией, но путями на Восток владели арабы; португальцы начали войну с ними.

Можно считать, что с этой войны между арабами и португальцами началось господство империалистов, от которого арабский народ страдал вплоть до нынешних времен (V.26).

Как и в предыдущем учебнике, здесь стремятся соотносить преподаваемое прошлое с настоящим. Второй задачей является прославление арабов. Ради этого несколько раз упоминается Андалузия, ради этого говорят об Абдаллахе Тарифе Идриси и не говорят о великом историке Ибн Халдуне.

На самом деле в глазах современников Андалузия не пользовалась особой славой в исламском мире X–XIII вв. Ее величие — это миф, появившийся примерно в XIX в. Это хорошо показано в книге Бернарда Льюиса (V.20). Последнее упоминание об Андалузии в мусульманской литературе принадлежит историку аль-Маггари и относится к началу XVII в. Открытие ее «величия» в 1840–1886 гг. принадлежит англичанам, переиздавшим аль-Маггари. Тогда же турецкий султан Абдул Хамид II послал в Испанию эмиссаров, чтобы заполучить арабские рукописи эпохи Омейядов. «Тот факт, что величие мусульманской Испании было открыто европейской историографией, явилось для арабов горькой пилюлей». Но

они примирились с этим, тем более что узнавание забытой Андалузии сопровождалось лестными суждениями о «терпимости» арабов. По-видимому, тут содержалось преувеличение, однако характеристика эта утвердилась. К тому же во многом она была справедливой, ибо речь шла о евреях, и сравнивалось отношение к ним мусульман и христиан. Вторые значительно превосходили первых в жестокости.

МУСУЛЬМАНЕ И ЕВРЕИ

Есть немало свидетельств того, что мусульмане были менее враждебны по отношению к евреям, чем христиане: например, тексты Ибн Халдуна. Разумеется, каждый мусульманин с самого раннего детства знает 4-ю суру, в которой евреи преданы анафеме: «...они отвергли власть Господа. Они убивали пророков... Господь отметил их печатью бесчестья». В 5-й суре говорится: «Ты должен сознавать, что самые ожесточенные враги правоверных — это евреи и те, кто поклоняется нескольким богам. Ты должен сознавать, что христиане милосердны, справедливы и способны любить, как и правоверные». Тем не менее Ибн Халдун исправляет это суждение Пророка. Он рассматривает евреев как «один из самых выдающихся родов на земле, среди предков которого все пророки от Авраама до Моисея». Они были изгнаны из своей страны и познали многовековое рабство... Но они никогда не переставали гордо сознавать благородство своего происхождения, даже когда они лишились «духа сообщества», то есть, согласно Ибн Халдуну, самой могучей силы, объясняющей зарождение и долговечность обществ и наций. «Коварство и черствость современных евреев, — пишет Ибн Халдун в XIV в. — это результат их изгнания, их зависимости, их образа жизни». Историк замечает, что эта нация уже пережила одно возрождение и это определяет ее упование на будущее. Ведь, по его мнению, история циклична и в ней чередуются рождение наций, периоды их могущества,

постепенного вырождения и упадка. Эту концепцию, унаследованную от Библии, Ибн Халдун излагает в «Прологах». Она не предрекает будущего еврейского народа и, естественно, применима ко всем народам, а это как бы обезличивает арабов.

Арабам, как вчерашним, так и сегодняшним, никак не могло понравиться, что историк, уроженец Магриба, сумел разглядеть начало заката их величия и назвал благодеянием Господним возвышение других мусульман — турок, ставших спасителями ислама.

Вот почему в учебниках для иракских детей говорится не об Ибн Халдуне, самом великом из арабских историков, а о Тарифе Идриси, одном из самых знаменитых географов.

В ОСНОВЕ НЕСЧАСТИЙ АРАБОВ — ИМПЕРИАЛИЗМ

«Что такое империализм?» — вопрошает иракский учебник.

История свидетельствует, что некоторые страны господствуют над землями и народами к одной лишь своей собственной выгоде, без учета интересов побежденных и подчиненных народов. Это называется империализмом. Империалисты похожи на клещей, сосущих кровь.

Наш арабский мир испытал на себе такое нашествие империалистов, принимавшее разные формы: от прямого португальского завоевания до засылки в Сирию миссионеров с целью утверждения там французского влияния.

Португальцы были первыми, кто проник в арабский мир [...].

Затем были турки-османы. В тот момент, когда в 1516 г. османы напали на арабов, тем приходилось одновременно бороться и против европейского империализма. Турки заняли Сирию и Египет, затем — Аравию и Йемен, а в 1534 г. — Ирак. Их власть распространялась на Магриб, так как алжирский бей сотрудничал с ними и был поставлен командовать османским флотом.

Османское господство над арабским Магрибом окончательно установилось в конце XVI в.

Затем пришли голландцы [...].

— — —

Затем англичане [...].

Наконец, в Египте высадились французские войска под командованием Бонапарта (V.26).

В Ираке, как и в Египте, и во всем исламском мире, главное место в коллективном сознании занимает память о борьбе против завоевателей. Период турецкого владычества в Ираке почти не упоминается, в Египте, напротив, оно подчеркивается. В начале XIX в. Мухаммед Али добился независимости от султана, остававшегося лишь номинальным сюзереном, и создал державу, включавшую в себя Судан, Аравию, Великую Сирию. При его сыне Ибрагиме пределы государства расширились и оно включило в себя Ливию и Тунис.

ЕГИПЕТ В АВАНГАРДЕ БОРЬБЫ ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИЗМА: ОТ МУХАММЕДА ДО НАСЕРА

В 1805 г. «Мухаммед Али превратил один из вилайетов (провинций) Османской империи в государство». Но именно его сын Ибрагим, идя по стопам пророка Мухаммеда, связал дело отца с возрождением арабов. Коалиция европейских держав, объединенных Великобританией, помешала его планам воссоединения исламского мира (1833 г). Тем не менее Мухаммед Али и Ибрагим, развивая промышленность и укрепляя обороноспособность Египта, сделали его современным государством. Тогда, в первой половине XIX в., он мало отличался от основных европейских государств. Несмотря на удар, помешавший индустриальному и военному развитию страны, «прорыв к независимому национальному государству был сделан; и это наложило отпечаток на умы и государственные учреждения» (V.16).

История Египта отныне формировалась под знаком колониализма и империализма, но скачок, совершенный в первой трети XIX в., должен был вновь сделать эту страну движу-

щей силой арабо-исламского обновления, когда в 1918 г. Турецкая империя пала. Политическая независимость Египта была восстановлена в 1936 г., но ведущую роль в арабском мире он вновь стал играть лишь тогда, когда уничтожил символ экономического господства империалистов — их власть над Суэцким каналом. Тогда — в третий раз после победы над монголами в 1260 г. и прорыва Мухаммеда Али — Египет занял ведущее положение в исламском арабском движении, несмотря на то, что для иракца или сирийца Египет не является по-настоящему арабской страной, а для мусульманина — не является родиной ислама.

Согласно египетской точке зрения, впервые Египет возглавил арабский мир после великой победы 3 сентября 1260 г., этого поворотного момента в мировой истории, прославившего долину Нила с ее новым центром ислама — Каирским университетом. И вновь это случилось во времена Мухаммеда Али и Ибрагима, а затем Насера.

НАСЕР: ИСТОРИЯ В КАРТИНКАХ

В этих условиях биография Насера вполне заслуживает воплощения в комиксах. Вот в бедном квартале Александрии появляется на свет мальчик по имени Гамаль-Абдель Насер. Его семья происходит из города Ассиута. Он хорошо учится, в 1936 г. становится бакалавром, но не может поступить в военную школу из-за своих убеждений, а также потому, что он является выходцем из народа. Насер начинает изучать право; и наконец, благодаря проводимым в стране реформам Наххас-Паши, становится офицером.

Насера переводят в Верхний Египет, и здесь он заводит себе двух друзей — Захарию Мохе-ад-Дина и Анвара ас-Садата. После окончания войны наши три мушкетера организовали «Движение свободных офицеров». После того как Великобритания в 1948 г. оставила Палестину, они поняли, что наступила пора защищать права арабов. 15 мая 1948 г. арабские войска [sic!] входят

в Палестину, чтобы ее освободить, несмотря на то что им не хватает оружия и они недостаточно хорошо организованы. Молодой офицер Насер в ходе войны встречается с великим муфтием Иерусалима. «Моя группа будет служить освобождению Палестины», — говорит он. «Мы сражались в Палестине, — рассказывает Насер, но мечты наши были в Египте; мы посылали пули во врага, но наши души оставались в Египте. Вдруг выяснилось, что у нас нет больше боеприпасов... Последовал приказ продвигаться вперед против израильтян, но прежде чем мы успели начать действовать, каирские газеты разгласили приказ, и Феллуга была окружена [...]. А я думал о Египте, о его проблемах. Наша страна тоже была как окруженная Феллуга. Результатом явились оккупация арабских земель и тысячи палестинских беженцев». Тогда «Свободные офицеры», находившиеся в армии, определили шесть главных задач революции: 1. Сокрушить империализм и его прислужников. 2. Сокрушить феодалов. 3. Сокрушить власть капитала. 4. Создать мощную национальную армию. 5. Утвердить социальную справедливость. 6. Установить политическую демократию (V.28).

Когда война закончилась, «Свободные офицеры» продолжали свою деятельность на фоне развертывавшейся политической борьбы. После выборов 1950 г. египтяне стали требовать, чтобы англичане ушли из Суэца. Министр внутренних дел Фуад тайком поощрял народные демонстрации и демонстрации федаинов (партизан). «Тут я почувствовал, что медлить с выступлением невозможно, так как события развиваются с большой скоростью и обстановка благоприятствует революции». Федаины стали более активно действовать в районе канала и 15 января 1952 г. взорвали склад с боеприпасами в Тель аль-Кебуре. 25 января английские танки окружили жандармерию, 50 солдат было убито. Власти оставались пассивными во время пожара в Каире, «поэтому 2 июля в 23 часа, когда король Фарук и его министры находились в Александрии, войска, согласно нашим планам, окружили стратегические пункты, радиостанцию, арестовали министров, и менее чем через два часа Каир оказался в руках «Свободных офицеров»».

«План удался», и Садат от имени группы провозгласил: «Черный период истории Египта завершился».

«Свободные офицеры» собирались наказать Фарука.

— Я не хочу крови, отпустите его, — приказал Насер. — Главная проблема это урегулирование наших взаимоотношений с англичанами.

— Единственное условие добрых отношений между нашими двумя странами — это уход ваших войск, — заявил командующий египетской армией Нагиб.

Черчилль прервал переговоры. Он говорил, что Великобритания не откажется от своих интересов на Востоке.

— Независимость не продается, — отвечал Нагиб.

И тогда один из офицеров сказал Насеру, что пришло время возвращаться в казармы» (V.28).

В то время как «Братья-мусульмане» противодействовали революционным изменениям, подстраивая даже покушения на Насера, Израиль 18 февраля 1955 г. напал на Газу. Тогда Насер встретился с Тито, и они вместе разработали основы политики неприсоединения, которая вскоре, после конференции в Бандунге, распространилась в третьем мире. «Конечно, коммунизм представлял собой угрозу для нашей страны, но еще опаснее был империализм».

Египет обратился за помощью к европейским странам и к Соединенным Штатам, чтобы получить оборудование и построить плотину на Верхнем Ниле.

О том, что Пино и Фостер Даллес решили не оказывать помощи, даже не предупредив об этом Насера, тот узнал из утренних газет. Он предложил Революционному совету три возможных варианта решения: национализировать канал; национализировать половину канала; пригрозить национализацией канала. «Я посмотрел на господина Блэка и вообразил, что это был Фердинанд Лессепс, но пока в Совете шло обсуждение, наши братья-солдаты пошли к каналу и оккупировали его». Затем Насер произнес большую речь: «Мы восстановим наши права на плотину, мы не уступим». И он разразился громким хохотом,

саркастическим, безумным хохотом; это была насмешка и месть Египта и арабского мира за все унижения, которые они пережили» (V.28).

«Иден и англичане хотели отомстить, Ги Молле тоже, потому что Насер помогал алжирским патриотам». Насер надеялся, что им помешает Америка и они не осмелятся действовать без ее согласия. «Но тут на Египет снова напал Израиль. Его акцию осудили 18 стран, пользующихся каналом. СССР пригрозил Франции и Британии, и те, «пристыженные», вынуждены были отойти от канала [...]. Весь мир восстал против французов и британцев, включая даже мусульман России [sic!]».

Победоносный герой Насер был хорошим стратегом и дипломатом. «Чтобы предупредить распространение коммунизма», Египет «объединился» с Сирией, однако Насер опасался нападения со стороны турок и говорил: «Мы защитим себя». «Даллес действует безрассудно, — говорил ему Хрущев, — но ни вы, ни я не хотим войны: так будьте осторожны». Когда в 1961 г. Сирия отделилась от Египта, Насер выступал против военного вмешательства. Он стремился оставаться героем-миротворцем. После шестидневной войны Насер ушел в отставку, но народ призвал его вновь, и он опять добился мира и заверял палестинцев в своей поддержке» (V.28).

Конечно, этот рассказ — не более чем лубочная картинка. При этом многое в нем пропущено. Например, практически не говорится о государстве Израиль, о его признании ООН в 1948 г., в том числе народными демократиями и Советским Союзом. 15 мая 1949 г., преследуя цель уничтожения Израйля, в Палестину вторглись египетские, иракские, сирийские, ливанские, трансйорданские войска, а отнюдь не только войска короля Абдаллаха, которые только и упомянуты. Эти войска были отброшены, и ООН предписывала прекращение огня, однако арабы это предписание отвергли. Затем обе стороны отвергли план раздела Палестины. Точно так же в тексте не говорится о провале

экономической политики Насера в Объединенной Арабской Республике, о его неудавшейся попытке провести социальные реформы в Египте. Умалчивается также и о роспуске организации «Братьев-мусульман» до покушения, ответственность за которое возложили на них позже, о заключении в тюрьму руководителей коммунистической партии Египта и о ее запрещении, несмотря на то, что «Свободные офицеры» провозглашали принцип политической демократии. Демократический режим будет установлен на самом деле только в 1976 г. Садатом, да и то лишь частично, поскольку в Египте разрешены всего две политические партии («этого вполне достаточно») и поскольку коммунистическая партия все еще запрещена.

Представление о политике Насера в арабском мире за пределами Египта великолепно отражено в фильме Мухаммеда Шукри Джамиля «Стены». Мелкие торговцы Багдада охвачены возбуждением, вызванным национализацией Суэца. Начавшееся в школах, в ремесленных мастерских движение охватывает молодежь, разговоры о политике ведутся даже в серале. Полиция Нури Саида, «человека англичан», организует слежку за «патриотами» и использует головорезов, чтобы их терроризировать, в то время как крупный торговец вывозит большую партию риса, которого не хватает беднякам, давая чиновнику огромную взятку. Таким образом становится ясно, что империализм и тирания выгодны рвачам, что «здоровые» элементы должны восстать против угнетателей.

На следующий день после национализации Суэца в Багдаде вспыхивает восстание. Его топят в крови. В высшей степени эффектен саундтрек фильма. Необыкновенно красивая музыка сопровождает сцены свадьбы, разгорающегося восстания, похорон жертв репрессий. Замечательно показано, какими путями проникает в багдадские кварталы осознание величия мгновений, переживаемых арабским миром. Багдадский пакт подвергается осуждению вместе с Нури Саидом. Империализм анонимен, ни Англия, ни Америка не

названы. Все выглядит так, как если бы арабская нация была уничтожена империалистами и сионистами, как если бы арабы никогда прежде не подвергались угнетению ни со стороны турок, ни со стороны монголов...

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ В ПАЛЕСТИНУ

В западной историографии принято различать европейскую экспансию XVI–XVIII вв., то есть доиндустриальной эпохи, не затронувшую исламский арабский мир, и то, что в ней собственно называется империализмом, — экспансию по всему миру в эпоху промышленного переворота. В арабо-исламской историографии империализм связывается с появлением на Востоке первых португальских путешественников и торговцев. Относя начало империализма к XV в., арабские историки получают возможность объяснить экономическое «опаздывание» Востока по сравнению с Западом. Оно становится следствием Великих географических открытий. Справедливо ли подобное объяснение? Как бы то ни было, оно позволяет затушевывать последствия османского завоевания, хотя турецкое господство продолжалось несколько веков, а арабское возрождение XIX в., объединившее мусульман и христиан (в Ливане), было направлено в первую очередь против Турции.

Согласно другой традиции, «империализм» начался еще раньше, во времена крестовых походов. Эта концепция возникла относительно недавно. С XII по XIX в., то есть очень долго, в исламских странах не придавали ни малейшего значения крестовым походам. Войны с христианами ничем не отличались от других войн, которые арабы вели на всех границах своей империи. Наконец мусульмане ввели крестовые походы в свою историю и стали их толковать как своего рода реванш христиан за арабское завоевание. В Ираке вся эпопея, связанная с победами над крестоносцами, оказалась вписанной в судьбы арабской нации, в арабский джихад, священную войну.

Проблема заключается в том, что на самом деле «освободители арабской земли», противостоявшие крестоносцам, отнюдь не являлись арабами. Это были как раз их поработители, правители Зенгиды тюркского и Аюбиды курдского происхождения. Вот почему в предназначенных для арабов книгах по истории «арабизируют» Саладина*, «забывая» сообщить, что он был курдом. В самом деле, Саладин великодушен, благороден, рыцарственен — разве эти качества не присущи в первую очередь арабу?

Известно, что арабские эмиры не столько сражались с франками, сколько сотрудничали с ними. Акцент, следовательно, ставится не на них, а на низах общества, на «народных ополчениях», на народном возмущении по поводу договора 1229 г. между Фридрихом II и арабским эмиром, отдавшим христианскому императору Иерусалим.

В Египте обращают внимание главным образом на те крестовые походы, которые угрожали стране, прежде всего на поход Людовика Святого. Крестовый поход фигурирует в качестве отправного момента возрождения Египта: он открывает эпоху лидерства этой страны в арабском мире. Египтяне дважды спасли ислам, одержав в 1260 г. победу над монголами и еще раз — победив франков. На самом деле в обоих случаях победы были одержаны благодаря не египтянам, а мамлюкам — воинам-рабам из числа черкесских и турецких невольников. Именно они стали вскоре хозяевами Египта. В стране господствовали турки, однако во времена Мухаммеда Али она стала первым освободившимся «арабским» государством. Так Египет восстановил свое лидерство в арабском мире и с тех пор его не терял.

Во всех случаях истории Востока утверждают, что крестовые походы, а затем империализм нанесли арабскому миру колоссальный ущерб, не поддающийся оценке. Используя игру слов, они говорят, что принесли Западу пользу (*гунм*), передав ему мусульманскую культуру, мусульманскую науку, искусство строительства крепостей; а Запад причинил Востоку вред (*гурм*), оставляя после себя лишь руины. Они

помогли Европе «пройти путь от стадии детства к стадии взрослости», а та принесла Азии одни разрушения.

Однако, по мнению арабских историков, такая же участь ждет в конце концов всех, кто, как франки, нападает на арабский ислам. Уже в 1911 г. в бейрутской газете «Аль-Химара» была помещена карикатура, на которой Саладин защищал арабов от сионистов. На других картинках на месте фанфаронствующих генералов Гуро, Алленби или историка Луи Мадлена* и писателя Киплинга, произносивших слова о «французском присутствии», или текст «Правь, Британия», появлялись очертания независимых государств Сирии и Ирака.

Урок очевиден. Как в прошлом, изматывая и постепенно уничтожая крестоносцев, арабы отвоевывали свою территорию, так и в будущем арабы одержат верх, прогонят «империалистов», уничтожат Израиль.

Что нынче осталось от франкского государства в Сирии? Что осталось от французского господства в Алжире?

А БЫЛ ЛИ ВООБЩЕ АЛЖИР ФРАНЦУЗСКОЙ КОЛОНИЕЙ?

Предоставим вначале слово женщинам. Камера Асьи Джебар запечатлела их в фильме «Нуба женщин с горы Шенуа». Они не пишут истории и не рассуждают о ней, но в голосах этих женщин слышится рокот истории. С незапамятных времен они творят ее своим чревом, производя на свет мужчин и женщин племени джуржура.

Вот они сидят под высоким балдахином. Асья Джебар показывает их нам в тот момент, когда они рассказывают историю детям: это история предков, история племени, борьбы против христиан (которых никогда не называют французами), против тех, кто опрокинул устои и неизменное течение жизни племени.

Камера Асьи Джебар тайком вводит зрителя в незнакомый мир женщин, воинственная лодочка которых един-

ственный раз, во время восстания 1860 г. против завоевателей, совершила трагический заплыв в Великую Историю. Отныне они изгнаны из нее. Однако шрамы остались, и не все раны затянулись.

То, что мы видим, весьма напоминает картину Эжена Делакруа «Алжирские женщины». Их мирок точно такой же. Согласно мусульманскому закону, они, как и прежде, скрыты от посторонних глаз и хранят молчание. В своем заточении они не должны ни говорить, ни знать. В противном случае к ним относились бы как к ядовитым змеям.

Ася Джебар свидетельствует о бунте против изгнания из Истории, против жестокого разочарования. Но одновременно, может быть помимо собственной воли, кинематографистка свидетельствует и о том, что для этого алжирского селения сто лет присутствия французов означали не больше, чем клещ на хвосте верблюда.

ПЕРЕВЕРНУТАЯ ИСТОРИЯ

История, преподаваемая алжирцам, как можно себе представить, отличается от той истории Магриба, которую учат французы. Прежде всего французы унаследовали римскую традицию, продолжателями которой они себя считали. Возможно, тут обнаруживается единственное совпадение двух интерпретаций: алжирцы иногда называют французов «руми». Но что касается общего понимания истории, то книга «Я знаю Алжир» (V.31) дает детям не просто отличное от европейского видение прошлого, но прямо противоположное ему.

Уже во введении внимание акцентируется на тысячелетнем существовании трех африканских государств.

В книге вспоминаются финикийцы, которые еще до прихода римлян высадились в Северной Африке и завели там торговлю. В тот момент и в период войн между Римом и Карфагеном остальная территория Северной Африки «делилась на три царства: царство мавров (Мавритания) на западе, границей которого была река Малуя, царство масеси-

лов на Тафне и царство массивов на востоке, в Нумидии. Его столицей стала Цитра. Царь Масинисса* правил с 203 по 148 г. до н.э.; он воевал за земли Карфагена под девизом «Африка — африканцам», провел в стране реформы, поощряя земледелие и развитие городов».

После смерти Масиниссы Рим, который аннексировал Карфаген, попытался подчинить царства Магриба [...]. Югурта* устраняет своих двоюродных братьев, «слишком склонных подчиняться Риму», и «овладевает нумидийским тронem». Он отказывается склониться перед волей Рима и в течение семи лет ведет войну, используя тактику быстрых переходов, засад, преследования по пятам [...]. В 105 г. до н.э. из-за предательства царя Мавритании [то есть Марокко] он попадает в плен к римлянам [...].

Римские легионеры постоянно сталкиваются с сопротивлением враждебно настроенного населения Магриба. Со II в. н.э. восстания следуют одно за другим, и, наконец, в 428 г. нашествие вандалов выметает отсюда «остатки клонящейся к упадку Римской империи» [...]. Период вандалов — это время тиранической оккупации. «Однако ее ужасная репутация, по-видимому, преувеличена, так как она создана их врагами». Конец господству вандалов был положен в 533 г. полководцем Велизарием, отвоевавшим эти земли по приказу византийского императора Юстиниана. Византийцы очень жестоко эксплуатировали страну; это время отмечено мятежами и волнениями, которые провоцировало угнетение. Это был период упадка (V.31).

«АРАБСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ БЫЛО ПЕРИОДОМ ПРОЦВЕТАНИЯ»

Так называется глава, которая начинается с арабского «завоевания» (а не «освобождения», как в иракских и египетских учебниках). Его осуществляет арабский военачальник Окба Бен Нафи, основавший в 670 г. Кайруан.

Правительница берберов княжества Орес Дахия Кахина (Нумидия) выступила во главе своих войск против арабов.

Сначала она одержала победу на берегах Мескианы и отбросила врагов в Триполитанию [...]. Однако атаки все продолжались, и в 702 г. Кахина потерпела поражение от внушительной армии, которую вел халиф. Накануне последнего боя она приказала своим сыновьям перейти на сторону врага.

Затем наступил «период бурной и подчас смутной истории, когда, сильные или совсем хрупкие царства и династии возникали и исчезали одни за другими». [...] Это было также время быстрого экономического и культурного развития, когда расцветали искусства и науки.

В 776 г. перс Абд ар-Рахман ибн Рустем основал в Тахерте (Тиаре) государство хариджитов, отпавших от господствующего течения в исламе. Оно процветало до 909 г., когда его завоевали египетские Фатимиды. Преемники Абд ар-Рахмана были вынуждены бежать на юг, где они основали города в области Мзаб.

Страну оспаривали друг у друга две династии — Зириды и Хаммадиты. Они вступали в союзы то с Каиром, то с Багдадом [...]. Этим правителям удавалось держать в своих руках власть на местах и даже пережить нашествие воинственного племени бани хилаль в XI в.

Затем Северную Африку вплоть до Алжира покорили Альморавиды, пришедшие из мавританской пустыни. Они владели также и в мусульманской Испании, где защищались от христианских королей.

В XII в. в Испании и в Северной Африке целое столетие господствовали Альмохады.

В 1235 г. Абд аль-Вадиты из Тлемсена создали независимое государство и новую династию, которая, несмотря на нападения султанов Маринидов из Феса [...], не прерывалась до 1554 г., то есть в течение примерно трех веков.

Столица государства Тлемсен превратился в процветающий город и самый значительный экономический центр Магриба. Он располагался на перекрестке хорошо налаженных торговых путей, соединявших Европу с Суданом. Из Африки везли слоновую кость, пряности, рабов, а главное — золото. По-видимому, именно к тем временам восходит тлемсенский обычай украшать голову новобрачной многочисленными золотыми побрякушками.

В этом изложении с первых слов заметно отмежевание от западного видения событий, восходящего к Саллюстию

и Титу Ливию. Римских историков интересовала история Рима в Африке, а не история самого Магриба. Почитать их, так в Ифрикии только и существовали сторонники пунийцев и сторонники римлян. В текстах же, предназначенных для юных алжирцев, предметом истории являются сами берберы, излагается их собственное прошлое.

Перед лицом карфагенян, пришедших из Финикии, как и перед лицом римлян здесь провозглашается: «Африка — африканцам!» Берберы по очереди борются с пунийцами и римлянами, византийцами и арабами, а затем с французами. В царствах, существовавших до прихода римлян, воплощается самобытная сущность берберов; она подкрепляется возрождением после арабского завоевания государств, которые существовали несколько веков, несмотря на опасности и нашествия. В моменты особенно грозные местные жители вынуждены были уходить во внутренние районы, оставляя захватчикам лишь побережье. Если оккупация продолжалась долго, последним прибежищем становилась пустыня. Но как только вторгался новый завоеватель, жители Магриба оказывались тут как тут и помогали прогнать прежнего угнетателя. Вместе с римлянами они прогоняли карфагенян; вместе с вандалами (которым в тексте учебника даются мягкие характеристики) изгоняли римлян; вместе с арабами — византийцев. Соппротивление власти завоевателей принимало религиозные формы. Сначала это была борьба против религии римлян. При вандалах появилось арианство, во времена ислама — хариджизм. И снова преследуемые Фатимидами хариджиты нашли себе убежище в городах Южного оазиса, в долине Мзаб.

Итак, кочевой образ жизни связывается в первую очередь не с жизнью в пустыне и грабежом, как во французской традиции, но с городской торговлей и свободой.

Точно так же сильная местная власть на уровне племени или деревни — это не примитивная стадия политической организации, выше которой никогда не поднялась Берберия (как это подразумевает или утверждает история, написанная колонизаторами), но именно форма приспособления мест-

ных учреждений к условиям чужеземного завоевания, как повествует история подлинная. Оба эти положения великолепно разработаны магрибским историком Абдаллахом Ларуи (V.9).

Таким образом, европейское представление, согласно которому «темными веками» называется период, когда исламский Магриб переживал свое величие, а периодами «мира и прогресса» — те, когда этот регион находился под иноземным господством, оказывается полностью перевернутым. Местная государственная организация предстает естественной и лишь разрушенной захватчиками, а затем восстановленной после их изгнания с оружием в руках. Речь идет о таком видении истории, которое отвергает идею «запаздывания» Магриба, его «неспособности» сформировать государство, идею «проклятия», поражавшего Магриб во времена нашествий вандалов, арабов, племени бани хилаль, и расцвета в периоды римских легионеров или колонизаторов.

«ФРАНЦУЗСКИЙ АЛЖИР»

«Французский» период занимает две главы: одна — про завоевание, вторая — про «ноябрьскую революцию 1954 г.», как будто между ними была пустота: ни алжирских французов, ни колонизации, ни развития страны.

Французская колонизация начинается в 1830 г. и утверждается после жестоких сражений. Французские войска высадились в Сиди Феррухе. Им оказал сопротивление Абд аль-Кадер*, затем произошло восстание под руководством шейха аль-Мохрани. Вот эпизоды этой истории. Шейх аль-Мохрани 5 мая 1871 г. погиб на поле битвы, но борьба продолжалась и после этого еще около года [...]. Восстание потопили в крови, производились массовые казни, деревни сжигались, посевы уничтожались, скот уводили. Обширные земли были захвачены [...]. Лишенных имущества алжирцев отбросили в горы, в бесплодные пустыни. С 1920 г. алжирское движение возрождается. Основанная в 1926 г. и запрещенная в 1937 г. партия «Звезда Северной Африки» становится

партией алжирского народа и провозглашает национальные требования. Активно действует основанное в 1931 г. под руководством шейха Бен Бадиса движение улемов за становление национального самосознания и культуры. Организации Демократический союз Манифеста Алжира и Движение трудящихся за демократическую свободу ведут пропаганду и участвуют в выборах. Но они терпят поражение, и Движение трудящихся за демократическую свободу основывает секретную организацию для подготовки к борьбе (V.31).

Итак, между завоеванием и освобождением нет переходного периода. «У алжирцев нет родины, потому что они получают в качестве таковой Францию раньше, чем могут задуматься о другой», — говорил Ф. Аббас, основатель Демократического союза Манифеста Алжира. Так что же говорить об этой пустоте? И действительно, ни слова не сказано об основателях партий — о нем самом или о Мессали Хадже, организовавшем Движение трудящихся за демократическую свободу. Ни слова — ни об алжирских профсоюзах или алжирской коммунистической партии, ни о Насере или исламе... Из алжирских деятелей упоминаются лишь те, кто погиб во время «революции».

И, разумеется, никаких следов французов¹. Они упоминаются лишь раз, в связи с конвенцией 1830 г., гарантировавшей свободу и собственность алжирцев. «Однако она не соблюдалась». Говорится, конечно, о французских войсках, пришедших в 1830 г., о сопротивлении, о борьбе с французами. Говорится о полутора миллионах погибших, о сотнях тысяч беженцев, о ставших непроходимыми пограничных районах, о том, что страна была разорена и разрушена. «Такова была тяжелая плата алжирского народа за независимость и свободу».

¹ «Я знаю Алжир» — это первая книга, с которой знакомятся дети. Для детей постарше есть другие, в которых представлен не такой односторонний взгляд на историю Магриба. См., например, отличную книгу «De l'imperialisme à la decolonisation» par Y. Grell, M. Cherif, T. Knalfal-lah, H. Sedkaoui. Tunis, 1967. (Прим. автора.)

Разумеется, ничего не говорится о «воздействии» французов. «Что мне до того, что в моем доме есть электричество, если мой дом не принадлежит мне», — говорил Ф. Аббас.

Но точно так же не упоминается и само по себе «французское присутствие». Нет ни малейшего намека на то, что в течение целого века миллион французов жили в этой стране, что они рожали там детей, трудились, процветали, «пренебрегая правами и честью арабов», подвергавшихся насмешкам и унижениям и в конце концов прогнавших этих французов в ходе очень жестокой войны.

Детям не следует знать ни об этом наказании, ни об этом насилии.

ИСЛАМИСТСКАЯ РЕАКЦИЯ

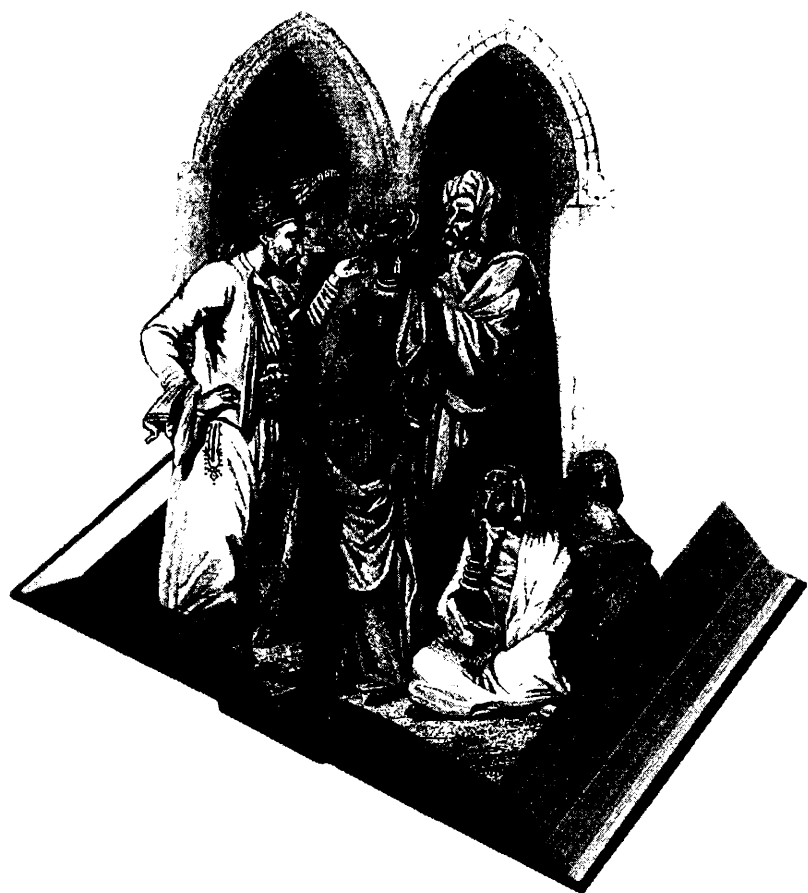
Как в большинстве исламских стран, в Магрибе развиваются фундаменталистские течения, часто связанные с религиозно-политической террористической организацией «Братья-мусульмане», появившейся в Египте в 1928 г. Они подвергают сомнению различные видения истории, преподаваемые в школе, распространяемые в виде комиксов или кинофильмов.

Исламисты критикуют прежде всего создание национальных государств, утверждая, что это «западное изобретение» раскололо единство ислама и являет собой «тюрьму» для мусульман. Ответственность за такое положение фундаменталисты возлагают в первую очередь на Ататюрка, в 1924 г. упразднившего халифат в Турции и создавшего светское государство. Колонизаторы, особенно французы, делали то же самое, а за ними в большей или меньшей степени первый президент Туниса Хабиб Бургиба (1957–1987 гг.) и партия Баас в Сирии и Ираке.

По мнению исламистов, общественную жизнь должны регулировать восходящие к Корану нормы шариата, а вовсе не законы демократического государства. Такая точка зрения учитывается как в суннитской Саудовской Аравии, так и в

шиитском Иране, в какой-то мере она принимается и в Алжире. Она завоевывает себе сторонников вне суверенных мусульманских государств, и это выражается в деятельности исламистских организаций, вроде таинственной Аль-Каиды. Новый импульс распространению исламизма дали взрывы Всемирного торгового центра 11 сентября 2001 г., а также американское вторжение в Ирак.

В то же время большинство мусульман, активно практикующих религию или нет, не приемлют террористическое насилие и далеки от подобного видения истории. Для них характерен сильный национальный патриотизм — египетский, иранский, марокканский и т.д. При этом для всех для них характерно враждебное отношение к американскому гегемонизму.

ГЛАВА VI

ПЕРСИДСКИЙ И ТУРЕЦКИЙ ВАРИАНТЫ: АРАБО-МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР И ИРАН

Краткая хронология

- 550–529 гг. до н.э. — Правление Кира в Персии.
- 521 г. до н.э. — Держава Дария I Ахеменида простирается до Инда.
- 490–480 гг. до н.э. — Греко-персидские войны.
- 334 г. до н.э. — Начало завоевания Персии Александром Македонским.
- 250 г. до н.э. — Объединение Парфии; образование Парфянского государства под властью династии Аршакидов, пришедших на смену Селевкидам, преемникам Александра.
- IV–I вв. до н.э. — Династия Птолемеев в Египте.
- I в. до н.э. — Завоевание Восточного Средиземноморья Римом.
- 53 г. до н.э. — Красс терпит поражение от парфян при Каррах.
- I в. н.э. — Распространение христианства на Востоке.
- 224 г. — Арташир основывает династию Сасанидов.
- III–VI вв. — Восточная Римская империя. Держава Сасанидов распространяет свою власть до Йемена.
- 451 г. — Вторжение гуннов.
- 610–614 гг. — Захват Хосровом II Иерусалима, Армении; апогей державы Сасанидов.
- 628 г. — Поход византийского императора Ираклия против Хосрова.
- 632 г. — Смерть Мухаммада.
- 634 г. — Начало арабских завоеваний.
- 651 г. — Завоевание Ирана арабами. Конец династии Сасанидов.
- 661–680 гг. — Халиф Муавия; начало династии Омейядов.
- 680 г. — Резня при Кербеле.
- 732 г. — Битва при Пуатье между арабами и франками под предводительством Карла Мартела.
- 751 г. — Арабы наносят поражение китайским войскам при Таласе; апогей и конец арабских завоеваний.

750–945 гг. — Династия Аббасидов.

786–809 гг. — Харун ар-Рашид.

IX в. — Эмираты Саффаридов и Саманидов в Иране. Распад «арабской» империи.

945 г. — Взятие Багдада Буидами. Начало династии Буидов.

969 г. — Утверждение династии Фатимидов в Египте.

Вторая половина XI в. — распространение ислама среди тюркских кочевых племен.

1055 г. — Вступление тюркских войск Сельджукидов в Багдад.

1071 г. — Победа тюркских войск над византийскими у крепости Манцикерт.

1174–1193 гг. — Правление Саладина (Салах ад-Дина).

1189–1204 гг. — Третий и Четвертый крестовые походы.

1220 г. — Завоевание Чингисханом Самарканда и Бухары.

1258 г. — Хулагу-хан занимает Багдад.

3 сентября 1260 г. — Разгром монгольского войска египетскими мамлюками.

Начало XV в. — Египет становится культурным центром мусульманского мира.

1405 г. — Смерть Тимура.

1453 г. — Взятие турками Константинополя и превращение его в столицу Османской империи.

1502–1524 гг. — Правление шаха Измаила в Иране; начало династии Сефевидов. Прекращение экспансии Османской империи в Иране.

Первая половина XVI в. — Расцвет мусульманских держав: Османской империи, Персидской империи и империи Моголов.

1571 г. — Морское сражение при Лепанто; турецкий флот терпит сокрушительное поражение от соединенного флота католических государств Европы.

1587–1629 гг. — Правление шаха Аббаса I. Перенос столицы в Исфахан. Широкое строительство в Исфахане.

1623–1624 гг. — Завоевание Аббасом Ирака; взятие Багдада.

1683 г. — Турецкие войска терпят поражение под стенами Вены.

1721–1722 гг. — Поход афганцев-гильзаев на Исфахан. Захват власти Махмудом.

1736–1747 гг. — Правление Надир-шаха.

1739 г. — Захват и разграбление Дели Надир-шахом.

1798–1799 гг. — Экспедиция Наполеона Бонапарта в Египет.

- 1813–1828 гг. – Войны России с Персией. Туркманчайский мирный договор.
- 1830 г. – Появление французов в Алжире.
- 1833 г. – Египет получает автономию при Мухаммеде Али.
- 1853 г. – Русский царь Николай I называет Турцию «больным человеком Европы».
- Середина XIX в. – Возрождение арабского национального движения в Египте.
- 1881–1904 гг. – Завоевание Туниса и Марокко Францией.
- 1882 г. – Бомбардировка Александрии англичанами. Начало английской оккупации Египта.
- 1907 г. – Англо-русское соглашение о разграничении сфер влияния в Иране.
- 1908 г. – Приход к власти младотурок.
- 1914 г. – Установление английского протектората в Египте.
- 1916 г. – Соглашение «Сайкс-Пико» между Англией и Францией о разделе земель Турецкой империи. Провозглашение королем Хусейна ибн Али аль-Хашими.
- 1917 г. – Декларация Бальфура о создании «еврейского национального очага» в Палестине.
- 1918 г. – Распад Османской империи. Иран, Ирак, Египет остаются под англо-французским влиянием.
- 1918–1923 гг. – Возрождение пантюркизма.
- 1936 г. – Англо-египетский договор; политическая независимость Египта.

Из всех мусульманских стран наибольшую дистанцию по отношению к арабам, несомненно, держит Иран. В Египте или же в Магрибе национальное самосознание подчас растворяется в более широком самосознании арабов и сторонников ислама. Египет с удовольствием выступает в роли лидера арабского мира. В Иране же важнейшей чертой «пережитой истории» и ментальности является отмежевание от арабов, несмотря на то, что первые историки в Иране писали по-арабски, а до них там вообще не было историков. Со времен принятия ислама национальное самосознание здесь обретало, как и в Алжире, формы шиизма; однако враждебность к арабам, а затем к туркам была сильнее враждебности к суннитам. Эта черта явно проступает в школьных учебниках.

Кроме всего прочего, для Ирана славная эпоха величия страны — это отнюдь не период исламизации, а время правления Сасанидов, которые были повержены арабами... На европейский взгляд, самый выдающийся период иранской истории — это эпоха Ахеменидов, поскольку ее наследие было воспринято культурой Греции, Рима, культурой Возрождения. Но стоит отойти от европоцентризма, как становится очевидным: великая Персия не знала соперников именно в эпоху Сасанидов. Располагавшаяся рядом с ней соседняя Римская империя клонилась к упадку под ударами варваров. Впрочем, этот период продолжался недолго, и конец ему положило арабское завоевание.

Итак, в Иране, как и в Египте, очень большое место отводится доисламской истории страны. С самого начала отчетливо и даже дважды сформулировано, что иранцы — это арии по происхождению.

ПЕРСЫ, ПОТОМКИ АРИЕВ, — ОСНОВАТЕЛИ ПЕРВОЙ ВЕЛИКОЙ РЕЛИГИИ

«На заре истории. Арии» — так называется вступительная глава учебника по истории, выпущенного университетом Пехлеви (V.29).

Четыре тысячи лет назад с равнин и гор Севера пришли многочисленные племена. Это были арийские племена, и они являются предками современных иранцев [...]. Произведенные недавно раскопки показали, что персы тех времен имели блестящую цивилизацию и были исключительно талантливыми архитекторами.

Таким образом слава Ирана предшествует славе ислама. Персы не всегда были мусульманами.

Как и все древние народы, иранцы в прежние времена верили в многочисленных богов, но Зороастр научил иранский народ думать по-новому. Великим богом стал у них Ахурамазда; его наставления записаны в книге «Авеста». Он учит трем главным принципам жизни: доброму слову, доброму деянию и точной мысли (V.29).

Итак, Иран, прежде чем осознать себя первой из великих империй, выступает в качестве основателя первой великой религии*.

Сначала «храбрые мидийцы прогнали ассирийцев (то есть жителей современного Ирака) и обрели независимость». Насколько всегда соблюдается дистанция по отношению к семитам, настолько ее стараются уменьшить в том, что касается Запада. Об этом свидетельствует история державы Ахеменидов. Она заимствована из греческих и римских источников. Так, здесь обнаруживаются мифы и легенды, связанные с возникновением Рима. Вот история рождения Кира.

У царя Астиага была дочь Мандана. Однажды ему приснилось, что у нее из живота выросло огромное дерево, которое накрыло собой всю Азию. (Согласно Геродоту, «из чрева его дочери вышел такой поток, который затопил всю Азию».) В другом сне из тела дочери вырос виноград. Царь позвал одного из своих магов и спросил: «Что означает этот сон?» Маг ответил: «У Манданы будет сын, который станет величайшим из царей; он захватит принадлежащие тебе земли и целый мир в придачу».

Астиаг испугался и отправил свою дочь на восток страны, где выдал ее замуж за Камбиза. Когда она родила, жестокий дед приказал отнести ребенка в лес и оставить на съедение диким зверям. Слуга, которому поручили это дело, передал младенца леснику. А у того как раз только что умер новорожденный сын, и он сохранил жизнь мальчику, которого ему оставили. Так осуществилась судьба Кира. Он вырос большим и сильным и вскоре пошел войной на Астиага, поскольку тот облагал своих подданных слишком большими налогами. И он победил Астиага.

Кир создал одну из самых совершенных армий своего времени: у него были даже колесницы, запряженные шестнадцатью быками. Цари Вавилона, Лидии и Египта объединились против него, но он вышел победителем и завоевал Вавилон.

Шестьдесят лет назад был найден указ Кира, провозглашавший свободу народов; именно этим указом были освобождены евреи, которые семьдесят лет находились под властью ассирийцев (V.29).

Западный читатель был бы сильно удивлен, познакомившись с историей Дария и его преемников по этому учебнику. Здесь говорится о величии и справедливости царя, о бунте вавилонян, о расширении империи. Дарий много раз водил свои войска в Европу, занял Македонию и часть современной Румынии. И ни одного слова о вторжении Ксеркса в Элладу, о греко-персидских войнах, о Марафонском и Саламинском сражениях.

Отсутствует, таким образом, вся история конфликта «греков с варварами», политический и культурный антагонизм с этими народами, основавшими цивилизацию на Западе, сведен на нет.

А вот сопротивление римским завоевателям воспроизводится подробно, как настоящий урок храбрости и славы.

После Селевкидов и Аршакидов войны с Римом становятся частыми:

Римской армии, которая завоевала Европу и Африку, так и не удалось, даже при Антонии, захватить в Иране ничего, кроме узкой полосы земли.

Величие персидской державы вдохновляет Арташира, мечтающего возродить империю Ахеменидов и восстановить религиозную идентичность Ирана, т.е. зороастризм.

Арташир несколько раз бил римлян, он занял Армению, а его преемник Шапур взял в плен императора Валериана. Сохранился рельеф, где император изображен коленопреклоненным перед Шапуrom, сидящим на лошади (V.29).

В эпоху Шапура II Великого Персия побеждала своих главных врагов. На юге это были арабы, армию которых Шапур II разбивал несколько раз, а кроме того, Византийская империя.

Однажды Шапур II, переодевшись, пробрался в Константинополь. Царя узнали и бросили в темницу, но ему удалось бежать. Во главе армии Шапур подошел к воротам византийской столицы. Император Юлиан атаковал его, но был убит. Шапур II царствовал семьдесят лет и пережил десять римских императоров (V.29).

СИЛА И ТЕРПИМОСТЬ – ДОБРОДЕТЕЛИ ДЕРЖАВЫ САСАНИДОВ

Ездгерд поручил воспитание своего сына арабскому эмиру, правителю одной из провинций империи, для того чтобы сын не рос в окружении роскоши. Тот вырос умелым всадником и охотником. Он и его брат оспаривали престол друг у друга. Было решено, что корону получит тот, кто сумеет достать ее из ямы со львами. Верх одержал Вахрам [...]. Он дал бой желтокожим (гуннам), достиг пределов Индии, предоставил свободу всем христианским народам, которые желали сохранить свою веру, и заключил со всеми мир.

Авторы вновь и вновь стараются подчеркнуть терпимость «царя царей». В действительности же политика насильственного насаждения зороастризма была в это время как никогда активной, в особенности в христианской Армении. Что каса-

ется «мирного договора» между Ираклием и Хосровом, то на самом деле это был раздел Армении между Византией и Персией. «Святой крест был отдан римлянам, и Ираклий лично доставил его в Иерусалим» (V.29).

АРАБСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

Арабское завоевание и падение Сасанидов представляется как катастрофа. Сначала имели место зловещие предзнаменования.

При Перозе на империю обрушилась великая засуха; царь царей закупил продовольствие в других странах, чтобы справиться с голодом, заставлял богатых делиться их запасами. Он учредил праздник Абрезаган в ознаменование долгожданного дождя. Но он совершил и нечто очень постыдное: убил своего брата и других принцев-Сасанидов, чтобы кроме его детей не было претендентов на престол [...]. Наказание обрушилось на него в виде чумы, от которой он умер [...]. Спустя некоторое время в державе Сасанидов наступил полный хаос. Один за другим сменились двенадцать государей, среди которых были две царицы.

В 632 г. на престол вступил Ездгерд III, последний представитель династии Сасанидов. В двенадцатом году хиджры (634 г.) началось наступление мусульман. Они побеждали ссорившихся между собой иранских военачальников. Ездгерд III вынужден был бежать в восточные провинции. Арабы взяли и разграбили столицу Ктесифон, а «царь царей» нашел себе далекое пристанище вблизи Мерва.

Там он попросил убежища у одного мельника, и тот его приютил, но, увидев драгоценности и одежды царя, убил его, чтобы ими завладеть (V.29).

Таков был конец великого царства Сасанидов. Зороастризм стал забываться; «в Иране начиналась новая блестящая эпоха».

Я расспросил Махияра Джавахерьяна, как учитель в школе рассказывал ему об исламе и об арабском завоевании. Он хорошо это помнит. «Первое мое представление об арабах — бродяги, не соблюдающие никаких правил, живущие в пустыне, как придется, разбойники. [...] Будучи отсталыми, они перемещались на верблюдах, тогда как в великой персидской армии была сильная кавалерия. [...] Иранцы были побеждены, но в этом не было вины их царя; это случилось потому, что они были ослаблены многочисленными войнами. [...] Арабы воспользовались этим, и, кроме того, их вдохновляла фанатичная вера, которая могла повести хоть на край света...»

ИМАМ АЛИ, НАСТОЯЩИЙ ИРАНСКИЙ КРЕСТЬЯНИН

История Мухаммада излагается по традиционной схеме, но в шиитском Иране имени Али предшествует титул имама: «Али был первым имамом шиитов».

«Школьное описание Али точно соответствует образу иранского крестьянина», — говорил мне Махияр. Получается, что до Али у Мухаммада не было истинных преемников. Учительница объясняла, что арабы враждовали с Али, потому что он был связан с Пророком через свою супругу Фатиму, дочь Мухаммада, что арабы презирали девочек и часто хоронили дочерей живьем сразу после их рождения. Мухаммад был первым арабом, который стал их уважать, а свою собственную дочь он отдал Али. И кроме того, Али учил искусству управления. «Слова Али» будут изучаться всеми правителями, так же как и слова Мухаммада.

Итак, «прославленный Али защищал честь ислама. Он постоянно боролся с отступниками, но был убит одним из своих врагов» (V.29).

И вот главный эпизод истории шиизма:

После смерти Муавии имам Хусейн, сын Али, провозгласил джихад и отправился в Куфу, чтобы собрать там войско. Однако

жители города не сдержали своего слова: они покинули внука Пророка, и тот остался лишь с семьюдесятью двумя своими родственниками. Он мужественно сражался, но погиб вместе со всеми, кто был с ним. Это был небывалый бой. Хусейн стал жертвой предательства (V.29).

С тех пор исповедующие ислам разделились на верных Али шиитов, у которых было двенадцать имамов, и суннитов, которые говорят, что после Мухаммада было четыре халифа. У шиитов принято насмехаться над двумя последними халифами и поносить их. В день Ашуры в Мешхеде, святилище шиитов, высмеивают Омара, осыпая его оскорблениями по-персидски. О человеке с плохим характером говорят: «это Омар», «у него голова Омара». Смеются также и над манерой суннитов молиться со скрещенными руками, в то время как шииты молятся с простертыми ладонями.

Все это восходит к антиарабской традиции: под негодаями «отступниками», с которыми сражался Али, понимается в первую очередь араб-сириец Муавия. Равным образом арабам приписывается жестокое отношение к девочкам; наконец, «презренный» город Куфа находится в Месопотамии, то есть на территории Ирака, на арабской земле.

Таков один из корней антагонизма между Ираном и остальным мусульманским миром, в особенности Ираком, где преобладают сунниты.

Удивительно то обстоятельство, что Иран стал по-настоящему шиитским лишь восемь веков спустя, в эпоху, когда главными его врагами были не арабы, а турки, которые теперь оказались самыми активными проповедниками и приверженцами суннизма.

Этот факт лишний раз подтверждает, что история излагается так, как она видится сегодня. Изданный университетом Пехлеви учебник забывает упомянуть, что после резни при Кербеле мусульманская Персия в целом еще несколько веков стояла на стороне суннитов.

БЛЕСК МУСУЛЬМАНСКОЙ ПЕРСИИ

Вся предназначенная для детей версия истории вплоть до нашествия монголов в XIII в. проникнута враждебностью к арабским завоевателям.

Халифы понемногу утрачивали свою власть. Потомки дяди Пророка — Аббасиды — пользовались любовью. Иранцы были еще сильнее настроены против Омейядов, чем другие мусульмане. [...] Имея хорошее войско, против Омейядов выступил Абу Муслим, и тут восстал весь Иран вплоть до Месопотамии. В 750 г. халиф из династии Омейядов был убит. [...] Началось пятисотлетнее правление Аббасидов. Халиф Мансур приказал разобрать дворец Хосрова, и на его месте в Багдаде был возведен великолепный дворец из кирпича. Он был выстроен так умело, что арабам не удалось его разрушить (V.29).

Таким образом, вся эпоха Омейядов — от резни при Кербеле до возвышения Абу Муслима (то есть период зависимости иранцев от арабов из Дамаска) отсутствует. Во времена Аббасидов, как известно, империя постепенно превратилась из арабского государства в государство мусульманское, в котором неарабские народы чувствовали себя более свободно. И у истоков этой «революции» стоял именно перс из Хорасана — Абу Муслим. Вот почему эпохе Аббасидов отдается предпочтение, тогда как в иракских учебниках этот период, наоборот, совсем пропадает...

«Иран принял ислам, но не правителей для своих земель», то есть арабов. После завоевания «иранцы все время старались вернуть себе независимость. Государи как будто повиновались Багдаду, но лишь внешне. Иран снова обретал свободу».

Восстановлению независимости способствовали четыре великих эмирата: династии Тахиридов (821–873 гг.), Саффаридов (861–900 гг.), Саманидов (819–999 гг.) и Буидов (935–1055 гг.).

После правления Харуна ар-Рашида, прославленного в «Сказках тысячи и одной ночи» и возродившего персид-

ский этикет эпохи Сасанидов (придав культуре мусульманского мира колорит клонившейся к упадку рафинированной персидской культуры), наступило царствование Мамуна (191–211 гг. хиджры, то есть 813–833 гг.).

«Сын Харуна ар-Рашида был по матери персидского происхождения; он стал халифом и убил Амина в Багдаде». Амин был сводным братом Мамуна, его мать была арабского рода, тогда как Мамун был сыном второй жены Харуна ар-Рашида, персидской рабыни. Предвидя конфликт и образование двух враждующих кланов, Харун ар-Рашид разделил наследство на две части, отдав преимущество Амину. Амин хотел подчинить себе брата, и вскоре между ними началась война. Несмотря на яростное сопротивление арабского Багдада персам, Мамун одержал верх. Для того чтобы сблизить шиитов и суннитов, он попытался официально установить догматы мутаизма*, но ему это не удалось. Однако

поскольку иранцы любили потомков Али, Мамун провозгласил своим преемником восьмого имама шиитов Али ар-Ризу, который происходил от Хусейна. Но имам Али ар-Риза умер, отведав отравленного винограда в небольшой деревне. С тех пор его гробница в Мешхеде является местом паломничества шиитов [...].

Багдадские халифы стремились хитростью и лицемерием расколоть иранцев. Так, они побуждали к конфликтам Саффаридов и Саманидов (династии, утвердившиеся в центре и на северо-востоке страны). Один из Саффаридов, Амр, попал однажды в плен к Саманидам. Сторож готовил ему тюремную трапезу. В этот момент привлеченный запахом пес сунул нос в котелок, застрял в нем и, обжегшись, удрал вместе с котелком. «Вот видишь, — сказал Амр сторожу, — видишь, как все переменялось... Еще вчера искуснейшие повара один за другим подносили мне самые лучшие блюда, а сегодня обыкновенная собака уносит мою миску» (V.29).

«ВОССТАНОВИТЬ ВЕЛИЧИЕ, СУЩЕСТВОВАВШЕЕ ДО АРАБОВ»

«Государство Саманидов, сосредоточенное вокруг Бухары, в X в. переживало исключительный расцвет». Как и Саф-

фарида, Саманиды сочинили себе генеалогию, восходящую к Сасанидам. При дворе Саманидов родилась персидская литература, прославленная «Шахнаме» Фирдоуси и музыкальной поэзией Рудаки.

Рассказывают, что Махмуд из династии Газневидов, пришедшей на смену Саманидам, расплачиваясь с Фирдоуси, приказал выдать ему столько монет, сколько обещал его предшественник. Монеты эти, однако, были серебряные, тогда как следовало платить золотом... Фирдоуси увидел в этом дурное предзнаменование и бежал. Государь, должно быть, раскаялся, так как приказал догнать Фирдоуси и заплатить ему разницу; но поэт к тому времени уже умер.

[...] Тем временем доблестные герои Мазендарана подстерегали арабов с высот Эльбурса (горный массив на западе страны). Больше всего персы хотели возвратить бывшее величие, существовавшее до арабов. Они мечтали прогнать Аббасидов, ставших жестокими и злыми [...]. Наконец, в 334 г. хиджры (945 г.) армия под предводительством Ахмеда вошла в Багдад. Халиф был свергнут, и Багдадский халифат в течение ста лет после этого находился в руках Буидов, выходцев из прикаспийской области Гилян...

Именно в эту эпоху жил Авиценна, великий врач персидского происхождения, сначала при дворе Саманидов в Бухаре, а затем в Исфахане. Его книги (например, «Книга исцеления») служили источником знания для европейской науки того времени.

Газневиды были «могущественными и доблестными» государями. Они завоевали Хорасан, Систан и восточную часть Индии. Махмуд совершил несколько походов в Индию, борясь там с идолопоклонниками и уничтожая идолы. Газневиды покровительствовали художникам и ученым, например великому астроному Бируни, который написал книгу о культуре, религии и нравах Индии.

Затем «Газневиды были побеждены Тогрул-беком Великим, героем из династии Сельджукидов. В 1055 г. он управлял государством, простиравшимся от Туркестана до Средиземного моря. Он был турецкого происхождения, но воспринял иранскую культуру. Тогрул-бек первым стал носить титул султана». Его

преемник, Алп Арслан, в 1071 г. разгромил византийскую армию при Манцикерте; император Роман Диоген «был взят персидскими войсками в плен. Но султан решил его освободить»...

Именно в эту эпоху жил «великий поэт Омар Хайям, астроном и математик, создатель универсального календаря; его собрание мудрых четверостиший “Рубайят” было в 1859 г. переведено на английский язык Эдвардом Фитцджеральдом» (V.29).

АССАСИНЫ (КУРИЛЬЩИКИ ГАШИША)

В это же время секта исмаилитов создала под предводительством Хасана ибн Саббаха тайную организацию ассасинов, которая подготавливала убийства правителей.

Это была «строго централизованная организация; ее члены — борцы, или фидаи, — убили множество знатных людей и правителей. Они жили в неприступном замке и являлись последователями Хасана ибн Саббаха, который посылал их убивать своих врагов. Имя ассасинов происходит от арабского слова хашишийун — курильщик гашиша. Этим наркотиком злоупотребляли члены секты, чтобы пережить в воображении блаженства, рая и чтобы опьянить себя перед совершением своих дерзких деяний. Больше ста лет они сеяли вокруг себя ужас, однако монгольское завоевание положило конец их могуществу, а логово ассасинов было разрушено» (V.29).

СЕФЕВИДСКАЯ РЕСТАВРАЦИЯ

Официально Иран стал шиитским лишь с приходом к власти Сефевидов в 1502 г. Симпатия к потомкам Али проявляется в учебнике постоянно, но в нем нет выраженной враждебности по отношению к государям-суннитам, тем более что те (например, Саманиды) стремились, насколько возможно, обеспечить утверждение и расцвет персидской культуры.

Национальное чувство оказывается сильнее привязанности к шиизму. Ярчайшим свидетельством этого служит тот

факт, что если проклятия в адрес арабов и монголов, «которые все разорили», встречаются достаточно часто, то турок не проклинают. Тексты скомпонованы таким образом, что наводят на мысль, будто Буидов из Багдада прогнали афганцы Газневиды. Однако на самом деле именно турки-сельджуки, разбив в 1040 г. Газневидов под Данданаканом, пришли на смену подлинно иранским государям. Чисто иранский период халифата закончился с падением Буидов. Но в отличие от арабов турки приняли и распространяли персидскую культуру. Отождествляя себя с персидской державой, величие которой они стремились возродить, турки обеспечивали этой культуре наднациональный престиж (V.17). Кроме того, турки называли государя султаном в отличие от прежнего халифа, законность которого таким образом сохранялась. И эта султанская власть впервые появилась в Персии.

Монгольское владычество продолжалось в Иране более полутора веков. И если для большинства исламских стран это владычество связывалось с упадком Багдада и с первым периодом преобладания Египта, то разоренному монголами Ирану удалось (как в свое время Греции) покорить свирепого завоевателя своей культурой, хотя статус великой державы был утрачен.

И еще раз освобождение должно было явиться из северных провинций, на этот раз — от курдского рода, говорившего на азербайджанском языке. Они «называли себя сейидами — потомками Пророка по линии седьмого имама. С помощью кызылбашей*, носивших чалму с двенадцатью пурпурными полосами, курды постепенно распространили свою власть на Иран и основали династию Сефевидов, придерживающуюся шиизма». На самом деле у Сефевидов был своего рода религиозный орден суфитского толка, который сначала провозглашал шиизм в Азербайджане. Из Азербайджана господство Сефевидов распространилось на всю Персию, и в 1502 г. Исмаил объявил себя шахом Ирана.

Сражаясь с суннитами-османами на Чалдыранской равнине, он бился с такой силой, что разрубил своим мечом одну из вражеских пушек (V.29).

На самом деле Исмаил воевал с саблей против артиллерии, находя пушки недостаточно рыцарственными, и был разбит. Но это славное поражение создало ему репутацию героя.

Величие страны укреплялось в долгое царствование Тахмаспа, которое, «к несчастью, явилось чредой войн, разорявших страну, так как шах в борьбе против османов на Востоке и узбеков на Западе использовал тактику “выжженной земли”». Власть контролировалась тогда кызылбашами, воинами-тюрьками, что вызывало сильное недовольство персов. Исмаил II попытался положить этому конец, заменив кызылбашей гвардией из пленников-грузин, обращенных в ислам. Из пленниц-грузинок он сформировал новый гарем; дети грузинских и турецких пленниц оспаривали друг у друга власть. Замена кызылбашей не обошлась без неприятностей.

«На шатер шаха не натягивают старые шкуры», — сказал Исмаил. Вскоре он был отравлен (V.29).

ВЕЛИЧИЕ И УПАДОК

В царствование Аббаса, прозванного Великим, держава вновь обрела могущество и славу.

Прославленный правитель был утонченным человеком, ценившим искусства. Он сделал Иран великим государством, а Исфахан — одной из мировых столиц. Аббас построил сотни километров дорог, мосты, караван-сараи; в одном только Исфахане были построены 162 мечети, 1802 караван-сарая и 273 общественных бани. Шах позвал к себе на службу иностранных советников и с их помощью создал мощную армию. В 1031 г. хиджры (1623 г.) Аббас с помощью английских советников завладел портом Ормуз, принадлежавшим тогда португальцам. Он прогнал также русских из Мазендарана. Преемник Аббаса Хусейн причинил стране много зла: будучи слабым и изнеженным, он потерпел поражение от афганцев. Хусейн отдал им Исфахан и своими собственными руками возложил шахскую корону на голову победителя Махмуда (V.29).

В этом тексте представлена лишь та часть действительности, которая может быть преподнесена детям. Можно ли им, например, рассказать, что, начиная с Исмаила II, борьба за власть отражала гаремные соперничества, сталкивавшие друг с другом кызылбашей, персов, грузин. В этой тлетворной атмосфере сестра Хусейна подсыпала своему брату яд в гашиш и индийскую коноплю; Аббас ослепил своего отца и двух братьев. Нравственное разложение породило эротическую литературу и искусство, прославленное знаменитой персидской миниатюрой школы Бехзада.

Правление династии закончилось апокалипсисом: во время осады Исфахана афганцами 8000 человек умерли от голода и болезней (в четыре раза больше, чем погибло в бою). Махмуд казнил 3000 кызылбашей, затем приказал убить всех членов семьи Сефевидов, кроме троих, то есть семнадцать человек. Вскоре он сошел с ума и был свергнут своим двоюродным братом Ашрафом, который ценой двух или трех провинций заключил мир с Османами.

Афганский период закончился несколько лет спустя, когда один из военных вождей, выступив под знаменем Сефевидов и победив узурпатора Ашрафа, захватил трон и провозгласил себя Надир-шахом (1736 г.). Он прогнал из Ирана как русских, уже утвердившихся на Каспии, так и турок, всегда готовых на захват иранских земель и действовавших заодно с афганцами, тоже суннитами. Надир-шах совершил поход в Индию, захватил Дели и забрал в виде трофеев сказочные сокровища. Это было самое крупное грабительское предприятие в истории.

Симптомы упадка проявлялись все очевиднее. Роскошь двора, необходимость обуздания кызылбашей требовали денег. Государственные земли превращались в коронные, налоговый гнет становился непереносимым. Притом все средства казны служили в первую очередь визирям или шаху и лишь в малой мере — интересам государства. Династия Каджаров пыталась внести какой-то порядок в управление, провести централизацию по образцу западных монархий. Но это повлекло за собой новую волну сопротивления мест-

ных племен. Кроме того, с кризисом XVIII в. заглох «персидский торговый путь», а эпизод афганского завоевания вообще положил конец крупной торговле.

ПОЯВЛЕНИЕ РУССКИХ И АНГЛИЧАН

Ослабленная страна сделалась легкой добычей новых завоевателей — русских и англичан. Мотивы их действий, конечно, различались, но результаты были одни и те же. В борьбе против новой опасности Персия не могла опереться ни на суннитскую Турцию, ни на Афганистан, который она надеялась вновь завоевать.

В 1724 г. Петр Великий, предвосхищая будущее, подписал с Турцией договор о разделе Персии. Это был предвестник договора 1907 г., когда на смену Османам пришли англичане.

Персия не боялась России вплоть до начала XIX в. Например, еще в 1795 г., когда грузинский царь Ираклий обратился к России за защитой от Персии, шах незамедлительно провел в Тифлисе репрессивную акцию и разграбил его. В 1813 г. шах потерпел поражение в большой войне с Россией, и это стоило ему Дербента, Баку и права держать флот на Каспийском море. Он хотел взять реванш в 1826 г., но персидская армия опять потерпела поражение. По Туркманчайскому мирному договору 1828 г. пришлось отдать России Ереван. Соотношение сил изменилось.

Россия все больше и больше вмешивалась во внутренние дела Персии. То она подготавливала отделение Азербайджана, остававшегося иранским, то вмешивалась в вопросы наследования, особенно в пользу Аббаса Мирзы во время заключения Гулистанского мирного договора в 1813 г. Турки и персы не могли объединиться перед лицом общего врага, так как Османы были суннитами, а Каджары — шиитами. Тогда «Тень Бога на Земле» (таков был официальный титул шаха, который в отличие от Сефевидов не был потомком Али) обратился к Англии, заинтересованной в том, чтобы не допустить Россию к южным морям и пути в Индию. Но в Афганистане

интересы англичан, «защищавших Индию» от происков русских, столкнулись непосредственно с амбициями персов: англичане даже объявляли Персии войну, когда Назир аль-Дин в 1856 г. двинулся на Герат.

В то время как английский «союзник» оборачивался врагом, устремление России в Центральную Азию угрожало самому существованию Персии. И кроме того, сторонники сближения с Россией противодействовали проникновению в Персию английского капитала.

Неспособность шаха проводить адекватную политику перед лицом этих двух опасностей вызывала сомнения иранцев в политическом режиме и требования реформ. В городах зарождалось движение против унижительного иностранного вмешательства. В 1890 г., когда шах предоставил английской компании монополию на торговлю табаком, произошел взрыв. Оказалось, что против коррупции и проникновения иностранного капитала единым фронтом выступают торговцы, лишаемые смысла своего существования, и шиитское духовенство, не приемлющее разрушения исламской идентичности, которым грозила экономическая модернизация страны. Точно такой же союз сложился спустя 90 лет, и это привело к падению монархии Пехлеви.

ПОЭЗИЯ ПОДДЕРЖИВАЕТ ПАТРИОТИЧЕСКУЮ ИСТОРИЮ

Еще возникшее в эпоху Аббасидов национально-религиозное движение Шу-убийя делало одной из ставок в противостоянии с арабами защиту персидского языка как языка национального. Саманиды, происходившие из семьи зороастрийских священнослужителей, поощряли в IX в. возрождение языка, проявившееся в творчестве Рудаки и Дакики. Поэты писали, конечно, пользуясь арабским алфавитом, — это было необходимо для поддержания внутриисламских связей, — но на персидском языке. В X в. роль катализатора сыграла эпопея «Шахнаме» Фирдоуси. Она придала персидскому языку

его классическую форму и в эпическом повествовании воспела извечный бой Ирана с Тураном, миф о царях доисламских времен.

В эпоху Фирдоуси Персия была очень велика. Рост ее территории и могущество Махмуда воспринимались как персидское возрождение. Но вскоре страну опять одолели завоеватели, прежде всего турки, к которым Амир Муидзи обращался с патетическими воззваниями. А поэт Убейд Закани, глядя на развалины Ктесифона, вспоминал в своих произведениях величие Сасанидов и былую славу Ирана.

Отныне эта тема становится главной, а патриотическая поэзия служит опорой истории, поддерживает ее в памяти людей. Долгое время патриотизм этот выражался лишь в том, что на персидском языке воспевали любовь. Такова поэзия Саади или Хафиза. Традиции воинствующей патриотической поэзии возродились в XIX в. после унижений «позорных договоров», Гулистанского (1813 г.) и Туркманчайского (1828 г.). Министр шаха Фатх Али Каджара (1797–1834 гг.) Ка-Эммакам писал о «несчастной судьбе этой страны, храбрые солдаты которой еще вчера были в Тифлисе, а сегодня она терпит, как орды русских завоевывают Тебриз. Наши краснорожие солдаты не способны показать русским — этим трусам, этим бабам — ничего, кроме своих задниц».

На смену озлобленности против арабов пришла ненависть к русским и англичанам. Зародившаяся в эпоху Французской революции, патриотическая поэзия смыкалась с либеральным движением и пробуждала патриотизм не хуже, чем проповедь шиитского духовенства. Случалось даже и так, что они смешивались. Революционный дух 1905 и 1920-х гг. выковывала поэзия.

С. Р. Шафак писал в 1952 г.: «Я еще помню, как учениками мы слушали стихи Адиба уль-Мамалека, известного тогда под псевдонимом Амири. Мы имели обыкновение читать наизусть пылкие стихи, напоминавшие о былой славе Ирана, и сетовали на современный упадок. Ораторы революции тоже читали наизусть эти стихи — понятно, какой отклик встречали они у народа».

То же самое происходило с поэмами Мирзы Ага-хана: «Не правда ли, наша страна перевернута вверх дном и превратилась в логово демонов? Не правда ли, тирания нарастает и народ в нищете? Не правда ли, наш шах нищий, страна в опустошении, а народ — отчаявшаяся толпа?» (V.23).

Главные темы поэзии отразились в оперетте «Воскресение», очень популярной в 20-е гг. Древние традиции и зороастризм были в ней представлены как самая суть иранской нации. Великий царь и Зороастр, возвратившись на землю, пришли в ужас, увидев, в каком состоянии пребывает основанная ими страна. Оперетта заканчивалась длинным монологом Зороастра, молящегося о возрождении Ирана.

В отсутствие исторической науки прошлое долгое время осмысливалось в Иране через поэзию.

Общее недовольство иранцев господствующим режимом в последние два века усугублялось тем, что их культура, когда-то столь блистательная и влиятельная, все больше и больше сдавала свои позиции. Лишь таджики в Средней Азии продолжали после исламизации говорить на языке, родственном персидскому. В других местах, даже в самом Иране, постепенно побеждал турецкий язык. «Если, например, турки и персы живут в одной деревне, — отмечает В.В. Бартольд, — то постепенно общим языком всего населения становится турецкий» (V.25). Персидский язык и персидская культура образованных людей оставались последним бастионом.

ТУРЦИЯ: ПРОСЛАВЛЕНИЕ ГУННОВ И КОЧЕВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Было время, когда турки господствовали над арабами, угрожали христианскому миру. В течение пяти веков Османская империя обладала гигантской территорией. Вследствие этого великодержавные настроения довольно сильно распространены в Турции. Крах империи в 1918 г. не сильно их пошатнул. Об этом свидетельствует изложение истории в книжках для детей.

История, преподаваемая туркам, еще больше отличается от общей модели исламских стран, чем то, что предлагается иранским детям. Такая ситуация связана с реформами Ататюрка*, а также с презрением к арабам, которые обрели независимость не без помощи иностранцев. При этом секуляризация истории носит во многом поверхностный характер. «Туркинизация» прошлого Османской державы произошла всего лишь в конце XIX в., до этого империя представлялась как воплощение незыблемости ислама.

Действительно, во времена Ататюрка обнаружились два новых региона, не имеющих никакого отношения к исламу, с которыми стали связывать истоки нации.

Во-первых, это Анатолия, и турецкие историки занимаются скрупулезным воссозданием цивилизаций, предшествовавших появлению здесь турок, вплоть до хеттов (II в. до н.э.).

Во-вторых, это Центральная Азия, и поэтому прославляются цивилизации народов-кочевников, главным образом гуннов, заполонивших в IV–V вв. Европу. Здесь представление о гуннах, этом первом тюркском народе, оказывается совершенно противоположным тому, что имели европейцы, персы и китайцы.

Наши знания о гуннах почерпнуты из свидетельств побежденных ими народов — китайцев или армян, византийцев или арабов. Что представляла бы собой история Франции, изложенная исключительно ее врагами?

История же, которую рассказывают турецким школьникам, оказывается единственной, симпатизирующей гуннам. Здесь кочевые цивилизации во главе с Аттилой или Тамерланом превозносятся и восхваляются. «Аттила оставил о себе память как об очень добром, приветливом государе; это была яркая индивидуальность из тех, что оставляют о себе память в истории» (V.30). Империя гуннов V в., «когда она поочередно покорила Византию и Западную Римскую империю», представлена как *территориальное* образование с двойной границей: собственно империи и народов, платящих ей дань. Рассказывая о договоре 434 г. гуннов с Византией, авторы учебника подчеркивают равенство двух государств во всем,

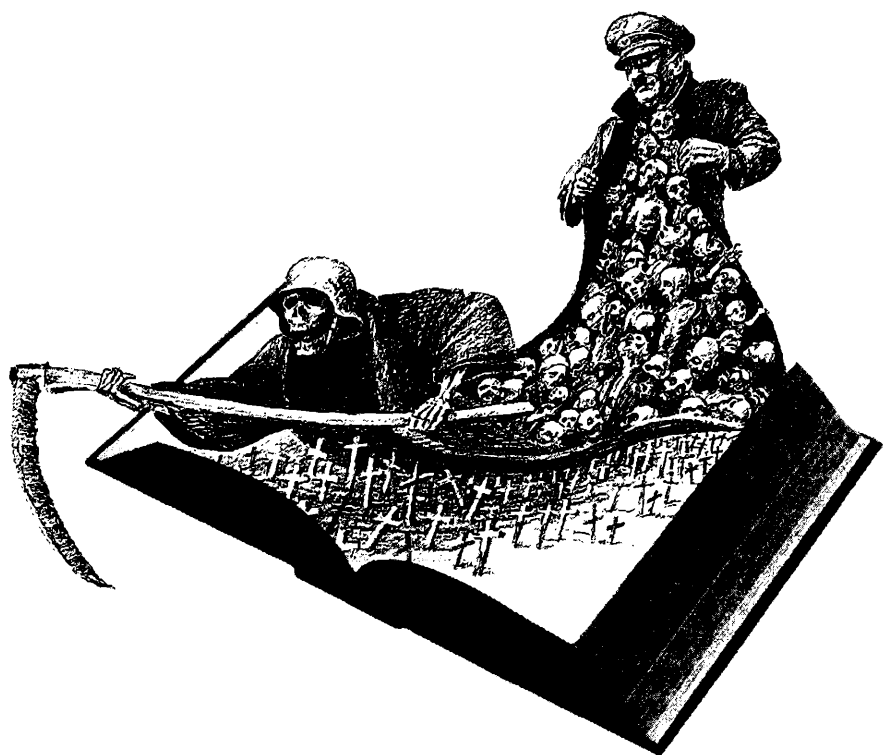
их одинаково высокую организацию, равноценность их установлений.

Экспансия гуннов предстает отнюдь не опустошительным ураганом. Она становится одним из важных формирующих элементов евроазиатского общества. Именно к ней восходят первые опыты европейского рыцарства, как о том свидетельствует эпос о Нибелунгах; она породила множество обычаев и организационных структур, которые после раскола империи стали фундаментом государств с многовековой историей — мадьяр, грузин и т. д.

На другом конце турецкой истории оказывается самое обширное и, разумеется, самое толерантное из когда-либо существовавших многонациональных государств — Османская империя. Память о ней и после ее распада озаряет будущее тюркских народов.

Конечно, после тщетных попыток Энвер-паши восстановить единство турецкого мира от Анатолии до Казани и высокогорных районов российской и китайской Центральной Азии, пантуранизм несколько сбился с пути.

Тем не менее изданный в 1976 г. в Стамбуле учебник содержит в себе пережиток мифа: там помещена карта расселения турок в 1963 г. Серым цветом отмечена граница воображаемого огромного государства, где турки составляют «большинство населения». Оно простирается от Анатолии до советской Средней Азии и Синьцзяна, а в середине его, как в плену, расположено крошечное белое пятнышко: современная территория Армении.

ГЛАВА VII

ОТ СВЯЩЕННОЙ ИСТОРИИ К ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА И ГОСУДАРСТВА: ВЗГЛЯД ИЗ ЕВРОПЫ

Мы уже неоднократно встречались с европейским взглядом на историю и встретимся еще. Однако до сих пор это был взгляд на историю остального мира. В этой главе пойдет речь о содержании и ходе собственно европейской истории.

Разумеется, в рамках одной книги мы сможем коснуться лишь некоторых ее аспектов. Прежде всего мы зададимся вопросом, откуда берется историческое знание. Оно рождается, конечно, не только в сочинениях историков. Бернар Гене отмечает, что наряду с общепризнанным фондом текстов о прошлом, восходящим к Кассиодору, Иосифу Флавию, Евсевию Кесарийскому и другим, на тысячу лет вперед определившим европейскую историческую культуру, существует и другая история. У нее совершенно другие источники, и написана она не на латыни, а на народных языках, в прозе или в стихах. Примером может служить начинающаяся с Брута история Англии, которую в 1338 г. переложил на английский язык стихами Роберт Маннинг и которая предназначалась «не для ученых, а для простых людей» (I.6).

Связь представлений о прошлом с Римом сохранялась по меньшей мере до XV в. Понятие истории осмысливалось как знание о древних временах и включало в себя библейские тексты, Священную историю. Даже королевские чиновники, во всяком случае во Франции, не располагали никакими другими книгами о прошлом. Лишь с XV в. «общей страстью всех просвещенных французов становится история собственной страны» (I.6). И сразу же, как и везде, она начинается

прославлять отечество и легитимизировать существующее государство, т. е. выполнять функции, присущие ей часто и в наши дни.

Однако написанный текст – это отнюдь не единственный источник воссоздания прошлого, не единственный способ его воплощения. В Испании, например, главенствующая роль в сохранении коллективной памяти принадлежит празднику. В Англии, прежде всего благодаря Шекспиру, эту роль играет театральный спектакль. В наши дни, как и прежде, в формировании исторического сознания активно участвуют разного рода зрелища, представления, кино. И все это формирует именно такое историческое сознание, которое соответствующий государственный режим хочет внедрить в головы детей. С особенной очевидностью это проявилось в нацистской Германии. Во Франции историческое знание имело разнообразные истоки, однако здесь интересно выяснить соотношение тяги к истории и страха перед ней.

ИСПАНИЯ: ПРАЗДНИК – СВИДЕТЕЛЬ ИСТОРИИ

Итак, мы покинули страны ислама, но теперь мы в Испании, насквозь пронизанной духом мавританской и мусульманской культуры. Представим себе мольвизарских часовых, в течение нескольких веков наблюдавших, как приближается мавританский флот. Займем их место и послушаем:

Часовой

Стой!.. Кто там?

Посланник-мавр

То мавр нетерпеливый,
И желает он без промедления
Возвестить о прибывшем посольстве
Господину твоему, коль он не скрылся...

Христианский король

Пусть же он приблизится скорее,
Станет у подножия ступеней
И поведает, там стоя, о посольстве,
Кто к нам прибыл и с какою вестью...

Посланник-мавр

Да хранит тебя Аллах великий,
Доблестный правитель Мольвизара,
И Кастилии, и Арагона,
Ратник Иисусова Закона...
Кто же этот замок защищает,
Гнев мой справедливый пробуждает?
Унес бы он скорей отсюда ноги,
Если только смерти он не ищет.
А противься он, как ни жалею,
Вас немедля я повергну в ужас.
И, клянусь Аллахом, даже море
Содрогнется от моих ударов...
Я пришел карать за все обиды,
Те, что Турции великой причинили
Изабелла вместе с Фердинандом*,
Что моих родителей изгнали с их земель...
Да, мой государь великий скоро
Покорит Испанию и тяжко
Покарает дерзких христиан...

Испанские дети могут слышать эту угрожающую речь каждый день. И не в школе, а прямо на площади. С незапамятных времен в Мольвизаре, что близ Мотриля, сохраняется обычай изображать действия бойцов Реконкисты, произнося соответствующие слова. И это совсем не то, что происходит, например, во Франции 14 июля, когда перед застывшим Президентом Республики (а в провинциях — перед супрефектом) дефилируют несколько кавалерийских частей. В Мольвизаре горожане, одетые в древние шлемы и плащи, воспроизводят то, что делали и говорили их предки. Они вспоминают те выражения, в которые был облечен вызов

мавров, свое поражение, а затем реванш и окончательную победу. Эти моменты обязательны, хотя в каждом городе существуют свои варианты воспроизведения сцен *Moros y Christianos* («Мавры и христиане»). Долгими летними днями там, где много веков назад дозорные с высот Бетийских Кордильер возвещали испанцам о приближении турецкой или мавританской армады, происходят эти впечатляющие представления. От Кастилии до Хаки, от Бокайренте до Касереса — более чем в пятидесяти испанских городах побережья разыгрывают *Moros y Christianos*.

Итак, в Испании более чем где бы то ни было прошлое воплощается в самой жизни городов. История становится поводом для празднества. В испанском календаре примерно две с половиной или три тысячи праздников, подавляющее их большинство — религиозные. Однако вслед за ними идут праздники, отмечающие труды и дни народа, его историю. Составляющие важную часть идентичности сцены *Moros y Christianos* возглавляют список. Но воспроизводятся и другие важные моменты истории Испании, так или иначе преобразованные временем. В Сан-Педро существует праздник кельтиберов, в Галисии воспроизводят церемонию 1852 г., связанную с прекращением выплаты дани Кастилии. А кроме того, есть праздник в честь римских солдат в Коголлосе; праздник в честь битвы при Клавихо (859 г.), одной из важных побед христиан в истории Реконкисты; праздник в честь победы Сиды; в честь коронации католических королей; в честь открытия Америки; праздник, прославляющий победу при Лепанто, и праздник, знаменующий освобождение от Наполеона.

Такая история отнюдь не является плодом научной разработки. Она не подвергается никакому контролю. Это просто народная память, так или иначе изменяющаяся со временем. Она не воссоздается специально, как это делается в школьных учебниках, а возникает спонтанно.

Тем не менее обнаруживается очевидная связь между перечнем испанских праздников и перечнем тем, которые изучают дети в младших классах школы. В книге «Энциклопедия,

первая ступень» Антонио Альвареса Переса, выпущенной в 1965 г. (168-е издание), традиционно большое место занимает религия. Она занимает первые 44 страницы текста, тогда как всей истории Испании отводится лишь 37 страниц. Да и в этих собственно исторических главах самые прекрасные страницы посвящены торжеству христианства, потому что речь идет об арабском завоевании Испании и о Реконките. Подчеркивается все, что касается деятельности церкви и распространения христианства, — от святого Иакова Компостельского до Терезы Авильской и миссионеров, отправлявшихся в Америку. «После завоеваний Кортеса и Писарро они совершили еще одно великое деяние: учили индейцев читать, писать и молиться, проявляя невиданное терпение и самопожертвование».

В этом тексте, предназначенном для детей семи-восьми лет, вся история Испании представляет собой длительное сражение за освобождение страны. Враг часто оказывался победителем, но «Испания давала пример героизма [...], начиная с осады Сагунта Ганнибалом, когда все предпочли смерть поражению [...]. Устами жителей Сагунта Испания впервые сказала миру, что народ, умеющий умирать, не может быть рабом». Испании вновь пришлось уступить в Нуманции, на этот раз римлянам. Вириат погиб, но не сдался врагу... И так случалось не раз, вплоть до времен героических защитников Сарагосы, которые противостояли войскам Наполеона.

Наконец, в заключение описывается еще одна «война за освобождение»: та, «которую 18 июля 1936 г. начал Франко, чтобы освободить Испанию от врагов и сделать ее Единой, Великой и Свободной».

Каудильо оказывается единственным «непобедимым» героем прошлого. Он «положил конец преследованиям церкви, убийствам, постоянным забастовкам, которые угрожали захватом власти коммунистами».

Это краткое изложение — не карикатура. И неверно думать, что столь грубо упрощенная трактовка истории свойственна лишь авторитарным режимам. Демократы точно так

же не стесняются «устранять» из прошлого то, что им мешает. И социалистические режимы тоже: мы это увидим.

Существуют вопросы, которых не следует касаться, и это табу распространяется, конечно, на рассказы для самых маленьких. Мы знаем, что Мексика и Перу были завоеваны. Но где же объяснение того, как они были потеряны? Где говорится об огромной испанской империи от Кубы до Манилы и Гвинеи — разве она никогда не существовала? Ни одного слова не сказано об уничтожении индейцев, ни одного слова о работорговле. А что касается прошлого самой Испании, то ребенок не узнает о том, что стало с изгнанными или силой обращенными в христианство евреями и арабами... Он не узнает, по крайней мере из официальной институциональной истории, которую ему преподают, что в 1931 г. Испания была провозглашена республикой согласно волеизъявлению ее граждан. Правда, поскольку институциональная история отождествляется с прошлым Кастилии, то далеко не всякий ребенок считает ее своей, особенно если он каталонец, баск или галисиец.

ИСТОРИЯ ВО ВРЕМЕНА НАЦИСТОВ

Та функция, которую в Испании выполняет праздник, в Англии — театр и роман, в Германии принадлежит опере и кино.

Разумеется, в памяти сохраняются сформировавшиеся в детстве представления о прошлом Германии, почерпнутые из литературы. Представление о Тридцатилетней войне, например, формирует Шиллер, от Фихте воспринимается идея о некоем изначальном предназначении немецкого народа. Но, конечно, видение-греза о величии германского Средневековья, истоков Германии — это творения Рихарда Вагнера. Созданные им грандиозные оперные представления укореняли в германском сознании величественный миф о Рейне*. При гитлеровском режиме происходила как бы модернизация вагнеровского спектакля.

Германское общество периода Веймарской республики раздирали острейшие внутренние противоречия между различными партиями, профсоюзами и т. д. После прихода к власти Гитлера кино (например, «Триумф воли», «Олимпия» Лени Рифеншталь) стремилось показать воссоединение всех немцев, независимо от их социального происхождения и места проживания. Кино воплощало потребность в единении, которого долгое время не хватало немцам и которое теперь приятно согревало их души. Многие ощущали, что Провидение ниспослало им национального вождя — Гитлера.

Нацистский режим придавал важное значение кино, особенно когда дело касалось воспитания молодежи. Уже с апреля 1934 г. руководство кёльнского гитлерюгенда начало пропаганду кино как средства воспитания. Вскоре подготовленные им кинопрограммы стали использоваться по всей стране. Министр науки, воспитания и народного образования доктор философии Бернгард Руст организовал демонстрацию специально отобранных фильмов в германских школах.

В 1936 г. 70 000 школ имели 16-миллиметровые кинопроекторы. В производство было запущено более 500 фильмов: 227 — для начальной и средней школы и 330 — для студентов университетов. С этих фильмов было сделано по 10 000 копий. Впечатляют масштабы этих усилий. Сегодня, когда аудиовизуальные средства распространены широчайшим образом, во Франции для целей образования делается лишь несколько копий с таких знаменитых фильмов, как «Смерть в Мадриде» Россифа или «1936 год. Великий поворот» Тюренна. И наверняка сегодня у нас нет еще 70 тысяч школьных кинопроекторов (то есть по 800 на каждый департамент).

Ничего нет лучше фильма, — отмечал Руст, — чтобы заставить наши идеи проникать в школу. [...] Фильм должен привнести туда понимание нынешних проблем, знание прошлого величия Германии и понимание идеи Третьего рейха. Национал-социалистическое государство решительно и окончательно избрало фильм в качестве инструмента распространения своей идеологии.

В этих условиях вывод о том, что национал-социалистическое видение истории не успело по-настоящему проникнуть в школьное преподавание, представляется ошибочным. Действительно, первые учебники нацистского толка появились лишь в 1937 г., и серия их была закончена к 1941 г., следовательно, никто из молодого поколения немцев не изучал историю исключительно по этим книжкам. Но ведь историческое знание приобретается не только из учебников, а политическое поведение и реакции определяются отнюдь не только знаниями...

Впрочем, существует очевидное доказательство исключительной роли кино в Германии. После разгрома нацизма Германия не могла носить траур по обожаемому фюреру, и история XX в. была полностью вычеркнута из программ преподавания. Табу было абсолютным; юные немцы отвечали на вопрос анкеты, что «не знают, кто такой Гитлер». Запрет распространялся в том числе и на причины Первой мировой войны. Когда Фриц Фишер опубликовал исследование, документально показавшее, что Германия и в 1914 г. лелеяла экспансионистские замыслы, последовал взрыв общественного негодования. Оказывалось, что гитлеровская завоевательная политика не была исторической случайностью, осуществлением бреда человека, страдавшего манией величия. Она претворяла в жизнь старый план, который поддерживала добрая часть немецкого общества. Вырисовывалась, таким образом, кардинальная проблема ответственности всего народа, от рассмотрения которой немцы до сих пор бессознательно стремились уклониться. Отказ от траура по нацизму, в частности, и был формой такого уклонения. В 60-е гг. в Германии именно эта проблема стала одной из причин бунта молодежи против родителей. Старшие поколения обвинялись в том, как они вели себя во время войны, как проявляли способность не видеть происходящее вокруг и таким образом снимать с себя ответственность за истребление евреев.

И вот тогда именно фильм внес раскол в немецкую семью, фильм документалиста Эрвина Ляйзера *Mein Kampf*. Молодые

немцы, эмансипировавшиеся в темных кинозалах, вдруг увидели, какие ужасы творило гестапо и даже доблестная германская армия в варшавском гетто, в лагерях уничтожения. В других фильмах конца 60-х гг. высвечивался и подвергался анализу феномен массовой поддержки нацизма («Охотничьи сцены в Нижней Баварии» Петера Фляйшмана, «Я тебя люблю, я тебя убиваю» В. Бранлера и другие). Однако для того, чтобы немецкое общество решилось открыто посмотреть в глаза всем проблемам нацистской эпохи во всей их полноте, понадобились еще десять лет и показ по телевидению американского фильма «Холокост»*.

Школа во всем этом не участвовала или, по крайней мере, участвовала мало...

Тем не менее следует рассмотреть учебники нацистского режима и сравнить их с книгами предшествующего и последующего периодов. Ибо, как верно то, что нацисты сформировались в школах Веймарской республики, а германские руководители 70–80-х гг. — в нацистской школе, так верно и то, что разрыв между историей, преподававшейся до Гитлера, той, что учили при нем, и той, что учили после, оказывается отнюдь не столь резким, как можно предположить. Просто в 1933–1945 гг. некоторые черты доводились до абсурда, некоторые очень характерные измышления, ложь провозглашались более цинично, более открыто, чем это было в другие времена при других режимах.

Как хорошо показал Райнер Рименшнайдер (II.1), школьные учебники гитлеровской эпохи вдохновлялись непосредственно книгой Гитлера *Mein Kampf*. Автор учебников Дитрих Клагес высказывался в том духе, что *Mein Kampf* — сочинение, сравнимое с творениями Коперника, потому что в нем дан ключ к ясному и очевидному толкованию истории» (II.14). С историческими фильмами того периода дело обстоит, совершенно очевидно, точно так же.

Адольф Гитлер утверждал, что прежде всего нужно «прояснить основные линии понимания истории», «тогда как современное преподавание, в девяноста девяти случаях из ста находящееся в плачевном состоянии, представляет обычно

лишь какие-то факты, даты и имена. [...] Самое же главное вообще не преподается. [...] А ведь надо прочертить основные направления эволюции». Всемирная история «должна быть сгруппирована вокруг понятия расы; греческая и римская история необходимы, но при том условии, что они будут вписаны в контекст истории арийского расового сообщества. Их история — это постоянная борьба за чистоту расы, все время находящейся в опасности из-за происков низших рас, которые стремятся проникнуть в самую плоть здорового народа».

Самое главное, заявлял автор *Mein Kampf*, заключается в том, что

«нашему воспитанию недостает искусства высвечивать некоторые имена в процессе исторического становления нашего народа [...]. Внимание должно быть сконцентрировано на нескольких выдающихся героях; нужно поставить цель возбудить национальную гордость, умея при этом возвыситься над объективным представлением [...]. Изобретателя следует прославлять не потому, что он изобретатель, а потому, что он представляет свой народ... Нужно уметь выбрать самых великих из наших героев и представить их нашей молодежи в столь впечатляющей форме, чтобы они стали непоколебимыми столпами национального чувства [...]. Покидая школу, юноша не должен быть мямлей, он во всем должен быть немцем. Нет сомнения в том, что мир движется к тотальному перевороту. Будет ли это переворот в пользу человечества арийского происхождения или в пользу Вечного жида? [...] Я не хочу, чтобы историю зубрили, я хочу, чтобы она воспитывала».

В этих учебниках вводится педагогическое новшество: история в младших классах рассматривается в обратном порядке, удаляется от нынешнего времени в глубь веков. Адольф Гитлер, таким образом, оказывается первым героем и как бы венчает собой историю. За ним следует Лео Шлагетер, участник «сопротивления» французам во время «оккупации Рейнской области», расстрелянный французами в 1923 г., «национальный герой и жертва версальского дикта-

та». Затем идет Бисмарк, «который, умирая, надеялся, что его дело будет когда-нибудь завершено». Затем Фридрих II, Лютер, Карл Великий и т. д. И, наконец, Арминий — персонаж, точно соответствующий Верцингеториксу в Галлии и Вириату в Испании. Он наголову разбил мощную римскую армию «в сумрачных германских лесах». Арминий желал, чтобы германцы объединились, но они оставались разделенными. Раздоры дорого стоили немецкому народу, который мечтал об объединителе. И вот, наконец, он явился...» (II.13,15,16,17).

Прославление расы, превознесение немецкого народа приводит к явному искажению исторической традиции в совершенно определенном направлении. Оно касается по крайней мере трех областей:

— Проблемы религии и роли Лютера, поскольку Реформация рассматривается не как религиозная проблема, но «как первая немецкая революция, направленная против внешнего угнетения, против Рима. [...] Это было по преимуществу национальное политическое движение, поскольку обновление веры имело целью зарождение нового человека, немецкого гражданина». Лютер мечтал якобы о создании новой, немецкой национальной церкви (той, которую позже будет стремиться утвердить Гитлер), но это было возможно лишь при условии освобождения Германии от власти папы. Кроме того, в эпоху, последовавшую за угасанием Гогенштауфенов, образ рейха постепенно тускнел и принимался. Рейх был раздроблен, презираем, служил добычей для чужеземцев... Папа пользовался этой раздробленностью, а Лютер (плебей, как и Гитлер) стал глашатаем первой германской революции.

— Французской революции, значение которой сводится на нет. В самом деле, несколько посвященных ей параграфов ставят эту революцию в зависимость от американской, которая «оказала сильное воздействие на Францию». События 1789-го и последующих годов выглядят перечнем мятежей и волнений, приведших к «признанию прав челове-

ка в качестве основы конституции». Универсальный характер принципов 1789 г., тот отклик, который они получили в том числе и за Рейном, — всех этих проблем не касаются совершенно. Ведь, как мы видели, революцию в Германии начал еще Лютер, значит, она совершилась намного раньше, чем во Франции... Французская революция никак не могла служить моделью, а американская могла, поскольку освободила своих граждан от иноземного угнетения... Таким образом, не ведая о тех теоретических спорах, начало которым было положено Французской революцией, юный немец не рисковал стать «демократом или кем-нибудь в этом роде».

— Политики «блокады», жертвой которой Германия якобы была всегда, с тех пор как существует. Таково третье важное положение истории, навязываемой немцам нацистскими учебниками. Страх перед этой угрозой, по-видимому, существовал в Германии и до нацизма; однако здесь народная ярость по этому поводу доводилась до пароксизма. Уже перед 1914 г. детей учили, что территория Германии — это кладбище славян, и во все времена немецкий народ жил в постоянном опасении, что славяне возродятся. Бывший когда-то завоевателем и колонизатором, народ Германии теперь должен был рассматривать себя как хранителя цивилизации перед натиском наступающих с Востока масс. Он не без тревоги наблюдал за ростом и приумножением числа западных славян. На территориях, прежде принадлежавших славянам, вроде Померании или Лужиц, уничтожались малейшие следы их пребывания. Как и французы, немцы долгое время верили, что опасность исходит с Востока и, по идее, «прорыв на Восток» (*Drang nach Osten*) должен был служить средством обеспечения постоянного немецкого присутствия в Центральной Европе. Но вот немецкие дети узнают, что появился второй враг — на Западе. Гете писал в мемуарах, что самой большой катастрофой за всю его жизнь была оккупация, когда французские войска обосновались в Кобленце.

А вот текст 1910 г.: «Сегодня против бедной Германской державы английская страсть к наживе и французская ненависть объединяются с амбициями русских». «Отечество окружено... но Бог всегда сокрушал врагов Германии... Бог поразиł Наполеона в 1813 г.», и столетие этого события было с помпой отмечено накануне мировой войны. «Вот почему мы, немцы, не боимся никого, кроме Бога». Здоровому и крепкому немецкому народу нечего опасаться своих западных соседей. С 1872 по 1914 г. он ежегодно отмечал Праздник Седана, напоминавший о поражении и унижении соседа — народа, который считали легкомысленным. «Германия не желала войны, которая готова была разразиться. Кайзер делал все, чтобы ее избежать». Эдуард VII организовал удушение Германии из зависти к ее процветанию и неуклонному укреплению. «Песнь ненависти к Англии» Эрнста Лиссауэра свидетельствует о раздражении немцев против англичан, не желавших поделиться своим господством над миром.

Сразу же после Первой мировой войны, результатом которой явилась крайне тяжелая для Германии версальская система, озлобленность и распространение лживых измышлений стали нарастать. В речах, в школьных учебниках, в кинофильмах неустанно клеймили извечных врагов немецкого народа. В нацистских произведениях к ним прибавилась ненависть к коммунистам, франкмасонам и евреям. Но вплоть до начала войны с грязью мешали лишь внутренних врагов. Например, в серии «Вчера и сегодня» разрушение государства и нравов в эпоху Веймарской республики сопоставлялось с «плодотворными и грандиозными» достижениями Третьего рейха. Запрещались пацифистские фильмы (например, «На Западном фронте без перемен»), так как они мешали подготовке молодежи к новой войне. Наоборот, всячески поощрялся выпуск фильмов о героизме немцев в годы Первой мировой войны, в кино осуждался эгоизм уклонявшихся от отправки на фронт («Штурмовой отряд. 1917 г.», «Человек стремится в Германию»).

Антисоветских фильмов снималось мало, и их производство прекратилось после заключения договора о дружбе и сотрудничестве с СССР. Однако начиная с 1939 г. на экраны хлынул фантастический поток антисемитских и антианглийских фильмов, которые часто бесплатно показывали молодым воинам на фронте, а их семьям — в тылу.

За съемками этих фильмов Геббельс следил лично. Нацистское видение истории и нацистская идеология находили в них свое законченное выражение. В распоряжение гигантских кинопредприятий предоставлялись колоссальные средства, гораздо больше тех, которыми располагали в Голливуде или на советских киностудиях. Например, при съемках фильма «Кольберг» о героическом сопротивлении Наполеону в 1813 г. было использовано 6000 лошадей и 187 000 солдат. Нацистская киноиндустрия работала на «полное удовлетворение энтузиазма масс».

ТРИУМФ ЛЖИ

В нацистской Германии обнаруживаются все традиционные способы низвержения исторической истины. Использовался, например, прием лжи посредством умолчания. Так, в фильме «Кольберг» ничего не говорится о том, что осажденному городу помогали англичане (II.8). Или — что еще проще — искажался сам ход событий. В фильме «Еврей Зюсс» введение крайне непопулярной ввозной пошлины представлено как «идея, которая может исходить только от евреев», тогда как в XVIII в. ввозные пошлины существовали во многих странах Европы (II.9), и т. д.

Встречаются, однако, и специфические формы исторической лжи, присущие только нацистам формы извращения, немыслимые в какой-либо другой пропаганде. И это тем более примечательно, что историческим фильмам всегда предшествует уведомление, что они «основаны на исторических фактах» и что одному из консультантов-историков, Вольфгангу Либенайнеру, присвоено звание профессора.

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ПУТЕМ ПЕРЕСТАНОВКИ

В фильме «Еврей Зюсс» заглавный персонаж, став могущественным министром герцога, насилует дочь советника Штурма Доротею, которая после этого кончает с собой. На самом же деле покончила собой собственная дочь Зюсса, изнасилованная герцогом... Принятие на службу корпуса наемников на самом деле произошло не по предложению Зюсса, а по инициативе герцога, в фильме же эта махинация приписывается евреям (II.9).

ТО, ЧТО ПОСТЫДНО, ПЕРЕНОСИТСЯ НА ДРУГИХ

Преступления, совершаемые режимом: лагеря смерти, «тотальная война» — вызывают ужас и омерзение. И вот в фильме «Превыше всего» (*Über alles in der Welt*) показан Париж в день объявления войны — 2 сентября 1939 г. Полиция устраивает облаву на немцев, ловит их и запирает на стадионе, где они оказываются вместе с евреями, захваченными при таких же обстоятельствах...

Демонстрация фильма «Дядюшка Крюгер» совпала по времени с бомбежкой гитлеровской авиацией английского города Ковентри. Плебеи-буры в этом фильме отождествляются с нацистами, тогда как любовь к роскоши и сластолюбие англичан делает их «евреями арийского мира», а изобретение тотальной войны приписывается лорду Китченеру. И точно так же англичанам приписывается «изобретение» концентрационных лагерей (II.8).

В последнем примере ложь перемешана с достоверными фактами. Действительно, англичане во время войны с бурами впервые использовали концентрационные лагеря. Однако они не имели ничего общего с нацистскими лагерями смерти ни по целям, ни по результатам их функционирования. Гражданские лица содержались в тяжелых условиях, их жестоко косил тиф. Но в отличие от нацистских лагерей

не планировалось и не организовывалось никакое «окончательное решение» вопроса этих заключенных. Предполагалось, что с окончанием войны их освободят, что и произошло. Вот штрих, свидетельствующий о стремлении перенести собственные преступления на других: в «Дядюшке Крюгере» матерей в лагерях разлучают с детьми. Так поступали только нацисты, а отнюдь не англичане.

ФРАНЦИЯ: ТЯГА К ИСТОРИИ И СТРАХ ПЕРЕД НЕЙ

Гонец

Привет мой вам, достойнейшие лорды!
Из Франции принес я злые вести:
Потери, неудачи, поражения...

Бедфорд

Мне им внимать; я — Франции правитель.
Дать панцырь мне! За Францию сражусь —
Прочь, неуместные одежды скорби!
Я раны дам французам вместо глаз,
Чтобы кровью плакали о новых бедах...¹

Это отрывок из «Генриха VI» (часть первая). Суть его повторяется и в других шекспировских текстах. Истории в Англии нет необходимости проявлять франкофобию. Уже несколько веков эту функцию выполняет Шекспир, слово которого является для всех англичан драгоценным сокровищем, как если бы он был новым Гомером (см. примечание в конце главы).

У Франции нет своего Шекспира. При этом соблазн использовать историю, так же как и страх перед ней появляется уже в пьесах времен классицизма. В них, конечно, идет речь о римлянах или о средневековых испанцах, но за внешней интригой каждый мог там найти отображение проблем своего времени. И все же такой прямой, как у Шекспира, свя-

¹ Перевод В. Бируковой. (Прим. перев.)

зи с национальным прошлым, у Корнеля и Расина нет. Между прочим, многие пьесы английского классика (скажем, «Генрих V» или «Генрих VI», но не «Юлий Цезарь») вследствие этой непосредственной связи и потеряли часть своей значимости. В то же время именно благодаря этим пьесам Шекспира, а также благодаря романам Вальтера Скотта в сознании англичан укоренилось определенное видение прошлого Англии.

За неимением своего Шекспира или Вагнера, как в Германии, французы обращаются к романам, имеющимся в изобилии. Их Вальтер Скотт — это Александр Дюма, а также его многочисленные соперники. Начиная с творений Виктора Гюго и до «Анжелики» Анн и Сержа Голонов или «Проклятых королей» Мориса Дрюона, книги погружают читателя в историю Франции. В эпоху колониальной экспансии благодаря Жюлю Верну и Полю д'Ивуа в беллетристику вошел еще и экзотический герой.

Другой канал распространения истории — это комиксы. Конечно, история в них используется скорее как фон, арена действия, чем как непосредственная тема. От современности они незаметно перескакивают к самому отдаленному прошлому. После разворачивающихся в наше время приключений Тэнтэна, развязного и находчивого малого, которому удаются все его проделки, они обращаются к истории галльского вождя Астерикса. Посвященные этому герою комиксы продаются рекордными тиражами, превышающими тридцать миллионов экземпляров. Примечательно, что Астерикс — деятель отдаленной эпохи и, следовательно, не вызывает больших споров. И в этом выборе уже проявляется страх перед историей.

Всякий раз, когда во французскую жизнь вторгается сильное произведение на историческую тему, ему сопутствует настоящий ураган. Гражданская война стучится в дверь! По поводу фильма «Бонапарт» Абеля Ганса французы ожесточенно спорили, содержит ли он фашистские идеи... По поводу фильма Марселя Офюлса «Печаль и жалость» — показали ли

французы себя трусами во время нацистской оккупации... Понятно, что телевидение предпочитает экранизации исторических романов. Один документ цензурного ведомства в 70-е гг. так и объяснял: «Не следует вновь будить уснувшие страсти». Телевидение знакомит, конечно, с документами архивов (например, в телепередаче «Камера исследует время...»), но очень мало таких сценариев, которые могли бы породить «волны», широкий отклик... И кино, считающееся более независимым, проявляет не большую смелость. Серьезных исторических фильмов снимается мало, аудитория их невелика. Проблемная история во Франции распространена значительно меньше, чем история-греза, история-бегство от действительности, история как арена занимательных историй.

Откуда же берется, с одной стороны, огромный современный интерес к прошлому, о котором свидетельствует фантастический успех иллюстрированных обзоров, журналов и комиксов? И в чем причина, с другой стороны, боязни аналитической и критической истории, которую демонстрирует французское общество?

В 1969 г. я писал в книге «Великая война»: «Зануда-историк сказал бы, что Франция одарена не столько собственно военным гением, сколько гением войны гражданской. За исключением 1914 г. она никогда не имела опыта настоящей длительной национальной войны. Бросьте взгляд на ее недавнюю и древнюю историю, и вы увидите, что все конфликты, в которых участвовала нация, столь гордая своей военной славой, в большей или меньшей степени связаны с гражданской войной. Это очевидно в отношении событий 1939–1945 гг., но точно так же бросается в глаза при изучении Революции и Империи или даже эпохи Жанны д'Арк и Бургиньонов, Генриха IV, Лиги, времен Ришелье. Даже в 1870 г. нашлась партия, которая втайне или открыто желала поражения властей предрежащих. “Партии иностранцев” во Франции не было только в 1914–1918 гг.».

Написанное мною об историческом пути французского народа я мог бы отнести и к французской исторической нау-

ке. Интерпретация истории является у нас одной из любимых арен гражданских конфликтов, в которых сталкиваются разные интересы и идеологии напластываются одна на другую. Как это происходит, можно посмотреть на примере толкования подвигов Жанны д'Арк.

Споры начались еще при жизни героини. Люди короля, рационалисты, верующие противостояли друг другу, поразному оценивая ее деяния, и с тех пор несогласия по этому поводу продолжают. Они только меняют обличья, однако конца дискуссиям и распрям не предвидится.

Американский историк Джордж Хапперт (I.7) констатировал, что французские авторы XV–XVI вв., говоря о Жанне д'Арк, не использовали имевшиеся буквально под рукой документы, прежде всего архив суда над Жанной. А что касается официальных историков, так те вообще практически игнорировали подвиг Девственницы. В «Анналах» Жиля (1553 г.) Жанне отведена совершенно ничтожная роль; главным действующим лицом в драме там становился король. У Жиля нет и намек на судебный процесс о ереси и ведовстве или на какие-то чудеса. Не может же в самом деле триумф короля сопровождаться помощью колдуньи или святой! Задача короля, его юристов и его историков состояла в том, чтобы найти национальное, а не исходящее от Церкви обоснование законности его власти. Гаген несколько позже говорил о жестокости англичан, о добродетели Жанны; в противном случае Карл VII оказался бы обязанным своим престолом силам зла. Король позволил Жанне помочь ему в борьбе. А изображение служения монарху требовало придания героине светского характера, а также некоторого приуменьшения ее роли.

Непонятно, конечно, как простая деревенская девушка смогла добиться того, что ей доверили командование армией. Первое рационалистическое толкование этой загадки принадлежит Бернару де Жирану дю Айяну. Он объяснял, что чудо с этой девушкой было «задумано, подготовлено

и проделано ловкими военачальниками. [...] Такова сила религии и суеверия». Другими словами, сторонники дофина поняли, какую пользу можно извлечь из появления Жанны, и сделали из нее «чудо», которое отлично «работало» в течение некоторого времени...

Хапперт пишет, что религиозная версия появилась позже — в «Анналах» Бельфоре. Здесь Жанна выглядела наивной и чистосердечной. Бог сделал эту бедную пастушку исполнительницей своей воли, так как он — согласно уточнению историка XVII в. Франсуа Мезерея, весьма, по-видимому, информированного, — хотел спасти дофина. Жанна явилась орудием Провидения, и она шествовала от чуда к чуду. А в плен она попала тогда, когда преступила пределы своей миссии. Ее роль ограничивалась коронацией короля, после чего «ей следовало возвратиться домой. Однако она заупрямилась. И Господь, требующий беспрекословного повиновения, не стал ради нее продолжать творить чудеса» (I.7).

Несколько веков спустя монархия пала, и для республиканского правительства описание подвига Жанны уже не являлось источником затруднений. Таким образом, сохранилось два противоположных взгляда на ее историю — религиозный и светский.

Нынешних католиков больше всего смущает руанский процесс Жанны, палачество аббата Кошона в отношении святой. Иногда Кошона ненавязчиво убирают с иллюстраций (I.5), или же утверждается, что Церковь лишила его сана. Ответственность при этом всецело перекладывается на извечного врага — англичан, которые, кроме всего прочего, еще и впали в англиканскую ересь.

Неверующих же смущают «голоса», которые Жанна слышала в родной деревне Домреми. На иллюстрациях избегают изображать святых Михаила и Екатерину. Предполагается, что голоса были «внутренние», наиболее же решительные авторы утверждают, что у Жанны были «галлюцинации».

Историк Эрнест Лависс служил Республике, мечтал о реванше над Германией и стремился ради этого объединить

широкое и разнородное общественное мнение, в том числе и католиков. Он искал формулу, приемлемую для всех, и вот что у него получилось. «Жанна слышала *кого-то*, кто велел ей быть доброй и разумной. [...] Она *верила*, что слышит голоса, идущие с неба. Эти голоса говорили ей о несчастьях Франции». Процесс был делом «епископа-злодея Кошона» (в издании 1904 г., современном достижению «Сердечного согласия», следовало считаться с англичанами). Поднимаясь на костер, Жанна произносила, обращаясь к злодею-епископу города Бове: «Епископ, я умираю за вас». Лависс, однако, позаботился о спасении чести Католической церкви. Когда Жанна поднималась на костер, неподалеку от нее оказывался монах: «Я хочу видеть его, умирая», — говорит Жанна. А в последнее мгновение она испускала вопль: «Иисусе!» Лависс в данном случае проявлял не менее восхитительную информированность, чем живший на два века раньше Мезерей. Дело в том, что о смерти Жанны д'Арк не осталось никаких свидетельств. Известно только то, что она умерла на костре. Все остальное — чистый вымысел.

Любое покушение на религиозную трактовку образа Жанны всегда вызывало бурную реакцию. Об этом свидетельствует также относящееся к 1904 г. дело учителя Талама.

Преподаватель истории Амедей Франсуа Талама предложил ученикам написать сочинение о Жанне д'Арк. Один из них написал: «Она есть гордость религии, а не языческая богиня. [...] В короле она видит лишь наместника Христа. Она явилась, чтобы возвратить Францию Христу». Такое толкование не встретило одобрения преподавателя, при этом он, как сам утверждал, руководствовался следующими соображениями: «Не следует вводить в историю чудо. Как историк я не должен верить в Бога, который не является исторической личностью. Роль Жанны вовсе не состояла в том, чтобы завоевать Францию Христу. В ее личности не было ничего сверхъестественного, это была простая, славная крестьянка. У нее были слуховые галлюцинации, которые она объявила голосами небесного происхождения». Поскольку у ученика

ничего не говорилось о суде над Жанной д'Арк, то преподаватель восполнил лакуну, объяснив, что «сегодня этот процесс выглядел бы несправедливым».

«Журнал начального образования» писал по этому поводу: «Конечно, в лицее Кондорсе, где преподает Талама, есть дети из религиозных, клерикальных, неистово фанатичных семей, настроенные против учителя; ученик № 8, главный свидетель обвинения, заявил, что преподаватель говорил: “Я не верю в вашего Бога, а еще меньше в его служителей”. Однако тот же самый ученик несколькими днями ранее утверждал: “Преподаватель сказал, что, как историк, он не должен верить в Бога” [...]».

Директор лицея г-н Шомье упрекал Талама, что «тому не хватило такта и чувства меры». Учителя и преподаватели пришли в волнение. В муниципальном совете Парижа по этому вопросу выступал Шассень-Гийон: «Демонстрация преподавателей в поддержку Талама на самом деле направлена против Жанны д'Арк, потому что она является воплощением патриотизма. [...] Настало время вмешаться и вернуть этих зарвавшихся чиновников к здоровому взгляду на вещи. [...] Завтра они скажут, что знамя — это всего лишь тряпка, казарма нечиста, а родина — это утопия».

Социалист и антиклерикал Ги Файе также осудил Талама. «Он посягнул на славу Отечества, а это преступление. Горе зубоскалам, которые позволяют себе высмеивать божественную миссию этой великой ясновидящей. Но и вам, господа реакционеры, не дано права толковать о Жанне д'Арк. Вы что, забыли, что это ваши епископы, ваша Церковь схватили ее, судили и отправили на костер? Вы совершаете святотатство, предъявляя права на Жанну, о которой не вспоминали пять веков. Она — дочь Франции, ваша же родина — это Рим, Церковь, Ватикан».

Г-н Талама получил выговор, и отныне «ни один учитель не был защищен и уверен в завтрашнем дне. Все мы отданы на милость первого попавшегося неуча, которому вздумается пожаловаться, первого доносчика, будь он туп или умен».

Действительно, подобное «дело» может возникнуть в отношении любого персонажа, о котором спорят верующие и неверующие. Это может быть Хлодвиг, христианская мученица Бландина или Фенелон... Такая распря может вспыхнуть между протестантами и католиками, реформаторами и традиционалистами, революционерами и контрреволюционерами, милитаристами и пацифистами, социалистами и республиканцами и т. д. А в XX в. были еще фашисты, коммунисты, был болезненный раскол между коллаборационистами во главе с Петеном и движением Сопротивления, была ожесточенная борьба по поводу алжирской войны.

Пример интерпретации феномена Жанны д'Арк позволяет нам приблизиться к современности, поскольку в тридцатые годы Жанна сеяла раздоры между французами, а затем ее сделало своим знаменем правительство Виши. Но и Сопротивление тоже... (I.5)

Если так обстоит дело с Жанной, то что же происходит с более животрепещущими и близкими к современности сюжетами? Как общество воспринимает, к примеру, Реформацию вместе со всеми порожденными ею конфликтами, которые так великолепно проанализированы в коллективном труде под руководством Ф. Жутара (I.8)? Что делается с Французской революцией, имеющей множество разных толкований (I.9)? Как быть с вызывающими острую реакцию проблемами колониальной экспансии, Виши и т. д.?

Было бы иллюзией, впрочем, думать, что более отдаленное прошлое не может породить споров и конфликтов. Так, например, на протяжении XVIII–XIX вв. происходила напряженная борьба по вопросу о происхождении французов. Сначала преобладала концепция, согласно которой пришедшие из германских лесов благородные франки принесли свободу и противопоставили ее деспотической христианской монархии. Затем победила теория, по которой носителями демократических свобод являлись галлы*.

В наши дни появился еще и новый «фронт» противостояния. Политика чрезмерной централизации, постоянное предоставление преимуществ одним регионам в ущерб другим породили реакцию в провинциальном сознании; появилась контристория.

Суть ее состоит в неприятии имеющей якобинское происхождение идеи, согласно которой прогресс, воспринимаемый как смысл истории, отождествляется с ростом могущества государства. Начался процесс анализа замалчиваний и пропусков в историческом знании, считавшемся до сих пор объективным. Так, выяснилось, что «брачный союз» с Бретанью осуществлялся насильственным, что после «покупки» Корсики ее пришлось усмирять военными методами. Обнаруживались подробности о том, каким образом к королевству присоединялось Тулузское графство, как свободная Каталония в 1793 г. была ограничена только лишь ее запирейнейской частью. Такова была политика якобинцев, в XX в. повторявшаяся Советской Россией в отношении сопредельных с ней государств. Здесь это называлось наступлением социализма.

Так понемногу вырисовывались разные видения истории, каждое из которых в чем-то отличалось от традиционного, того, что давалось в школе. Однако в них во всех воплощается память французов. Так или иначе, объединял или разъединял их все тот же пантеон героев «школьной» истории, так прекрасно проанализированный Кристианом Амальви (I.5), все это отнюдь не означало воцарения хаоса. Однако казалось, что огромное разнообразие взглядов, свойственное демократии, в данном случае вступало в противоречие с объективным научным знанием. В то же время государство почувствовало в этом разнообразии опасность и начало бороться с ним. Профессора истории горячо спорили как с левыми, так и с правыми, отстаивая «историческую истину», соответствующую якобы «фактам». Но при этом отбор фактов был, в свою очередь, продиктован идеологией. Понятно, что именно во Франции победила школа

«Анналов»*, ратовавшая за «клинический» анализ исторического прошлого.

Традиционная история по образцу Лависса была уязвима. Африканцам она рассказывала о «наших предках галлах», а, рассказывая юным французам о Второй мировой войне, забывала упомянуть о коллаборационизме, о Виши, о Петене.

Во Франции говорят, что государство не любит истории с ее вопросами и сомнениями; а если у власти правые, то оно не любит также и философии. Историю цивилизаций стали вводить в программы в рамках их обновления, которого требовал якобы современный уровень развития гуманитарных наук. Сказывался общий прогресс наук о человеке, деидеологизация истории, стремление придать ей характер «истинной» науки.

Но то, что у ученых явилось прогрессом по сравнению с традиционной событийной историей, в системе передачи и приобретения знаний, да еще в руках министерских чиновников стало шагом к разрушению исторического образования. Не следует забивать головы детей многочисленными деталями и датами, история должна формировать юные умы, провозглашали составители программ. Вместо того чтобы изучать периоды, стали изучать темы. Прошрое рассыпалось, внешний прогресс достигался в ущерб приобретению исторических знаний, то есть в ущерб памяти нации, ее самосознанию.

Но ведь и это самосознание — объект исторического познания, притом что в основе его лежат спорные и неоднозначные факты, как мы показали на примере Жанны д'Арк. Об этой проблеме речи не заходило по причине перегруженности программы. А государство, напротив, со всей решительностью старалось ее облегчить. И вот история уже не преподается в младших классах; в них действует программа так называемой пробуждающей деятельности, в которой исторические сведения преподаются факультативно.

Одновременно с этим преподаванию истории бросили вызов средства массовой информации, прежде всего телевидение. Домашний экран представлял за редким исключением так сказать, стерилизованную, беспроблемную историю, далекую от анализа истоков настоящего. Это история грез, своего рода экзотика, необходимая для расслабления по вечерам уставших граждан. При этом телевидение, конечно, неизмеримо привлекательнее преподавателя в классе, и оно превратилось в своего рода конкурирующую «параллельную школу», участвуя в распространении исторических знаний.

Поначалу учителя не придали этому значения. Они заняли по отношению к телевидению высокомерную и снисходительную позицию, как когда-то их предшественники по отношению к кино. Однако постепенно им волей-неволей пришлось отказаться от позиции наблюдателей и превратиться в посредников. Вместо изложения собственного урока они все чаще и чаще вынуждены комментировать чужой, полученный по телевизору. Учителя перестали быть главным каналом получения знаний.

К этому добавлялись удары со стороны издателей. Почувствовав кризис образования, ярко проявившийся в мае 1968 г., они приступили к работе над книгами, в которых на смену историческому повествованию, якобы вышедшему из моды, дискредитированному, нежизненному, пришли документы и статистика и все тот же тематический подход. Вместо того чтобы дополнять средства массовой информации, издательства хотели конкурировать с телевидением (как железные дороги во Франции пытаются конкурировать с авиацией). Книги переполнились огромными цветными картинками, на их страницах ставились целые спектакли... Если передача должна насчитывать 52 минуты, или 13, или 26 минут, то теперь и в каждой главе должно содержаться одинаковое количество страниц, а на каждой странице столько-то картинок, фотографий и т. д.

От истории, которая давила обилием материала, перешли к истории, выдаваемой по крохам. Рационы ее стали мизер-

ны, форма подачи неудобоварима, язык непонятен. Над текстом книги возобладал ее макет.

Подобные книги в руках школьников, конкуренция телевидения, все более жесткий министерский контроль, инструкции и инспекции, вмешательство различных ассоциаций — все это вместе привело к тому, что историческое образование было попросту убито. Система породила настоящий хаос, дети «перестали знать историю». И как бы заполняя эту пустоту, как грибы осенью стали расти обозрения в журналах, комиксы, в которых история, какой она была во времена отцов, воспроизводится в свете сегодняшнего дня.

Такая ситуация породила противодействие, возглавленное «Ассоциацией преподавателей истории». Выступая за использование кино в преподавании, за изучение современности, за восстановление истории как обязательного предмета в начальной школе, за разумное планирование программ, она сумела сплотить вокруг себя историков разных направлений и выиграть первые сражения. Правда, и само преподавание истории обрело к тому времени новые возможности.

Пронесшийся ураган оставил одни обломки от прежней системы обучения. Тем не менее итог и опыт последних двадцати лет отнюдь не во всем негативен; учителя многому научились. Им пришлось интенсивно размышлять о том, что такое история, каковы ее методы и задачи, как работает историк. Отталкивались ли они при этом от идей Мишеля Фуко* или от исканий и достижений школы «Анналов», от книги Поля Вейна (I.16) или от споров о так называемой марксистской истории — результат оказался налицо.

Итак, желая получить непосредственное представление о «пробуждающих» занятиях, я отправился на уроки истории в начальную школу моего квартала Сен-Жермен-ан-Лэ. Мое изумление не поддается описанию.

Школа «Ампер» — самая обыкновенная. Я не выбирал ее специально и не пользовался никакими рекомендациями. Просто обратиться туда мне было удобнее всего. Когда-то здесь училась моя дочь Изабель. И вот я явился туда совершенно не-

ожиданно и, встретив прекрасный прием у директора и преподавателей, со следующего дня присутствовал на уроках.

В классе Алины Жосс на втором году обучения дети 9–10 лет рассматривали историю Франции через призму истории квартала Сен-Жермен. Смысл обретал каждый камень, каждый портал, каждый городской пейзаж. Каждое изменение в облике города рассматривалось по отдельности и тут же вписывалось в широкую историческую перспективу.

В курсе истории Средних веков Маргерит Трюблеи я попал на турнир. Разглядывая печать Ангерана де Мариньи 1310 г., дети восстанавливали все стороны жизни знати: анализ миниатюры с изображением турнира дал повод к упражнениям, достойным Ролана Барта* — знаменитого специалиста по семиотике. Рассуждение вращалось вокруг слова «турнир», вокруг различных способов исторического письма. Что мы можем извлечь из сопоставления повествования, сказок, картинок?

На уроке Николь Дармон (первый год, 8–9 лет) я поначалу не поверил своим ушам. Как и на предыдущих уроках, это было не вещание с высокой кафедры, а именно пробуждение мысли. Я хотел сохранить себе какое-нибудь свидетельство, и вот привожу здесь коллективный текст — итог урока. Искусствовед Пьер Франкастель возликовал бы в могиле, если бы увидел, что за два часа урока удалось понять в Возрождении тридцати мальчишкам и девчонкам. При этом в их распоряжении имелась только дюжина репродукций, ничего больше. Текст был составлен у меня на глазах, я точно воспроизвожу его, лишь кое-где исправив орфографические ошибки.

Вопрос. Почему XV и XVI вв. называли Возрождением?

«Рассматривая наши картины, мы установили, что если в Средние века человек интересуется в основном своим спасением (Элоиза), то с XIV в. он начинает интересоваться всем миром (Жан-Марк) и самим собой (Сесиль). Начиная от Фра Анжелико и его картины «Снятие с креста» (1435 г.) и до Тициана с его «Мадонной с кроликом» (1530 г.), пейзаж приобретает все боль-

шее и большее значение (Паскаль). Стремятся изобразить пространство (Стефани), вводя, например, в картину зеркало, как в «Чете Арнольфини» ван Эйка (Амели), или конструируя перспективу, как на «Портрете канцлера Ролена». Заметно также, что появляется много портретов (Валери): это портреты буржуа и крестьян у Брейгеля (Николя), но прежде всего портреты дворян и принцесс у Рафаэля и Пьетро делла Франческо.

Художник также любит изображать себя; ему нравится любоваться собой (Эммануэль); таков автопортрет Дюрера. Библейская сцена подчас становится не более чем предлогом, как на картине Веронезе «Брак в Кане Галилейской».

Скульпторы, как и в Античную эпоху (Оливье), интересуются изображением человеческого тела (Софи). Архитектура обогащается загородными дворцами (Анн-Франс) вроде Шамбора, Шенонсо. Элементы древнего укрепленного замка теперь играют лишь декоративную роль.

В эпоху Возрождения развивается научная мысль (Марина), появляются автоматические устройства Леонардо да Винчи. Галилей в противоположность церковному учению заявляет, что Земля вращается вокруг Солнца».

Признаюсь, я был восхищен. Конечно, я задавал себе вопрос: а что, этот Сен-Жермен, турниры, Возрождение и замки — это страх перед историей или подчинение ее соблазну, тяга к историческому знанию? Ведь, насколько я себе представляю, такой подход гораздо труднее осуществить по отношению к революции или фашизму, к Парижской Коммуне или к коллаборационизму. Тем не менее я очень надеюсь, что это получится, и тогда у этих граждан и гражданок будет понимание истории, сформированное их собственными усилиями. Это действительно пробуждение, и оно стоит дороже любого навязанного знания: книгой ли, учебным курсом или фильмом.

ПРИМЕЧАНИЕ

История в Англии меньше страдает франкофобией, чем во Франции — англофобией. Пьер Данино в «Уроке истории»

(I.21) отмечал, что англичане чествуют Жанну д'Арк «как самую храбрую женщину всех времен [...], великую героиню, святую...». В настольной книжке английских детей, изложении «Видения о Петре Пахаре» Уильяма Ленгланда, говорится по этому поводу, что «англичане сегодня со стыдом вспоминают своих предков». Единственный момент, который в отличие от французов англичане подчеркивают в истории Жанны д'Арк, это ее порка в 1428 г. Услышав голоса, она отправилась к местному сеньору, а «он приказал людям, которые привели Жанну, хорошенько выпороть ее и отправить обратно к отцу».

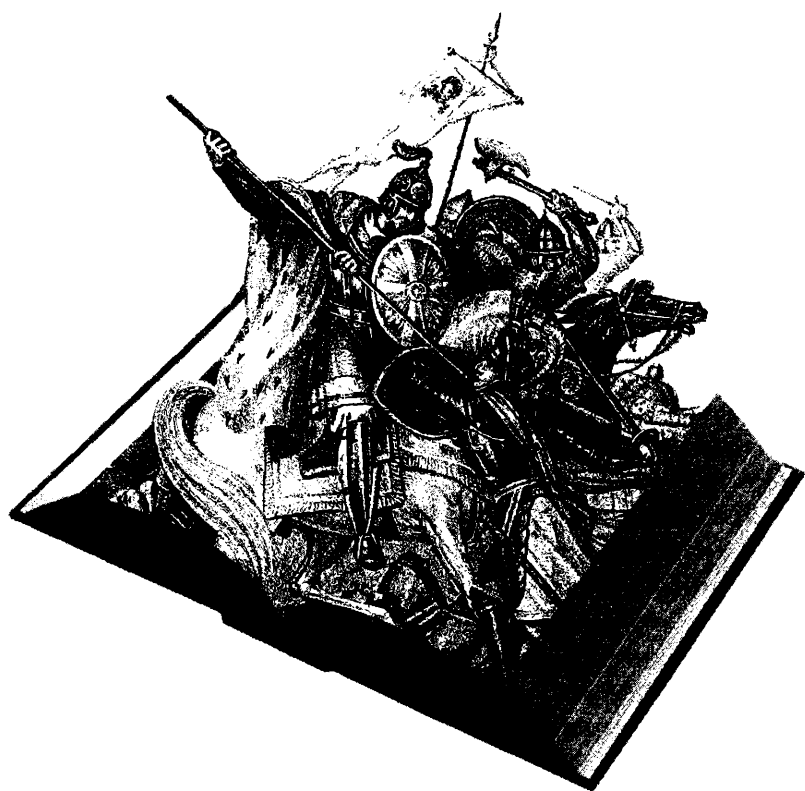
Наблюдения Данино подтверждают и другие источники, например написанная Кипплингом и Флетчером история Англии. Здесь говорится о «дочери Господа [...], жизнь которой была безупречна [...] и которая заставила поверить в свое предназначение [...]; англичане взяли ее в плен и сожгли как ведьму, но образ ее и сегодня живет в сердцах всех добрых французов (и всех добрых англичан)» (I.21).

Тексты о Французской революции весьма суровы по отношению к Франции. «Это старая история: Франция, которая хочет господствовать над миром... Началось это так. Претензии к королю, конечно, имели основания, и старый режим мгновенно рухнул [...]. Однако во имя выдуманных естественных прав стали проповедовать новое евангелие; все правительства оказывались тираническими, религия объявлялась постыдной; звучали призывы всех прогнать или уничтожить. Толпа кричала: “Да здравствуем Мы!” А “Мы” — это была жаждавшая крови чернь Парижа и других городов».

Напротив, к образу Наполеона отношение здесь более терпимое. Нет никакого «корсиканского людоеда», напротив, мы видим сочувствие романтической судьбе, восхищение военным гением, признательность человеку, восстановившему порядок и религию (I.21).

Во Франции англофобия впитывается с раннего детства: она ведет свое начало от извечных конфликтов с соседом, которого никто не мог поставить на колени. И кроме того,

англичане брали верх над героями национального пантеона: Жанной д'Арк, Наполеоном, полковником Маршаном и т. д. Англичане изгнали французов из Индии, они всегда выигрывали, чего нельзя сказать о французах. У англичан всегда было лучшее вооружение: лучники победили всадников при Креси, флот — сухопутную армию в XVIII в. В XVIII–XIX вв. верх взяли английские деньги, не говоря уже о громадном превосходстве Англии в этот период в области техники и промышленности. Завистливое восхищение француза достижениями соседа великолепно выражено у Жюль Верна. А сегодня француз втихомолку смеется над «упадком», как он считает, своего соперника.

ГЛАВА VIII

СССР: ИЗМЕНЧИВЫЙ ОБЛИК ИСТОРИИ

Еще в 1956 г., начиная десталинизацию, Н.С. Хрущев говорил, что историки — народ опасный: они все могут перевернуть вверх дном и поэтому нуждаются в постоянном присмотре. Тем самым Хрущев блестяще определил статус истории в Советском Союзе. Она находилась под надзором даже в то, самое благоприятное время. Причем по сравнению с другими авторитарными режимами здесь наблюдаются существенные отличия. Во-первых, руководство осуществляется партией, а не государством; а, во-вторых, очень важно то, что режим считает себя воплощением самого хода исторического процесса, наивысшим его достижением. Вследствие этого какое-либо иное толкование истории становится невозможным. Любую попытку такого рода со стороны историков партия немедленно предаст анафеме...

Такое положение не связано непосредственно с учением Маркса: тот ведь хотел придать истории статус науки. «Подобно тому, как Дарвин открыл закон развития органического мира, Маркс открыл закон развития человеческой истории», — писал Энгельс. Само понятие классовой борьбы в какой-то степени выводилось из теории естественного отбора.

Маркс полагал, что процесс исторического развития определяется способом производства. От него зависит структура общественных классов, а борьба классов движет историей. Человеческие связи и отношения зависят не от воли людей, а от производственных отношений, которые соответствуют определенной стадии развития производитель-

ных сил. Не сознание определяет социальное бытие, а, наоборот, социальное бытие определяет сознание.

На этом основании строилась периодизация истории: рабовладельческий строй, феодализм, капитализм и, наконец, как следствие неизбежной гибели последнего — социализм.

Периодизация же внутри каждого общества выводилась из анализа его способа производства.

Очевидно, что подобный подход ставит под сомнение и принижает роль личности в истории. Маркс не занимался этим вопросом специально, но его концепция истории, движимой объективными законами, необходимостью, практически не оставляет места индивидууму. Люди творят, конечно, свою собственную историю, но они это делают не так, как хотят.

Однако в отличие от естественной истории в истории человеческих обществ действуют цели и страсти людей. Маркс и Энгельс полагали, что это сказывается лишь на отдельных событиях, но не влияет на действие всеобщих законов. Этой проблемой позже занимался Г.В. Плеханов. Он основывался на мысли Маркса, но уточнял при этом, что личные качества тех, кто стоит у власти, определяют специфические черты исторических событий. Таким образом, Плеханов теоретически обосновывал будущую практику «культы личности».

Разумеется, все это само по себе еще не дает оснований для установления полного контроля над историей.

Но вот возникли революционные институты (Интернационал, социалистические партии и т. д.), то есть революционеры ощутили потребность самим участвовать в организации исторического процесса, *помогать* осуществлению неизбежных преобразований. Отныне тактика этих учреждений зависела от оценки ими исторической ситуации, а их успехи — от качества анализа этих ситуаций.

До 1914 г. благодаря Марксу, Энгельсу, Каутскому впереди здесь были немцы. Именно в Германии была сделана первая попытка написания конкретной истории с марксистских позиций. «История Германии с конца Средних веков» Франца Меринга была переведена на многие языки, в том числе и —

что особенно важно — на русский, и имела определенное влияние.

Русские марксисты избрали лучший способ действия: они не писали историю, а творили ее, осуществляли революции. Так они приобрели престиж и репутацию людей, способных осмысливать и верно судить о процессах исторического развития. Получив после Октября всю полноту ни с кем не делимой власти, большевики и вовсе возомнили себя пророками: их видение было единственно верным, они во всем были правы. Естественно, эта претензия оспаривалась другими социалистическими партиями, утверждавшими с фактами в руках, что Россия не преодолела еще стадии капитализма и для социализма не созрела. Так политический спор превратился в спор по историческим проблемам. И коммунистическая партия большевиков не желала теперь, чтобы история как наука ставила под сомнение оценки, которые ее вожди давали осуществлявшейся истории. Претендовавшая на то, что она действует от имени рабочего класса и воплощает исторический прогресс как таковой, партия большевиков получила право на власть лишь постольку, поскольку ее оценки были верны. Ее власть основывалась на знании, которое обязательно должно было быть непогрешимым. И действительности приходилось сообразовываться с поставленным партией диагнозом. Всякую не соответствующую ему историю следовало пересмотреть, так как любое сомнение, касающееся путей исторического прогресса, подрывало «линию» партии, да и само ее право на руководящую роль. Конечно же, историю и историков приходилось теперь строго контролировать.

ИЗМЕНЕНИЯ В ИСТОРИИ ПАРТИИ

Несколько сочинений по истории русской социал-демократии было написано еще до 1917 г. Прежде всего нужно сказать о книге М.Н. Лядова. Однако после прихода к власти лишь одной части социал-демократии — большевиков

ситуация изменилась. Первую большевистскую историю партии, заканчивавшуюся 1917 г., написал в 1922–1923 гг. Г.Е. Зиновьев. Тогда не было еще официальной, «единственно верной научной» истории, тем не менее подходы Зиновьева к разным проблемам задним числом выглядят весьма многообещающе. Важно при этом, что он был близким соратником Ленина и выражал позицию, близкую ленинской. Зиновьев, например, задавался вопросом, что такое политическая партия и чем она должна быть. По его мнению, это не добровольное объединение людей, придерживающихся одинаковой идеологии и общей программы, то есть сообщество, лишенное исторических корней и основанное на субъективных побуждениях. Нет, партия — это боевая организация одного общественного класса; можно сказать, что сколько существует классов — столько и партий. Сразу вставал вопрос: как могло возникнуть несколько рабочих партий. Не есть ли это следствие наличия внутри него противоречивых интересов? Другая проблема: партия социалистов-революционеров называла себя сначала партией рабочих, потом крестьян и, наконец, партией трудящейся интеллигенции — это уже выглядело верхом абсурда... Но этот «абсурд» со времен Сталина стал характерен именно для Российской коммунистической партии (большевиков) в преддверии того, как ее примеру последовали и другие коммунистические партии, определившие себя так же. В то же время в книге Зиновьева воздавалось должное еврейской социалистической рабочей партии — Бунду, который, как утверждалось, первым поднялся на бой в глубоком мраке царской реакции. Здесь содержался очень уважительный отзыв о Мартове, несмотря на его «ошибки», а также о Плеханове.

В той истории, которую преподавали детям последующих десятилетий, не осталось и следа подобных вопросов, так же как и уважительного отношения к небольшевикам. Все это стерлось, следовательно, из памяти советских людей. В 1938 г. вышел составленный при участии Сталина «Краткий курс истории ВКП(б)», на котором стали воспи-

тивать и граждан, и руководителей. Он издавался массовыми тиражами, воспроизводился в цитатах и отрывках, и в этом виде унаследован еще и сегодняшними советскими людьми, хотя Хрущев, а затем Брежнев вносили в его толкование истории изменения, продиктованные интересами их собственной политики.

Итак, историк партии в СССР, начиная с 20-х гг., стал выполнять функцию, сходную с функцией мусульманского или христианского теолога: его выводы должны были содействовать укреплению существующего порядка. Такое положение, конечно, не является чертой исключительно советского режима, но советские руководители, в первую очередь Сталин, довели его до логического завершения, произвольно извращая прошлое в зависимости от потребностей меняющейся политической линии, обоснованием которой служит якобы историческая необходимость.

Это препарирование истории, не останавливающееся перед ложью, сразу становится видно, если посмотреть, как трактуется деятельность несогласных с большевиками меньшевиков, эсеров, анархистов и других. Действия этих людей представляются в карикатурном духе. Это касается, например, Л.Д. Троцкого.

Всякий раз, когда он действует в согласии с Лениным, его собственная роль всячески затушевывается. Так, в «Кратком курсе» не говорится об избрании Троцкого председателем Петроградского Совета в сентябре 1917 г., не говорится и о знаменитом превознесении Лениным роли Троцкого в Октябрьском восстании. Для большей надежности из протоколов VI Всероссийского съезда Советов, находящихся в публичных библиотеках, вымараны абзацы, в которых фигурирует Троцкий. Ничего, конечно, не говорится о его вкладе в создание Красной армии, о победе под Казанью во время Гражданской войны, этом «советском Вальми»*, и т. д. и т. п.

Наоборот, в тех случаях, когда Троцкий по какому-нибудь, даже второстепенному вопросу занимает позицию, отличную от ленинской, его влияние произвольно преувеличива-

ется. Троцкому вменяется в вину все, что могло бы бросить тень на образ Республики Советов. Например, в 1919 г., во время Гражданской войны, «он хотел расстрелять множество коммунистов, занимавших ответственные посты в армии, потому что они ему чем-то не понравились. Он играл, таким образом, на руку врагу».

В школьном учебнике для 9-го класса (VI.5) примерно на 160 страницах, посвященных периоду с 1917 по 1932 гг., Троцкий упоминается трижды.

В 1917 г., накануне Октябрьского восстания, Троцкий требовал не предпринимать активных шагов по аресту Временного правительства до решения вопроса о власти съездом Советов, который должен был открыться только на следующий день. Такая позиция Троцкого грозила успеху революции (VI.5, с. 165).

В связи с переговорами с Германией, проходившими в Бресте, «Ленин показал полную несостоятельность позиции Бухарина и Троцкого». «...Опасность еще более усилилась, когда в ответ на ультимативное требование немцев подписать мирный договор Троцкий, возглавлявший тогда советскую делегацию на мирных переговорах, заявил, что Советская Россия договор не подпишет, войны вести не будет и распустит армию. Это было предательством со стороны Троцкого, так как он имел прямое указание главы советского правительства В.И. Ленина подписать мирный договор...» (VI.5, с. 187–188).

В этом учебнике также ни слова не сказано о роли Троцкого в создании и организации Красной армии, но зато говорится о деятельности уполномоченных партии на Восточном фронте (Куйбышева, Гусева и др.) или же на других фронтах (Ворошилова, Сталина и т. д.).

В третий раз имя Троцкого появляется, когда клеймят стремление «усилить применение в профсоюзной работе чрезвычайных методов, практиковавшихся в годы войны» (март 1921 г., X съезд) (VI.5, с. 168).

Троцкий – не единственная жертва извращения истории, как можно себе представить. Убраны со сцены и дру-

гие соратники Ленина, «разоблаченные» во время московских процессов. Их имена бегло мелькают лишь тогда, когда они в чем-то расходятся с Лениным. Л.Б. Каменев, например, в октябре 1917 г. «не верил в успех восстания». Не сказано, однако, что большевики, включая Ленина, избрали его председателем II съезда Советов, провозгласившего новую власть и воплотившего ее в себе. Та же участь определена Зиновьеву, Рыкову, некоторым другим. Наоборот, те большевики, жизнь которых оборвалась раньше, чем жизнь Ленина, вроде Свердлова, Володарского, упоминаются чаще, чем это диктовалось бы их действительной политической ролью. Что же касается других революционных организаций (эсеров, меньшевиков, анархистов и т. д.), то они появляются лишь для того, чтобы совершить что-нибудь пагубное для дела революции.

Однако самое поразительное в этом учебнике то, что здесь почти полностью отсутствует Сталин. Если в «Кратком курсе» 1938–1959 гг. он все время был рядом с Лениным, и пара Сталин—Ленин как бы заменяла реально действовавшую в истории пару Ленин—Троцкий, то со времени хрущевской десталинизации имя Сталина почти совсем исчезло из школьных учебников. В большей даже мере, чем имя Троцкого, который все же появлялся, когда ему можно было приписать какой-нибудь «вредный» поступок.

В учебнике для 4-го класса, изданном в 1956 г. (VI.2), имя Сталина за весь период с 1917 по 1953 г. встречалось лишь дважды:

- среди пятерых организаторов Октябрьского восстания. Это Ленин, Свердлов, Сталин, Дзержинский, Бубнов;
- среди пятерых организаторов защиты советской власти во время Гражданской войны и иностранной интервенции под лозунгом «Социалистическое отечество в опасности!». Это Ленин, Ворошилов, Фрунзе, Сталин и Щорс.

Имя Сталина не упоминалось ни в связи с коллективизацией, ни в связи с первыми пятилетками, ни когда речь шла о Второй мировой войне, где оно фигурировало только в названии города Сталинграда.

Те же имена в тех же исторических эпизодах отсутствуют и в учебнике для 9-го класса 1976 г. (VI.5), значительно более подробном. Зато здесь произведена дополнительная ленинизация исторического процесса. Рассказывается, например, о рабочем Николае Емельянове, прятавшем летом 1917 г. Ленина в Разливе, о воспоминании Андреева, как на II съезде Советов кричали: «Да здравствует Ленин!» При этом главные деятели отсутствуют.

Лица в этой интерпретации прошлого появляются или исчезают по усмотрению тех, кто пришел им на смену. Конечно, и эта черта присуща отнюдь не исключительно советской марксистской трактовке истории. Аналогичный подход к прошлому демонстрировали и в лагере белых. А бывает, что похожим образом поступают и вполне демократические режимы. Во Франции сразу после генеральского путча 1961 г. в Алжире из памяти о голлистском освободительном движении был стерт Жорж Бидо*; его убрали из документального фильма об освобождении Франции, где он шел по Елисейским полям рядом с де Голлем...

И все же *за пределами СССР разные интерпретации исторических фактов существуют рядом друг с другом*. В СССР же это было совершенно невозможно. Здесь была только одна, единственно правильная интерпретация. И весь аппарат исторических учреждений главной целью имел именно такое препарирование и толкование истории, которое приспособило бы прошлое к потребностям настоящего.

На «свалку истории» поочередно отправлялись Троцкий и Сталин, на их место становилась вездесущая и анонимная партия, Ленин цитировался, как Евангелие, — все это сразу бросается в глаза. Но еще более отчетливо подобный подход к истории проявлялся в отсутствии ряда явлений и событий. В «Кратком курсе» 1938 г. едва упоминался Кронштадтский мятеж, то есть восстание советов и граждан революционного города против диктатуры большевиков, а также возглавляемый первоначально Зиновьевым Коминтерн, само существование которого ставило под сомнение готовность

Советского Союза уважать принципы мирного сосуществования. В более поздних учебниках обо всем этом говорилось еще меньше. Само собой разумеется, что не считались достойными памяти — и это несмотря на доклад Хрущева XX съезду! — ни ужасы насильственной коллективизации, ни массовая депортация или избиение малых народов Кавказа, ни изгнание крымских татар...

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ПЕРЕСМОТР

Важно, однако, что все эти видимые манипуляции требовали пересмотра также и прошлого до 1917 г., а осуществить подобную тонкую операцию оказывалось намного сложнее.

Конечно, и западная историография также не чурается ретроспективного приспособления. Вот, например, что писали во Франции в 70-е гг. XX в. о Первой мировой войне: «Бои 1914 г. повторяли бои 1870 г.; бои 1918 г. предвещали 1940 г.». Но ведь, скажем, в 1919 г. подобный вывод никак нельзя было сделать. Тогда сравнение боев 1914 и 1918 гг. выглядело бы совершенно иначе. Удаленность во времени объекта исследования от историка неизбежно означает отбор фактов, устранение одних, добавление других, переосмысление событий и процессов. И все-таки добавления, устранения и т. д. — это совсем не то, что делалось в СССР. Здесь прошлое переоценивалось не только потому, что историк смотрит на него из другого времени, но и потому, что он одновременно подстраивает прошлое под догму исторического детерминизма. До 1925 г. факты компоновались таким образом, чтобы они подчеркивали аналогию между фазами Французской революции и фазами революции русской, и это определялось в первую очередь требованиями и нуждами политики властей. Анализ того, как изменялось толкование конкретных проблем русской истории в зависимости от эволюции потребностей политики, был произведен Джорджем Энтингом и Тамарой Кондратьевой (VI.12,16,17a).

Возьмем для примера оценку русского империализма до 1914 г.

Вначале это был чисто академический спор. Ставился вопрос, до какой степени русский империализм начала XX в. зависел от западного капитала. Одни сводили его роль к минимуму, другие считали ее определяющей. Н.Н. Ванаг выдвинул тезис о зависимости России от Запада, в книге М. Гольдмана «Русский империализм. Очерк развития монополистического капитализма в России» российская экономика представляла филиалом западной. Впрочем, и Ленин в 1917 г. ставил слова русский империализм в кавычки. По Ленину, он существовал, но носил военно-феодальный характер и функционировал не так, как английский или немецкий. Напротив, А.Л. Сидоров считал российскую экономику в начале века достаточно самостоятельной; война же, по мнению историка, способствовала развитию империализма и повысила экономическую зависимость. Октябрьская революция спасла Россию от поглощения Западом.

ПЕРВЫЙ ПОВОРОТ: 1927 г.

После поражения коммунистов в Китае и в Европе вопрос о мировой социалистической революции в близком будущем был закрыт. Сталин заявил, что Китай переживает стадию буржуазно-демократической революции. Там можно было, следовательно, уничтожить феодалов и прогнать иностранцев, но нельзя перейти к строительству социализма. А именно это происходило в Советском Союзе, и он не мог, таким образом, находиться на той же стадии развития, что и полуколониальные страны. Говорить, что империалистическая Россия 1914 г. зависела от Запада, означало утверждать, что она является слишком отсталой страной для строительства социализма в одиночку. Это означало лить воду на мельницу троцкистов. Позиция А.Л. Сидорова укрепилась, а Н.Н. Ванаг и М.Н. Покровский превратились в «буржуазных фальсификаторов». В 1932 г. М.Н. Покровский ушел из жизни.

ВТОРОЙ ПОВОРОТ: 1933–1936 гг.

После установления в ряде стран фашистских режимов Сталин неожиданно отказался от идей Сидорова и стал говорить о полуколониальном характере дореволюционной экономики. Дело в том, что VI конгресс Коминтерна в 1928 г. заявил, что в колониальных и полуколониальных странах отсутствуют предпосылки перехода к социализму. Находившийся на подъеме фашизм выглядел в этой ситуации как сила, ведущая к возрождению, как перспектива для стран, например Центральной Европы. Для СССР в тот момент главным врагом являлся Гитлер, и он давал понять, что его интересы сходны с интересами стран, которым угрожает нацизм. Он начинал играть роль защитника малых народов. Идея о полуколониальном характере дореволюционной российской экономики вновь становилась полезной. Подчеркивалось, что Советский Союз, освобождавшийся от иностранного капитала, по самой своей природе солидарен с народами, которым угрожала немецкая империалистическая сверхдержава. Хорошим тоном стало говорить о мягкости довоенного российского режима, как это делал П.И. Лященко. Посыл всего этого состоял в том, что, кроме фашизма, возможны и другие пути возрождения. Идеи Покровского и Ванага опять оказались нужны¹.

1956 г. НОВЫЙ ПОВОРОТ

После смерти Сталина историки уверовали в либерализацию режима и вообразили, что можно обратиться к поискам истины в этом вопросе, построить какие-то новые модели. Исследования М.Я. Гефтера и П.В. Волобуева свидетельствовали о большой роли крупных монополий в дореволюционной России. Однако если так, то успехи социалистического строя выглядели уже далеко не столь исключительными, как

¹ Н.Н. Ванаг был расстрелян в 1937 г. (*Прим. перев.*)

это утверждалось режимом. И вот уже Гефтер и Волобуев отстраняются от своих должностей (VI.16).

Изучение русского империализма являет собой выразительный пример того, каким изменениям подвергалась трактовка истории. Но точно так же можно было бы рассмотреть и другие вопросы: реформы Петра Великого, введение опричнины и т. д.

Так, деятельность Петра Великого в свое время довольно критически оценивал Н.М. Карамзин, поскольку преобразования начала XVIII в. подрывали национальную самобытность России. По мнению М.Н. Покровского, Петр I стоял у истоков русского экспансионизма. А вот у П.И. Лященко Петр реабилитировался как наследник Александра Невского и предшественник Сталина. Это происходило во время Великой Отечественной войны, когда нужно было давать отпор врагу (VI.15).

Еще один пример — нашествие Наполеона в 1812 г., традиционно представлявшееся как триумф русского патриотизма. А вот в советской историографии, у М.Н. Покровского, Е.В. Тарле и др., эта военная кампания, напротив, ничего не имела общего с народным духом и выглядела как серия оплошностей, которые постепенно превращались в гениальную тактику. Народ не участвовал в боях, крестьяне восставали лишь тогда, когда французы резали у них гусей и кур, не платя денег; войны хотело русское торгующее дворянство, чтобы установить в России капитализм по английскому образцу. Наполеон же нес русскому крестьянину свободу, просвещение и прогресс — наследие Французской революции.

В 1936 г. взгляд на эти события резко изменился, поскольку надо было поднять патриотизм советского народа. Не объясняя причин, Тарле отказался от собственных идей и принял прославлять героизм русских и гений Кутузова. Война, которую вел в России Наполеон, теперь представлялась империалистической кампанией с целью подчинения Польши и Литвы в интересах крупной французской буржуазии (VI.9).

В школьном учебнике 1977 г. для 8-го класса (VI.4) восторжествовало патриотическое видение образца 1936 г., приправленное подвигами крестьян-партизан.

Итак, весь исторический процесс должен был втискиваться в определенную схему, подчинявшуюся потребностям политики. Даже тогда, когда историки всего лишь публиковали документы, существовал риск, что возникнут сомнения в законном характере власти. Понятно, почему режим считал этих людей опасными и стремился превратить их в евнухов.

А советские историки, со своей стороны, приобрели исключительную сноровку и специфические навыки. Они научились писать таким двойственным стилем, что в тексте иной раз одновременно выражалась какая-то мысль и ее прямая противоположность. На случай, если понадобится. Как и политики, они стали истинными профессионалами подобной изворотливости.

МАРКСИСТСКАЯ ИСТОРИЯ И ПОТРЕБНОСТИ ПЕДАГОГИКИ

Некоторое время марксистская история ограничивалась изучением прошлого большевистской партии. Однако охват марксистского осмысления неизбежно должен был расшириться на области, непосредственно не связанные с политикой большевиков. Само творчество Ленина являлось типичным примером прививки марксистских методов истории России, которая пока оставалась вотчиной профессиональных историков.

Тем не менее контроль за изучением прошлого устанавливался медленно и не без проблем. Историки-немарксисты были профессионалами своего дела. Когда Е.В. Тарле или С.Ф. Платонов* говорили о событиях на Березине или о Смутном времени, они были лучше вооружены, чем историк-марксист. Вот почему в первые двадцать лет советского режима марксисты, вроде Покровского, были вынуждены ограничиваться лишь абстрактным схематизировани-

ем в рамках модели: феодализм, капитализм, империализм и т. д.

Однако народные массы нужно было объединить с режимом, а Сталина сделать истинным наследником собирателей страны и защитников отечества. Для всего этого требовалась иная трактовка прошлого, теснее связанная с народной памятью, проникающая в души людей. С 1934 г. коммунистическая партия начинала требовать, чтобы историки-марксисты предоставили педагогам привлекательную историю.

Вместо того чтобы развлекать детей, обучая их истории, говорилось в инструкции по этому поводу, вместо того, чтобы оживить прошлое, последовательно расположив самые важные факты и события, включив в повествование *занимательные рассказы* о великих исторических личностях, детей пичкают абстрактными определениями общественно-экономических формаций. Патриотическая история заменяется социологическими схемами... Сформировать у детей марксистское видение истории можно, только ярко изображая события, чтобы они запечатлевались в памяти детей.

По существу, задача хорошего преподавания сводилась к тому, чтобы формировать убеждение в неизбежной гибели капитализма, в том, что советский народ идет впереди всех народов и подвиги его не имеют равных в истории. Кроме того, нужно было постоянно говорить о войне и о военных проблемах, чтобы подогревать советский патриотизм.

Результатом всего этого стала определенная двойственность преподаваемой детям истории. С одной стороны, все, что касается партии, строительства социализма, постоянно менялось, причем тем чаще, чем ближе событие было к современности. С другой стороны, вся остальная история, которую втискивали в марксистскую схему, тоже подвергалась модификациям, но здесь изменения происходили гораздо медленнее. Не возбранялись рассказы, занимательные истории, которые должны были служить примерами.

На перекрестке того и другого располагалась фигура Ленина. С одной стороны, в учебниках без конца цитировались его теоретические труды и пересказывались его идеи.

Занимательных рассказов здесь было мало; самый захватывающий из них — когда лидер большевиков появляется на трибуне II съезда Советов и делегаты кричат: «Да здравствует Ленин!» А с другой стороны, издавалось огромное количество рассказов о Ленине для детей, которые были призваны одушевить, сделать привлекательным образ вождя. Вот один из них — «Кот Васька» В.Д. Бонч-Бруевича.

— А у тебя есть кот? — спросил Владимир Ильич мою дочку Лелю, гуляя по саду нашей дачи, куда он приехал погостить и отдохнуть.

— Есть! Васька. Мы его зовем Василий Иванович... вот он! — ответила Леля, показывая на большого черного кота, важно, не спеша выходявшего из кухни.

Он был почти весь черный, с белым галстуком под шейкой; лапки его тоже были белые, словно туфельки, а самый кончик хвоста тоже был белый, как пушинка.

— Какой важный кот! — воскликнул Владимир Ильич. — И, вероятно, большой лентяй.

— Что вы, Владимир Ильич, — заступилась Леля за своего любимца, — он прекрасно ловит мышей.

— Ну, это его прямая обязанность... Посмотрим, умеет ли он фокусы показывать.

И Владимир Ильич быстро взял кота на руки, пощекотал его под шейкой, почесал между ушами, погладил его... Васька был очень доволен: сейчас же стал нежно кусать Владимира Ильича за палец и, лежа на спине, старался отбиваться задними лапками.

— Ишь ты, какой игрун! А ну-ка, посмотрим, как ты умеешь прыгать! — сказал Владимир Ильич. Он спустил кота на землю и сейчас же подставил перед ним руки колесом: — Прыгай! Прыгай!.. Васька, Васенька, прыгай...

Бонч-Бруевич В. Д. Ленин и дети. — М.: Дет. лит., 1989. Сер.: Мои первые книжки, с. 3–4.

Подобного рода литература появилась еще в начале 20-х гг. Рассказы о Ленине содержатся в книге «Новый путь» (VI.1), выпущенной тогда и предназначенной для сельских детей. Январская страница посвящена смерти Ленина, апрельская — возвращению его в Россию, октябрьская — пе-

троградскому восстанию и т. д. И тут же назидательные тексты о труде в коммунах, о борьбе с алкоголизмом и т. д. Вот такое первоначальное историческое образование получали дети...

ИСТОРИЯ МИРА И ИСТОРИЯ СССР

В Советском Союзе попеременно преподавали отечественную и всеобщую историю. В целом получалась весьма полная картина прошлого, быть может, наиболее систематическая по сравнению с теми, что дают в других странах.

Советские учебники сохраняли классическую форму, хотя по сути все вписывалось в марксистскую схему. Сравнительно большое место отводилось неевропейским народам. Больше чем где бы то ни было здесь стремились к равновесию: вот Африка, Америка, Азия, Европа. Объяснялось это, естественно, не отрицанием европоцентризма, а стремлением проследить эволюцию обществ на протяжении больших периодов, как того требует марксизм. И надо сказать, что советские учебники по отечественной истории написаны в прорусском духе, хотя великорусский национализм постепенно вытеснялся советским патриотизмом.

Широко использовался один из основополагающих принципов истории в марксистской стране — теория наименьшего зла. Она позволяла по очереди оправдывать все завоевания России: что стало бы без нее с армянами, грузинами, народами Средней Азии? Теория эта весьма живуча, в 1980 г. она позволила оправдать интервенцию в Афганистан, якобы спасшую афганцев от феодального режима и от «пакистанской угрозы»...

Посмотрим, как рассматривалось далекое прошлое народов Советского Союза, обратимся к вопросу происхождения государства, а затем к присоединению Украины к России. А затем покажем, как в Советском Союзе представляли историю Второй мировой войны.

Вот как начиналось изложение истории СССР в учебнике для 4-го класса 1956 г.

Страна, в которой мы родились и живем, называется Союзом Советских Социалистических республик.

Это наша родина. В ней жили и трудились наши деды и прадеды. В ней живут и работают наши родители. Их общим трудом построены города и села, заводы и колхозы, школы, театры и стадионы, создано все, чем мы пользуемся в жизни.

Народы СССР сами хозяева своей страны. У нас все принадлежит народу: земля, леса, моря и реки, фабрики и заводы. На заводах делают машины. Это наши заводы и наши машины. На пашне гудит трактор. Это наш трактор. Комбайн на поле убирает урожай. Это наш комбайн, наш урожай, наше поле.

Но не всегда так было. Не всегда трудовой народ был хозяином своей страны. Не всегда люди жили так, как живем мы.

Люди населяют нашу страну очень давно. Наши предки жили в ней тысячи лет назад. Жизнь людей в прошлом изучают ученые-историки. Они узнают, как люди жили раньше, как изменялась их жизнь.

Как же ученые-историки узнают о жизни людей прошлого?

Тайна Красного холма. На Кавказе, близ города Еревана, столицы Советской Армении, возвышается большой Красный холм. Окрестные жители добывали здесь камень. Нередко в земле находили черепки от старинной посуды, железные и бронзовые наконечники стрел, кости животных. Как все это попало в землю?

На Красный холм приехали ученые. Они решили узнать его тайну. Для этого надо было холм раскопать.

Ученые начали раскопки и открыли древнюю крепость. В ее комнатах нашли железные мечи и медные шлемы, много другого оружия и разных вещей. Обнаружили громадные глиняные сосуды, в которых в древности хранили зерно и вино. Около двери нашли обломок запора с надписью: «Крепость города

Тейшебаини». За стенами этой крепости люди жили около трех тысяч лет назад. Но почему они перестали в ней жить?

Ученые нашли ответ и на этот вопрос: одни из ворот крепости оказались разрушенными. Здесь в стене застряло много стрел. Город был взят и разрушен нападшими на него врагами. Прошли тысячи лет. Зброшенную крепость затынуло землей. Люди забыли о ней. Но ученые раскопали Красный холм и узнали его тайну.

В песках Средней Азии. В Средней Азии мало воды. Там, где течет вода, живут люди, цветут сады, белеет хлопок. Там, где почему-либо исчезает вода, жизнь замирает. Во многих местах Средней Азии простираются безжизненные песчаные пустыни. Советские ученые проникли в недоступные пустыни на самолетах. Они нашли среди песков развалины древних городов и селений, остатки пересохших каналов. Историки провели раскопки этих городов. Они многое узнали о тех государствах, которые создали народы Средней Азии более двух тысяч лет назад.

Берестяные грамоты. Более тысячи лет древнему русскому городу Новгороду. Советские ученые начали в нем раскопки. В болотистой земле нашли остатки деревянных домов. Открыли мощенные бревнами мостовые, по которым ходили древние новгородцы. Среди многочисленных находок попадались обрывки бересты. На них заметили начертанные чем-то острым надписи. На бересте оказались письма. Письма людей, живших 600–800 лет назад! Много интересного удалось прочесть об их жизни в берестяных грамотах.

Страницы истории. Не только раскопки позволяют изучить, как жили раньше люди.

Вот в руках у историка газета, которой более ста лет. В ней напечатаны объявления: «Продается крестьянин 35 лет с женою и тремя детьми»; «Продаются два кучера, 3 молодых лошади и свора гончих собак». В те времена крестьяне принадлежали помещикам и работали на них. Помещики торговали людьми как рабочим скотом.

А вот пожелтевший от времени листок бумаги. На нем призыв к рабочим. Его напечатали 50 лет назад. Печатали тайно. В то время рабочие и крестьяне нашей родины были под властью царя и других угнетателей. «Долой царя! Свободу народу!» — было на-

печатано на листке. Это партия большевиков поднимала рабочих на борьбу против угнетателей.

Еще один лист бумаги. Он исписан мелким четким почерком. Это писал Владимир Ильич Ленин 26 октября 1917 г. В то время трудящиеся во главе с коммунистами свергли власть всех угнетателей.

На листе бумаги написано решение, принятое победившим народом: «Образовать для управления страной... рабочее и крестьянское правительство».

О жизни народов нашей родины в прошлом, об их труде, об их борьбе с врагами, о том, как они завоевали свободную и счастливую жизнь, к чему они стремятся в будущем, вы узнаете на уроках истории (VI.2, с. 35).

Так с самого начала коммунистический режим восхвалял сам себя: общественная собственность на средства производства, новая жизнь людей после Октябрьской революции, роль партии большевиков и Ленина представлялись как важнейшие события. Политическая верхушка отождествляла себя с «властью рабочих и крестьян» и тем самым придавала себе легитимность.

«Если встретятся русский, украинец и белорус и начнут разговаривать каждый на своем родном языке, они легко поймут друг друга. Русские, украинцы и белорусы — родные братья. Они произошли от общих предков — восточных славян, которые жили в Восточной Европе» (VI.2, с. 6). Так определялся историко-географический фон, на котором будущие Балтийские страны оказывались расположенными на исконной славянской территории. Первая книга по истории объясняла, что «сначала земли, на которых жили и работали жители поселка, принадлежали всем вместе. Но постепенно земли перестали быть общими. Некоторые люди захватили много земель. Богатых землевладельцев называли боярами. Особенно много земли оказалось у князей» (VI.2, с. 8). С самых первых страниц книги князья и бояре представлялись как захватчики, которым крестьяне вынуждены были платить тяжелую дань.

Однажды киевский князь Игорь собрал дань и возвращался домой. Но по дороге он решил, что дани можно было собрать больше. Тогда Игорь повернул обратно.

Когда люди узнали, что князь идет к ним за новой данью, они сказали: «Если повадится волк к овцам, то перетаскает все стадо. Так и тут. Если не убьем князя, то он всех нас погубит».

Народ расправился с княжеской дружиной и убил Игоря.

Но остались другие князья и бояре. Вдова убитого князя прислала новую дружину и жестоко наказала восставших.

Борьба с кочевниками. В широких степях у берегов Каспийского и Черного морей жили хазары и печенеги. Они разводили скот и, перегоняя стада, кочевали в степях. Хазары и печенеги часто нападали на русские города и села, жгли их, угоняли скот и людей.

Жители русских городов и сел вступали в жаркие схватки с кочевниками, не пропускали их вглубь страны. Каждый труженик становился воином.

В борьбе с кочевниками прославился воинственный киевский князь Святослав, сын Игоря. Всю свою жизнь он провел в походах. Этот человек не знал страха. «Иду на вы!» предупреждал Святослав врагов, отправляясь в поход. В походах он вместе со всеми воинами терпел лишения, спал на земле под открытым небом; под голову клал седло. В еде Святослав был неразборчив: он ел и конину, и мясо зверей, испеченное на углях. Воины любили храброго князя и уверенно шли за ним в бой.

Древнерусское государство успешно отбивало нападения кочевников (VI.2, с. 10).

Киев, столица древнерусского государства, был одним из самых больших городов того времени. Там процветала торговля; большую роль играла церковь. Князья пользовались поддержкой церкви. Ее служители помогали князьям и боярам держать народ в повиновении. Они говорили, что на небе есть бог, который накажет тех, кто не слушается князей и бояр. Люди той эпохи верили в эти истории и боялись угроз церковников.

Шли века, и русское государство увеличивалось. Росли и хорошели такие города, как Новгород, Рязань, Владимир, Киев. Крестьяне работали, князья и бояре богатели. «При помощи дружин князья управляли населением, судили людей, наказывалислушников: сажали в тюрьмы, а то и казнили».

Раздробление русской земли. Древнерусское государство было большим, но оно не было прочным. Когда выросли и окрепли го-

рода и младшие князья усилились, они перестали подчиняться киевскому великому князю (VI.2, с. 14).

В учебнике для 4-го класса (VI.2) ни слова не говорилось о варягах, традиционно считавшихся основателями русского государства. Для русского или советского патриотизма была совершенно нестерпима мысль, что первое государство здесь основали завоеватели германского или же скандинавского происхождения. Эта «норманнская» теория давно оспаривалась в русской историографии, и доносить ее до детей не считалось нужным.

Впрочем, в учебнике для детей постарше, 7-го класса (VI.3), о варягах упоминалось, но уже после рассмотрения вопроса об образовании государства. «Разбойничьи набеги варягов (так называли на Руси норманнские племена, жившие на Скандинавском полуострове) в IX в. держали в страхе многие страны Европы — Англию, Францию, Италию. На больших ладьях через Финский залив, реку Неву, Ладожское озеро, реку Волхов варяжские дружины проникали и в русские земли. Они грабили богатства Руси, убивали жителей, стремились овладеть великим водным путем «из варяг в греки» — из Балтийского моря в Черное. Варяжские дружины захватили Новгород и некоторые другие русские города. В борьбе с местным населением многие варяги погибли, часть возвратилась на родину, а оставшиеся в русских землях быстро ославянились, переняв язык и обычаи славян (VI.3).

Наконец, в книгах для взрослых политическая роль варягов отрицалась, как не соответствующая марксистским аксиомам. В них говорилось:

Согласно легенде славянские племена призвали себе в правители Рюрика, Синеуса и Трувора. Этот миф использовался некоторыми немецкими историками, работавшими в России в XVIII в. Они пренебрежительно относились ко всему русскому и хотели доказать неспособность русских самостоятельно создать государство. Они утверждали, что до прибытия норманнских отрядов славяне пребывали в дикости. Но ведь государство является результатом внутреннего развития общества и не может быть привнесено

извне. Варяжские отряды на службе у древних русских князей не имели большого значения, они были малочисленны и не влияли на общественный строй и уровень цивилизации страны. Они находились на более низком уровне социально-экономического развития. К тому же варяги быстро ассимилировались... (VI.6).

Итак, взаимоотношения варягов и русских переворачивались. На самом деле проблема происхождения русского государства не так проста. Действительно, Рюрик является фигурой во многом легендарной, однако деятельность его потомков, киевских князей-варягов, известна довольно хорошо. Пикантная деталь состоит в том, что в этом вопросе, в спорах о котором вот уже сто лет ломают копья, проявляя чудеса эрудиции, сторонники и противники «норманнской теории», Маркс, не подозревавший об этих будущих баталиях, не сомневался в варяжском происхождении русского государства, в цивилизаторской роли варягов. И это несмотря на то, что государство является следствием внутреннего развития общества и не может быть привнесено извне.

ОБЪЕДИНЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ ВОКРУГ МОСКВЫ

При рассмотрении этого вопроса принято было клеймить бояр, помогавших якобы любым злодеяниям, которые совершались против России. Марксистская концепция исторического процесса здесь сходилась с национальным самолюбием, поскольку институт боярства прямо происходил от варяжских дружин.

Утверждалось, что Церковь всегда выступала заодно с властью имущими, но при этом не упоминалась ее связь с Византией. Именно византийская церковь обратила Русь в христианство и определила коллективное сознание, в ту эпоху в большой степени религиозное. Православие сохранялось и в Киевской Руси, и в княжествах периода раздробленности, и в государстве, формировавшемся вокруг Москвы. Мысль о том, что объединение русских земель было начато

Церковью, принадлежит В.О. Ключевскому. Союз с Византией и позднее способствовал укреплению позиций Москвы и придерживавшихся его московских князей.

Однако советским детям сообщалось лишь об одной предпосылке объединительного процесса: географическом положении. Не слишком подчеркивалось и то, что вплоть до Ивана III московские князья заискивали перед татарами и получили от них привилегию сбора дани с русских земель в пользу Золотой Орды. Это преимущество позволяло им быстро богатеть. «Московского князя Ивана (он был внуком Александра Невского) народ даже прозвал Калитой, что значит “мешок с деньгами”» (VI.2).

Ученикам постарше (VI.3) предлагался более подробный и аналитический рассказ, уже заключенный в марксистские рамки. Все начиналось с феодализма и возвращалось к нему. Феодализм зарождался, развивался, укреплялся, достигал своего апогея — таково было единственное объяснение всех исторических событий. Географические границы истории теперь несколько расширялись, патриотизм переставал быть монополией русских: его следы прослеживались на Кавказе, в Средней Азии. Но и здесь действовали три знакомых компонента: феодализм, крестьянские восстания, иностранные нашествия.

Наконец, заходила речь также о религии русского народа; появлялась Византия.

В древней легенде говорится, что воины поставили свои лады на колеса, и при попутном ветре флот русов по суше двинулся к стенам византийской столицы. Для устрашения византийцев русы выпустили множество воздушных змеев. Сила русского войска приводила византийцев в трепет. Царьград вынужден был принять условия русов. [...] Русские купцы получили право приезжать в Царьград торговать беспошлинно (VI.3, с. 33). Русь все еще была языческой. [...] Однако такая религия не помогала укреплению власти князя. По-другому трактовало права князя христианство, утверждавшее, что его власть имеет божественное происхождение. Сын Святослава, киевский князь Владимир, принял христианство и объявил его официальной религией древне-

русского государства в 988 г. [...] Но народ упорно сопротивлялся принятию новой веры. [...] Христианство вводили силой. В Новгороде вводившие христианство княжеские дружинники Добрыня и Путята сожгли за сопротивление половину города. Долго потом говорили в народе: «Путята крестил Новгород мечом, а Добрыня — огнем». [...] Христианское духовенство было грамотным. [...] Культура страны развивалась быстрее, чем при язычестве, но христианство поддерживало господство феодалов над крестьянами и укрепляло княжескую власть (VI.3, с. 36–37).

АРАБСКАЯ УГРОЗА НА КАВКАЗЕ

История Закавказья знает немало вторжений иноземных врагов — римлян, иранцев, византийцев, арабов. Подвигами предков в борьбе за независимость родины справедливо гордятся народы Закавказья — армяне, грузины, азербайджанцы. Не раз в этой борьбе они выступали вместе, помогали друг другу освободиться от иноземного ига (VI.3, с. 65).

Крестьянская война под предводительством Бабека. В VII в. Закавказье попало под власть Арабского халифата. Арабская знать захватила лучшие земли, обложила население тяжелыми податями.

В 816 г. в Азербайджане вспыхнула крестьянская война. Во главе восставших встал отважный предводитель Бабек. Его отряды громили войска халифа и расправлялись со своими феодалами — сторонниками иноземных поработителей. Пламя восстания перекинулось на территорию Армении и Грузии. Захватив сына Бабека, арабы заставили его просить отца прекратить борьбу. Но Бабек гордо ответил: «Лучше хоть один день прожить свободным, чем сорок лет жалким рабом». Крестьянская война продолжалась более двадцати лет. С огромным трудом халифу удалось подавить восстание. Предатель выдал Бабека арабам. Они подвергли его мучительной казни четвертованием. Когда палач отрубил Бабеку руку, он кровью обмазал свое лицо и воскликнул: «Когда человек умирает, он бледнеет. Я не хочу, чтобы мои

враги выдели меня побледневшим». Страшная казнь совершилась, но враги не услышали даже стоны героя.

Крестьянская война под предводительством Бабека способствовала распаду Арабского халифата (VI.3, с. 65–66).

В начале VIII в. Средняя Азия была завоевана арабами. Многие замки и города были разрушены, тысячи мирных людей погибли или были уведены в плен. По свидетельству древнего историка, только один арабский завоеватель вывел из Средней Азии до 100 тысяч пленников, которых превратили в рабов.

Местные феодалы перешли на службу к завоевателям. Свыше ста лет народы Средней Азии испытывали двойной гнет — местных феодалов и арабских завоевателей. Страшным орудием угнетения масс была религия — ислам (VI.3).

ТАТАРЫ

Итак, кроме Киевского государства существовали и другие: на Кавказе, в Средней Азии. На них-то и обрушились в первую очередь орды монголо-татар. О них говорили: «Они имеют мужество льва, хитрость лисицы, хищность волка, боевой жар петуха».

Они сокрушили цветущие государства Средней Азии, разорили их, а затем обрушились на Русь. В 1237 г. татарский хан Батый напал на Рязань. Рязанский князь обратился за помощью к князю владимирскому.

«Враги напали на вашу землю, вы и защищайтесь», — отвечал тот.

Рязанский князь был разбит, город разрушен, сожжен дотла, жители перебиты или уведены в рабство. Но «разорив Рязань, враги устремились на Владимир. Теперь владимирский князь пожалел, что вовремя не помог соседям, да было поздно. Войско его было разбито. Погиб в битве и сам князь».

«Но нелегко давались победы завоевателям. Храбро защищали родину русские люди». Затем татары попытались про-

двинуться на запад, но «в борьбе с Русью они потеряли много своего войска. Покорить другие государства они уже не смогли. Так русский народ помог Западной Европе избежать страшного разорения» (VI.2, с. 16–17).

О татарах говорили:

У кого денег нет, у того дитя возьмет;

У кого дитя нет, у того жену возьмет;

У кого жены нет, того самого возьмет (VI.2, с. 17).

ИЗГНАНИЕ ТЕВТОНСКИХ РЫЦАРЕЙ И ТАТАР С РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ

Монголо-татары напали на Русь с Востока. К несчастью, в то же самое время с Запада наступали шведы и рыцари Тевтонского ордена. Первыми появились шведы. Их корабли вошли в Неву, и шведский полководец надменно писал новгородскому князю Александру: «Если можешь, обороняйся: я уже на русской земле».

Александр выиграл битву и получил прозвище Александра Невского.

Одновременно со шведами наступали немецкие рыцари. Они разорили землю народов, живших по берегам Балтийского моря, поработили предков нынешних эстонцев, латышей, захватили русский город Псков и грозили Новгороду. Огромная угроза нависла над Русью. [...]

Русские люди готовились к защите родной земли. Новгородские плотники и кузнецы оставляли свой мирный труд и брались за оружие. Крестьяне вооружались топорами и рогатинами, спешили в войско. Жители разоренного Пскова присоединялись к общему делу. Даже из опустошенного монголо-татарами Владимира подошли отряды. Русские люди шли навстречу противнику. Во главе русского войска стал Александр Невский. Войска встретились на тонком льду большого Чудского озера.

Стояла весна 1242 г. (VI.2, с. 17–18). [...]

Победа над рыцарями остановила наступление захватчиков. Она спасла от них русскую землю и облегчила народам Прибалтики борьбу против немецких поработителей (VI.2, с. 20). [...]

—

После того как русские княжества начали объединяться вокруг Москвы, силы русского народа стали возрастать.

В это время во главе монголо-татар стоял Мамай. Узнав о непокорности русских, он двинул против Москвы войска.

Внук Ивана Калиты, московский князь Димитрий, стал собирать полки. К Москве спешили воины из многих русских княжеств. Даже с далекой Украины пришли отряды. Димитрий вывел войско навстречу врагу. Это было в сентябре 1380 г.

Монголо-татары стояли в верховьях реки Дона.

Русские подошли к Дону ночью. В ночной тишине они переправились через реку. Чтобы меньше шуметь, воины обертывали копыта коней травой и придерживали оружие.

Место, где расположилось русское войско, называлось Куликово поле. Изрезанное ручьями и оврагами, покрытое кустарником и небольшими рощами, оно было неудобно для действий татарской конницы, привыкшей сражаться на открытой равнине. По краям поля был лес. Русские выстроили свои полки на одном конце поля, а один полк спрятали в лесу, в засаде.

Наступило утро. Под лучами солнца рассеялся туман. Дозорные врага заметили русское войско. В лагере Мамай поднялась тревога. Монголо-татары схватили оружие и построились к бою. Из их рядов выехал силач Темир. Он начал смеяться над русскими и кричал зычным голосом: «Нет среди вас богатыря, равного мне, могучему Темиру. Кто осмелится сразиться со мной?»

Со стороны русских выехал всадник. Это был смелый Пересвет. Он приготовил копьё к бою и понесся навстречу врагу. Всадники столкнулись, ударили друг друга копьями и оба замертво упали на землю.

В русском войске затрубили трубы. Воины сошлись. Началась битва.

Стойко держались русские, но монголо-татар было больше. Они стали теснить русских к реке. Уже раздавались победные крики врага. В это время из леса показался засадный полк. Русские воины с новой силой бросились в битву. Монголо-татары дрогнули. В их рядах началась паника. Сам Мамай покинул свои войска и бежал. За одержанную победу князь Димитрий был прозван *Донским*.

И все же свергнуть ненавистное иго не удалось. Через два года монголо-татарские полчища ворвались в Москву, сожгли ее и заставили русских снова платить дань.

Но победа на Куликовом поле имела большое значение. Она показала, что только объединившись можно вырваться из монголо-татарской неволи (VI.2, с. 23–24).

Постепенно к Московскому княжеству были присоединены почти все русские земли. Складывалось единое Русское многонациональное государство с центром в Москве.

Освобождение от монголо-татарского ига. Хан Золотой Орды обычно посылал в Москву послов. Они везли ханский приказ — басму. Московский князь должен был опускаться на колени и смиренно выслушивать ханский приказ. Князь заявлял о своей покорности хану и посылал ему дань.

Однажды, когда ханские послы приехали к великому князю Ивану Третьему, он вырвал у них из рук басму, бросил ее на пол и начал топтать ногами. Одного из послов князь отпустил. «Ступай к хану, — сказал Иван, — и расскажи, что случилось с его басмой. С ним самим будет то же, если он не оставит нас в покое». Разгневанный хан решил наказать непокорную Русь и двинул войска к русской границе.

Некоторые бояре испугались и уговаривали Ивана Третьего покориться. Народ волновался. Как-то великий князь ехал по улице. Москвичи окружили его с криками: «Умеешь с народа поборы брать, умей и защищать народ! Иди на врага!»

Русские полки загородили пути вражескому войску. Хан понял, что теперь русских не победишь. Полчища Золотой Орды повернули обратно. Объединившись в одно государство, русский народ стал таким сильным, что враг уже не решился вступить с ним в борьбу.

Так кончилось ненавистное монголо-татарское иго. Это было в 1480 г. (VI.2, с. 25–26).

Итак, лейтмотивами толкования прошлого России, предназначенного для советских детей, являются: нашествие «татарских орд», двуличие богатых бояр, солидарность предков латышей, эстонцев, других народов Прибалтики с их «русскими братьями» в борьбе против пришедших с Запада захватчиков. Позже на смену немцам приходят поляки, новые грабители Русской земли.

УКРАИНА МЕЖДУ ПОЛЬШЕЙ И РОССИЕЙ

Московский трон все более укреплялся, Иван IV провозгласил себя царем всея Руси. Марийцы, мордва, карелы объединялись с русским народом. Лишь Украина и Белоруссия оставались разьединенными с Россией; они были заняты литовцами и поляками.

Польские магнаты еще владели западной частью Русской земли: Украиной и Белоруссией. Они вторглись в Россию, дошли до Москвы и заняли ее. Против них поднялись Дмитрий Пожарский и Кузьма Минин, который призвал нижегородцев созвать ополчение для спасения Москвы. В результате столица была освобождена.

Во время этой войны героическое самопожертвование совершил крестьянин Иван Сусанин, у которого польские офицеры спросили дорогу на Кострому. Дело было зимой, и Ивану Сусанину удалось завести их в непроходимый лес. Поляки зарубили старика саблями, но и сами погибли. Иван Сусанин отдал жизнь за родину (VI.2, с. 34).

Польским помещикам не удалось поработить Россию, но они владели Украиной и Белоруссией.

Захватчики угнетали простой народ. Они отбирали у крестьян земли, угоняли скот, закрывали украинские и белорусские школы, уничтожали написанные на родных языках книги. Польские помещики хотели, чтобы украинский и белорусский народы забыли свой язык и отказались от своей родины. Все имущество и жизнь крестьян было во власти польских помещиков. Украинские и белорусские князья и бояре вместе с польскими захватчиками притесняли народ.

Угнетенные не прекращали борьбу с поработителями. Многие люди бежали от насилий, уходили вниз по Днепру в дикие степи и становились там казаками (VI.2, с. 35).

Крестьянин не смог выплатить большой оброк. Помещик приказал выпрячь из крестьянского воза волов и угнать их на свой двор. Молодой крестьянин воспротивился. Помещик расправился с ним. Горько рыдает жена убитого. Крестьяне в ненависти сжимают кулаки. Что они сейчас могут сделать? Но они верят: придет час расплаты (VI.2).

ОСВОБОЖДЕНИЕ УКРАИНЫ

Крестьяне бежали и переходили в казачество. Казаки подстрекали возмущения и бунты крестьян. В 1642 г. украинский народ решительно поднялся на бой за свое освобождение. Во главе его встал Богдан Хмельницкий.

Начальник польского войска хвастливо говорил:

Стыдно посылать большое войско против подлых крестьян. Их разгонят кнутами.

Но отряды Хмельницкого разбили армию польских помещиков, а ее хвастливого начальника взяли в плен.

Восставшим помогали русские: они сражались в войске Хмельницкого, доставляли оружие, порох, хлеб.

Борьба тянулась шесть лет. Много славных побед одержал украинский народ. Но польские помещики собирали новые силы и опять шли войной на Украину. В 1654 г. Б. Хмельницкий, который считал необходимым союз с Россией, собрал казаков, крестьян, городских бедняков и спросил их:

Хотите покориться польским помещикам или соединиться с братским русским народом?

Хотим быть вместе с русскими, раздалось со всех сторон.

Переяславская рада решила: «Быть украинскому народу с русским навеки вместе» (VI.2, с. 36).

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ

Итак, советские дети получали весьма упрощенное и неточное представление о присоединении Украины. Так история может выглядеть на лубочных картинках. Совершенно не принимались в расчет патриотические чувства украинцев (чтобы не употреблять слова «национальные» для эпохи, к которой этот термин в современном смысле отнести нельзя). В рассказываемой детям истории получалось, что с IX–XII вв. до Переяславской рады и позже существовала единая древнерусская народность. На самом деле происходила постепенная дифференциация; татарское завоевание, с одной

стороны, и польское завоевание, с другой, накладывали на земли свой отпечаток. Индивидуальность Украины со временем все усиливалась. В СССР Украину представляют как русские земли, боровшиеся на востоке с татарами, а на западе — с поляками и литовцами. Здесь всемерно подчеркивают солидарность русских и украинцев. Украинская же традиция говорит о самобытности Галиции, то есть западных земель, об абсолютном отсутствии какого бы то ни было желания предаваться Москве. Ясно, что лишь необходимость толкнула гетмана Хмельницкого и украинцев искать помощи Москвы против поляков, которых действительно ненавидели, — в этом традиции сходятся. Более того, похоже, что в Москве в тот момент не было отчетливой позиции по поводу аннексии Украины, потому что эти земли оспаривали друг друга поляки, турки и даже шведы. Украина виделась Москве своего рода полунезависимым форпостом между турками и поляками. В каком-то смысле Богдан Хмельницкий «заставил» царя подписать соглашение, но не государства с государством, а сюзерена с вассалом.

Вот почему в глазах украинцев гетман Хмельницкий выглядит подчас честолюбивым предателем, который во имя укрепления своих собственных позиций, воспользовавшись обстоятельствами, обратился за покровительством к русским. Для украинцев истинный национальный герой — это Мазепа, взбунтовавшийся против русских и обратившийся к шведам. Советским же детям он был известен как «изменник Мазепа», вступивший в союз со шведами, «тогда как украинский народ... остался верен клятве, данной на Переяславской раде». И это тоже полуправда. Народ не любил Мазепу за его непоследовательную политику, за его суровость. Но Мазепа добивался именно независимости Украины, ничего другого. Об этом свидетельствует договор, который он заключил со шведским королем Карлом XII. Поражение шведов под Полтавой положило конец всем этим надеждам.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 гг. В СОВЕТСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Посмотрим, как толковалась в СССР история Второй мировой войны. Излагая версию, созданную советскими историками, мы будем говорить только о стратегических аспектах, а не о военных действиях как таковых. Речь не пойдет также о неисчислимых страданиях и жертвах, которые понесли народы Советского Союза от германской оккупации и нацистского режима, несравнимо больших, чем страдания и жертвы других стран, за исключением Польши. Война унесла по меньшей мере семнадцать миллионов жизней советских людей. Равным образом мы оставим в стороне все, что касается внутренней жизни СССР, и не будем касаться в этой главе депортации народов, эвакуации и развития промышленности во время войны и многих других проблем.

Советская версия войны утверждает, что нацистская Германия напала внезапно. В результате мюнхенской политики Франции, Англии и США у СССР были тогда натянутые отношения с этими странами, то есть момент был неблагоприятный. Когда война началась, отношения Советского Союза с Англией и США характеризовались взаимным недоверием. Но уже 19 июля Сталин обратился к Великобритании с предложением открыть второй фронт.

В течение короткого периода, когда огромная масса германских войск была брошена в сражение против СССР, такая возможность существовала. Однако британцы оговаривали десант своих войск в Европе поражением Германии на восточном фронте, и сами же в это не верили. На самом деле Черчилль надеялся победить Германию бомбардировками, которые становились все более интенсивными и обескровливали врага. Советская историография непрерывно возвращалась к этой теме, доказывая, что черчиллевская стратегия была направлена не только на победу над фашистскими режимами, но и на истощение СССР (который поддерживали лишь постольку, поскольку Британия не была заинтересована в поражении союзника).

Эта злонамеренность Великобритании по отношению к Советскому Союзу проявилась, в частности, на Московской трехсторонней конференции 29 сентября — 1 октября 1941 г., когда британский министр снабжения лорд Бивербрук дал понять, что организация поставок в СССР вооружений и военных материалов потребует длительного времени.

Атмосфера доверия также не была характерна для первых шагов по установлению союзнических отношений с Соединенными Штатами. В Вашингтоне многие считали победу Советского Союза бóльшим злом, чем успех Германии. Несмотря на это, Рузвельту, Маршаллу и другим американским политикам удалось уже в конце июля 1941 г. направить в Москву с дипломатической миссией Гарри Гопкинса, а в ноябре принять закон о ленд-лизе. Общий итог всех этих усилий был позитивен, хотя не очень значителен: начинались военные поставки из Америки, которые носили нерегулярный характер и были так плохо организованы, что очевидным являлось неверие американцев в советскую мощь. Они не желали попусту растрачивать стратегическое сырье и не столько заботились об укреплении советской армии, сколько об ее истощении в борьбе с немцами.

Постепенно американцы стали лучше понимать происходящее, но в начале войны они явно стремились воспользоваться слабостью СССР. Они пытались, например, получить военные базы в Сибири для ведения войны против Японии. Глава военной миссии Соединенных Штатов в Москве генерал Дин прямо заявлял, что о «доброй воле» советского руководства будут судить в зависимости от решения вопроса об этих аэродромах.

За соглашениями с Англией и США последовали другие. СССР договорился с Чехословакией, со Свободной Францией генерала Де Голля и даже с Польшей, которая, хотя и выдвигала разного рода территориальные претензии, в конце концов 4 декабря 1941 г. подписала договор. Дело в том, что Советский Союз, как настоящий провозвестник будущего, согласился представить после победы все спорные вопросы на арбитраж союзников. Уже в 1941 г. он был готов к между-

народному арбитражу, тогда как англичане и американцы отстаивали в тот момент границы, закрепившиеся после Первой мировой войны.

И еще в одном важном вопросе СССР выступил провозвестником послевоенной системы международных отношений: уже 3 июля 1941 г. Сталин выступил в защиту права народов на самоопределение. Принятая 14 августа 1941 г. Соединенными Штатами и Англией Атлантическая хартия всего лишь воспроизводила этот принцип. И притом Советский Союз собирался помогать освобождению и обретению суверенитета не только жертв гитлеровского фашизма, но *всех* народов, включая народы колоний.

Вот в таком дипломатическом контексте разворачивалась битва за Москву. Она способствовала активизации борьбы за открытие второго фронта, разворачивавшейся в Великобритании, а на континенте пробуждала движения сопротивления. Очень важно также то, что сражение под Москвой спасло Великобританию от германского десанта, если не на сами Британские острова, то, по крайней мере, в Испании или в Африке. Таким образом, именно СССР сыграл решающую роль на этом этапе войны.

7 декабря 1941 г. Япония напала на американскую базу Перл-Харбор, и Соединенные Штаты вступили в войну. Однако вплоть до ноября 1942 г., когда союзники высадились в Северной Африке, планы Черчилля по концентрации военных усилий в Средиземном море преобладали над идеей эффективной помощи Советскому Союзу путем открытия второго фронта*. Об этом свидетельствовала Вашингтонская конференция конца декабря 1941 г. Это было время «поездки Молотова». Советскому министру удалось, конечно, добиться «декларации об открытии второго фронта» и подписания англо-советского договора от 26 мая 1942 г. Однако очевидно, что Черчилль выдвигал все новые и новые аргументы технического характера, призванные отложить исполнение обещания на неопределенный срок. При этом с 14 апреля 1942 г. он имел твердое намерение препятствовать амери-

канским планам высадки в Европе. Давление собственного общественного мнения привело, правда, к осуществлению десанта в Дьеппе*. Но это была ничтожная операция, которая послужила своего рода алиби и поводом для демонстрации все новых сложностей в деле открытия настоящего второго фронта. Эта смехотворная авантюра принесла пользу только гитлеровцам, потому что прояснила им ситуацию относительно намерений союзников и их возможностей, после чего максимум германских войск был сосредоточен против Советского Союза.

Однако в этот период уже шла война в Тихом океане. Она началась совсем не так, как планировали японцы. 2 июля 1941 г. японское руководство приняло «Программу национальной политики Империи», которая предполагала избегать конфликтов с США, чтобы эффективнее противостоять СССР. Летом и осенью 1941 г. Япония лихорадочно готовилась к агрессии на Дальнем Востоке. Немцы продвигались тогда с такой быстротой, что Япония опасалась «опоздать на автобус, когда сливы уже созрели». Однако сопротивление Красной армии, которой не пришлось перебрасывать войска с Дальнего Востока на германо-советский фронт, сорвало план «Кантокуэн». Сначала его перенесли на весну 1942 г. и занялись подготовкой оккупации Сибири вплоть до Омска; потом его отложили на неопределенный срок, поскольку проводившиеся переговоры с Соединенными Штатами ни к чему не привели. Наконец, бомбардировка Перл-Харбора развязала войну в Тихом океане¹.

Тем не менее Германия с самого начала войны не переставала давить на Японию, подталкивая ее как можно скорее напасть на СССР. Добиваясь этой цели, нацистское руководство даже согласилось вести с японцами переговоры на рав-

¹ На самом деле японская армия уже столкнулась один раз с мощью советской бронетехники во время войны 1939 г.; кроме того, ее армия увязла в Китае. Вот почему морскому ведомству легко было отстаивать идею перенесения военных действий в тихоокеанский регион, более богатый сырьем и более важный стратегически. (Прим. автора.)

ных и подписало с ними конвенцию от 18 января 1942 г. В соответствии с этим договором оба правительства, во-первых, брали на себя обязательство не подписывать сепаратного мира, а во-вторых, и это самое главное, — они определяли зоны своих интересов. Территория к востоку от 70° восточной долготы, включая Америку, составляла зону действий Японии, а та, что располагалась западнее 70° восточной долготы, включая Африку и Америку, зону действий Германии и Италии. Итало-германский флот должен был направиться в Индийский и Тихий океаны в том случае, если бы главный удар союзников пришелся на Японию. Японский флот — соответственно в Атлантику, если бы противники сосредоточились на Германии и Италии. Можно задаться вопросом, не было ли продвижение Роммеля весной 1942 г. связано с германо-японским соглашением.

В конце концов, несмотря на все призывы Риббентропа, Япония не решилась выдвинуть свои войска против Советского Союза. Во время Сталинградской битвы японцы заявили, что «не чувствуют себя достаточно сильными».

Победа под Сталинградом привела к «коренному перелому» на всех фронтах войны. Героизм советских воинов заставил Германию направить на восточный фронт практически всю авиацию. Это обусловило как победу англичан при Эль-Аламейне, так и благополучную высадку союзников в Северной Африке. Великое значение сталинградской победы состояло также в том, что она ускорила создание настоящего «фронта» сопротивления как в Европе, так и в Азии. При этом агенты американских и английских секретных служб всячески препятствовали развитию боевых организаций сопротивления, поскольку в них преобладали коммунисты.

Наконец, помимо всего прочего, Сталинградская битва вызвала «кризис» в фашистском лагере. В Германии забеспокоился Геринг, который позволил князю Максу Гогенлоэ войти в контакт с руководителем американских секретных служб Алленом Даллесом. В Италии Сталинград прозвучал мощным сигналом тревоги и вызвал ломку режима. Наконец

японское руководство стало искать контактов с режимом Чан Кайши.

Начались попытки выхода из войны со стороны сателлитов Германии. Венгрия, Румыния и Финляндия использовали одну и ту же тактику. Они стремились вступить в переговоры с англичанами и американцами и доказать им, что, воюя с Советским Союзом, они по сути дела отстаивали основополагающие интересы Запада. От Великобритании, правительство которой достаточно благосклонно внимало этой версии, бывшие союзники Германии хотели получить гарантию защиты от советской оккупации. Они выдвигали план поддержки наступления турецких войск, которые «заполнили бы пустоту», образовавшуюся после поспешного отступления немецких войск на запад.

Все эти вопросы держал в голове Черчилль, когда в январе 1943 г. приехал в Касабланку на переговоры с Рузвельтом. В отношении второго фронта еще ничего не было решено. Вместо него британский премьер предложил экспедицию на Сицилию. На самом деле эта «стратегически абсурдная» идея явилась компромиссом между позициями американцев, стремившихся поразить врага во Франции или в Северной Италии, и британцев, которые старались беспокоить противника с флангов и обескровливать его бомбардировками. Кроме всего прочего, они надеялись таким способом предотвратить продвижение советских войск в Восточную и Средиземноморскую Европу. Черчилль, которому уже удалось заставить признать приоритет Средиземного моря перед Атлантикой, достиг с этой высадкой в Сицилии нового успеха. Британский лидер упорно держался за свой план: сначала наступление в Калабрии, оттуда — продвижение на территорию Югославии, а также маршем на север Италии, имея конечной целью Вену. Главная забота Черчилля состояла в том, чтобы занять важные позиции в Центральной Европе до того, как туда придут советские войска. И если в конечном итоге ему это не удалось, так это потому, что по-прежнему Америка, имевшая другую стратегическую концепцию войны, навязывала свой план.

Италия капитулировала, и это тоже был результат великого подвига советской армии, сделавшего возможным победу союзников в Средиземном море. Их успеху способствовала, кроме того, борьба итальянского народа, приведшая в тупик правительство Муссолини. Британцы же неизменно проявляли враждебность к антифашистскому народному движению. Лондон и Вашингтон игнорировали итальянское движение сопротивления и, желая предупредить революцию, поддерживали Пьетро Бадольо*. Как раз тогда Георг VI говорил о своей монаршей солидарности с «императором Эфиопии».

Если Сталинградская победа знаменовала собой настоящий поворот в войне, то 1944 г. принес развал фашистского блока. Он был вызван стремительным продвижением советских войск по всей линии фронта. Очевидно, что Финляндия, Румыния и Венгрия стремились подписать мир задолго до высадки союзников в Нормандии 6 июня. Народы восстали против своих прогитлеровских руководителей также еще до открытия второго фронта. Восстал в том числе и немецкий народ.

Япония также делала попытки выйти из войны. Начиная с апреля 1944 г. она постоянно зондировала почву в Москве, Лондоне, Вашингтоне и Чунцине, где находилось правительство гоминьдана. Но все эти переговоры проваливались.

А вот какова советская версия капитуляция Германии и Японии.

Откатываясь под ударами советских войск, гитлеровская армия пыталась на западе загнать англо-американцев в новый Дюнкерк. Это было контрнаступление в Арденнах, которое закончилось крахом. Напротив, зимнее наступление советских войск удалось. Оно заставило немцев перебрасывать войска на восток, и на конференции в Ялте Сталин потребовал от союзников сделать все, чтобы этому помешать. На самом деле Черчилль в тот момент гораздо больше думал о том, как не допустить советские войска в Австрию. Во время предварительной встречи с президентом США на Мальте британский премьер поделился с ним своим беспокойством по это-

му поводу. Рузвельт и Черчилль обсуждали проект совместной оккупации Центральной Европы тремя странами, но Рузвельт его не поддержал, и Сталину этот проект не предлагали.

Главной темой Ялтинской конференции трех лидеров было будущее Германии. Союзники хотели ее разделить, но СССР воспротивился такому решению. Комиссия по разделу была тем не менее создана, однако очень скоро СССР заявил, что рассматривает этот проект лишь как средство давления на Германию. Таким образом, эта идея была отвергнута именно благодаря Советскому Союзу, который был против, поскольку раздел Германии не разрешал двух главных проблем: демилитаризации и демократизации Германии. Постановили, что пока не найдено решения, Германия будет разделена на зоны оккупации. При этом выделение секторов Великобритании и Соединенных Штатам происходило не без труда. В целях координации оккупационной политики создали также Комиссию по контролю.

Соглашения об устройстве будущего мира достигли, напротив, легко. При полном согласии был решен вопрос о создании ООН. Вместе с тем проблему мандатов отложили до конференции в Сан-Франциско, и причиной этого явилась позиция Великобритании. Что же касается европейских стран, то провозглашалась независимость каждого народа. СССР, США и Англия обещали способствовать созданию временных правительств демократическим путем и т. д. Согласие было достигнуто относительно Польши и Югославии, которые имели по два правительства. В первом случае по инициативе СССР решили создать трехстороннюю комиссию по примирению этих правительств. Во втором случае только попробовали определить механизмы достижения позитивного результата.

Советский Союз собирался «как можно меньше вмешиваться во внутренние дела других стран». В Китае он не хотел играть роль посредника между Чан Кайши и коммунистами во главе с Мао Цзедунем. Американцы же именно в посредничестве видели способ сохранения своих империа-

листических позиций. Что касается СССР, то он, заключая пакт с китайским правительством, только выступал против японских захватчиков. Сталин обещал в Ялте, что объявит войну Японии через несколько недель после победы над Германией. При этом американцы и англичане настаивали, чтобы СССР выступил против Японии как можно скорее. Они надеялись вовлечь Советский Союз в затяжную войну и отвлечь его от европейских дел.

Несмотря на возникшие разногласия, конференция в Ялте оказалась успешной. Она устанавливала условия демократического мира, единственно возможного в рамках сотрудничества с СССР. Таким образом, она знаменовала собой апогей союзнических отношений между тремя великими державами.

Однако во время урегулирования польского вопроса англичане и американцы неожиданно стали так саботировать ялтинские соглашения, что СССР подписал 21 апреля 1945 г. договор о дружбе с правительством, находившимся в Люблине*. Англичане и американцы беспрерывно подрывали дух ялтинских соглашений.

В советской историографии собраны и подробно представлены все признаки и этапы ужесточения политики союзников по отношению к СССР. Англичане и американцы благосклонно выслушивали немецкие предложения о заключении сепаратного мира, чтобы вместе повернуться против СССР. Все попытки такого рода проваливались из-за неприемлемости их для общественного мнения Соединенных Штатов и Англии. Кроме того, союзникам в тот момент еще требовалась помощь Советского Союза против Японии.

На конференции в Сан-Франциско в 1945 г. сенатор А. Ванденберг и Дж. Ф. Даллес хвастались, что собираются составить хартию Объединенных Наций, не считаясь с тем, «подойдет она Советскому Союзу или нет». Западные союзники, создавая искусственные процедуры, пытались также уменьшить роль СССР в будущем Совете Безопасности ООН. Однако, несмотря ни на что, Советский Союз все-таки добился провозглашения принципа постепенного предостав-

ления независимости всем народам. Это был камень в огород империалистов.

Англичане и американцы без конца устраивали провокации и демонстрировали враждебность по отношению к СССР. Они прекратили поставки по ленд-лизу, они рекомендовали союзным войскам складировать немецкое вооружение, чтобы раздать его вермахту в случае слишком быстрого продвижения советских войск. С 28 мая, то есть через двадцать дней после капитуляции Германии, Черчилль, по свидетельству Дж. Дэвиса, уже рассматривал возможность войны против Советского Союза. «Понятно, что позиция СССР в Потсдаме характеризовалась недоверием».

При этом Трумен прибыл в Потсдам с предложениями по Восточной Европе, которые шли вразрез с совместными решениями в Ялте. Претендуя на то, чтобы помочь провести «свободные» выборы в Румынии и в Болгарии, американцы стремились на самом деле создать учреждения, которые обеспечивали бы влияние империалистов. Ибо демократические правительства, возникшие в Софии и в Бухаресте, отлично справлялись со своей задачей и являлись «тоталитарными» только для тех, кто игнорировал условия политической жизни в балканской Европе. В Ялте же договаривались о совместной помощи в создании временных правительств только в случае сопротивления профашистских режимов, чего не было ни в Румынии, ни в Болгарии. Запад не имел никаких оснований вмешиваться в их дела, и только твердость Советского Союза расстроила их замыслы.

Такая же неудача постигла западные страны, когда они попытались расчленить и уничтожить Германию. СССР воспротивился всем этим «реакционным» мерам. Напротив, он согласился сотрудничать с Западом в создании системы прочного мира, поскольку речь шла в данном случае о строительстве будущего.

Позиция Советского Союза по отношению к Японии была совершенно ясной и определенной. Несмотря на разрушительные удары по Хиросиме и Нагасаки, СССР сдержал свое обещание, на чем продолжали настаивать союзники.

Именно вступление 9 августа в войну Советского Союза привело к быстрой безоговорочной капитуляции Японии. Наступление советских войск и заключение СССР договора с Китаем лишило японское руководство каких бы то ни было надежд на заключение сепаратного мира с США (переговоры в Берне и Стокгольме), или с СССР (переговоры Хироты), или с гоминьданом (миссия Ляо Виня).

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ

Итак, в советских книгах представлялась довольно последовательная картина Второй мировой войны. Историки вполне логично доказывали, как на каждом повороте войны СССР сталкивался с враждебностью «империалистического лагеря», сначала возглавляемом Уинстоном Черчиллем, а потом командой Даллеса—Трумена. Западные лидеры делали все от них зависевшее, чтобы их победа над Германией стала также победой и над Советским Союзом. В СССР считали, что определенная часть американской и английской политической элиты борьбу с коммунизмом считала более важной, чем борьбу с фашизмом. И в этом утверждении содержится доля истины.

Тем не менее в целом данная интерпретация представляется тенденциозной. При чтении советских книг очень многое вызывает удивление. Так, историки, которые с удовольствием перечисляют все попытки сепаратного мира, совершавшиеся за спиной СССР, ни слова не говорят о советско-германских переговорах в Стокгольме в июне 1943 г.

Есть и более серьезные умолчания, не говоря уже о передектировании фактов. По поводу мирных переговоров с Румынией — здесь нет ни слова об англо-американских бомбардировках Бухареста. По поводу визита Де Голля в Москву — ни малейшего намека на расхождения по вопросу польского правительства. Ничего не пишется также о том, что СССР

—

был против выделения Франции зоны оккупации в Германии, против ее участия в комиссии по репарациям и т. д.

Просматривая библиографию советских книг, удивляешься тому, что в ней отсутствуют свидетельства Владимира Дедижера, Хуберта Рипки, Тадеуша Бур-Комаровского, Чан Кайши др. Зато в большом количестве приводятся работы Ленина, который умер в 1924 г. Их больше, чем произведений Сталина или Хрущева.

Здесь почти нет работ об итальянской кампании, а те, что есть, касаются только борьбы рабочих против фашизма. Вызывает удивление полное отсутствие югославского движения сопротивления, разногласий с Тито 1944–1945 гг. Не говорится и о проблемах, вставших в декабре 1944 г. в связи с греческим сопротивлением. Взаимоотношения с Чехословакией представлены в совершенно идиллическом духе, и практически ничего не говорится о русинском вопросе*. Замалчивается вопрос об отношениях с Китаем.

Коммунистические партии стран-участниц войны на страницах этих книг выглядят вдохновителями движения сопротивления, о них повествуется в исключительно уважительном духе. Противоречия, возникавшие между ними и Москвой, никак не отражены. Разумеется, не объясняется связь, существовавшая между их позициями и англо-советскими «соглашениями» октября 1944 г. или решениями Ялтинской конференции. Точно так же упоминается антикоминтерновский пакт, но не говорится о роспуске Коминтерна в июне 1943 г. Подобных странностей здесь очень много.

Удивительным образом представляются проблемы, о которых умолчать невозможно. Вот, например, как толкуется вопрос о судьбе Германии.

Западные участники переговоров свидетельствуют, что до 26 марта 1945 г. Сталин поддерживал идею расчленения Германии. На конференции министров иностранных дел в октябре 1943 г. он с энтузиазмом принял план, предложенный американским госсекретарем Корделлом Халлом. И лишь по мере победоносного продвижения советских

войск его позиция менялась, и накануне Потсдама СССР занял позицию против расчленения.

Если читать советскую интерпретацию, то СССР *никогда* не был сторонником расчленения. Рассказывая об октябрьской конференции 1943 г. (на которой Сталин с восторгом одобрял эту идею), советские историки вообще не упоминают о неудобном вопросе.

Замолчать создание трехсторонней комиссии по расчленению Германии на Ялтинской конференции 4–11 февраля 1945 г. оказалось невозможным. Но советские авторы тут же сообщают о заявлении от 26 марта 1945 г. о том, что западный план расчленения СССР рассматривает лишь как *средство давления на Германию*. Наконец, вновь обращаясь к германской проблеме при рассмотрении Потсдамской конференции июля 1945 г., они напоминают, что СССР всегда был категорически не согласен с идеей расчленения.

КАК ПЕРЕСТРАИВАЛОСЬ ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

Коммунистическая партия Советского Союза черпала свою легитимность в историческом процессе. Задача историков при коммунистическом режиме состояла в том, чтобы показывать соответствие решений руководителей ходу этого процесса, демонстрировать «справедливость» их действий. После того как партия лишилась своей власти и авторитета, преподносившаяся народу история должна была претерпеть ту же участь.

На самом деле коммунистическое толкование истории начало тонуть еще раньше партии. Развенчанию первым делом подвергалась история самого СССР, но постепенно процесс распространялся и на другие области исторического знания. Прежние трактовки отвергались, причем далеко не всегда обоснованно.

Такое резкое отторжение обуславливалось тем, что советские историки оказались последними, кто сказал правду о недавнем прошлом. Их значительно опередили литераторы.

А. Солженицын начал рассказывать о ГУЛАГе, В. Быков — о коллективизации, А. Крон — о проблемах ученых и науки. М. Шатров задавался вопросом, отвечала ли Октябрьская революция чаяниям общества, а у В. Гроссмана вырисовывалось сопоставление нацистского и советского режимов. При этом святотатственный вопрос, который поднимал в «Жизни и судьбе» писатель, на самом деле является чисто историческим и должен решаться методами исторического познания. Однако именно писатели и кинематографисты своими способами анализировали пережитую реальность, Вторую мировую войну («Иваново детство» Андрея Тарковского, 1962 г.) и сталинскую тиранию («Покаяние» Тенгиза Абуладзе, 1984 г.).

Эти произведения возвращали советским людям их подлинное прошлое, конфискованное и извращенное в предшествующий период, когда какие-то события запрещалось помнить. Теперь одно за другим всплывали свидетельства, своего рода опыт правды. Память восстанавливала запрещенную историю, граждане осознавали себя призванными предупредить в будущем трагедии, которые имели место в прошлом (движение «Мемориал»). Некоторые другие (например, движение «Память») принялись превозносить все, что уничтожила революция. Они восхваляли правление Николая II, забывая, что он носил прозвище «кровавый», забывая о широком употреблении в те времена «столыпинского галстука», то есть виселицы.

Потеряв опорные точки, преподавание истории пытается привести свой багаж в порядок, исправить ошибки прошлого. Начиная с 1985 г. в этой области произошли огромные изменения.

— В революционный пантеон возвращены реабилитированные Бухарин, Троцкий и другие персонажи истории. Политические реформы привели к изменению знака в их оценке на противоположный, что на самом деле показывает следование прежним познавательным методам. Затем под сомнение был поставлен не только сталинизм, но и ленинизм, и авторитет начал терять весь большевистский панте-

он. Впрочем, «реабилитируя» или осуждая того или иного деятеля, историк продолжает оставаться в рамках идеологизированных интерпретаций.

— Освещены многочисленные запретные зоны советской истории, темные и неудобные вопросы. При этом используются не только свидетельства выживших, но и архивные фонды. Они открываются иногда под давлением других стран (как в Катынском деле), или бывших советских республик (как в делах о секретных переговорах с Гитлером, о голоде на Украине, о депортации крымских татар и т. д.), или по инициативе историков (как в деле о сотрудничестве украинцев с нацистами в уничтожении евреев). В то же время нужно понимать, что не отсутствие архивных документов явилось причиной клеветы официальной истории на Троцкого или других революционных и советских деятелей. Фундаментальная причина извращения истории в СССР заключалась совсем в другом.

— Взрыв интереса к истории не ограничивается противопоставлением традиционалистской и реформаторской интерпретаций прошлого. Растет количество новых очагов исторического знания. Нации и республики отвергли как марксистское, так и русское европоцентричное видение истории. Появились татарская, казахская и другие истории.

— Ушел в прошлое марксистский детерминизм с его формационным подходом. Это породило своего рода пустоту, утрату смысла и значения исторических событий и процессов. Вот почему постсоветские историки стали поворачиваться к Западу и интересоваться, например, школой «Анналов». Они стремятся обновить свою методологию, найти деидеологизированные практические способы исторического познания.

В этих условиях преподавание истории как бы стоит на перепутье. Актуальным остается вопрос о новых учебниках. Обсуждается идея, может ли их быть много, допустимо ли разное толкование истории.

Естественно, свое прошлое заново воссоздают государства, возникшие на обломках Советского Союза. В странах

Прибалтики, на Украине, в Грузии история отмежевывается от русской и советской интерпретации. В странах Средней Азии, в Молдавии, новое толкование прошлого подчас порождает сомнения в справедливости их нынешних границ. В Туркменистане поиски собственной идентичности ведут к очищению прошлого от фактов миграций и переселений, а также от персидского или монгольского влияния.

ДОКУМЕНТ

Оглавление учебника:

А.В. Ефимов.

Новая история. Часть 1.

Для 8 класса средней школы.

(М., Просвещение, 1977)¹.

МИР К НАЧАЛУ НОВОЙ ИСТОРИИ

1. От первобытно-общинного строя к классовым обществам
2. Неравномерность развития континентов и стран

РАЗДЕЛ I. НАЧАЛО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Глава 1.

Английская буржуазная революция XVII в. и начало промышленного переворота в Англии

1. Причины революции

¹ Это оглавление, соответствующее марксистской периодизации истории, исключительно интересно с точки зрения перспективы, которая в нем прочерчена. Эпоха Нового времени открывается здесь ростом мощи Англии; начиная с XVII в. появляется пролетариат и т. д. Такая периодизация, конечно, удобнее, чем традиционная западная (преобладание Испании, преобладание Франции при Людовике XIV, преобладание Англии после 1714 г.), для объяснения развития последовательных революций и освободительных движений: 1689 г., 1774 г., 1789 г., 1831 г., 1848 г., 1871 г., 1917 г. (*Прим. автора.*)

2. Начало революции. Гражданская война
3. Парламент и армия против короля. Выступление буржуазии против народных масс
4. Последствия и значение английской буржуазной революции
5. От мануфактуры к фабрике
6. Пролетариат и буржуазия. Две стороны промышленного переворота

Глава 2.

Война за независимость английских колоний в Северной Америке и образование США

7. Английские колонии в Америке, их восстание
8. Война за независимость, принятие конституции

РАЗДЕЛ II. ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XVIII ВЕКА. РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА. ВОЗНИКНОВЕНИЕ НАУЧНОГО КОММУНИЗМА

Глава 3.

Великая французская буржуазная революция XVIII века

9. Франция в XVII—XVIII веках. Назревание революции
10. Сословный строй во Франции. Причины революции
11. Идеи передовой буржуазии и народных масс
12. Начало революции
13. Крупная буржуазия у власти
14. Свержение монархии. Конвент
15. Наивысший подъем революции
16. Ослабление и крушение якобинской диктатуры. Значение французской буржуазной революции

Глава 4.

Европа после французской революции

17. От термидорианского переворота к империи
18. Завоевательные войны империи и ее крушение
19. Венский конгресс. Реакция в Европе. Революция в Испании

Глава 5.

Образование независимых государств в Латинской Америке

20. Образование республики Гаити. Испанские колонии в Америке перед революцией

21. Революция в Мексике и Южной Америке

Глава 6.

Развитие капитализма во Франции и Англии с 1815 по 1848 год.

Первые выступления рабочих как политической силы

22. Франция в 1815—1847 годах. Лионские восстания

23. Развитие капитализма в Англии. Завершение промышленного переворота

24. Парламентская реформа 1832 года. Начало чартистского движения

25. Ход чартистского движения

Глава 7.

Утопический социализм. Сен-Симон, Фурье, Оуэн

26.

Глава 8.

Возникновение научного коммунизма. К. Маркс и Ф. Энгельс

(до 1948 года)

27. Как возник научный коммунизм

28. «Союз коммунистов»

29–30. «Манифест Коммунистической партии». Основные идеи главы I «Манифеста»

31. Основные идеи главы II «Манифеста Коммунистической партии» и его заключительной части. Значение «Манифеста»

Глава 9.

Революция 1848–1849 годов в Европе

32. Причины и начало революции во Франции

33. Июньское восстание в Париже. Установление Второй империи

34. Революция в Германии

35. Революция в Австрийской империи. Значение революций 1848–1849 годов

РАЗДЕЛ III. ЕВРОПА В 50–60-х ГОДАХ. США. СТРАНЫ АЗИИ. ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Глава 10.

Англия в 50-60-х годах

36.

Глава 11.

Объединение Италии. Объединение Германии

37. Объединение Италии

38. Объединение Германии

Глава 12.

США в первой половине XIX века. Гражданская война в США

39. США между двумя революциями

40. Назревание и начало Гражданской войны в США

41. Гражданская война в США

Глава 13.

Страны Азии

42. Индия в XVI–XIX веках. Захват Индии Англией. Народное восстание 1857–1859 годов

43. Феодалный Китай (Цинская империя). Восстание тайпинов

Глава 14.

Первый Интернационал (до 1870 года)

44. Основание I Интернационала. Борьба марксистов против враждебного буржуазного влияния в среде рабочих

45. I Интернационал и массовое рабочее движение. Значение I Интернационала

Глава 15.

Литература и искусство

46. Литература

47. Великие композиторы и художники

Глава 16.

Основные итоги первого периода новой истории – периода победы и утверждения капитализма (1640–1870 годы)

48. Промышленность, земледелие, транспорт и связь

49. Развитие математики, химии, физики. Новое в учении о жизни

50. Социально-политические итоги периода победы и утверждения капитализма

ГЛАВА IX

ИСТОРИЯ И СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В АРМЕНИИ

Хронологические ориентиры

IX–VII вв. до н.э. — Царство Урарту.

550 г. до н.э. — В результате завоевания Кира территория Армении становится сатрапией Персидской державы.

331 г. до н.э. — Битва при Гавгамелах. Завоевание Персидской державы Александром Македонским.

323 г. до н.э. — Смерть Александра Македонского. При Селевкидах возникают независимые армянские царства.

201 г. до н.э. — Подчинение Армении Антиохом III.

189 г. до н.э. — После победы римлян над Антиохом III Арташес I провозглашает независимость Армении.

95–55 гг. до н.э. — Правление Тиграна II Великого.

66 г. до н.э. — Арташатский договор с Помпеем. Армения попадает в зависимость от Рима.

66 г. н.э. — Коронация Нероном Трдата I из династии Аршакуни в качестве царя Армении, вассала Рима.

226 г. — Конец династии Аршакуни.

301 г. — Григорий Просветитель добивается обращения царя Трдата III Великого в христианство. Армения становится первым христианским государством.

451 г. — Битва при Аварайре. Армения отстаивает христианство.

491 г. — Раскол Армянской церкви.

536 г. — Восстание против Византии.

652–885 гг. — Армения под властью арабов.

885 г. — Царь Ашот из династии Багратуни восстанавливает независимость. Основание Ани. Возникают города Карс, Ван, Лори.

1045–1064 гг. — Завоевание Армении турками-сельджуками. Конец независимости княжеств Великой Армении.

1070–1375 гг. — Армянское царство в Киликии.

1236–1244 гг. — Захват монголами армянских земель. Союз Киликийского армянского царства с монголами.

1512 г. — В Венеции начинает работать первая армянская типография.

1555 г. — Первый раздел Армении между Османской империей и Сефевидским Ираном.

1677 г. — Тайное совещание в Эчмиадзине о возможностях освобождения Армении.

1701 г. — Израел Ори представляет Петру I проект освобождения Армении с помощью России.

1794 г. — Первая армянская газета *Аздарар* («Вестник») выходит в индийском городе Мадрасе.

1804–1813 гг. — Русско-персидская война. Завоевание русскими Карабаха. Гулистанский мирный договор.

1806–1812 гг. — Русско-турецкая война.

1827–1828 гг. — 2-я русско-персидская война. Присоединение восточной Армении к России. Русские войска освобождают Ереван от персидской оккупации.

1862 г. — Восстание против турок в Зейтуне.

1877–1878 гг. — Русско-турецкая война. По Сан-Стефанскому мирному договору Карс, Ардаган и Батум входят в состав России.

1885–1890 гг. — Образование первых социалистических и националистических партий в Армении: Арменакан, Гнчакян («Колокол»), Дашнакцутюн (Армянский революционный союз).

1894–1896 гг. — Первые крупные армянские погромы в Османской империи.

1904 г. — Восстание против турок в Сасуне.

1915 г. — Геноцид армян в Турции.

Ноябрь 1917 г. — Степан Шаумян назначается Временным чрезвычайным комиссаром по делам Кавказа.

28 мая 1918 г. — Провозглашение независимости Армении. К власти приходит *Дашнакцутюн*.

Ноябрь 1919 г. — Кемалистская Турция уничтожает армянский национальный очаг в Киликии.

Май 1920 г. — США отказываются от мандата на управление Арменией.

10 августа 1920 г. — Севрский договор признает существование Армянского государства.

Сентябрь 1920 г. — Нападение кемалистской Турции на Армению. Советская Россия занимает протурецкую позицию.

Декабрь 1920 г. — Заключение армяно-турецкого мира в Александрополе. Части Красной армии под командованием Орджоникидзе входят в Армению: завоевание или освобождение?

1921 г. — Падение правительства дашнаков. Установление власти армянских большевиков в Ереване.

1923 г. — Заключение Лозаннского договора с Турцией, в котором ничего не говорится об армянском вопросе.

В учебниках для советских детей история Армении сводилась к нескольким фразам, причем мало отличалась от истории Грузии или Азербайджана. Армения проходила те же стадии феодализма, переживала определенные исторические периоды. Практически не принималась во внимание специфика и древность армянского христианства. Несгибаемый дух армянского народа в марксистской трактовке растворялся и нивелировался. Все в том же учебнике для 4-го класса (VI.2) о прошлом Армении отчетливо говорилось дважды. Первый раз — в самом начале, когда речь заходила о древнем кургане* под Ереваном. Второй раз — когда вспоминали обращение армян к русскому народу за помощью в освобождении от персидского господства. Еще упоминалось о «народах Кавказа», которые героически сражались против монгольских захватчиков. Но народы эти даже не перечислялись.

Конечно, это совсем немного.

Разумеется, в школах Советской Армении о собственной истории этой страны говорилось гораздо подробнее. Причем здесь действовали две программы преподавания: для русских и для армянских школ. В последних прошлому армянского народа, его памяти и традициям отводилось особенно много места. Однако число армянских школ все время уменьшалось, потому что учеба в них давала меньше возможностей для дальнейшего продвижения, чем учеба в русских школах. Так что в конечном счете хранилищем народной памяти оставался семейный очаг. И память эту хранили все армянские дети, в том числе и те, которые жили в диаспоре. Своим искусством традицию поддерживали и поддерживают *ашуги*, народные певцы, имеющиеся во всех армянских общинах.

В наше время древняя территория Армении разделена на три части. Одна входит в состав Турции, другая — Ирана, третья (бывшая советская республика) — сегодня представляет собой независимое государство. Из книги «История наших предков» (VII.2), изданной в Венеции армянами-бенедиктинцами, обосновавшимися там еще в 1717 г., ясно вид-

но, что сохранение памяти о прошлом — это насущнейшая забота армян. Тут представлено очень наивное, чистое видение истории. Люди в ней делятся на добрых и злых, предателей и героев. Армения, много раз терпевшая поражения, охотно возвеличивает свою историю, придает ей светлый образ мученичества. Расчлененная, разоренная, подвергавшаяся гонениям, прежде всего со стороны турок, лишенная государственности, она творит себе историю на грани золотой легенды. В ней действуют гиганты и богатыри, переламывающие кости львам, ломающие ребра быкам. С трудом можно себе представить, что такая нация могла терпеть поражения, потерять независимость. Впрочем, в бенедиктинском учебнике злосчастия армян изображаются так искусно и душевно, что перестаешь в конце концов понимать, когда же Армения на самом деле была независимой, а когда там господствовали иноземцы.

Полезно поэтому вспомнить, что Армения была независимым государством со 189 по 66 г. до н.э., когда произошло завоевание ее римлянами. Она несколько раз переходила из рук в руки и в 885 г. фактически освободилась от власти Арабского халифата. Но в 1048 г. турки положили конец независимому существованию страны. В Киликии возникло тогда государство Малая Армения (1081–1375 гг.), которое в свою очередь было завоевано турками-османами. 28 мая 1918 г. Армения вновь обрела было независимость, но ненадолго — до ноября 1920 г.

Книга, предназначенная детям эмиграции, кончается картой... Великой Армении, той, что в глубокой древности простиралась от Каспия до Анатолии. «Мы существуем, будем существовать и приумножимся» — таковы слова поэта Паруйра Севака.

Попробуем сравнить взгляд на истоки армянского народа, на историю геноцида, а также на начало XX в., изложенный в учебнике, созданном эмиграцией, со взглядом, преподносившимся детям Советской Армении, а также с европейской исторической традицией.

СЫН ХАЙКА

Как и все человечество, Армения произошла от героя; его звали Хайком.

«Это был красивый человек: высокого роста, сильный, с кротким взглядом, привлекательным лицом и кудрявыми волосами». Приведенное свидетельство приписывается Мовсесу Хоренаци (Моисею Хоренскому*), армянскому «историку» V в. В период, когда Персия предоставила Армении свободу отправления ее религии, он написал первую большую историю армянского народа. Итак, еще в V в. армяне стремились сохранить память о своем прошлом. И учебник, написанный спустя пятнадцать веков, воспроизводит то, что было написано тогда.

Когда строили Вавилонскую башню, все языки перемешались, и Хайк, взяв своих детей и слуг, всего около 300 человек, отправился на север. Там он победил великана Бела, владычествовавшего над равнинами Ассирии, и обосновался в прекрасной местности, среди непроходимых лесов, среди зеленых пейзажей Армении. Соседние народы занимались грабежами, и вот сыновья и внуки Хайка, в том числе Арам, отправились на восток, где жили «мидяне — предки курдов». Арам победил своего врага, привел его в свою столицу Армавир и повесил на городской стене. Он стал столь могущественным, что страну называли его именем — Армения. [...] Сын Арама был столь хорош собой, что его пожелала взять в мужа ассирийская царица Семирамида. Он отказался, потому что был женат, и тогда царица приказала своим воинам похитить его живым. Однако сын Арама погиб в бою. Семирамида была безутешна и тщетно умоляла богов оживить возлюбленного (VII.2).

Другой эпический герой — это Ваагн, который победил персидского царя Дария и прогнал его из Армении.

Он сражался также с царем-великаном Баршамом, прародителем ассирийцев. Два бога поднялись на небо, и великий бой начался.

Ваагн нанес удар и обезглавил знаменитого великана. Неся голову Баршама под мышкой, Ваагн спустился в его амбары, схватил мешки с золотой соломой и понесся в Армению, разбрасывая солому по небу. С тех пор появилось на небе скопление звезд, которое армяне называют дорогой соломокрада (Млечный Путь) (VII.2).

Над мидийцами тоже царствовал «великан» — Аждахак. Он мечтал победить армян и увеличить свои владения. Однако он боялся царя Армении Тиграна.

Ему приснилась могучая женщина, рожавшая трех сыновей-героев. Один из них немедленно вскочил на льва и помчался на запад, другой — на барса и поскакал на север, а третий — взнуздal чудовищного дракона, который напал на царство самого Аждахака. Царь подумал, что это предсказание победы над ним Тиграна. Он решил жениться на сестре армянского царя, а потом склонить ее к предательству и убийству брата. Но царица предупредила брата о вероломстве мужа. Мидиец пригласил Тиграна на встречу, и тот явился с войском. Разразилась битва, и Тигран пронзил копьем великана, получившего справедливое возмездие (VII.2).

А вот другой царь — Вагарш из парфянской династии Аршикуни. После его смерти армяне «на короткий период» попали под владычество персов — язычников, поклонявшихся Солнцу. Затем персов сокрушил Александр Македонский. Он принес в Армению греческую культуру (VII.2).

«Короткий период» на самом деле продолжался четыре века...

Около 190 г. до н.э. царь Арташес основал великую династию и провозгласил независимое государство, простиравшееся от Евфрата до Каспийского моря. Церемония была великолепна. Отныне богатства нашей земли не принадлежали иноземцам (VII.2).

Легенда в этой книге переплетена с реальностью даже в тех случаях, когда описываемые события хорошо разработаны наукой. Ссылки на Библию подчеркивают христиан-

ские корни армян, но вместе с тем и армянские корни христианства. Ведь Армения занимает в Библии особое место: там располагается Эдем, туда прибывает Ноев ковчег.

Другим излюбленным источником является «История Армении» Мовсеса Хоренаци, этого «Геродота армянского народа». Достоверность передаваемых им сведений весьма сомнительна. Известно, например, что Дарий отнюдь не был изгнан из Армении, а, напротив, завоевал ее. Только первая его экспедиция закончилась неудачей. Точно так же известно, что Армения была верной и лояльной сатрапией, она посылала Ксерксу войска против греков, а Дарию — против Александра. В течение трех веков — с середины VII в. до эпохи Александра — Армения была независимой лишь в момент смерти Александра, когда диадохи спорили между собой о разделе империи. Свободная с 323 г. до н.э., она в 201 г. попала под власть Селевкидов. Она вновь обрела самостоятельность в 189 г. при Арташесе I и сохраняла ее до 66 г. до н.э.

У советских армян (VII.1) было не столь эпическое представление о древней истории Армении. Оно в большей степени основывалось на научном знании, однако здесь совершенно отсутствовал длительный период зависимости армян; о нем говорилось как об одной из фаз «формирования армянского народа». Кроме того, советский учебник придерживался представления об автохтонности армян на территории Великой Армении, в то время как большинство историков утверждают, что армяне «появились» здесь в VIII в. до н.э. в процессе продвижения на юг индоевропейцев.

Армяне являются одним из древнейших народов мира. Известно, что армянские племена еще во II тысячелетии до н.э. населяли различные области Армянского нагорья. В период государства урартов эти племена сохраняли свою самостоятельность, продолжая все больше сближаться и сплачиваться.

В период ослабления государства Урарту они выступили против захватчиков-мидян. Мидийский царь Киаксар (625–585 гг.) спросил взятого в плен царя армян, почему они восстают. Ответ был таков:

«Я борюсь за свободу, потому что и сам предпочитаю быть свободным, и сыновьям своим хочу оставить в наследство свободу».

Позднее, в конце VI — начале V в., армяне оказались под властью персидского государства (VII.1).

В советском учебнике этот период рассматривается как время «объединения армянских племен» и складывания единого народа. Исчезает, таким образом, целая эпоха. Остается полностью скрытым длительное лояльное существование армян под властью Ахеменидов в составе Персидской державы.

ТИГРАН ВЕЛИКИЙ

Объединение независимой Армении в конце концов совершилось при Тигране II Великом, «который создал империю, простиравшуюся от Кавказа до Евфрата и Средиземного моря». В детстве Тигран II был заложником у парфян и всю жизнь испытывал к своим бывшим тюремщикам фактически такую же ненависть, какую его сосед Митридат чувствовал к римлянам. Этот полностью эллинизированный монарх побеждал и парфян, и Селевкидов, он создал новую прекрасную столицу, поделил свое царство на сто двадцать провинций и считал себя наследником «царя царей». Момент наивысшего расцвета Армянской державы Тиграна II приходится на 70 г. до н.э., когда у него нашел прибежище побежденный римлянами Митридат. Тигран II выступил против римлян и одержал победу над Лукуллом. Но затем Помпей нанес ему поражение. Тиграну пришлось возвратить большую часть завоеванных земель и сверх того уплатить контрибуцию в пятьдесят тысяч талантов. «Тигран явился в лагерь римского полководца без пурпурного плаща, но в царском венце и диадеме. Он вручил Помпею свою тиару и диадему, однако тот поднял старого царя и вернул ему знаки царской власти. Он назвал Тиграна союзником и другом римского народа», то есть вассалом.

Французам эта патетическая капитуляция напоминает историю Верцингеторикса, сдававшегося Юлию Цезарю. А вот юным армянам ничего об этом не сообщают. Говорится только, что «старый Тигран заключил мир и стал другом римлян», и упоминается, что его предали.

Впрочем, в армянском преподавании истории существуют две противоположные версии этих важных событий, знаменовавших собой первую встречу армян с Западом.

В учебниках армянской диаспоры Тиграна II представляют как великого царя-«миротворца». Завоеванным странам здесь не уделяется никакого внимания, речь идет только о великой империи от Кавказа до Евфрата. «Он заложил могучую крепость, ставшую новой столицей, которая была намного больше и прекраснее, чем предыдущие. Она была названа именем царя – Тигранакерт». Замечается, правда, что «все захваченные в войнах пленники ассирийцы, евреи работали *под руководством* греческих архитекторов на строительстве этого великолепного города».

Почему авторы учебника выбрали среди разнообразных и многоязычных пленников Тиграна именно евреев и ассирийцев – совершенно непонятно.

В самом деле, советский учебник по истории Армении сообщал детям о греческих пленниках, которым Лукулл обещал свободу, и они открыли ворота столицы римским войскам. «Однако римляне только разграбили все богатства города, а обещаний своих не сдержали».

Изданный в Ереване советский учебник был чужд представлениям о прозападной ориентации Тиграна II. Здесь авторы подчеркивали прежде всего его роль объединителя армян. Завоевательные амбиции царя и его ориентация на греков и римлян их интересовали гораздо меньше. Здесь говорилось, что военная знать «эксплуатировала местное население», которое низводили почти до состояния рабов. Однако крестьяне оставались свободными и составляли основу военной мощи Тиграна. Мир 66 г. в этом учебнике знаменовал собой «поворот в истории», связанный с окончательной утратой независимости.

ПРЕОБРАЖЕННОЕ ПОРАЖЕНИЕ

Учебник диаспоры, превращающий первую утрату независимости в установление дружеского союза, с такой легкостью проскакивает второе завоевание, что оно преобразуется чуть ли не в решительную победу.

В 55 г. до н.э. Тиграну II наследовал его сын Артавазд II, поэт и мыслитель. Парфяне объявили войну римлянам. Войсками римлян командовал Красс. Артавазд в качестве друга и союзника Рима собрал тридцатитысячную армию и посоветовал Крассу начать войну в Армении, а не в Сирии, пустынные земли которой давали преимущество парфянской кавалерии. Красс не послушался совета и стал обвинять нашего царя в предательстве [вследствие принятого решения римские войска были весьма уязвимы с севера, и Артавазд не послал к нему свою тридцатитысячную армию]. Красс потерпел поражение, погиб в бою и был обезглавлен парфянами. Артавазд, раздосадованный недоверием римлян, заключил мир с парфянами. Он выдал свою дочь за наследника парфянского трона. В момент подготовки великих торжеств ему принесли в Арташат голову Красса. Народ бурно праздновал, восторженно радуясь победе и новому союзу (VII.2).

Отныне Армения находилась попеременно то под властью парфянской династии Аршакидов, то под властью Рима. Она была зависима от двух империй и влачила нелегкое существование, маневрируя между ними.

Конфликты с Римом обострились вновь, когда Артавазд II попал в плен к Марку Антонию. Царь отказался признать владычество Клеопатры и был ею казнен. В отместку сын Артавазда Арташес II приказал подвергнуть избиению всех римлян, находившихся в Армении.

В I в. н.э., после похода римского военачальника Корбулона, император Нерон короновал царем Армении Трдата. Разумеется, страна продолжала оставаться зависимой. Не случайно в 161 г. армянская знать восстала против Антонина Пия, а в 216 г. — против Каракаллы.

Падение династии Аршакидов в Парфии в 224 г., а затем беспорядки в Римской империи открывали перед Арменией новые возможности. Приняв христианство, она обратилась в сторону Византии.

ПЕРВЫЙ ХРИСТИАНСКИЙ НАРОД В ИСТОРИИ

Армения приняла христианство в самом начале IV в. и таким образом является первым христианским государством в мировой истории. Армяне испокон веков гордятся этим фактом.

Все дети диаспоры знают историю обращения Трдата III.

В IV в. прославился Трдат III Великий. Детство он провел в Риме. В юности он поражал всех своей мощью на ристалище.

Он вышел вместо старого Диоклетиана на поединок против готского вождя Эрче, который сказал императору: «Выходи сражаться со мной, и пусть тот, кто одержит верх, станет победителем в нашей войне». Трдат хорошо вооружился, облачился в одежды императора и поверг наземь могучего Эрче.

Римляне помогли Трдату вновь обрести его трон. Тогда царь решил возблагодарить богиню Анаит. Все возлагали цветы и зеленые ветви к статуе богини.

— Возложи и ты цветы, — сказал Трдат Григорию.

— Не стану я подносить даров статуе, — отвечал Григорий, — я христианин.

Царь приказал подвергнуть его пыткам, а затем бросить в глубокую яму, Хор Вирап. [...]

Как раз в это время в Армении появились несколько юных девушек, бежавших из Рима. Трдат узнал, что одна из них, по имени Рипсима, отличалась необыкновенной красотой. Царь захотел жениться на ней, но девушка отказалась. Он стал принуждать Рипсиму, но ей удалось вырваться и убежать из дворца.

Эти девушки посвятили себя Богу, и Трдат приказал их казнить. Однако после этого он впал в отчаяние и утратил разум. Тогда сестре царя приснился сон: «Только Григорий сможет его исцелить». Григория вытащили из ямы, где он томился четырнадцать лет, и он исцелил Трдата.

Григорий проповедовал учение Христа, и Трдат сразу же принял христианство. Народ последовал за ним.

Так в 314 г. Армения стала первым христианским государством*.

Григорий принес в Армению свет, и его стали называть Просветителем (VII.2).

ПОБЕДА В ПОРАЖЕНИИ: АВАРАЙР (451 г.)

С 428 г. Армения находилась под властью персов. «Царь царей» пытался навязать ей свою религию. Местный правитель-предатель вступил с ним в союз. Однако знать, воины и духовенство объединились и объявили, что будут верны своей религии, хотя бы это стоило им жизни. Началась война, которую возглавил Вардан Мамиконян, по прозвищу Вардан Красный, «ставший символом веры и свободы армянского народа». Моральный дух армии поддерживал священник Гевонд, погибший потом мученической смертью.

В битве на Аварайрской равнине у армян было всего лишь шестьдесят тысяч солдат против трехсот тысяч персов, имевших слонов, лошадей и верблюдов. Вардан Мамиконян расположил свою армию тремя фронтами. Но в решающий момент боя Васак Сюни перешел на сторону врага. Таким образом, один из фронтов оказался ослабленным. Вардан бросился туда и сражался как лев, удары сыпались во все стороны; он опрокидывал людей, лошадей, слонов. Спускался вечер... Стрела пронзила ему сердце. [...] Борьба продолжалась еще долгое время, пока враг, превосходивший в силе, не признал права армян на религиозную свободу (VII.2).

Подобного рода соглашение о свободе вероисповедания было заключено впервые в истории Востока.

Но и византийцы, со своей стороны, стремились ограничить независимость Армянской церкви и упразднить католикосат. Особенную настойчивость проявлял император Маврикий около 600 г. Он приказал арестовать Смбата Багратуни, знатно-

го армянина, обладавшего колоссальной силой. Своей мощью он приводил в замешательство народ Константинополя.

Смбата вывели на арену и выпустили против него бурого медведя. Ударом кулака он раздробил зверю голову. Тогда вывели огромного быка — Смбат вырвал у него оба рога и копыто. Наконец, спустили гривастого льва — Смбат вскочил к нему на спину и задушил хищника. Народ потребовал помилования Смбата, и Маврикий сослал его в Северную Африку (VII.2).

ПРОБЕЛЫ ОФИЦИАЛЬНОЙ ВЕРСИИ В ЕРЕВАНЕ

Все эти рассказы соответствуют исторической традиции. Однако один существенный элемент в них отсутствует. Здесь ничего не говорится об изолированности Армянской церкви. Она не приняла решений Халкидонского собора 451 г., согласно которым божественная природа и человеческая природа Иисуса не могут смешиваться. В результате ей приходилось противостоять не только Сасанидам, но и византийскому императору Маврикию.

Этот разрыв придал Армянской церкви своеобразие, но провоцировал враждебность православной византийской церкви. А она в отличие от армянской отождествляла себя с государством и обладала сильным влиянием в светских делах. Последствия разлада оказались очень велики. Случалось, что проповеднические устремления Византии толкали Армению к поиску союзов даже в исламских странах.

Юные армяне Советского Союза, обучение которых велось на русском языке, не имели обо всем этом вообще никакого представления. О Григории Просветителе им не говорилось ни слова. Один параграф в учебнике был посвящен распространению христианства, однако значение этого культурного процесса оценивалось совершенно неадекватно.

В условиях разложения рабовладельческого строя и развития феодальных отношений язычество больше не отвечало требова-

ниям господствующего класса. В 301 г. христианство было провозглашено государственной религией Армении. Его учение больше соответствовало интересам феодалов. В Армении стало складываться многочисленное сословие духовенства, которое, сосредоточив в своих руках земли и богатства упраздненных языческих храмов и жречества, стало крупным собственником и одним из основных эксплуататоров в рамках феодальной системы (VII.1).

Характеристика эта подходит для любой страны. В ней всего лишь другими словами воспроизведено то, что в учебнике для русских детей разъяснялось по поводу христианизации Руси. Есть, впрочем, одно отличие: про Армению не утверждалось, что христианство насаждали силой. Напротив, в качестве одной из главных причин освободительных войн V и IX вв. указывалось желание персов, а затем арабов обратить армян в свою веру.

Героическую Аварайрскую битву представляли в соответствии с традицией, но главное ее последствие — возможность исповедовать армянскую религию — едва проговаривалось. В ереванском учебнике говорилось, что Армения, часто выступавшая в союзе с Грузией, «заставила персов отказаться от политики *ассимиляции*. [...] Народ отстоял свою самостоятельность и получил возможность развивать экономику страны и свою национальную культуру» (VII.1).

Довольно много места в учебнике отводилось армянской литературе и изобретению армянского алфавита. Но при этом совершенно опускалась религиозная функция этой литературы. А между тем именно она выступала хранительницей христианской религиозной традиции на Востоке. Армяне гордятся тем, что были первыми переводчиками Библии, и их национальное самосознание в значительной своей части совпадает с религиозным самосознанием.

Можно оценить в этой связи значение уступок, на которые пошел советский режим в 1975 г., когда разрешил сооружение и торжественное открытие в Ереване памятника в честь героя Аварайра. Торжественное чествование этой

победы христианства происходило в присутствии первого секретаря коммунистической партии Армении, председателя Совета Министров, председателя исполкома горсовета; на площади собралась огромная толпа народа. Газеты писали о великом подвиге «героев, погибших за национальную самобытность Армении. [...] Есть имена, которые воплощают в себе непреходящие ценности нашего народа: Маштоц — ее культуру, Комитас — музыку, Вардан Мамиконян — свободу» (VII.13).

При этом двое первых были священниками, а третий — национальный святой.

Среди руководителей, присутствовавших на церемонии, был только один русский: второй секретарь компартии Армении П.П. Анисимов. Он стоял со скупающим видом и полужакрыв глаза.

ВОЗРОЖДЕНИЕ И ГИБЕЛЬ АРМЯНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Под властью Сасанидов в Армении укреплялся феодализм. Страна состояла из княжеств, которыми управляли знатные фамилии: Мамиконяны, Арцруни, Багратуни и другие. Преемники Аршакидов гарантировали им автономию в рамках своего государства, и это было предпочтительней централизаторских устремлений Византии.

Когда появились арабы, на помощь христианской державы надеялись, но напрасно. Под властью новых захватчиков сохранялся тот же тип отношений, что во времена персов. Кроме того, армяне обязались поставлять эмирам пятнадцать тысяч солдат в год при одном только условии не использовать их против Византии.

Арабское владычество продолжалось два века: с 645 по 852 г., но в бенедиктинском, так же как и в советском учебниках оно лишь отмечается походом, одной фразой.

В последнем, Впрочем, отмечают крупные восстания 697—705 гг. и 773 г., первое из которых было потоплено в крови.

Под предлогом переписи арабы собрали в Нахичеванской церкви всю армянскую знать, и всех их убили. Второе восстание, возглавленное семьей Мамиконян, также было подавлено не без помощи других знатных семей, прежде всего Арцруни и Багратуни (VII.1).

Наконец, третье восстание под предводительством семьи Багратуни оказалось успешным. По словам Г. Пасдермаджяна, «эта династия выросла в тени арабских халифов, так же как московские князья выросли в тени Золотой Орды» (VII.8). Прежде чем выступить они позаботились об устранении своих соперников.

Итак, в 862 г. Багдад признал победоносного Ашота Багратуни князем князей Армении. В то же время некоторые семьи, например правившие в Ване Арцруни, не признавали новую династию. В скором времени ее владения распались на несколько соперничавших княжеств. Прежней столицей Багратуни являлся Карс. Ашот III Милостивый построил новую — великолепный город Ани. «Периметр ее составлял три тысячи метров, население достигало миллиона; большинство жило за пределами крепости, но прятались в ее стенах во время войны».

Конец Ани и династии Багратуни был катастрофическим. Во время первого нашествия турок-сельджуков царь Смбат, предвидя неизбежный исход, завещал свои владения византийскому императору. Таким образом Армения оставалась бы в составе христианского государства. Однако наследник Смбата Гагик II (1042–1045 гг.) счел завещание незаконным и объявил царем себя. Император Константин Мономах потребовал Ани, однако Гагик предпочел войну. Император послал против Ани стотысячную армию. «Жители, возглавляемые военачальником Пахлавуни, оказывали ожесточенное сопротивление. Лучшие отряды армянских войск выходили за стены города и сеяли панику в греческой армии. Но у Константина в Ани были сторонники. С их помощью ему удалось вызвать Гагика II в Константинополь и изгнать его. Сторонники Византии передали ключи от Ани императору. Так окончилось славное царство Багратуни» (VII.2).

Советский учебник излагал факты примерно так же. И в нем тоже игнорировалась роль католика Петра, который выступал на стороне Византии. Его цель состояла в обращении Армении в православие. «Лишившись своих царей, — разъяснял советский учебник, — армяне растерялись перед лицом нового врага — турок-сельджуков». Страна превратилась в одну из провинций Византии и не могла больше играть роль бастиона христианства.

После того как Ани оказался у Византии, турки направились к Карсу, земли которого оставались независимыми: «Правившие там князья Ванандеци выставили против них пять тысяч всадников. Битва была жестокой. Армяне были окружены и понесли тяжелые потери».

У армян был славный полководец Татул Ванандеци. Он смертельно ранил в бою сына эмира Асурана. Татул попал в плен, и его привели к Тогрулу. Тот сказал: «Если сын моего лучшего друга Асурана выздоровеет, я помилую тебя. Если же нет — тебе придется принести жертву». Татул отвечал: «Если удар нанес я — он не выживет. Если это был кто-то другой — не знаю». Прошло несколько дней, и сын эмира умер. Тогрул приказал отсечь Татулу правую руку. Он преподнес ее своему другу Асурану со словами: «Знай, твой сын погиб от славной руки».

Вскоре последовало новое нашествие под предводительством Альп-Арслана. Армянским детям обычно не рассказывают о событии, сохранившемся в памяти как ужасающее избиение.

Все осаждавшие держали по ножу в каждой руке и еще третий — в зубах. Жителей косили как траву. Кровь потоком текла по улицам Ани. Тысячи и тысячи людей падали под клинками, а те, кто пытался найти убежище в церквях, погибали в руинах горевших зданий.

В XII в. армянский историк Матфей Эдесский выражал сожаление, что Византия в тот момент пренебрегла военным долгом и не выступила в защиту армян. После падения

Армении император Роман IV, конечно, попытался отбросить захватчиков и освободить занятые ими территории. Но в 1071 г. он потерпел жестокое поражение в битве при Манцикерте. Это событие положило конец свободе на армянской земле.

Из Европы главным событием истории Восточного Средиземноморья той эпохи видится падение Константинополя в 1453 г. Однако для Армении, а также для арабов и персов истинное начало господства Турана знаменует собой битва при Манцикерте. «Предательство» Византии, «напавшей» на Армению вместо того чтобы ее защищать, «подлость» тех, кто поддерживал греков и открыл ворота Ани василевсу, — все эти обиды и претензии всегда являлись общими для армян независимо от того, где и при каком режиме они жили, в том числе и для советских армян.

Европейская историографическая традиция полагает вслед за Ранке, Рамбо и Шпенглером, что наихудшей из возможных ошибок Византии было покорение Армении, которая, будучи свободной, служила бы отличным бастионом против турок.

ЧТО «ЗАБЫВАЕТ» АРМЯНСКАЯ ТРАДИЦИЯ

В этой истории, однако, упускаются кое-какие факты, которые могли бы объяснить «предательства» сторонников Византии. Ни советский, ни эмигрантский учебники не упоминают, что император Василий Македонянин, которому Смбат завещал Ани в момент нападения сельджуков, был армянином. Родившийся в Македонии, он принадлежал к армянской семье, как и весь клан, приведший его к власти. Начиная с эпохи Маврикия, переселившиеся во Фракию и в Македонию армяне играли значительную роль в империи. В конце X в. они основали Македонскую династию, в которую входили Лев V Армянин, происходивший из семьи Арцруни, Василий II, получивший прозвище Болгаробойца, поскольку он покончил с болгарской опасностью, и его брат

Константин VIII. Василий «приказал выколоть глаза пятнадцати тысячам пленников, оставив по одному глазу ста пятидесяти из них, дабы они могли отвести наказанных к их царю Самуилу. Увидев их, болгарский царь умер с горя».

В таком контексте совершенно иначе выглядит «предательство» армян, выступивших на стороне Византии. Это была все та же борьба кланов внутри армянской знати, в прежние времена не выходившая за пределы страны, но уже тогда жестокая и смертоносная. Выступавший против Гагика II Вест-Саркис и другие сторонники императоров-армян стремились присоединить страну к империи и ввести в ней православный обряд. И эти смертельные разногласия имели печальные последствия для судеб армянского народа.

Население Армении, в особенности сельское, было враждебно армянам из Византии. Страну охватили крестьянские бунты против империи и «переметнувшихся» на ее сторону господ. Самыми мощными из них стали выступления X в., возглавленные гностической сектой тондракийцев.

Как только перестало существовать армянское государство, нация раскололась.

Одна ее часть процветала внутри империи, где царствовала ее династия. Эта часть армян играла все большую экономическую роль как в самой Византии, так и за ее пределами: в Крыму, в Польше. Именно в это время начался бурный рост армянской торговли.

Другая часть оставалась на родине предков и тяжело страдала от ига завоевателей. Большой части этих армян пришлось переселиться. Это был новый Анабасис, армянский исход, в ходе которого гонимые изгнанники превращались в захватчиков и победителей, *manu militari* занимавших новые земли. На юго-востоке Малой Азии, в Киликии они основали независимое и от арабов, и от Византии царство — Малую Армению (1070–1375 гг.). Очень скоро новое государство установило связи с Ватиканом и стало помогать первым крестоносцам. В течение трех веков оно несло знамя армянской независимости, но потом тоже погибло.

Армяне долго оставались без правительства и государства. Время от времени они начинали бурлить, как вулкан, стряхивали тяжелые цепи рабства и некоторое время жили свободно. В Карабахе, входившем в состав Ирана, правили полунезависимые армянские мелики (VII.2).

В эти несколько строк вместились вся история долгих веков угнетения и мученичества под властью сменявших друг друга арабов, турок, монголов, персов. Однако то, что не осмеливаются написать черным по белому в национальную историю, отразилось тем не менее в устной традиции. Здесь самые трагические эпизоды превратились в славные и героические. Вот, например, легенда о «бесценном сокровище» царя Гагика II, его дочери Цовинар.

Она была так хороша собой, что звезды тускнели, когда она выходила. [...] Однажды в страну вторгся халиф Багдада и начал грабить и убивать. Его войско было в десять раз больше войска царя Гагика. [...]

Как-то вечером во время перемирия Цовинар вышла прогуляться по крепостной стене. Было полнолуние, но когда появилась принцесса, луна померкла. Багдадский халиф Сенекерим удивился и вышел из шатра. Он поднял глаза и увидел принцессу. В то же мгновение весь мир перестал существовать для него. [...] Он отправил к Гагику посла, обещая отвести войска, если тот отдаст ему дочь. Гагик пребывал в сомнениях, однако Цовинар не колебалась ни секунды. Она согласилась при условии, что халиф не прикаснется к ней в течение сорока дней. Сенекерим подчинился...

Вскоре Цовинар поняла, что беременна. Однажды она пила пригоршней из источника на берегу моря и зачала от этой воды. [...]

Цовинар родила через рот двух мальчиков, и халиф заболел от ревности. Вскоре Санасар и Багдасар превратились в героев-великанов и стали защищать всех несчастных, которые стекались к их дому. Вместе они построили великий город Сасун, взять который было невозможно.

Другая знаменитая легенда — о Голубиной церкви — вызывает в памяти монгольское завоевание.

Все ближе и ближе подступали к армянским землям полчища Тамерлана и наконец заполонили их. Большую часть людей перебили. Те же, кто остался в живых, тащились несчастными пленниками позади огромного войска хромого полководца. Тамерлан был доволен. [...]

На берегу Севана он приказал сделать короткую остановку. Там стояла маленькая церковь, где возносил молитвы к Господу старый монах отец Ован. При виде проклятого Тамерлана он вскочил и гордо направился к озеру. Белоснежные волосы и борода старика развевались по ветру. Как ни в чем не бывало он вступил на водную гладь и пошел по ней. «Мне это мнится», — подумал потрясенный Тамерлан. Он позвал монаха, и Ован возвратился так же, как и ушел.

— Чего ты хочешь, святой человек? — спросил Тамерлан.

— Свободы моему народу, — произнес Ован.

— Что ж, ладно, — отвечал Тамерлан, я освобожу всех, кто войдет в эту маленькую церковь. [...]

Так сказал Тамерлан, и по его приказу к дверям церкви подвели сотню пленников. И вот прошла тысяча пленников, десять тысяч, сто тысяч. А церковь все никак не наполнялась. «Пропускайте, пропускайте», — твердил ошеломленный Тамерлан.

Вскоре снаружи не осталось ни одного пленника. Тогда воины Тамерлана бросились в церковь, но нашли там только одного отца Ована, молившегося у алтаря.

Господь совершил по молитве его. Все, кто вошел в церковь, обратились в белых голубей и в раскрытое окно улетели на свободу к своим родным горам...

СУЩЕСТВЕННОЕ УПУЩЕНИЕ: БОГАТСТВО АРМЯНСКИХ ТОРГОВЦЕВ

Итак, на протяжении нескольких веков земля предков армян была поработщена, ее жителей разоряли и убивали.

Но совсем не так обстояло дело с армянами, жившими в других местах.

Один важный персонаж одинаково отсутствует и в той истории, что написана в Ереване, и в той, что написана в диаспоре. Это богатый армянский торговец. Нигде не заходит речи о разветвленной торговле, которая между тем обогаща-

ла и армян диаспоры, и их Церковь, святилище нации, хранительницу ее культуры. Можно подумать, что армянская история стыдится своего богатства. Но именно в те кровавые века Константинополь за деньги признал независимый статус Армянской церкви. Первые султаны Османской империи приняли в пику Православной церкви гражданский статут жителей армянских колоний; то же самое сделали и персидские шахи. Они извлекали значительную выгоду из торговли, охватившей гигантские пространства от Амстердама до Филиппин. Конторы армянских торговцев располагались в Константинополе, Смирне и во многих других городах. В Исфахане в XVII в. процветал армянский квартал Новая Джульфа, который в эпоху Шах-Аббаса посетил и описал французский купец Жан-Батист Тавернье. А Фернан Бродель задавался вопросом, не слишком ли хорошо адаптировались в диаспоре изгнанные со своих национальных земель армяне, не привел ли их очевидный успех к забвению трагического удела родины предков.

Что-то похожее Софи Маппа обнаружила в греческой диаспоре XX в. (VII.14). Потребность в независимости греки, жившие, например, в Александрии, осознавали совсем не так, как те, что жили на исторической земле Греции. В XIX в. греки обладали в Османской империи значительными привилегиями и богатствами. И наилучший путь к триумфу греческого дела они видели в контроле над турецкой империей изнутри. У армян до этого дело не доходило, за исключением, быть может, короткого периода в истории Византийской империи. Тем не менее что-то похожее в этих ситуациях есть. Софи Маппа на этом материале поставила вопрос о связи между национальной идентичностью и территорией, что в какой-то мере соотносится с марксистской теорией национальностей.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

В самой Армении не угасали очаги национальной культуры. Согласно традиции, проповедуемой Армянской церковью,

борьба за независимость возобновилась по инициативе католика Акопа IV Джугаеци:

В 1678 г. он собрал полунезависимых меликов персидской Армении и обратился к России. Однако Петр Великий предпочитал вести переговоры с Турцией (VII.2).

Католикосы вновь и вновь взывали к чувству солидарности христианских государей, прежде всего царей Грузии, где когда-то тоже правила династия Багратуни. Откликнулась одна только Россия. Армия Паскевича освободила персидскую Армению. Архиепископ Нерсес Аштаракеци и десять тысяч армян принимали участие в военных действиях рядом с десять тысячами солдат русского царя.

Однако Николай I вместо того, чтобы предоставить Армении долгожданную независимость, сделал из нее маленькую автономную провинцию со столицей в Ереване; на ее гербе были изображены Ноев ковчег, корона Тиграна и гора Арарат. 21 марта 1828 г. Николай I провозгласил себя царем Армении и изгнал архиепископа Нерсеса. Таково было многообещающее начало взаимоотношений двух народов.

Однако вместе с тем около половины армянского населения оказалось освобождено от мусульманского владычества, А для той части армян, которая продолжала подвергаться гонениям в Османской империи, Россия могла служить своего рода прибежищем. Русские цари стали претендовать на роль защитников прав турецких армян. Начиная с Берлинского конгресса 1878 г. и вплоть до Первой мировой войны они следили, правда, без особого успеха, за соблюдением статей Сан-Стефанского мирного договора, касавшихся свобод армян.

В это время на турецких и российских территориях, а также в диаспоре начинали складываться националистические и революционные партии, готовившиеся к борьбе за освобождение Армении прежде всего от Турции и объединение всех ее земель. В 1885 г. возникли партии Арменакан, Гнчакян и Дашнакцутюн. Последняя вскоре стала самой активной из всех.

В советском учебнике эти партии определялись как буржуазные. Там подчеркивалась роль армянских социал-демократов, восхвалялись Степан Шаумян и Ленин.

Вслед за сербами, греками, болгарам Армения вновь начинала мечтать о независимости.

«Восстания против османского гнета вспыхивали» на территории турецкой Армении и в других регионах империи, где селились армяне (Киликия, Тавр). Одним из самых знаменитых стало восстание «героев Зейтуна» в 1862 г. Жители этого городка, постоянно становившиеся жертвами жестокостей турецких властей, без чьей-либо помощи справились с армией правителя Мараша. А вмешательство Наполеона III позволило заключить с султаном соглашение, подписанное по всей форме. Турция почувствовала себя униженной. Успех героев Зейтуна, этого маленького армянского очага в Киликии, имел огромный отклик в Европе. До сих пор армяне ассоциировались с общинами торговцев, а оказалось, что это народ, беззаветно борющийся за свою свободу.

ГЕНОЦИД И ЕГО ИСТОКИ

Внимание к армянам со стороны Европы, начало революционной борьбы и возникновение армянских групп самозащиты, использование дашнаками террористических методов, ярким примером чего стал вооруженный захват в 1896 г. Османского банка — все это сильно раздражало турецкие власти. Султанское правительство стало говорить об армянском заговоре и включило механизм репрессий.

Избиения армян играли такую же роль в Турции, какую чуть позже стали играть еврейские погромы в России. В качестве провокаторов и исполнителей-бандитов чаще всего использовали курдов. Насколько это еще было возможно, некоторые армяне видели средство спасения в эмиграции молодежи, которая, обосновавшись на новом месте, стала бы помогать старшим. Трудный, а подчас и грязный путь этой новой диаспоры с безжалостной правдивостью изобразил

Элиа Казан в фильме «Америка, Америка» (1963 г.). Герой фильма Ставрос, правда, грек, но он точно так же мог бы быть и армянином.

Работы французского историка Ива Терно неоспоримо доказали, что всколыхнувшие Европу и возбудившие всеобщее негодование массовые избиения 1895 г. армянского населения были спланированы и организованы правительством султана Абдул-Хамида II. Политика геноцида фактически началась уже тогда. Когда это стали осознавать на Западе, революционеры-младотурки осудили преступления, спровоцированные и покрывавшиеся властями. Спустя двадцать лет именно эти младотурки впервые в XX в. сами осуществили настоящую массовую резню. Вот текст бенедиктинского учебника диаспоры.

Во время Первой мировой войны младотурки организовали массовое избиение с целью уничтожения всех армян. Избиение и депортация были начаты по приказу Талаат-паши. Мужчин забирали как будто на военную службу. Их увели в горные ущелья и там расстреляли. Население депортировали. Дома, земли, имущество конфисковали. По дороге людей грабили, убивали детей на глазах матерей, уводили девушек. Голодных, умиравших от жажды людей гнали в пустыню Дер-эль-Зор, а тех, кто не мог идти, убивали на месте. Пещеры были заполнены трупами; там и до сих пор лежат человеческие останки. Так осуществлялся беспрецедентный геноцид, равного которому нет в истории. Цивилизованные христианские народы не помешали этому. Каждый год 24 апреля армянский народ возносит горячую молитву за мучеников родины и веры (VII.2).

Текст советского учебника по сути дела мало отличается от вышеприведенного.

15 апреля 1915 г. турецкое правительство разослало местным властям строго секретный приказ. [...] Используя созданные войной возможности, решено было окончательно расправиться с армянами, уничтожить этот чужеродный элемент и загнать их в пустыни Аравии. [...] Турецкие солдаты и полиция насильно высе-

ляли армян; отдельными группами и караванами их гнали в Аравийскую пустыню Дер-эль-Зор. [...] Беззащитных мирных людей топили, загоняли в дома и сжигали живьем. [...] В пустыне Дер-эль-Зора погибли сотни тысяч армян (VII.1).

Отмечалось, что армяне создавали отряды самообороны, оказывавшие серьезное сопротивление, особенно в области Ван. Само существование отрядов самообороны служило поводом для массовых убийств.

Геноцид 1915 г. явился последовательным продолжением всей предшествующей политики Османской империи по отношению к армянам. Его предзнаменованиями были избиения 1895, 1896 и 1908 гг. Однако в течение веков турецкие власти довольствовались гонениями на армян, политикой укрывательства разбойников-курдов. Теперь же, когда армянский народ осознал свои права, когда греки и болгары подали пример отстаивания свободы, когда Россия, всегда готовая клеймить своего соперника — Оттоманскую Порту, выступила как братская христианская держава, поддерживавшая борьбу армян за независимость, положение изменилось.

В 1908 г. к власти пришли младотурки, и поначалу показалось, что наступает новая эра. Новые правители Турции провозгласили уважение прав наций, возвестили об абсолютном равенстве всех граждан империи. Они стремились повести страну по пути светского развития. В результате армянские революционные партии, прежде всего Дашнакцутюн, объявили, что поддерживают младотурок. Революционные идеи светского государства оказались им ближе политики российского самодержавия, с начала правления Александра II проводившего жесткую политику русификации. Российское правительство преследовало дашнаков, и у них выработалось убеждение, что сближение с Россией вредно для армян. Оно всегда вело к разочарованиям, порождало осложнения и вызывало усиление гонений в турецкой части Армении.

Находясь в плену революционной фразы, дашнаки были уверены, что с победой социализма конфликты между народами прекратятся. И те и другие вели борьбу за упразднение не-

навистного режима, поэтому армянские революционеры связывались с младотурками и тем самым усыпляли бдительность своего народа. Позицию дашнаков разделяла и константинопольская армянская знать. Турецкое правительство с удовольствием называло армян «верным народом» в отличие от получивших независимость греков и болгар. В 1914 г., за несколько месяцев до начала Первой мировой войны, Константинополь согласился на прибытие в Турцию международной миссии по проверке исполнения решений Сан-Стефанского мирного договора 1878 г. об охране прав армян.

Но ветер истории уже сметал прежние нормы и соглашения. В 1908 г., во время избиения армян в Киликии, новое правительство не осмелилось заклеить виновных, боясь пойти против массовых настроений и потерять популярность. Оно допустило армянские погромы, а потом переложило ответственность за злодеяние на предшествующий режим. Почувствовав, что предоставление равных с турками прав константинопольским грекам, а также арабам и армянам рискует привести к распаду империи, правительство отбросило эту идею. Вместо федерации и равенства общин Константинополь предложил интеграцию, то есть ассимиляцию. Во имя возрождения Османской империи велось прославление турецкого народа, ему как бы возвращалось былое величие. Начавшаяся мировая война подогривала эти надежды. Теперь воскрешался миф о «народе Турана», именем которого крымских татар, турок и туркмен призывали к возмущению против России. Армения в таком контексте по самому своему местоположению оказывалась на пути воссоединения «народа Турана». Она становилась препятствием и должна была исчезнуть.

Младотурки поинтересовались у дашнаков, поднимут ли те в Закавказье восстание против России. Дашнаки попались в ловушку и ответили, что сохранят лояльность. Это был всего лишь ответ на правительственный запрос, однако он предпринял судьбу армян. Мысль об «окончательном решении» армянского вопроса уже давно витала в воздухе. Оно и началось сразу после поражения турецкой армии у Сарикамыш*. —

Предвидя последствия этого события, 70 000 армян дезертировали и перешли после сражения на сторону русских. 130-тысячная турецкая армия осадила город Ван, якобы чтобы предотвратить армянский мятеж. Город организовал оборону и был освобожден авангардом русской армии, в которой сражалось множество армян. «Мятеж в Ване» послужил предлогом для депортации и уничтожения более чем миллиона армян. Геноцид распространился практически на всех жителей турецкой Армении.

Беспрецедентным в истории остается тот факт, что Турция до сих пор не признала осуществленную ее правительство резню армянского населения.

Ни одно официальное лицо этой страны за прошедшие 95 лет не предприняло ничего похожего на то, что сделал германский канцлер Вилли Брандт, заклеивший позором уничтожение евреев его соотечественниками, или американский президент Линдон Джонсон, осудивший сегрегацию и расовые преступления против чернокожих.

Ничего не говорят об этом и турецкие историки. В высшей степени учная «Кембриджская история ислама» на 170 страницах рассказывает об истории Турции и Османской империи. Эти главы написаны турецкими историками, и вы не найдете в них анализа или хотя бы упоминания об избиениях армян.

Это положение не способствует умиротворению народа-мученика.

НЕЗАВИСИМОСТЬ, ВНОВЬ ОБРЕТЕННАЯ И ПОТЕРЯННАЯ

Учебники уделяют весьма скромное место обретению армянами независимости в 1918 г. после победы над турками при Сардарпате.

28 мая 1918 г. — это историческая дата: после пятисотлетнего рабства появилась Армения, хоть и маленькая, но независимая. [...] Над

Ереваном развевалось красно-сине-оранжевое знамя. [...] В 1920 г. на независимую Армению, начинавшую делать первые успехи, напала кемалистская Турция. Армянская армия сопротивлялась, но она не могла долго противостоять туркам, получавшим еще и помощь из-за границы.

Армяне захотели заключить мир. Их границы были еще раз урезаны. Именно в это время, 29 ноября 1920 г., в Ереван вошла армия коммунистов и захватила власть. Армения стала частью советского государства. Ереван сегодня — один из красивейших городов Советского Союза. [...] Вот уже 55 лет Советская Армения имеет красный флаг, к которому в 1954 г. прибавилась голубая полоса (VII.2).

Советская версия подчеркивает «антисоветскую» политику Закавказской республики, образовавшейся в апреле 1918 г., после заключения Брест-Литовского мира. «Она провозгласила себя независимой и официально отделилась от Советской России [...]. Но согласие между Грузией, Арменией и Азербайджаном было невозможно: германо-турецкие захватчики, руководствуясь принципом «разделяй и властвуй», выдвинули тезис о создании трех «независимых» закавказских правительств. 26 мая 1918 г. Закавказский сейм распался. Были созданы буржуазно-националистические правительства Грузии, Армении и Азербайджана» (VII.1).

Так что в советском учебнике «историческая» дата 28 мая 1918 г. вообще не упоминалась.

Дашнакское правительство за два с половиной года своего бесславного господства довело народ и страну до полнейшей разрухи и разорения.

Дашнаки продолжали антинародную политику царизма и Временного правительства. Они защищали интересы армянской буржуазии, помещиков и кулаков [...]. О господстве дашнаков А.И. Микоян сказал: «Армения при дашнаках была страной сирот, страной слез, страной нищеты и дикого произвола» (VII.1).

Под руководством Орджоникидзе, Микояна и Кирова большевики успешно продвигались вперед.

Империалистические державы, с одной стороны, натравливали дашнаков против Турции, а с другой — угрожали Турции, обещая уступить ей Армению, если она согласится выступить против Советской России. Когда в 1920 г. турецкая армия вторглась в Армению, дашнаки обратились за помощью к государствам Антанты, но последние, нарушив данное обещание, никакой помощи не оказали. [...] Тем не менее советскую помощь дашнаки несколько раз отвергали. Это была ужасная война. По официальным данным, турецкими захватчиками было убито 60 тысяч, ранено 50 тысяч, а от голода и эпидемий погибло еще 32 тысячи человек. [...] 16 ноября дашнакское правительство было вынуждено принять выдвинутые турецким командованием тяжелые условия перемирия. Это было новым бедствием для армянского народа. Дашнаки фактически отказались от национальной и государственной независимости и поставили Армению в зависимость от Турции. [...] Территория Армении была урезана на 20 000 кв. км; Армения имела право содержать всего 1500 солдат, 8 пушек и 20 пулеметов. [...] Александропольский договор навсегда покрыл позором партию дашнаков.

[...] Недовольство политикой дашнаков достигло кульминации. [...] Единственным средством спасения и освобождения армянского народа было установление в Армении советской власти [...]. Народное восстание 29 ноября 1920 г. под руководством Военно-революционного комитета, возглавляемого С. Касьяном, низложило правительство дашнаков и установило Советскую республику в Армении [...]. Дашнаки пробовали вновь захватить власть, но их авантюра успеха не имела (VII.1).

Здесь снова некоторые факты, важные для понимания событий, выпали из рассказа.

— В декабре 1917 г. ленинский Совет народных комиссаров принял декрет «О турецкой Армении», в котором провозглашалось право самоопределения армян, но только на территории Турции.

— В марте 1918 г. в Брест-Литовске турки признали независимость Армении, но только входившей в состав России. При этом она была расчленена и урезана. Воодушевляемые идеями пантюркизма, осуществление которых казалось реальным в момент краха царской России, турецкие войска

двигались на Ереван и на Баку. Кроме того, Константинополь хотел заключить мир не с Закавказской республикой, а отдельно с каждой из ее частей. Интересы Грузии в данном случае не затрагивались, а Азербайджан турки рассчитывали увеличить за счет Армении. Провозглашая независимость, Армения осталась в одиночестве, и, несмотря на победу при Сардарапате, ей пришлось согласиться на договор, урезывавший ее территорию.

— После победы союзников, поражения Турции и заключения перемирия ветер подул в другую сторону. В мае 1919 г. Армения вновь провозгласила объединение всех своих земель, включая ее бывшую турецкую часть, а также Киликию.

В то же время происходило сближение Москвы с Анкарой против империалистических держав, которые намеревались вторгнуться в революционную Россию и поделить земли Турецкой империи. Армения оказалась в клещах. Добиваясь соблюдения условий севрских соглашений, она рассчитывала на помощь стран Антанты и на арбитраж Вудро Вильсона, обещавшего ей свою помощь в деле объединения. Однако за словами не последовали дела.

— Ататюрк напал на Армению раньше, чем союзники оказали ей какую бы то ни было помощь. Великобритания думала лишь о том, как бы завладеть арабской частью Турецкой империи. Франция пыталась получить свою часть в соответствии с соглашениями Сайкса—Пико и точно так же совершенно не помогала киликийским армянам. США прикрывались доктриной изоляционизма и отказались вмешиваться. Турецкое нашествие угрожало Армянской республике гибелью.

После заключения катастрофического Александропольского мира вмешательство Советов выглядело не столько политической операцией по отстранению от власти дашнаков, сколько возвращением Россией отрезанной у нее части Армении.

Истощенное армянское население сделало выбор в пользу Советов, потому что он означал выживание. Это было предпочтительнее, чем сохранение хрупкого обрубка неза-

висимой Армении, которому постоянно грозило бы турецкое завоевание.

Когда опасность миновала, часть населения восстала против большевиков, которые, нарушив все обещания, совершенно отстранили дашнаков от власти. Но «большевики» это ведь были по преимуществу армянские революционеры, бывшие меньшевики и дашнаки. Подобно французскому королю Генриху IV они отказались от своей веры, решив, что «Ереван стоит обедни». Таким образом, второе вторжение русских привело к власти армян. Въехавшие в столицу в обмундировке русской армии, они все равно выглядели освободителями.

ВТОРАЯ СОВЕТИЗАЦИЯ

С тех пор как Армения присоединилась к Советской России, положение ее как будто стабилизировалось. Сотни и тысячи осиротевших людей, женщин и детей, беженцев из турецкой Армении, спасшихся от геноцида, находили здесь прибежище. Обескровленное, влачившее нищенское существование местное население, которому никак не могло помочь правительство дашнаков, постепенно приходило в себя.

Советизация происходила постепенно, шаг за шагом. Советская система стала устанавливаться в Армении, долго находившейся в состоянии войны, лишь во времена нэпа. Для бывших дашнаков, которых преследовали и уничтожали, как поступали в СССР со всеми политическими партиями, это не означало, конечно, ничего хорошего. Однако составлявшему около 81% населения страны крестьянству установление советского режима вначале принесло облегчение. Настоящие страдания начались во время коллективизации, поскольку армянин очень сильно привязан к своей земле, к своему наделу. Сельская община выстраивалась здесь не вокруг деревни, ее составляла семья, очаг армянской идентичности.

Советские учебники с удовольствием подчеркивали лояльность и советский патриотизм армян во время Великой

Отечественной войны. Именно в период с 1940 по 1950 г. в состав номенклатуры вошло наибольшее число армян. Они занимали важные посты в партийных органах, в армии, в средствах массовой информации. В это же время в самой республике проводилась политика арменизации институтов, возрождения культурного наследия, и это сильно способствовало консолидации лояльности по отношению к Москве*. Советский режим как бы укоренялся в истории.

ПАРАДОКСАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ

Положение армянского народа тем не менее оставалось парадоксальным. Территория, на которой жили предки армян, в том числе древняя столица Ани, продолжает оставаться под властью Турции. Правда, после геноцида на этих землях нет больше армян. В Советской Армении национальное культурное наследие поддерживали и возрождали. Но ведь территория этой республики представляла собой лишь самый бедный восточный край древней Армении, когда-то населенный преимущественно курдами и персами. Они тоже по большей части были перебиты в гигантской бойне 1918–1920 гг.

Маленький провинциальный Ереван никак не мог восприниматься всеми армянами как столица их родины. Однако задуренные турецкой тиранией Карс и Ардаган тоже никак не претендовали на эту роль. Получалось, что сердце Армении билось теперь в больших общинах армянской диаспоры Тифлиса, Баку, Батума, а также в России.

Часть этой буржуазии в 1919–1920 гг. находилась у власти в Армении, но была окончательно сметена в 1921 г., а потом ликвидирована в ходе сталинских чисток. Другая часть осваивалась за пределами Армении, проникая в государственный аппарат, поднимаясь иногда до самых высоких должностей. Эти армяне русской диаспоры не имели ничего общего с землей своих предков, однако они ею управляли.

Когда после отставки Хрущева возобновилась политика русификации, эмиграция за пределы СССР стала выглядеть

более привлекательной, чем возвращение на землю предков, в довольно отсталую провинцию.

В эмиграцию стремились и многие жители самой Советской Армении*.

Таким образом, армянская диаспора продолжала развиваться. И сегодня в ней жив активный армянский национализм. В иммигрантской среде США, Франции, Австралии армянские общины принадлежат к числу самих устойчивых. Как и прежде, религия и патриотизм довольно хорошо приспосабливаются к спокойной жизни в изгнании далеко, очень далеко от Армянского нагорья. Тоска по утраченной великой родине питает страстную привязанность армян диаспоры к ее истории и культуре. Воспевание страданий и трагедий армянского народа играет роль своего рода психотерапии.

Случается, правда, и такое, что кто-то простодушно воспринимает катастрофы прошлого как призыв к действию и считает своим долгом мстить за предков. Тогда мы узнаем из газет, что кто-то подстерегает и убивает людей Турана, возрождая политику армянских террористов XIX в. То же самое делают сегодня палестинские фedaины. И те и другие являются наследниками средневековых персидских «ассасинов» (убийц), и этот факт наводит на мысль — весьма некстати для армян диаспоры, стремящихся к респектабельности и подчеркивающих свою генетическую связь с христианским западным миром, — что Армения тоже принадлежит миру Востока.

ГЛАВА X

ПОЛЬША: ИСТОРИЯ «В ПРОФИЛЬ»

Хронологические ориентиры

960–992 гг. — Правление Мешко I из династии Пястов. Оформление польского государства вокруг Гнезно. Зависимость от Оттона I.

966 г. — Принятие Мешко I христианства по латинскому обряду. Польское королевство оказывается под покровительством папского престола.

992–1025 гг. — Правление Болеслава I Храброго, коронованного королем Польши; борьба с германским императором Генрихом II. Расширение территории за счет приморских земель, Силезии, Лужиц и т.д. на западе. Захват Киева в 1018 г.

XI в. — Начало политической раздробленности. Борьба с германским императором. Папы, особенно Григорий VII, чаще выступают на стороне короля Польши. Поляки насаждают католичество в Померании.

1138 г. — Смерть Болеслава III и начало ожесточенной борьбы между его наследниками.

1226 г. — Борьба против язычников-пруссов, князь Мазовецкий призывает на помощь Тевтонский орден. Рыцари занимают Пруссию и становятся угрозой независимости самой Польши.

1241 г. — Татаро-монгольское нашествие. Разграбление Кракова.

XII–XIII вв. — Колонизация польских земель переселенцами из Германии, поощряемая польской шляхтой.

Вторая половина XIII в. — Вроцлав, Краков, Познань, Торунь получают самоуправление на основе Магдебургского права.

1320 г. — Объединение польских земель Владиславом I Локотком.

1333–1370 гг. — Казимир III. Захват галицких и волынских земель, прежде принадлежавших Киевской Руси.

1384 г. — Брак польской королевы Ядвиги с Ягайлой, великим князем литовским, избранным королем Польши и Литвы под именем Владислава II.

1410 г. — Битва при Таненберге (Грюнвальдская битва). Польско-литовско-русские войска под предводительством Владислава II сокрушают войска Тевтонского ордена.

1454 и 1505 гг. — Нешавские статуты и Конституция *Nihil Novi* ограничивают королевскую власть и ставят ее в зависимость от шляхты.

1543 г. — Смерть Николая Коперника.

1569 г. — Люблинская уния. Окончательное оформление польско-литовского государства — Речи Посполитой.

Середина XVI в. — Высший расцвет культурной и интеллектуальной жизни в Кракове.

1587 г. — *Pacta Conventa*: дальнейшее ограничение королевской власти шляхтой.

1587–1632 гг. — Правление Сигизмунда III, который ревностно насаждает католичество.

1596 г. — Брестская церковная уния; возникновение на Украине униатской церкви, в которой православная обрядность сочетается с подчиненностью Риму.

1610 г. — Провозглашение польского королевича Владислава, сына Сигизмунда III, русским царем в период Смутного времени.

1648 г. — Восстание казаков на Украине.

1651 г. — После поражения от войск Яна-Казимира Богдан Хмельницкий делает ставку на Россию.

1652 г. — Принятие принципа *Liberum Veto* польским сеймом. Отныне любое решение принимается сеймом лишь при абсолютном единогласии его членов.

1655–1656 гг. — Нашествие шведов; борьба за контроль над Балтийским морем. Героическая защита Ясногорского монастыря в Ченстохове.

1660–1667 гг. — Оливский мирный договор со Швецией. Андрусовское перемирие с Россией. Прибалтийские земли переходят к Швеции; Смоленск, Левобережная Украина — к России.

1683 г. — Победа польско-австрийских войск во главе с Яном Собеским над турками под Веной.

XVIII в. — Упадок Речи Посполитой, превращение ее в область территориальных притязаний соседей — Пруссии, Швеции, России и Австрии.

1772 г. — Первый раздел Польши между Пруссией, Австрией и Россией. Польша теряет треть своей территории.

1791 г. — Принятие конституции, вдохновленной идеями Ж.-Ж. Руссо. Второй раздел Польши.

1794 г. — Восстание под предводительством Тадеуша Костюшко и его подавление русскими войсками; резня в пригороде Варшавы Праге.

1795 г. — Третий раздел и исчезновение с карты Европы Польского государства. 45% его территории отходят к России, 19% — к Пруссии, 35% — к Австрии.

1807 г. — Благодаря Наполеону I и Польскому легиону Яна Генрика Домбровского образуется герцогство Варшавское.

1815 г. — Передел Польши по условиям Венского конгресса. Создание Царства Польского.

1830–1831 гг. — Восстание в Царстве Польском, подавленное русскими войсками. «Порядок царствует в Варшаве», — заявляет министр иностранных дел Франции Себастьяни.

1831 г. — Начало эмиграции цвета польской интеллигенции — Адама Мицкевича, Фридерика Шопена и других.

1846 г. — Восстание в прусской Польше, возглавленное Людвиком Мерославским, и в австрийской Польше под руководством Эдуарда Дембовского — преддверие «Весны народов» 1848 г.

1863 г. — Восстание в Царстве Польском, подавленное с помощью Пруссии.

1916 г. — Австро-германская декларация о создании Польского государства.

1917 г. — Большевистское правительство во главе с Лениным признает право на самоопределение Польши, находившейся под контролем немцев. Восстановление независимого Польского государства.

1919 г. — Первый Законодательный сейм. Правительство Юзефа Пилсудского.

1919–1920 гг. — Польско-советская война; германо-польский конфликт по поводу Силезии.

Май 1926 г. — Пutsch генерала Пилсудского.

1938 г. — Отказ поляков пропустить советские войска в случае войны между Францией и фашистской Германией. Аннексия Тешинской Силезии Польшей во время чехословацкого кризиса.

23 августа 1939 г. — Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом (пакт Молотова–Риббентропа).

1 сентября 1939 г. — Вторжение германских войск в Польшу.

17 сентября 1939 г. — Вторжение советских войск в Польшу.

Октябрь 1939 г. — Создание польского правительства в Лондоне.

1943 г. — Восстание Варшавского гетто. Разоблачение истории убийства поляков в Катыни вызывает разрыв польского правительства в Лондоне с Москвой.

Декабрь 1943 г. — Создание в Люблине с помощью Москвы Народной Рады. Армия Крайова признает лишь Т. Бура-Коморовского, главнокомандующего, подчиненного польскому правительству в Лондоне.

1 августа 1944 г. — Начало Варшавского восстания.

31 декабря 1944 г. — Вступление советских войск и войск просоветской Армии Людовой в Варшаву.

1945 г. — Ялтинские соглашения, определившие будущие границы Польши.

1947 г. — Правительство демократического «блока» во главе с социалистом Юзефом Циранкевичем.

1949–1951 гг. — Союз с СССР и советизация Польши. После разрыва СССР с Иосифом Брозом Тито в заключении оказывается польский коммунист Владислав Гомулка; министром национальной обороны Польши становится советский маршал К.К. Рокоссовский.

1953 г. — Арест кардинала Стефана Вышинского, прimate польской католической церкви.

1956 г. — Восстание в Познани; возвращение Гомулки к руководству Польской объединенной рабочей партией. «Польский Октябрь»; отказ от насильственной коллективизации. Освобождение кардинала Вышинского; политика терпимости по отношению к Церкви.

Март 1968 г. — Студенческие демонстрации в Варшаве, жестоко подавленные полицией; отставка В. Гомулки и приход к власти Эдварда Герека.

1970 г. — Развал экономики и режим бюрократии вызывают забастовки в Гданьске; образование «свободных» профсоюзов.

1980–1989 гг. — Борьба профсоюза «Солидарность».

1989 г. — Лех Валенса избран президентом Польши.

В социалистической Польше часы политической истории как будто остановились в 1945 г. Последующий период почти исчез из программ преподавания. Впрочем, это касалось не только школы. Очень редко финансировались и выходили на экран фильмы, рассказывающие о современности, такие, как «Человек из мрамора» А. Вайды (1977 г.). Видимо, поэтому польский кинематограф часто обращался к прошлому. Конфликты и жестокие противостояния прошлого позволяли им говорить что-то важное о настоящем.

Историю событий, происходивших недавно, преподавать очень непросто. «Многие родители сами пережили то, что проходят их дети в 8-м классе, — разъяснял методист Йозеф Ольшевский. — Для взрослых это не совсем история. [...] Ученики тоже слышали обо всем этом — по радио, по телевидению, в разговорах дома. [...] То, что дети узнают дома, нужно обогащать, дополнять и *исправлять*» (VIII.8).

Мы видим здесь несколько переплетающихся видений истории. Первое — официальное, выраженное в государственной программе. Второе — то, что формируется рассказами родных и близких. Третье — воссоздаваемое в кино, которое использует и преобразует два первых. Кино способно выразить что угодно, ничего не *говоря* словами.

Вот в фильме Анджея Вайды «Канал» варшавские повстанцы, скрываясь в туннелях канализационной системы, ждут, что их спасут советские войска, штурмующие Варшаву. Услышав вдали канонаду, они выходят — это советская артиллерия ведет обстрел немецких позиций. И вдруг канонада смолкает: советские войска остановились. Повстанцы погибают под немецкой картечью. Зритель *знает*, что русские специально дождались, пока перебьют повстанцев, и они получают неуловимое, никак не высказанное подтверждение своей правоты. Никакая цензура не может вырезать тишину, которой заканчивается фильм...

В самом деле, рассказывать недавнюю историю в социалистической Польше — под суровым присмотром московских товарищей и тревожным бегающим взглядом варшав-

ских коммунистов-коллорабационистов — было ой как нелегко!

Однако проблемы создавала и более ранняя история. Официальная ее трактовка так или иначе строилась по марксистской матрице и неизбежно сталкивалась с национальной традицией, укорененной в романе, драме, исторической поэзии, прежде всего в произведениях Адама Мицкевича. Власти многократно запрещали постановки на сцене знаменитого сочинения национального классика «Дядя». Написанная в 20–30-е гг. XIX в., эта поэма рассказывала о страданиях Польши под русским сапогом.

В Польше в высшей степени квалифицированные историки, и власть нередко испытывала затруднения, пытаясь заставить их принять нужную точку зрения. Случалось, правда, что они оказывались режиму полезны. Например, они доказали, что именно славяне первыми освоили западные берега Одера и Померании; тем самым обосновывалось право Польши на Силезию, присоединенную в 1945 г. Немцы сознательно уничтожили все архивы этих областей, однако поляки нашли и проанализировали вещественные источники, полученные в результате археологических раскопок. Древние формы обработки земли, типы земледельческих орудий и другие памятники материальной культуры свидетельствовали в пользу «славянской» версии. В археологии и в истории был сделан колоссальный скачок. Позже большой заслугой польских историков явилось то, что одними из первых они научились из анализа локальных сюжетов извлекать информацию о ходе *всеобщей* истории.

Однако эти же самые историки способны были перевернуть официальные установки, например циркуляр 1958 г., рекомендовавший изучать главным образом историю северных и западных районов Польши, но не восточных, которые перешли после войны к Советскому Союзу.

Итак, знанию о прошлом приходилось в Польше прорываться сквозь запреты, приспосабливаться и отражаться в разных видениях. Все это неизбежно превращалось в историю, как бы увиденную «в профиль».

Йозеф Ольшевский в книжке, предназначенной для учителей, утверждал, что задачей преподавания истории является «воспитание добрых граждан». Это требовало соответствующего «подбора материала», чтобы «пробуждать восхищение такими замечательными деятелями истории, как Леонардо да Винчи, Коперник, Христофор Колумб, Эйнштейн, Флеминг. Следует определить связи личности с обществом [...], добиваться понимания того, что долг гражданина — приносить пользу обществу и действовать в его интересах». А следовательно, подобало «отдавать предпочтение революционным движениям и национально-освободительной борьбе, будь то в Польше или в других странах [...]». «Никогда не следует упускать возможность высветить роль тех исторических персонажей, которые могут служить примером для подражания, — борцов, вождей, героев... И кроме того, нужно пробуждать воображение детей, воздействовать на их эмоции [...], чтобы они хорошо осознавали мотивацию поступков этих героев» (VIII.8).

Йозеф Ольшевский предлагал затем несколько примерных разработок уроков, основанных на учебниках, которые использовали в классах.

1-й ПРИМЕР. БОРЬБА ГРЕКОВ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

Цель: пробуждение патриотических чувств путем возвеличивания духа самопожертвования, героизма перед лицом персов.

Ход урока: следует рассказать об Олимпийских играх; греки были сильным и здоровым народом, у них было очень развито общенациональное чувство солидарности.

Нужно создать эмоциональное напряжение, а затем поставить вопрос:

— Какой ответ дали бы вы Дарию, который потребовал от греков покорности?

Тут все отвечают:

— Объявили бы персам войну...

— Даже имея 10 тысяч человек против 15 тысяч?

Единодушный возглас:

— Да! Ведь греки считают, что они умнее, что благодаря Олимпийским играм они лучше подготовлены физически, чем персы, а значит, они смогут победить...

Тут наступает момент задать вопрос:

— Знаете ли вы другие сражения за независимость, когда приходилось иметь дело с численно превосходящим врагом?

— Да, когда гитлеровцы вторглись в Польшу...

2-й ПРИМЕР. БОРЬБА БОЛЕСЛАВА ХРАБРОГО ПРОТИВ НЕМЦЕВ В 992–1025 гг.

Цель: показать героизм поляков, защищающих свое отечество от угрозы нашествия; пробуждение патриотического чувства у юношества; подготовка его к деятельности по укреплению обороноспособности страны.

Материал: карта, миниатюрная осадная машина, статьи из иллюстрированных журналов «Искра» и «Мир молодых».

Ход урока: поставить вопросы о развитии польско-немецких отношений при Мешко I. Показать, что немцы всегда имели целью завоевание славянских земель.

Вопрос: Почему Болеслав начал эту войну?

Ответ: Потому что он был предусмотрителен и хотел обезопасить себя от нападения императора Генриха II.

Вопрос: Но император располагал значительно большими силами. Как же объяснить победу поляков?

Ответ: Когда защищают отечество, становятся бесстрашны.

Затем следует прочесть отрывок из статьи, в котором рассказывается, какую выдержку проявляли поляки в этой войне.

3-й ПРИМЕР. ГРЮНВАЛЬДСКАЯ БИТВА 1410 г.

Цель: пробуждать национальную гордость, рассматривая эту победу, которая не только принесла свободу и мир, но и лишила могущества тевтонских рыцарей.

Материал: карта Польши, Литвы и их соседей. Картина Яна Матейки «Грюнвальдская битва». Портреты Ягайло и Витовта. Отрывки из романа Генрика Сенкевича «Крестоносцы».

Разбор темы: показать новизну данной ситуации по сравнению с тем, что дети изучали прежде. В данном случае на борьбу против Тевтонского ордена вместе поднялись польский, литовский, чешский и русский народы.

Примерное резюме: Польша и Литва защищались здесь от уничтожения, так как тевтонские рыцари хотели стереть их с лица земли. Рыцари боялись объединения литовцев и поляков. Самую значительную роль в сражении сыграли поляки, но и роль других славянских народов была велика.

4-й ПРИМЕР. ВЕЛИКИЙ ПОЛЬСКИЙ УЧЕНЫЙ НИКОЛАЙ КОПЕРНИК

Цель: пробудить национальную гордость, показывая масштабность трудов ученого, их важность для науки и для каждого из нас.

Материал: карта Польши XVI–XVII вв., портрет Коперника, комплект диапозитивов.

Ход урока: рассказать о творчестве Коперника, о его значимости. Коперник изменил представления современников о небесной сфере; не будь Коперника, сегодня были бы невозможны полеты в космос.

Коснуться вопроса неприятия церковью достижений ученого. Чем это можно объяснить? Вспомнить деятельность ордена иезуитов, инквизиции; использовать изобразительный материал: аутодафе, сожжение книг священниками (см. с. 55 учебника для 6-го класса).

Напомнить, что Коперник был большим патриотом, что он участвовал в защите своей родины.

5-й ПРИМЕР. НАРОДНАЯ БОРЬБА ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ С. ЧАРНЕЦКОГО ПРОТИВ НАШЕСТВИЯ ШВЕДОВ В 1655–1660 гг.

Цель: богатство материала, касающегося *народного* патриотизма, позволяет с уверенностью утверждать, что народ отстаивал независимость, тогда как магнаты и шляхта думали лишь о защите собственных интересов.

Материал: карта Европы и Польши XVII в. Портреты Стефана Чарнецкого и Яна Казимира; рисунки, изображающие бои поляков со шведами; фильм «Во времена шведов», песни той эпохи и т.д.

Продemonстрировать ненависть поляков к завоевателям, опустошения, которые производились шведами; показать несправедливость политики как шведского короля Карла X Густава, так и польского короля Яна Казимира II.

6-й ПРИМЕР. БОРЬБА КРЕСТЬЯН ПОД РУКОВОДСТВОМ ПЕТРА СЦЕГЕННОГО*

Педагогическая цель: пробудить чувство любви к героическому сыну польского народа, который посвятил свою жизнь простым людям.

Материал: карта Польши после разделов. Портрет Петра Сцегенного. Описание крестьянской доли. Книга Млынарского о Петре Сцегенном.

План урока: рассказ о положении, сложившемся после ноябрьского восстания 1830 г.

Почему Петр Сцегенный встал на путь борьбы, кто были его союзники и его враги?

В чем проявился его патриотизм?

Ученик отвечает: «Он занимался подготовкой восстания за свободу и справедливость; за свою деятельность он страдал в царских тюрьмах».

Этот урок позволяет показать ученикам героическую борьбу народа против шляхты и магнатов, душителей свободы.

7-й ПРИМЕР. ЭДУАРД ДЕМБОВСКИЙ

Цель урока: формирование патриотического чувства на примере преданности и самоотверженности Э. Дембовского и его деятельности, направленной на освобождение, общественное благо и просвещение польского народа.

Материал: портрет Эдуарда Дембовского. Фрагменты писем Э. Дембовского, где говорится о социальном гнете, жертвой кото-

рого являлись народные массы Польши. Карта разделов Польши. Стихотворение В. Анчица «Посланец».

План урока: учитель задает вопросы, побуждающие ответить, кто были эти «посланцы»... Вспоминаются имена П. Сцегенного, Конарского и других борцов, пострадавших за свою революционную деятельность. [При этом не говорится, что оба они были священниками. — М.Ф.]

Рассказывается о доме Дембовских, о земельном владении семьи, конфликтах и спорах Эдуарда с отцом и матерью. Сын упрекал родителей в том, что они причиняют зло крестьянам...

Внимание учеников обращается на то, что в полиции Дембовского спросили о его деятельности против богачей и участников раздела Польши (пруссаков, австрийцев и русских).

Ученик: «Простые люди оказывали ему помощь...»

Другой ученик: «Дембовский боролся за социальную справедливость и свободу родины, за то, чтобы хозяева не жили за счет труда бедняков...»

В конце урока следует сделать вывод о роли поляков в первых пролетарских битвах, связать пройденный материал с материалом урока о Парижской Коммуне, вспомнить об участии поляков в Коммуне. Все это должно носить очень эмоциональный характер.

Отдельный урок посвящается Людвигу Варыньскому, основателю первой рабочей партии «Пролетариат». Цель этого урока состоит в том, чтобы побудить любовь к пламенному участнику «социальных битв». По этому случаю рекомендуется «вспомнить о причинах промышленного развития Европы, о деятельности вождей рабочего класса Карла Маркса и Фридриха Энгельса, еще раз рассказать об участии поляков в Парижской Коммуне, а также о начале индустриализации в Польше». Нужно показать, что «борьба таких людей, как Варыньский, вызывала ненависть предпринимателей и других эксплуататоров, что, расправляясь с ним, царь и буржуазия выступали вместе против народа». Детей надо подвести к пониманию этих проблем. «Он предсказал, что когда-нибудь наступит час отмщения, и революционный народ разобьет цепи рабства».

Тема следующего урока — *Ленин*. «Она трудна для рассмотрения, поскольку ученики слышали о Ленине, но знают о нем мало». Для того чтобы «пробудить чувство преклонения перед великим «вождем рабочего класса», Йозеф Ольшевский предлагает читать поэмы Маяковского, отрывки из воспоминаний Крупской, маленькие рассказы о Ленине для детей. С особой настойчивостью нужно внушать школьникам, что Ленин всегда остро ощущал страдания народа, его жизнь была целиком отдана революции. Он всегда был счастлив доверием и любовью народа. Ленин участвовал в создании социалистического государства и высказывался за независимость Польши.

Наконец, последняя разработка в методическом пособии Ольшевского касается темы «*народного сопротивления гитлеровской оккупации под руководством Польской рабочей партии*». Этот урок следует за уроком о нацистском нашествии 1939 г. Его цель состоит в «пробуждении чувства ненависти к врагу, чувства любви к свободе и социальной справедливости, преклонения перед ними». Урок помогают проиллюстрировать фотографии руководителей Польской рабочей партии и Молодежного союза борьбы П. Фондера, М. Новотко, М. Форнальской, Я. Красицкого, заброшенных в 1941 г. на территорию Польши из СССР. «Нужно рассказать о политике гитлеровских оккупантов, о тех страшных, жестоких мерах, которые они предпринимали против польского народа, самую культуру которого они хотели искоренить на оккупированной территории».

Говоря о сопротивлении гитлеровцам, рекомендуется «подчеркивать разницу между организациями, связанными с лондонским польским правительством, которые пропагандировали теорию «двух врагов» (нацистов и Советского Союза. — М.Ф.), и организациями революционного характера, призывавшими к беспощадной борьбе против гитлеровцев».

Для создания настроения предлагается «прослушивать музыку Народной гвардии, тогда дети почувствуют героизм

тех, кто жертвовал собой, как, например, героически погибшая Савицкая».

Книга заканчивается цитатой: «Мы воспитываем нашу молодежь, чтобы сделать из нее настоящих патриотов, — сказал Гомулка 2 апреля 1960 г., — нужно, чтобы этот патриотизм был освобожден от ядовитых миазмов национализма и шовинизма. Он должен вытекать из идеалов социализма, имеющих целью дружбу между народами» и т. д. и т. п.¹ (VIII.8).

С РУССКИМИ КОНФЛИКТОВ НЕТ

Во всех этих примерах мы сталкиваемся с окарикатуренной историей, причудливым образом смешивающей правду и ложь. Извечные конфликты с русскими, глубоко укорененная враждебность поляков по отношению к восточному соседу в пособии Ольшевского отсутствовали. Палачами Польши здесь представляли лишь немцы и шведы. Не разрабатывались не только темы разделов Польши, но и ни одного крупного восстания против русских. А между тем они проходили через всю историю страны, начиная с конца XVIII в. Вместо этого приводились два ярких примера «дружбы» между поляками и русскими.

Интересно, как подобный подход постепенно стал выражаться в самих учебниках, которые держали в руках польские дети. Обратимся к особо показательному примеру: восстанию против русских под руководством Т. Костюшко. После взятия Варшавы войсками генерала А.В. Суворова произошло кровавое избиение жителей ее предместья — Праги. Поражение восстания означало окончательный раздел Польши и утрату ею собственной государственности.

¹ Читатель понимает, что в следующем издании эта цитата будет заменена на цитату из Эдварда Герека. В 1963 г. мы присутствовали при подобном невиданном зрелище, когда советский ученый, переводивший на французский язык свою книгу о народных движениях XVII в., уже в корректуре срочно заменял все цитаты из Сталина на цитаты из Хрущева. (Прим. автора.)

Вот текст из учебника 1968 г., еще вполне соответствовавший традиции и достаточно корректный:

Войска Суворова 2 ноября подошли к Праге. 4 ноября, после кровавого штурма, во время которого погиб генерал Ясинский, он взял Прагу и устроил массовую резню. Король приказал жителям капитулировать (VIII.3).

И вот новая версия — из учебника для 6-го класса, изданного в 1976 г.:

Главнокомандующий царских войск Суворов прибыл к Праге и в течение двух дней успешно провел заключительный штурм. Во время защиты Праги погиб генерал Ясинский, возглавлявший восстание в Литве. Немного погодя капитулировала Варшава, и восстание завершилось (VIII.2).

Уже ничего не говорится об избиении жителей Праги... Но и это еще не все. Новый сюрприз ожидает нас в учебнике, изданном в 1979 г. Здесь снова появляется предместье Прага. Однако на этот раз речь идет не о резне, устроенной в 1795 г. русскими. 12 мая 1926 г. генерал Пилсудский «расправился с рабочими Праги», поднявшимися на восстание. «Бои продолжались три дня, 400 человек были убиты и более тысячи ранены...» (VIII.4).

Итак, в новом варианте учебника не только исчезла резня 1795 г., но еще и навязана искаженная ассоциация. Отныне в памяти людей в связи с предместьем Прага должны были вставать события двадцатых годов.

При этом, кроме всего прочего, предлагаемая интерпретация лжива. Борьба против путча генерала Пилсудского отнюдь не сводилась к восстанию рабочих и к репрессиям против них. Среди погибших в 1926 г. были также солдаты и офицеры, оставшиеся лояльными по отношению к режиму Войцеховского. Да и Прага в этих событиях не играла никакой особой роли.

Напрасно мы будем искать в этом учебнике также хотя бы намеков на продолжение истории разделов в XX в., то есть на «четвертый раздел», осуществленный германо-советским пактом 1939 г. Здесь не сказано о вторжении в Польшу с востока в сентябре 1939 г. и об аннексии ее территорий Советским Союзом.

В 1940 г. Молотов заявил украинцам и белорусам, составлявшим большинство в этих районах, что там не должно оставаться ничего польского. Проводилась решительная советизация, запретили католический культ. В Польше это вызвало шок даже у коммунистов. Деполонизация началась с депортации поляков, депортации и уничтожения офицеров старой армии. Одни погибли в Катыни, другие сгинули в северных лагерях. Иным пришлось пережить тяжкие скитания: за Каспий, в Персию, а оттуда — к англичанам в Египет.

Только польская эмигрантская литература как-то затрагивает эти проблемы. Из нее можно что-то узнать о противоречиях между «двумя Сопротивлениями»: с центрами в Лондоне и в Москве. Заходит там речь и о претензиях варшавского Сопротивления к советской армии, которая с июля 1944 г. по январь 1945 г. медлила освобождать Варшаву. Именно они и проявились в фильме Вайды «Канал».

Советская официальная точка зрения состояла в том, что повстанцы выступили слишком рано, дабы поставить СССР перед свершившимся фактом наличия «антисоветского» режима в Варшаве. Это верно, конечно, в том смысле, что поляки хотели организовать свою администрацию независимо от какого бы то ни было иностранного вмешательства, советского или какого-то еще. Именно это стремился предотвратить Сталин, и именно базировавшееся в Лондоне независимое правительство он называл «враждебным» по отношению к Советскому Союзу. Возможно и то, что восстание было начато слишком поспешно. Однако доподлинно известно, что Москва отказалась предоставить трассы польским самолетам, летящим из Лондона. В тот момент советская ар-

мня контролировала их по крайней мере на расстоянии часа лета до Варшавы. Таким образом Советский Союз не позволил союзникам оказать восставшим какую бы то ни было помощь...

Проблема «двух правительств» — лондонского и люблинского — не уходит из памяти поляков. На эту тему написаны сотни книг и статей, снято более пятидесяти фильмов. В них идет речь о двух Сопротивлениях, о сопротивлении вообще, о Второй мировой войне. Соотношение фильмов об этой войне с общим количеством сделанных фильмов в Польше намного выше, чем в любой другой стране. Здесь встает также тема мученичества во время немецкой оккупации, которая нигде не была более жесткой, чем в Польше; тема массового сопротивления населения, самого неистового, самого единодушного и самого протяженного во времени в Европе. Лишь географические условия являются причиной того, что польское Сопротивление не причиняло оккупантам такого ущерба, как югославское. И именно вследствие этого оно было самым отчаянным.

Школьные учебники, как было показано, много говорили о борьбе с немцами.

Характерно также, что польская историография, причем в данном случае независимо от направлений, не освещала истоков претензий русских к полякам. А они восходят к экспансионизму польского дворянства, еще в XVI в. рассматривавшего пограничные земли на востоке как естественный объект присвоения. Такое положение являлось одним из следствий общего обнищания европейского дворянства. Русские устремились в тот период в Сибирь, испанские дворяне — на завоевание Американского континента. В XVI в. в Польше подчас рассматривали завоевания восточных регионов, пограничных с Россией областей (по-польски — *Окраина*) как аналогию заморских завоеваний. Как бы то ни было, в 1610 г., в правление Сигизмунда III, польские войска захватили и разграбили Москву, поставили свой гарнизон в Кремле, стремились установить

в России свою власть. Гнет поляков по отношению к населению Украины оказался столь сильным, что народ взбунтовался. Украинцы, конечно, стремились к независимости, однако из двух хозяев они предпочли русских. В книгах для советских детей этот выбор, как мы видели, никогда не забывали подчеркнуть. Что же касается польских книг, то в них причины выбора, сделанного Богданом Хмельницким и украинскими казаками, не рассматривались. Здесь просто утверждалось, что украинцы «объединились с татарами и русскими против поляков».

Итак, поляков, выступавших в союзе с литовцами, влекли на восток экспансионистские устремления, и в 1507 г. они впервые столкнулись здесь с русскими. В XVII в., при первых Романовых в наступление начала переходить Россия. Она присоединила Левобережную Украину, завоевала Курляндию и Ливонию. Российское государство набирало мощь, все больше и больше продвигаясь на запад. Трагическая судьба Польши обуславливалась ее географическим положением, необходимостью постоянно отражать нападения соседей одновременно с нескольких сторон. На востоке это была вздыбившаяся Россия Петра Великого; на севере — Швеция, жаждавшая полностью овладеть Балтийским морем; на юго-востоке — агрессивная Османская империя; на западе — быстро разраставшаяся и набиравшая силу Пруссия. Больше всех преуспевали русские и немцы, и именно на востоке Польша одну за другой теряла свои столь дорогой ценой доставшиеся земли. В конце XVIII в. произошли три раздела Польши. С тех пор сознание поляков тревожила память о былом величии, питающая мечту об освобождении, о возрождении, об отвоевании прежних позиций. После обретения в 1918 г. независимости эта идея стала выражаться открыто.

Официальная история — и на этот раз *в обеих странах*, как в Польше, так и в СССР — была примечательно лаконична о событиях 1919 и 1920 гг. Излагался лишь ход военных действий. Сообщалось о вступлении польских войск в Киев

и Минск, о советском контрнаступлении до подступов к Варшаве, о Рижском мире 1921 г. Ответственность за конфликт возлагалась на англичан и французов, которые «манипулировали» Польшей, дабы натравить ее на Республику Советов.

Вместе с тем в польских книгах не было и намека на союз с Петлюрой с целью отделения Украины от Советской России и восстановления ее «независимости», а на самом деле создания Украины, более или менее зависимой от Польши. В рассказе же об отступлении и о продвижении Красной армии к Варшаве ни слова не говорилось ни об обращении III Интернационала к польским рабочим с призывом восстать против собственного правительства, ни о формировании в Белостоке ревкома, коммунистического правительства во главе с Мархлевским, Коном и Дзержинским. Как в Польше, так и в СССР не вспоминали о прокламациях Михаила Тухачевского, призывавших поляков к революции, и о политическом и военном крахе этой первой попытки советизации Польши, навязанной извне. В России тогда только Карл Радек предсказывал провал этой политики и утверждал, что ненависть к русским окажется в Польше сильнее любви к Советам. Позиция Радека вызывала гнев Ленина и Троцкого.

Однако перечисленные факты отнюдь не сообщались детям. Мало того, в СССР старались уничтожить малейшие их следы. Так, из библиотек исчезла книга воспоминаний о Ленине Клары Цеткин, где содержится пассаж, посвященный войне с Польшей и предупреждениям Радека. Точно так же исчезла глава 8 из книги Тухачевского «Поход на Вислу» (1923 г.).

Юным полякам лишь вскользь сообщалось о Коминтерне, об отношениях с РСФСР и СССР в 1919–1939 гг. и даже о самом существовании польских коммунистов. Они узнавали о начале «рабочего движения», «от Парижской Коммуны до II Интернационала и до Ленина», а затем следовал провал. Ничего о расколе польской коммунистической партии, ког-

да Коминтерн приказал ей поддержать Пилсудского; ничего о ее роспуске тем же Коминтерном в 1938 г. Наконец, ничего о трагической гибели первых польских коммунистов: Дорубала, Ленского, Барского и других. Они эмигрировали в СССР и были расстреляны во время сталинских чисток как старые товарищи Зиновьева и Радека.

Упоминалось лишь о тех, кто отправился в Испанию умирать за дело республики.

ДРУГИЕ ИСКАЖЕНИЯ В ОФИЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

В методических разработках Ольшевского, посвященных темам нашествия шведов, деятельности Петра Сцегенного, Дембовского и другим, отчетливо виден марксистский подход к истории как к арене классовой борьбы. Дворянам и вообще богатым здесь неизменно отводилась грязная роль, они предавали родину. При этом не обходилось без искажения фактов, что не могло не вызывать внутреннего протеста у тех, кто искажение замечал. Учителям рекомендовалось не рассказывать то, что еще содержалось в предыдущих учебниках, но не вписывалось в официальную интерпретацию. В уроке о Петре Сцегенном замалчивалось, что организатор крестьянских возмущений был священником и в своей «Золотой книжечке» облекал призывы к бунту в форму религиозной проповеди, посланий папы Григория XVI.

Очень характерен рассказ об Эдуарде Дембовском. В Польше всякий знает, что, когда дворяне организовали в австрийской Галиции заговор с целью поднять общее восстание, крестьяне на призыв не откликнулись. Они полагали, что дворянами движет недовольство отменой крепостничества. Именно такую информацию распространяла имперская администрация с целью сглаживания крестьян и дворян. Дембовский поспешил объявить об отмене крепостной зависимости в противовес правительственному

маневру, однако было уже поздно. Крестьяне восстали против своих дворян, которые якобы «единственные в империи не желали отмены крепостного права», и помогли доброму императору подавить восстание в Кракове. Восставшие были разбиты под Гдовом. Несмотря на это, Дембовский не отказался от борьбы и надеялся убедить крестьян встать на сторону патриотов... 27 февраля 1846 г. из Кракова вышла процессия с крестами и хоругвями, развевавшимися на ветру. Ее возглавляли католические священники, а впереди шагал Дембовский. На пути крестного хода в засаде сидели австрийцы, заранее предупрежденные крестьянами. Раздался залп, и Дембовский упал одним из первых.

Вся эта история рассказывалась в учебнике 1968 г., но исчезла в пособии Ольшевского. Тот факт, что дворянский революционер Дембовский был убит по доносу крестьян, не мог оказать «желательного» воздействия на школьников.

Свободу в коммунистической Польше воплощала в себе Католическая церковь, остававшаяся весьма консервативной. То, что она являлась единственным моральным авторитетом перед лицом государства, как ничто другое свидетельствовало о непопулярности режима, о недостатке доверия к руководителям. Сознывая это, власть вместо того, чтобы бороться с религией и с духовенством, как это было в Советском Союзе, стала заискивать перед епископатом. Играя на свойственной духовенству тяге к порядку, она пыталась поставить Церковь под свой контроль, превратить ее в своего рода «приводные ремни» наряду с профсоюзами.

Со своей стороны, Церковь ради сохранения своего престижа в обществе избегала какой бы то ни было модернизации, шла ли речь о положении женщины или об абортах. Духовенство делало вид, что принимает позицию властей, но на самом деле вполне соглашалось с ней. Этот консерватизм еще совсем недавно включал в себя открытый воинствующий антисемитизм, который время от времени про-

являла и польская коммунистическая партия. У Йозефа Ольшевского о евреях не говорилось ни слова, тогда как либеральная традиция охотно признавала их роль в истории Польши¹.

Конечно, консерватизм польской католической церкви имеет глубокие корни. В Средние века она — единственная в Европе — не канонизировала ни одного короля, поскольку последовательно противостояла монархии. В Польше нет королей-святых, а только короли-герои. В эпоху раздела, с 1795 по 1918 г., Церковь, являясь единственным общим институтом для всех трех частей страны, воплощала национальное единство. Она выступала таким образом в роли хранительницы культуры и патриотизма. Всякая модернизация в таком контексте воспринималась как удар по самому существованию нации. И кроме того, считалось, что папский престол поддерживает поляков и ожидает верности от польской церкви. На деле же Ватикан осудил многие восстания, угрожавшие существующему порядку, то есть режиму, установленному Священным Союзом.

Связь Церкви с нацией усиливалась в периоды иностранного господства и уменьшалась в периоды независимости — до 1790 г. и в 1918–1939 гг. Кристоф Помьян в 1980 г. опубликовал работу, в которой глубоко проанализировал взаимоотношения народа и Церкви в Польше (VIII.18). Однако

¹ Как и во всей католической Европе, в Польше антисемитизм с детства питался религиозным обучением. После пережитой евреями трагедии и восстания Варшавского гетто в 1943 г., в Польше идет спор: помогали ли евреям участники польского Сопротивления? Согласно официальной позиции, помощь была значительна; восстание евреев гетто считают частью польского Сопротивления. Евреи же отрицают действенность этой помощи и связывают это с глубоко въевшимся в польское общество антисемитизмом. По словам историка Михала Борвича, который имел возможность прочесть свидетельства, зарытые восставшими Варшавского гетто перед смертью, помощь была. Однако, зная бытующее в обществе отношение к евреям, участники Сопротивления старались ее не афишировать, чтобы не подорвать уважения к своему деду... Фактом является и то, что участники польского Сопротивления расстреливали тех, кто выдавал евреев. (Прим. автора.)

напрасно было бы искать ссылки на его выводы в школьных учебниках. В них говорилось, конечно, о христианстве, но скорее о его месте в истории Польши, а не о его роли. Конкретные дела Церкви упоминались только тогда, когда эта роль была «негативна»: Коперник смог осуществить свои исследования, несмотря на церковную цензуру; папа осудил восстание 1830 г. При этом едва упоминается уникальная для Европы терпимость, которую проявила польская Церковь в период Реформации XVI в. А между тем именно эта религиозная терпимость во многом обусловила наступление польского «золотого века».

И, наконец, самый главный факт, который опускала официальная история в Польше, это то, что католицизм объединял страну с Западной Европой. Связь с Римом способствовала отмежеванию поляков от восточноевропейской культуры и сближению ее с культурой западной. Гуго Коллонтай* в «Очерке истории образования в Польше» писал о повышении уровня цивилизованности народа в связи с принятием христианства. «Латинский обряд указывает нам внятную модель западных стран», — утверждал он. А уже в 60-е гг. XX в. Мариан Серейский отмечал глубокое укоренение в сознании людей представления, что цивилизация приходит с Запада (VIII.14). Возможно, поэтому в Польше всегда гораздо большее место отводилось истории греков и римлян, чем в других странах Восточной Европы.

С 1990 г. СИТУАЦИЯ ИЗМЕНИЛАСЬ

Стефан Меллер, хорошо знающий историю польских учебников, утверждает, что тенденция к пересмотру истории наметилась сразу после военного переворота В. Ярузельского 13 декабря 1981 г. В результате появилась подпольно изданная «История Польши с 1918 по 1980 г.» Анджея Альберта (псевдоним Войцеха Рошковского), написанная в либеральном духе. Власть немедленно санкциони-

ровала появление учебника, в котором говорилось о пакте Молотова—Риббентропа, а также о депортации и убийстве поляков в СССР, то есть такого, в котором начиналось за-полнение «белых пятен».

С тех пор в Польше появилось много разных учебников. Среди них встречаются такие, в которых прошлое используется для оправдания крайнего или умеренного национализма, но есть и такие, авторы которых стараются подходить к истории объективно.

ГЛАВА XI

ЗАМЕТКИ О НЕПОСТОЯНСТВЕ ИСТОРИИ В КИТАЕ

В 1958 г. Шанхайский Центр образования выпустил «Книгу учителя истории» (IX.9). В ней говорилось, что изучению прошлого принадлежит одно из самых важных мест в воспитании подрастающего поколения. Оно «должно формировать умы юных китайцев в пролетарском духе [...], показывать, что народ есть движущая сила истории и что марксизм — единственно верная теория, раскрывающая законы исторического развития». Важно «внушить, что капитализм неизбежно погибнет, показать превосходство социализма». Нужны «живые описания, благодаря которым ребенок почувствует, что пришлось испытать старшим, и увидит, как они боролись». Следует объяснять детям, что, создавая свою теорию, Маркс и Энгельс опирались на знание прошлого, поэтому историю изучать необходимо.

«Обучая истории, преподаватель должен прививать детям четыре главных ценности:

1. Патриотизм. Нужно подчеркивать, что Китай, долгое время подвергавшийся угнетению, создал свою собственную культуру, и китайцам не приходится за нее краснеть; они могут гордиться тем, что стали свободными. Нужно противостоять тенденции интеллектуалов, ищущих образцы для подражания на Западе, и лишь во вторую очередь — в самом Китае.

2. Интернационализм. Он не должен быть бессодержательным и пустым понятием. Нужно показывать связи между народами, их общие интересы. Понятие интернационализма позволяет разъяснить, что такое национализм, отличить

«справедливые» войны от захватнических, увидеть, какие народы подвергаются угнетению.

3. Социалистическая мораль. Она появляется, если искоренять ядовитые следы влияния западного капитализма. Истинная мораль — это мораль трудящихся, которая имеет классовый характер.

4. Уважение к труду. Нужно рассказывать о жизни и труде масс на каждом этапе исторического развития, «ибо сегодня кое-кто еще проявляет снисходительное высокомерие по отношению к ручному труду».

Содержащиеся в шанхайской методичке указания свидетельствуют о твердой воле руководства подчинять историческое знание идеологии. Причем в Китае эта задача ставится более откровенно и прямолинейно, чем в СССР. Здесь обнаруживается, кроме того, еще одна специфическая особенность. Богатейшую и долгую историю Китая не так просто вписать в марксистскую модель, хотя иногда получается обнаружить отдельные примеры соответствия теории. Весьма примечательно, что в книге, написанной в эпоху Великого скачка, когда Китай резко отмежевывался от советских образцов, главной добродетелью оказался патриотизм, а не классовая борьба. Как писал тогда историк Лю Ши, «идея классовой борьбы, конечно, весьма подходит и хорошо работает в объяснении современной истории, но стоит ли на самом деле механически переносить ее в отдаленное прошлое?» (IX.7).

Разумеется, в Пекине и в Тайбэе детям рассказывают разную историю. Например, Чен Пайхуа, родившаяся в 1955 г. на Тайване, в девять лет наизусть знала последовательность пятнадцати китайских династий. А юные китайцы из Шанхая много знают о крестьянских войнах как главном двигателе истории. Злодеи в двух толкованиях истории превращаются в прогрессивных деятелей и наоборот. Так, в пекинской интерпретации Чингисхан выглядит не жестоким захватчиком, а объединителем монголов и китайцев, который нес Западу достижения китайской культуры (магнитный компас, порох, книгопечатание). Напротив, на доброго Конфуция, имевше-

го двадцать тысяч учеников, наставлявшего быть учтивыми, почитать родителей и старших, в Пекине возлагается моральная ответственность за несчастья родной страны.

А самое главное — в Пекине история перестает быть зеркалом прошлого. Она превращается в поступательное шествие китайского народа к социализму.

ИСТОРИЯ ОТ УЧЕНИЯ СУН ЯТСЕНА И ДО УЧЕНИЯ МАО ЦЗЭДУНА

Настоящая политика в области воспитания и преподавания истории в Китае (как и в Японии) стала проводиться лишь с начала XX в., точнее, после революции 1911 г.

В те времена, то есть задолго до возникновения маоизма, уже считалось «желательным» продуманное государственное образование для всех. Однако реализация этой идеи представлялась невозможной. Тем не менее уже тогда издатели и авторы приходили к согласию относительно принципов, утвердившихся с победой Сун Ятсена. Преподавание истории неизменно связывалось с воспитанием морали и гражданских чувств. Вот качества, которые должны были демонстрировать школьники и студенты. Согласно министерской инструкции 1912 г. школьникам и студентам следовало прививать альтруизм, мужество, уважение к окружающим, любовь к труду. И все это конфуцианские предписания. Важной задачей преподавания истории и географии являлось объяснение причин зависимости Китая и его непростого положения в начале XX в. Поскольку гоминьдан во главу угла ставил воспитание гражданских чувств, а затем уже моральных качеств и книги должны были прежде всего формировать граждан, то во времена Юань Шикая* и военных имела место конфуцианская реакция. В свою очередь, гоминьдан и Чан Кайши* сразу после прихода к власти принялись искоренять конфуцианство. Таким образом, маоисты в своей культурной революции отнюдь не были столь новы, как это любят изображать, они лишь доводили дело до конца. Правда, режим

Чан Кайши на Тайване с течением времени все больше расходился с позициями Мао и его видением социализма. При этом в самом Китае не прекращались гражданские смуты или война.

В начале XX в. в китайской младшей школе рассказывали исключительно о Китае. История и география не выделялись в отдельные предметы — их изучали через чтение специальных назидательных книг для детей. Примерно так же обстоит дело и в коммунистическом Китае. Вот почему вначале мы проведем краткое сравнение книг 60-х и 70-х гг., выпущенных в Пекине и на Тайване.

...МАЛЕНЬКИМ ДЕТЯМ ТАЙВАНЯ

Первое, чему учат детей на Тайване, — это гордиться прошлым Китая. И лишь позже, около 12 лет, они узнают, что с 1949 г. Китай разделен на две части. «Китай, Китай наш любимый, в мире нет более великой страны. Китайский народ — самый необыкновенный на земле... Вот доказательства: три тысячи лет назад, когда другие народы еще находились на примитивном уровне, наша страна была уже развита, обладала культурой; здесь была письменность, и устройство страны базировалось на писаном праве». Китайцы изобрели бумагу, шелк, компас, книгопечатание и т.д. Тайвань как таковой упоминается лишь как «чудесный остров сокровищ, тот, что описан в древних китайских сказках» (IX.11).

Защита родины — это долг, он связывается с защитой семьи, матери. В разговоре на эту тему очень заметно влияние конфуцианства. Вот похищен правитель, и молодой Ю Фай собирается вступить в армию, сражаться, защищать родину, которой грозит опасность. Но он знает, что долг велит ему также оставаться около старой матери и защищать ее. Ю Фай колеблется, однако мать умоляет его отправляться на войну и объясняет, что порабощение страны будет означать и порабощение семьи... «Ты должен видеть главную опасность и скорее идти защищать родину». В другом рассказе жизнь за

родину отдает Ван Чи. Он сражается со страной гораздо более сильной, чем его страна... Не намек ли это на континентальный Китай? Весьма возможно, потому что идея отвоевания всей территории Китая отчетливо доносится до школьников постарше: «здесь все об этом думают».

Вот, например, история о том, как школьник приходит к памятнику на месте захоронения семидесяти двух мучеников, казненных коммунистами. «Вид этих могил вызывает у ребенка ненависть к коммунистам и преклонение перед героями». Далее ученикам разъясняется, что при коммунистическом режиме страна пришла в упадок, обнищала. На картинке в учебнике солдаты коммунистической армии бьют коленопреклоненного, привязанного к дереву старика. Тут же рассказывается история этого несчастного бедняка: он топится, так как ему нечем заплатить огромные налоги. Тогда коммунисты вылавливают тело и вычитают его вес из причитающейся суммы налога. Вдова в отчаянии вопит: «Мерзавцы, когда придет наша армия, настанет для вас час расплаты...» (IX.11)

...МАЛЕНЬКИМ ДЕТЯМ ПЕКИНА

В Китайской Народной Республике книги для детей политизированы еще сильнее. Здесь часто используются примеры из повседневной жизни; на сцену выводятся близкие детям персонажи: бабушка, старый дядюшка, работающий в сельской коммуне, кузен-рабочий и т.д. Вот один из них попадает в плен к врагу. Он гибнет и, умирая, с трудом выговаривает лишь одно: «Меня удручает лишь то, что больше я не смогу служить моей партии!» В другой истории женщина и мать предпочитает, чтобы ее сожгли живьем, но не выдает тайн коммунистической партии. Большая часть исторических рассказов воспроизводит суровую жизнь тех времен, «когда капиталисты знай себе эксплуатировали рабочих, а бедность и нужда были таковы, что мы пожелтели». Красной нитью через них проходит идея, что общество прошлого было бес-

человечно, иностранцы унижали китайцев («Запрещено собакам и китайцам») и следует быть благодарными создателям нового общества.

Есть здесь и живые воплощения новых идей. Вот солдат холодной зимней ночью отдает свое одеяло Лю Шаоци. Когда солдат засыпает, заботливый руководитель осторожно укрывает его одеялом. Что же касается Мао, то он соединяет в себе черты Робина Гуда, Тарзана и Фра Дьявола в еще большей степени, чем Ленин. Крестьянин приносит несколько яиц проголодавшемуся вождю. Мао вскакивает на коня и во весь опор мчится в расположенную неподалеку больницу, где от голода умирают дети. Он Спаситель, он Мудрейший, он Слуга Народа, совершеннейший из героев (IX.10).

ИСТОРИЯ КИТАЯ ПО-МАРКСИСТСКИ И ЕЕ ПРОБЛЕМЫ

Анализ истории Китая в «марксистском обличье» показывает, что задачей пересмотра прошлого является здесь переоценка настоящего, то есть легитимизация коммунистического режима.

Так, на первый план выдвигаются крестьянские бунты. Это соответствует как теоретическому положению марксистской теории о ведущей роли в истории масс, а не личностей, так и идеям Мао, у которого движущей силой социалистической революции вместо рабочего класса стало крестьянство. Исторический процесс осуществился таким образом в борьбе крестьянства против феодалов и против империализма. Выводы Мао явились единственно верными, вследствие чего он одержал победу.

Итак, суть истории сводится к последовательному ниспровержению династий, происходившему благодаря борьбе крестьян. Периодизация охватывает гигантский промежуток времени с 1027 г. до н.э. (начало династии Чжоу) и до XX в. Опорными точками ее становятся крупные крестьянские войны. Ясно, что при такой постановке вопросы исторического развития Китая отнюдь не проясняются. Нужно

ведь еще проанализировать эти три тысячелетия, являющие собой одновременно стагнацию и прогресс.

Возникает и еще одна сложность. Было ли зарождение капитализма результатом эволюции самого китайского феодального общества или результатом прихода иностранцев? Председатель Мао указывал, что китайское общество «стало бы капиталистическим и без иностранного вмешательства»; Мао стремился отмежевать историю Китая как от русской, так и от западной модели. Вот почему историк Чан Ху обнаруживал в Китае мелкий капитализм, мануфактуры и разделение труда, поиски выхода на внешний рынок уже в эпоху Мин, то есть в XIV—XVII вв. Тогда существовала якобы даже «буржуазная мысль», которая воплотилась в знаменитом романе «Сон в красном тереме». Падение династии Мин объяснялось теперь союзом буржуазии и крестьянства под руководством Ли Цзычэна. Сразу после него Китай устремился к промышленной революции, однако этот процесс затормозило проникновение в страну империалистов. Таким образом, Европа превращалась в козла отпущения и одновременно объяснялось, почему феодализм продолжал сохраняться в Китае до XIX в. Опиумная война при этом приобретала антифеодальный и антиимпериалистический характер. Вместе с тем капитализм не занимал в обществе господствующего положения вплоть до XIX в. Вот почему демократическое движение возглавил пролетариат (IX.7).

Приспособление к идеологии производилось и в повествовании об империалистической агрессии, о том, как западные державы чинили препятствия установлению подлинной независимости Китая. Легко сказать, что китайские революции терпели поражение из-за происков иностранцев, сложно было доказать внутреннюю готовность Китая к переменам. Тут требовалось установить «связь между внешними и внутренними факторами». Таким образом, событиям придавалось разное значение в зависимости от того, избирались ли критерием периодизации крупные всплески революционного движения или же «основополагающие противоречия» китайского общества (между империализмом и китайским

народом, между народом и феодальной реакцией, между буржуазией и пролетариатом). В первом случае «боксерская война» рассматривалась как тактический ход императорской власти, направленный против «боксеров». Во втором — это же событие квалифицировалось как реальная угроза существованию династии со стороны сильного народного антиимпериалистического движения (IX.7).

Все подобные толкования абстрактны и изменяются в зависимости от потребности так или иначе интерпретировать историю в целом. Призванные приводить прошлое в соответствие с мыслью Мао и с запросами властей, они нередко оказываются весьма туманны. Этим объясняется нестабильность в преподавании истории и бесконечные жалобы на отсутствие базовой книги, единой истории Китая.

Сравнение одного и того же крестьянского восстания в пекинском и тайбэйском учебниках позволит наглядно убедиться в этой изменчивости и непостоянстве толкования прошлого.

ВЗГЛЯД ИЗ ПЕКИНА: ИМПЕРИЯ ЦИНЬ — ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЕ И ДЕСПОТИЧЕСКОЕ ФЕОДАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО (III в. до н.э.)

Правитель государства Цинь Шихуан осуществил множество реформ. Он проводил объединительную политику и принял титул Небесного императора, самоуверенно считая, что династия сохранится навечно. Император обладал верховной властью; он все обсуждал со своими министрами, но решал единолично. Однако министры были несменяемы. Крестьяне владели землей, и государство начало их переписывать; о каждом нужно было узнать имя, возраст, пол, количество земли, находившейся в его собственности, и другие сведения. Именно на основании этих документов государство определяло сумму налогов, количество требуемых рекрутов, устанавливало повинности и т.д.

Империя была разделена на 36 провинций, а провинции — на районы. Управлявшие ими чиновники собирали налоги, производили набор солдат и т.д. Но за этими чиновниками надзирали дру-

гие, которых непосредственно назначал император и которых он мог отозвать.

Так система наследственных владений, существовавшая со времен Чжоу, была заменена системой наместничеств.

Император постоянно изучал государственные донесения, чтобы правильно оценить ситуацию.

Император принимал меры по укреплению единства государства. До этого, в период воюющих царств, каждая область имела свои законы, свою монету, свою систему измерений; император произвел их унификацию по всему государству Цинь. Он также унифицировал письменность, уничтожил укрепления между областями и соединил их гидравлические сооружения; он строил большие дороги, соединявшие столицу с провинциями. Для предупреждения бунтов правительство перевезло в столицу двести тысяч представителей местной знати. Сюда же со всей страны свозили оружие, пускавшееся в переплавку; из металла потом соорудили двенадцать гигантских статуй и колокола. Целью всех этих мер был подрыв могущества знати. Но переход от режима наследственных владений к режиму наместничеств породил реакцию противников власти. В своей критике они пользовались древними книгами. По предложению министра Ли Сы император решил сжечь все эти сочинения за исключением тех, что касались медицины, сельского хозяйства и астрологии. Так что несогласные оказались лишены источников, из которых они могли черпать аргументы.

Император расширил границы государства, направив Мэн Тяня против северных варваров сюнну. Мэн Тянь отбросил их за Тайханышань. Он также соединил части Великой стены и сделал ее сплошной. Других военачальников император посылал на юг усмирять жителей Гуанси, и они доходили до центральных районов Вьетнама. На новые территории назначались императорские чиновники. Туда отправляли помилованных преступников, которые смешивались с местным населением. Они привносили навыки металлургического производства и эффективные методы ведения сельского хозяйства. Экономика этих районов понемногу развивалась. Большие сдвиги произошли на западе страны, в провинции Сычуань, где навыки земледелия были значительно примитивнее.

Император широко раздвинул границы государства по сравнению с тем, что было раньше. Миллионы людей трудились теперь

на этой земле, земле нашей родины. У них была общая письменность, общая культура и экономика, в хозяйстве благодаря унификации систем сообщения стало развиваться разделение труда.

В эту эпоху Китай стал самой великой империей в мире (IX.10).

ТИРАНИЯ ЦИНЬ КАК ЕЕ ВИДЯТ В ПЕКИНЕ

Вся тяжесть повинностей, налогов, военной службы падала на народ. Мужчины работали в поле, но им нечего было есть. Женщины ткали, но им не во что было одеться. Все большее число людей гнали сражаться на границы империи. Более семисот тысяч осужденных строили дворцы и гробницы. Но поскольку их не хватало, к ним присоединили тысячи свободных граждан. Еще хуже стало, когда на трон вступил наследник династии Цинь. Жизнь становилась непереносимо тяжелой, и многие предпочитали вешаться на деревьях. «Преступлением» считалось любое дурачество, и за самый ничтожный поступок полагалась жестокая кара: нарушение закона влекло за собой казнь всей семьи. А если семья роптала, то казнили всю деревню.

В последние годы этого царствования дороги были заполнены «преступниками» под конвоем. Каждый год под суд попадали тысячи людей, нужно было разрешать тысячи дел. Все меньше и меньше народ был склонен мириться с тиранией. Люди ненавидели правительство. Старая знать враждовавших прежде маленьких государств мечтала восстановить свою самостоятельность и независимость. Люди всеми средствами пытались противостоять тирании государства. Взрыв становился неизбежным.

Это было первое крупное народное выступление в Китае. Борьбу возглавили Чэнь Шэн и У Гуан. В 209 г. до н.э. сын императора отправился в поход. Девятьсот крестьян, выполнявших работы по обеспечению армии, не могли продвигаться вперед из-за дождя, размывшего дороги. Они не смогли пройти этапа в назначенный срок и знали, что в случае опоздания всех работников ждет верная смерть. Над всеми нависла угроза казни. Тогда Чэнь Шэн и У Гуан, стоявшие во главе колонны, решили поднять восстание. Они убили чиновников, которые их сопровождали, и убедили девятьсот крестьян испытать судьбу вместо того, чтобы по-

корно идти на смерть. Они стали вождями крестьян и принялись создавать армию. Переходя из деревни в деревню, они вскоре привлекли на свою сторону всю округу. Неожиданно для них к ним присоединились старая знать и ученые. Бунты вспыхивали повсюду; в скором времени поднялась половина страны.

Восставшие направились к центру империи. По мере того как они продвигались, к ним присоединялись все больше и больше крестьян. Когда они находились на близком расстоянии от столицы, у них были тысячи повозок, сотни солдат. Это был наивысший подъем восстания, начавшегося всего два месяца тому назад. Правительство было в смятении, оно решило использовать заключенных как солдат и послало их на подавление бунта. К несчастью, У Гуан погиб в бою, а Чэнь Шэн — от рук изменников.

Им на смену пришли Лю Бан и Сян Юй, которые одержали окончательную победу, столица пала и династия вместе с ней. Лю Бан сразу же после падения династии провозгласил отмену всех бесчеловечных законов императора Цинь и получил единодушную поддержку населения. В борьбе за императорский трон Сян Юй потерпел поражение и покончил с собой, и в 202 г. императором стал Лю Бан. Он основал династию Хань и сделал своей столицей Сиань (IX.10).

Теперь посмотрим, как те же события излагаются на Тайване.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ЦИНЬ ШИХУАНА КАК ЕЕ ВИДЯТ НА ТАЙВАНЕ

Покорив шесть враждовавших между собой царств, Цинь Шихуан основал единую империю, невиданную до сих пор. Он полагал, что совершил выдающийся подвиг, и старый титул вана ему больше не подходит. Вот почему он назвал себя императором и решил, что будет императором вечно.

Цинь Шихуан осуществлял разные меры по улучшению системы управления и предупреждению бунтов.

Наследственные владения он заменил системой наместничеств, разделив страну на 36 провинций, в свою очередь разделенных на районы, тины и деревни.

— Все чиновники назначались теперь не пожизненно; их можно было отозвать в любой момент; фактически власть полностью сосредоточилась в руках императора.

— Император считал, что государство должно быть единым, все должно быть единообразно. Он унифицировал меры веса, систему измерений, монету, письменность. В результате Китай обрел нерасторжимую целостность как в культурном, так и в политическом плане. Это имело определяющее значение для последующих поколений.

— Оружие, которым владели другие государства, он конфисковал, велел его переплавить и сделать колокола, а также двенадцать гигантских статуй целиком из золота. Он велел их поставить во дворце. В столицу были перевезены сто двадцать тысяч знатных и именитых лиц, так как здесь легче было за ними следить. Приток образованных людей способствовал расцвету императорского двора.

— Он проложил дороги через всю империю. Если где-то поднимался мятеж, то легко было направлять туда военные силы для подавления (IX.11).

ПОКОРЕНИЕ СЮННУ И ВАРВАРОВ ЮГА

Еще в эпоху враждующих царств сюнну были бичом для Китая. Император послал против них Мэн Тяня и присоединил занятые им земли. Одновременно для предотвращения нашествий все части Великой стены объединялись в единое целое; отныне она навсегда вошла в историю Китая. Были присоединены территории на юге и востоке. Именно тогда стала вырисовываться современная карта Китая (IX.11).

РАЗРУШЕНИЕ ИМПЕРИИ

Перечисленные меры отвечали потребностям момента и были необходимы для формирования китайского государства. Но во всем остальном политика императора была тиранической и всеми осуждалась.

Для лучшего контроля за общественным мнением министр Ли Сы посоветовал императору сжечь все книги, кроме медицинских и содержащих предсказания. Двадцать три дня горели книги. Это означало непоправимую утрату нашего древнего наследия. Император Цинь не терпел возражений и неповиновения. Для демонстрации незыблемости своей власти он приказал зарыть живьем четырехста ученых конфуцианцев и даосов. Когда старший сын императора Фу Су позволил себе критику злоупотреблений, он был изгнан на север под надзор армии.

Император не задумываясь использовал народ так, как считал нужным. Возрастало количество повинностей, увеличивались налоги, жизнь становилась невыносимой. Триста тысяч человек были отправлены сражаться на север и еще пятьсот тысяч человек — на юг. Множество крестьян привлекалось к выполнению повинностей по строительству Великой стены, дворцов, дорог и усыпальниц. Императорский дворец и усыпальницу строили семьсот тысяч человек. Все замыслы императора осуществлялись потом и кровью народа, а часто стоили его подданным жизни. Жестокий режим все сильнее угнетал народ, и любой пустяк мог стать поводом к выступлению против династии.

Уже 37 лет правил второй император Цинь. Его министра звали Чжао Гао. Однажды во время путешествия император заболел. Его сын Фу Су находился тогда на севере. Императора сопровождал лишь его младший сын Ху Хай. Перед смертью император приказал написать старшему сыну, чтобы тот возвратился и вступил на трон. Но министр не выполнил приказ. Придворные, желавшие сохранить свою власть, послали лживое письмо, где от имени отца требовалось, чтобы Фу Су покончил с собой. На трон они посадили юного Ху Хая...

Ху Хай не имел опыта и совсем не справлялся с управлением. Однако он оказался еще более жесток и деспотичен, чем его отец. Он продолжал начатое отцом строительство, а кроме того, развел огромное количество лошадей и другого скота. Потребность в фураже стала столь велика, что его изымали на триста ли в округе. Люди стали умирать с голоду. Народ не мог больше терпеть, и началось революционное движение.

Первыми восстали Чэнь Шэн и У Гуан. Их поддержала армия на значительной территории страны. На призыв откликнулись солдаты. Знать каждого из шести покоренных царств также выступила на стороне восставших в надежде на восстановление прежней власти. Самыми знаменитыми были Лю Бан и Сян Юй, каждый из которых командовал частью армии.

Чжао Гао скрыл от императора новость о мятеже, а когда армия Лю Бана вошла в столицу, в ответ на упрёки убил императора, а на его место посадил его двоюродного брата. Тот немного погодя сдался. Тем не менее позже его убил Сян Юй, который также разрушил и предал огню императорский дворец, забрав оттуда все сокровища. Затем он отправился на восток страны. Вскоре между двумя победителями возник конфликт, в котором победил Лю Бан.

Так родилась династия Хань (IX.11).

В ЧЕМ РАЗЛИЧИЯ?

В этих двух рассказах поразительно то, насколько они похожи. У них одна и та же структура, одинаково сгруппирован материал. Разнятся лишь два занимательных факта. В пекинском учебнике не говорится о преследовании последователей Конфуция и даосов, поскольку этот факт вызвал бы ассоциацию с настоящим.

Марксистская схема здесь сведена к подзаголовкам: «От рабства к феодализму», «Империя Цинь — централизованное и деспотическое феодальное государство». Они выглядят такими «фальшивыми окнами», поскольку если в тексте отлично виден деспотизм, то о феодализме в нем ничего не сказано. Скорее складывается впечатление, что государство Цинь нанесло удар по феодальному режиму мелких воюющих между собой царств и в результате централизации Китай превратился в бюрократическое государство. И все это, по видимому, вело к разрушению и гибели феодализма. Однако идеология требует, чтобы он существовал еще долгое время. Поэтому, если авторы тайбэйского учебника дают понять, что феодализм завершился в эпоху Хань, то в пекинском — он в это время только зарождается...

Но вот учебник выходит за рамки простого изложения фактов. В повествовании появляются основанные на марксистской теории рассуждения о природе крестьянских войн.

КЛАССИФИКАЦИЯ В ИСТОРИИ

Различается несколько типов крестьянских войн. Первый — это обыкновенный локальный бунт, не имеющий последствий, каких в истории Китая были тысячи.

Восстание Чэнь Шэна 209 г. до н.э. относится ко второму типу. Эти движения распространялись гораздо шире, имели какую-то организованность, но при этом быстро заканчивались. К этому типу относилось, скажем, еще восстание «желтых повязок» 184 г.

Следующим типом являлись мощные крестьянские войны, в которых принимали участие представители господствующего класса. Они возглавляли восстание и извращали его смысл, выдвигая цель смены династии. Таковы были выступления против государств Чжоу, против монголов.

Еще один тип крестьянского протеста — движения, не затухавшие в течение нескольких веков, как это было, например, в провинции Сычуань.

Наконец, высший тип — это собственно крестьянские восстания, достаточно длительные по протяженности и защищавшие непосредственные интересы крестьянства на основе эгалитаристской идеологии. Такие выступления характерны для конца династии Тан, таким было восстание тайпинов и т. д.

Классификации подвергаются также и вожди восставших. Это может быть изолированный герой, вроде аристократа Чжан Ю, никак не участвовавший в жизни масс. Затем идет лидер массового движения, имевший в нем собственные виды, отличные от целей крестьянства. Следующий — вождь, чьи цели отличались от целей крестьянства, но он тем не менее содействовал его организации. Таковы были Ли Ми в 616 г., Сун Цзян в 1120 г. Лю Бан, ставший основа-

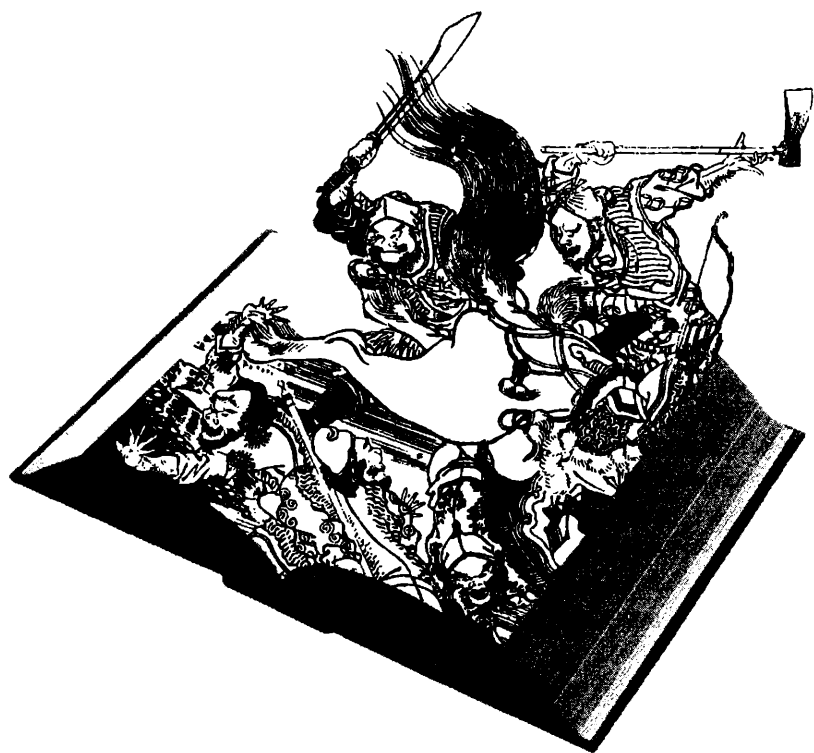
телем династии Хань, принадлежит к четвертой категории. Эти лидеры помогали массам организоваться, добиваясь при этом достижения собственных целей. Впоследствии они превращались в феодалов. Существует, наконец, категория собственно крестьянских лидеров, которые боролись с феодализмом в интересах крестьян, например лидеры тайпинов.

Сложность оценки подобных движений состоит в том, что побежденный всегда оказывался разбойником, а победитель садился на трон. В такой ситуации затруднительно определить, в чем собственно состоял «исторический прогресс». Приходится признавать, что история движется вперед в том числе и через поражения (тут можно опереться на пример западного рабочего движения до 1917 г.) или что монарх может быть прогрессивным деятелем, несмотря на подавление крестьянского движения, которым он воспользовался. Таким образом, китайским историкам-марксистам приходится определять, кто из императоров двигал историю вперед вопреки своей классовой сущности (IX.7).

Дж. П. Харрисон (IX.7) отметил в китайской историографии два подхода к интерпретации крестьянских войн. Первый исходит из того, что феодализм в Китае существовал два тысячелетия. История делится на периоды, соответствующие династиям, и в каждом из них рассматривается эволюция, приводящая к утверждению феодального способа производства. Таким образом, все приводится в соответствие с требованиями марксизма.

При втором, более распространенном подходе историки обращаются к эволюции крестьянских войн. От борьбы против одного феодала или правителя примерно в середине эпохи Тан крестьяне пришли к борьбе против феодальной системы в целом. Таким образом, первые выступления против увеличения повинностей и зависимости от землевладельца способствовали прогрессу производства. Постепенно феодализм входил в стадию упадка, и тогда крестьяне противостояли уже самим основам системы, восставали против феодальных форм держания земли и против неравенства в целом.

Все эти толкования прошлого опираются на официально признанные идеи Мао, то есть зиждутся на весьма непрочном основании. Как только возникает что-то новое, происходит «осуждение ошибок». Перед историками, таким образом, неизменно стоит проблема: как соединить детерминистское видение истории, которое должно узаконивать власть нынешних руководителей, и постоянные волюнтаристские действия этой власти, наталкивающиеся на сопротивление общества.

ГЛАВА XII

ИСТОРИЯ ЯПОНИИ: КОДЕКС ИЛИ ИДЕОЛОГИЯ?

Хронологические ориентиры

- 660 г. до н.э. — Мифическая дата основания империи Дзимму.
- IV в. н.э. — Время, к которому относят мифическую историю Ямато Такэру.
- IV–VI вв. — Основание и кризис государства племен Ямато.
- Середина VI в. — Проникновение в Японию буддизма.
- 604 г. — «Закон из 17 статей» Сётоку-Тайси закладывает основы бюрократического государства.
- 607 г. — Первое японское посольство в Китай.
- VII–VIII вв. — Становление бюрократической монархии.
- 712–720 гг. — Составление летописи «Кодзики», «Нихон Сёки» («Нихонги») о легендарном прошлом Японии.
- 752 г. — В храме Тодайдзи происходит церемония, объединяющая синтоизм и буддизм.
- VIII в. — Формирование сословий: придворной аристократии, монашеского духовенства, воинов (буси) и крестьян.
- 793 г. — Заложена столица Хэйан (будущий Киото).
- IX в. — Подчинение «народов Севера».
- IX–X в. — Представители клана Фудзивара монополизировали главные должности при императорском дворе.
- 901 г. — Изгнание Сугавара Митидзанэ, выступавшего против Фудзивара.
- Конец XI в. — Борьба экс-императоров против опеки Фудзивара.
- XII в. — Борьба за власть между военными кланами Минамото, Тайра и другими.
- 1189 г. — Самоубийство Ёсицунэ, победителя Тайра.
- 1192 г. — Минамото Ёритомо основывает военный режим (бакуфу) и становится сёгуном.
- 1221 г. — Неудачная попытка экс-императоров вернуть себе власть.

1274–1281 гг. — Борьба против монгольских нашествий.

XIII в. — Распространение дзэн-буддизма, главным образом среди военных.

1333–1336 гг. — «Правительство Кэмму»; восстановление императорской власти.

2-я половина XIV в. — Войны между южной и северной ветвями императорского дома.

XV в. — Экономический подъем. Меценат Ёсимаса строит «Серебряный павильон».

1467–1477 гг. — Междоусобные войны феодалов групп в центре страны.

Конец XV — начало XVI в. — Крестьянские восстания; морская экспансия и пиратство на больших пространствах океана; развитие городов.

1543 г. — Появление португальцев у берегов Японии; начало распространения огнестрельного оружия.

1549 г. — Прибытие в Японию миссионера Франциска-Ксавье; спустя тридцать лет в Японии насчитывается около ста пятидесяти тысяч христиан.

2-я половина XVI в. — Тоётоми Хидэёси вновь силой объединяет страну, проводит меры по изъятию у крестьян оружия (указ об «охоте за мечами»).

1615 г. — В результате длительных междоусобных войн к власти приходит Токугава Иэясу; он основывает сёгунат со столицей в Эдо (Токио).

1-я половина XVII в. — Политика закрытия страны; запреты на въезд и выезд; запрещение христианства. Официальной доктриной становится неоконфуцианство.

2-я половина XVII в. — Появляется историческая школа, настаивающая на необходимости реставрации императорской власти.

1701 г. — Самоубийство 47 ронинов.

Середина XVIII в. — Повышение цен на рис; крестьянские восстания.

1-я половина XIX в. — Рост числа крестьянских выступлений.

1853 г. — Прибытие в Японию американского адмирала Перри.

1858 г. — Подписание неравноправных договоров.

1868 г. — Реставрация Мэйдзи; уничтожение сёгуната.

1877 г. — Мятеж Сайго Такамоори из клана Сацума.

1889 г. — Обнародование конституции Мэйдзи. Императорская власть проводит политику модернизации и ориентируется на Запад.

- 1894–1895 гг. — Японо-китайская война. Победа Японии. Договор в Симоносэки.
- 1902 г. — Установление англо-японского союза.
- 1904–1905 гг. — Русско-японская война. Победа Японии.
- 1914 г. — Вступление Японии в Первую мировую войну.
- 1923 г. — Вашингтонская конференция; ограничение японского военного флота.
- 30-е гг. XX в. — Милитаризация Японии.
- 1931 г. — Захват Японией Маньчжурии и создание зависимого от нее государства Манчжоу-го.
- 1937 г. — Вторжение в Китай.
- 1941 г. — Нападение на американскую базу Перл-Харбор. Вступление Японии в войну.
- 1945 г. — Использование камикадзе, самолетов с летчиками-самоубийцами, возрождающими мораль самопожертвования.
- 1945 г. — Атомные бомбардировки Японии. Капитуляция Японии.
- 1946 г. — Император Хирохито отвергает идею своего божественного происхождения.
- 1952 г. — Япония заключает в Сан-Франциско мирный договор со своими противниками во Второй мировой войне за исключением Советского Союза.
- 1960-е гг. — Левацкие и антиамериканские демонстрации.
- 1970 г. — Харакири Мисима Юкио, который не смог добиться реставрации императорской власти.
- 1970-е гг. — Стремительный рост японского экспорта.

Вопрос: Часто говорят, что наша страна лучше других и потому заслуживает нашего уважения. Я хотел бы знать, на чем основано это суждение.

Ответ: Вот поистине прекрасный вопрос. Но невозможно дать на него ответ в двух словах. Я скажу вам лишь самое главное.

Все хорошо знают, что наши монархи происходят от богов, и множество их по очереди правили в нашей стране. В Китае и в других странах любой, кто является сегодня простым подданным, может завтра провозгласить себя императором или королем, убив своего господина. Монарха могут заставить отречься от престола. Если он будет отказываться, его принудят силой. Или же императора могут заменить более скромным монархом.

Все это бросается в глаза в истории других стран.

Но не у нас, потому что в истории нашей страны нет ни одного примера подобного рода начиная с древнейших времен.

Статус того, кто управляет, и статус подданных определены здесь навечно... (IX.13).

В приведенном тексте легенда смешивается с историей. Здесь неверно или неточно абсолютно все. Клан Фудзивара силой смещал своих предшественников. В конце XIV в. в Японии существовали южный и северный императорские дворы. Да и вся история страны буквально соткана из попыток узурпации и изобилует узурпаторами...

Однако задача преподавания состоит вовсе не в том, чтобы сообщать детям, как было на самом деле. «Его цель — ковать патриотизм, объединять в одно целое народ и императора с его политикой. [...] Детям нужно внушать мысль о непрерывности японской истории, показывать славные свершения императоров, деяния верноподданных [...], чтобы они знали, какие этапы развития прошла страна [...], чтобы они понимали, какое это преимущество — быть японцем» (IX.13).

ЗАДАЧИ ПРЕПОДАВАНИЯ

Япония не единственная страна, в которой задачи преподавания декларируются столь открыто. Во Франции, например, еще в 1791 г. закон гласил, что «воспитание должно формировать дух братства между гражданами, учить их любить Конституцию, свою страну и ее законы». Еще более категоричен был Наполеон: «Долг школы состоит в преподавании католицизма, верности императору, в формировании граждан, преданных Церкви, государству и семье». Примеры можно множить. Тем не менее немного стран, в которых прямо провозглашают, как во Франции времен Третьей республики, что «именно школьные учебники формируют нацию».

В Японии полагают именно так, и, следовательно, споры об учебниках неизбежно носят бурный характер, как это было и во Франции при Третьей республике. А возможно, и еще более бурный. В 1968 г. страсти разгорелись вокруг учебника Йэнага Сабуро. Правительство потребовало от автора произвести 216 изменений и изъятий и внести 38 дополнений, потому что он не находил никакого «оправдания» вступлению Японии в войну в 1941 г. (IX.17). Горячие споры были вызваны в первую очередь тем, что с 1903 г. выпускаемые исключительно государством школьные учебники очень немногочисленны — что-нибудь около десятка — и единообразны. Здесь нет плюрализма, который типичен для демократических режимов. Вторая причина состоит в том, что в Японии история в младших классах не преподается как отдельный предмет. Как и в народной памяти, она включается в так называемый кокутай*, понимание нации, которое желательно воспитать, и соединяется с географией, моралью и родным языком (IX.14).

Приведенный выше текст взят из книги по морали, написанной в начале века. Те же идеи обнаружили бы и в учебнике по географии или по японскому языку, только высказаны они были бы немного по-другому. А вот то же самое из учебника по истории:

Согласно воле богини Аматэрасу, в Японии начиная от истоков и на все времена должен быть только один императорский род.

Император не может быть низложен, династия не может прерваться. Нация должна слиться в единую волю, сплотившись в государство-семью; она объединяется вокруг идеалов сыновнего почитания и верности. Такое устройство присуще Японии, и оно является единственным в мире. Оно делает Японию любимицей богов. В других странах отсутствует кокутай, и это приводит к кризисам, революциям, порождает периоды упадка, ослабления государственной власти и усиление радикальных идеологий. В Японии такие идеологии не имеют никакой реальной почвы. Повсюду в мире государям приписывают высшую мудрость, добродетель, могущество, словом, все достоинства, которые превосходят их возможности. Именно поэтому бывает, что власть их рушится, и тогда народ навязывает свою волю. В Японии все совсем по-другому. Народ почитает происходящего от богов императора, потому что знает, что он есть единственно возможный повелитель и не может ни с кем делить власть. И, следовательно, страна может переживать эволюцию, но не революцию. Реставрация Мэйдзи дает тому прекрасный пример; возвращение императора к власти знаменовало собой одновременно и прогресс в модернизации страны (IX.22).

Поскольку нация рассматривается как огромная семья, а император — как ее глава, то ему следует повиноваться, как отцу. Саму японскую нацию составляет потомство семьи монарха. Подданные соединены с императором мистической кровной связью, моральной привязанностью и сыновним долгом. История при этом сводится к определению типа взаимоотношений подданных с государем. Это история морализирующая, пользующаяся конфуцианскими категориями: верность, послушание, почитание, самоотречение. Это история правителей, «великих людей».

Конечно, японское видение истории, как и в других странах, с течением времени изменялось; особенно серьезно — после Второй мировой войны. Однако традиция поддается с трудом и, по крайней мере, в начальном образовании в большой степени сохраняется неизменной. История, география, мораль и японский язык все так же связываются с понятием кокутай.

Долгое время преподавание истории было обязательным только в начальной школе. Вот почему мы избрали

учебник именно этой ступени — он свидетельствует о системе образования, затрагивающей всех. Выбор пал на самый распространенный учебник кануна войны; по нему занимались японцы, создававшие нынешнюю Японию. Разумеется, в этой книге излагается традиционная версия истории страны (как мы увидим, после 1945 г. здесь произошли существенные изменения), но она лучше всего укоренена в сознании людей.

В тексте полностью воспроизводится идеология кокутай, в начале XX в. подвергавшаяся сомнению, а в 1923–1945 гг. насаждавшаяся силой. Рассмотрим, как трактуется происхождение Японии (Ямато), формирование бюрократической монархии, а также понятие «Средневековье».

ИСТОРИЯ И ЛЕГЕНДА

После воцарения в Ямато (так прежде называлась Япония) императора Дзимму императорская власть распространялась на все более обширные территории. Однако в отдаленных от столицы провинциях оставалось много дурных подданных, которые угнетали народ.

В царствование 12-го императора, Кейко, восстали кумасо, населявшие юг Кюсю. Император послал против них своего сына Во-Усу-но-Микото. Тому было только шестнадцать лет, он был очень энергичен и силен... Глава кумасо Каваками Такэру никак не ожидал, что сразаться против него придет Во-Усу-но-Микото. Он пил сакэ и развлекался в веселой компании. Принц Во-Усу-но-Микото распустил волосы и, прикинувшись девушкой, приблизился к Такэру, выхватил саблю и пронзил ему грудь. «Какая сила! — воскликнул застигнутый врасплох Такэру. — Ты самый сильный воин Японии. Зовись отныне Ямато Такэру — Храбрец Японии». И с этими словами он умер...

[...] Затем император послал своего сына умирять восставших эдзо племена на востоке. Тот отправился сначала в святилище Кодай-Дзингу и получил там Меч, Разгоняющий Облака...

На востоке неверные подданные позвали его охотиться на оленя. Для того чтобы погубить принца, предатели подожгли тра-

ву на обширной равнине. Однако тот, вынуд свой Божественный Меч, разбросал горящую траву вокруг себя. Неверные подданные сами попали в огонь, который разожгли. Отныне этот меч стали называть Мечом, Срезающим Травы [...].

Пришедшие в ужас от его силы эдзо смирились.

Возвращаясь в столицу, принц заболел и умер.

Принц обладал благородным характером, всегда делил все тяготы с простыми воинами, он с юных лет не давал себе отдыха. И как раз в тот момент, когда благодаря его подвигам страна вновь обрела спокойствие и когда он должен был взойти на императорский трон, Ямато Такэру умер (IX.22).

В этом рассказе выведен первый из легендарных героев Японии, которого обычно возводят к IV в., «веку загадок». Ивэн Моррис пишет, что Ямато Такэру, по-видимому, собирательный образ (IX.16).

Приведенный текст предназначен для маленьких детей, и в нем не рассказано об отрочестве славного принца. Однажды отец, император Кейко, спросил принца, почему его старший брат не присутствует за столом (регулярное присутствие при трапезе являлось доказательством верности). Тогда принц наказал брата, убив его в отхожем месте... Возмущенный грубой и дерзкой натурой сына, император тут же отправил его в поход против кумасо, где его рвение нашло себе применение. Не упоминается и еще об одном поступке Ямато Такэру, в котором проявилось его коварство. Однажды он поклялся в дружбе предводителю мятежников, а затем сделал меч из дерева и как бы шутя предложил ему поменяться оружием и сразиться. Воины скрестили клинки, и Ямато быстро убил противника. А потом еще похвалялся своей победой, сочинив стихотворение, в котором высмеивал «мятежника с деревянным мечом».

Однако несмотря на пропуски, история Ямато Такэру сохраняет свой эпический смысл и структуру. Это история героя, исполняющего свой долг перед императором и погибающего, когда цель уже достигнута и после смерти императора он мог бы занять его место. «Не потому ли отец постоянно отсылает меня в походы, — задавался вопросом Ямато Такэру, — что он желает моей преждевременной смерти?»

Судьба героя трагична, его жизнь всецело посвящена беспрекословному служению императору. Он умирает по пути домой, изнуренный болезнью и печалью, не сообщив отцу об успехе своего последнего поручения. Ямато Такэру бесконечно одинок, его удел — исчезнуть, а не царствовать. Легенда гласит, что после смерти герой обратился в белую птицу, которая выпорхнула из усыпальницы и улетела.

МОРАЛЬ ИСТОРИИ

Пьер-Франсуа Суири отметил (IX.13), что в названиях параграфов учебника вплоть до периода реставрации Мэйдзи вынесены имена только «положительных» персонажей. Таким образом подчеркиваются их высокие моральные качества. Если же тот или иной исторический деятель считается в Японии беспомощным правителем, деспотом или предателем, он не удостоивается подобной чести, даже если рассказ о нем занимает большую часть текста. Вот, например, параграф о «добром правителе» Сётоку-Тайси, который умно управлял страной и установил первые связи с Китаем. После этого следует эпоха могущества авторитарного клана Сога. Однако о ней повествуется в параграфе, названном в честь клана Каматари, который, прибегнув к убийству, сверг Сога и дал начало роду Фудзивара*.

В ту эпоху столицей являлся город Нара, построенный по китайскому образцу. Город процветал, его украшали великолепные здания. Сооружали храмы и каналы.

Затем, при императоре Камму, столицей государства стал город Киото, который называли тогда Хэйан. Он располагался в красивейшем месте. Хэйан был еще больше Нары и также построен по образцу больших китайских городов. В 794 г. двор поручил Тамурамаро, названному сёгуном, усмирить эдзо. Именно в это время монах Сайтё основал большой монастырь секты Тандэй.

В IX–X вв. клан Фудзивара полностью захватил власть, присвоив все придворные посты и должности. Император стремился освободиться от их опеки.

59-й император Уда всеми средствами пытался сдержать рост могущества Фудзивара. Для их ослабления он воспользовался услугами Сугавара-но Митидзанэ. Митидзанэ происходил из ученой семьи. У него с раннего детства была страсть к учению; в 11–12 лет он уже писал поэмы и удивлял всех. В конце концов он стал очень ученым человеком. Он начал служить при дворе и, будучи справедливым и добрым, завоевал доверие императора.

Главная задача Сугавара-но Митидзанэ состояла в ликвидации всевластия клана Фудзивара, однако добиться этого министру не удалось. Тем не менее он сыграл очень большую роль. Сугавара не поехал в Китай, объяснив императору, что империя Тан в упадке и не следует демонстрировать ей покорность. Так что с Сугавара-но Митидзанэ можно начинать отсчет времени самостоятельности Японии по отношению к ее могущественному соседу. Правда, пока это касалось в большей степени культуры, чем политики. При Митидзанэ японский язык становится языком науки и литературы, тогда как до тех пор литературные произведения писались по-китайски.

В учебнике, впрочем, ничего не говорится о разнообразных и очень важных аспектах политической биографии Митидзанэ. Речь идет только об исключительной привязанности министра к императору, о его верности, несмотря на немилость и несправедливость, о его поэтическом даровании... Именно эти черты сохранились в памяти потомков, именно за это его почитают.

Император был очень сострадателен. Однажды холодной ночью он даже отдал свои одежды беднякам из жалости и огорчения. Митидзанэ он назначил Правым министром, тогда как Левым министром стал Фудзивара Токихира. Но Токихира, хотя он и принадлежал к прославленному роду, в учености никогда не мог сравниться с Митидзанэ; к тому же он не пользовался доверием императора. Токихира завидовал Митидзанэ и постоянно наговаривал на него государю. И вот Митидзанэ был отстранен от своих постов. В день отъезда он долго прощался со сливовыми деревьями в своем саду, которыми очень дорожил...

*Ветерок подует с востока
И донесет
Благоухание сливы.
Пусть далеко хозяин дома,
Но цветы дождутся весны.¹*

Митидзанэ уехал очень далеко, на Кюсю, в Тикудзэн, где был заключен в хорошо охранявшийся замок. Но ни на мгновение он не забывал о делах империи. Время шло незаметно, протекли весна и лето, наступил десятый день 9-й луны. Прошел ровно год с той ночи, когда он как министр участвовал в императорском пиршестве во дворце. Своими стихами он растрогал императора...

Митидзанэ провел три года на Кюсю, а потом заболел и умер.

Немного погодя стало совершенно ясно, что Митидзанэ ни в чем не виноват. Тогда ему были отданы самые большие почести, и люди стали поклоняться ему в храме Темман-тендзин. Впоследствии его стали почитать по всей стране, особенно в киотском святилище Китано и в храме города Дазайфу на Кюсю (IX.22).

ЦЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ О СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И КАК ОНА ДОСТИГАЕТСЯ

Приведенный назидательный текст являет собой характерный пример восхваления преданности императору. Рассказ о Ямато Такэру — второй пример.

Все выглядит так, будто цель исторического повествования состоит в перечислении благочестивых поступков и изъяслений преданности, в разъяснении, как герои приходили к подобной добродетели. Рассказ о прошлом переплетается с морализированием в конфуцианском духе. У Ямато Такэру исполнение долга принимало трагические формы: он убил своего брата, совершил самопожертвование. В истории Сугавара-но Митидзанэ превозносится цельная, твердая, высоконравственная личность, также способная на самопожертвование, несмотря на неблагодарность сильных мира сего. Рассказы о возвышении клана Минамото, внезапном нападении Тайра также не-

¹ Перевод А. Мещерякова. (Прим. перев.)

сут в себе морализацию. Здесь сталкиваются сыновняя преданность и чувство долга по отношению к императору.

Вот как представлено складывание режима сёгуната*.

Влияние клана Фудзивара заметно уменьшалось, так как они пренебрегали провинциальным управлением. В то же время быстро росло могущество Минамото, прославившихся при Ёсиизэ.

Старший брат Ёриёси, влекомый сыновней любовью, отправился вслед за своим отцом в провинцию Муцу на подавление мятежа против императора.

Они победили, несмотря на упорное сопротивление мятежников — Ёритоки и его сыновей, Садато и Мунэто. Помог также и холод, и войска Ёритоки были разбиты.

Ёсиизэ было только семнадцать лет; он обладал исключительной храбростью. Прекрасный стрелок из лука, он внезапно направил своего коня в самую гущу боя и перебил множество врагов. Друзья и приближенные Ёриёси устремились ему на помощь, чтобы юноша не был окружен.

Поскольку сила мятежников росла, Ёриёси призвал Киёвара Такэмори, и тот, пройдя форсированным маршем, одержал победу над мятежниками. Садато был вынужден выйти из замка, но он сражался столь храбро, что преисполненный восхищения Ёсиизэ опустил лук и дал ему убежать.

При осаде замка Курагава Ториёси засыпал рвы, разрушил дома, скопил траву вокруг замка и все сложил в одну кучу. Он сотворил молитву, обернувшись в сторону дворца Киото, а затем поджег травы. Вдруг появился смерч, и огонь мгновенно проник в замок. Мятежники были уничтожены.

Ёсиизэ рассказал об этой войне канцлеру, который сказал: «У Ёсиизэ видны задатки великого полководца, но он еще ничего не смыслит в военном искусстве». Вассал, услышав это, пришел в ярость. А Ёсиизэ очень спокойно ответил: «Он совершенно прав», — и решил брать уроки у учителя Масафуса.

Спустя некоторое время Ёсиизэ снова вышел навстречу врагу. Вдруг он увидел, что вдалеке разлетелась стая диких гусей. Он вспомнил уроки Масафуса: это означает, что там спрятались в засаде люди... Таким образом ему удалось уничтожить всех мятежников. «Видите, — объяснил он, — если бы я не учился военному искусству, мы все погибли бы».

В тот момент младший брат Ёсиизэ, Ёсимицу, беспокоясь за судьбу брата, прибыл в столицу, чтобы справиться о нем. До слез взволнованный благочестием своего юного брата, тот сказал ему: «Ты хорошо сделал, что приехал. Я смотрю на тебя и как будто вижу нашего покойного отца».

Для того чтобы поднять дух войска, Ёсиизэ разделил его на две группы — храбрых и трусливых. Теперь каждый воин после боя давал себе слово сражаться еще лучше, чтобы перейти к храбрым или чтобы остаться среди них...

Вот так благодаря Ёсиизэ на востоке Японии укреплялось могущество Минамото (IX.22).

В этом абсолютно гладком рассказе клан Минамото демонстрирует всевозможные добродетели, а Фудзивара «пренебрегают провинцией». Сын сражается рядом с отцом, товарищи заслоняют собой героя, верный друг спешит на помощь форсированным маршем. Юноша со смирением принимает уроки старших, младший брат беспокоится за жизнь старшего, старший видит в младшем портрет отца, то есть своего преемника в случае несчастья. Соблюдены все принципы сыновнего почитания и семейной морали; налицо все военные доблести. Именно «так на востоке страны укреплялось могущество Минамото».

Гораздо сложнее следующая история: о возвышении и падении клана Тайра. Выразительный смысл примера проявляется здесь на разных уровнях: внутри клана, в императорской семье, во взаимоотношениях с другими кланами, в данном случае с Фудзивара и Минамото.

ВОЗВЫШЕНИЕ КЛАНА ТАЙРА¹

Наряду с кланом Минамото существовал другой знаменитый военный клан — Тайра. Тайра происходил от императора Камму, но в ту

¹ Для того чтобы лучше воссоздать атмосферу повествования, мы не излагаем тексты, а приводим их полностью, без сокращений, хотя японцы сами смеются над сложностями генеалогии, загромождающими тексты, предназначенные для детей. (Прим. автора.)

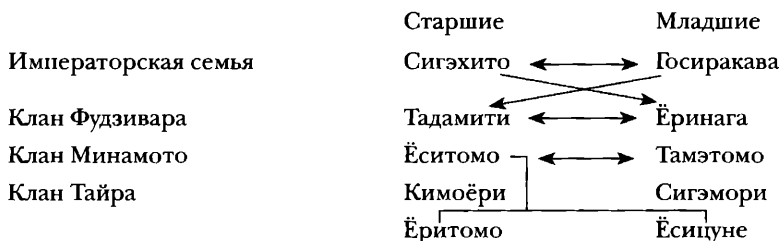
пору их могущество было намного меньше, чем Минамото. Лишь при Киёмори, сыне Тайра Тадамори, возросла слава семьи Тайра.

В тот момент вспыхнула борьба за власть внутри семьи Фудзивара. Фудзивара Ёринага, Левый министр, давно хотел стать канцлером (кампаку) вместо своего старшего брата Тадамити. Соперничество между двумя братьями было очень сильным. Как раз в 1-й год периода Хоген, в правление 77-го императора династии — Госиракава, Ёринага пригласил в свою резиденцию принца Сигэхито, *старшего брата* императора и *сына* экс-императора Сютoku. Итак, Ёринага пригласил принца и посоветовал ему взяться за оружие, призвав на помощь друга — Минамото Тамэеси, происходившего от Ёсиизэ. Ёринага рассчитывал, что сам он при этом станет канцлером. Тамэеси послал к принцу своего юного сына Тамэтомо. Но Ёситомо, старший сын Тамэеси, так же как и Тайра Киёмори, остался верен императору.

Восьмой сын Тамэеси Тамэтомо обладал очень крепким здоровьем и телосложением, большой физической силой, в нем было не меньше семи футов роста. Он превосходно стрелял из лука. Будучи двадцати трех лет от роду, он направился на Кюсю, где звался Киндзай Хакиро. У него в подчинении было много вассалов, и его смелые поступки снискали ему уважение на Кюсю. Затем он возвратился в Киото. Но в момент встречи с принцем Сигэхито ему было лишь 18 лет, и он должен был слушаться своего отца.

Ёринага призвал Тамэтомо. Он думал о какой-нибудь военной хитрости. Тамэтомо был очень решителен: «Я долго был на Кюсю и сражался там не менее двадцати раз. Для того чтобы выйти победителем, надо всегда атаковать ночью. Сегодня же ночью нападём на императорский дворец. Подождем его с трех сторон и пойдем на приступ. Мы наверняка победим. Единственный среди наших врагов, кто наделен храбростью, — это *мой старший брат* Ёситомо, но чтобы его сразить, нужна лишь одна стрела. Что же до Киёмори, так тот уж никак не причинит нам вреда». И он отправился в свою ночную атаку, хотя Ёринага не слишком сочувствовал его плану. Однако Ёситомо и Киёмори предвидели, что нападение произойдет ночью или ранним утром, и им удалось потушить пожар. Заговорщики понесли большие потери: Ёринага пал, пронзенный стрелой. Сторонники Тамэтомо бились очень храбро и защищались до последнего, но в конце концов потерпели полное поражение. Принц императорского дома в панике бежал в провинцию Сануки. Тамэеси был убит, а Тамэтомо изгнан... Современники назвали это смутой периода Хоген (IX.22).

Семьи оказались разбитыми на два лагеря: Ёситомо должен был выступать против отца и брата. Тамэтомо перерезали сухожилия, чтобы он не мог стрелять из лука. Потом он умер. К Ёситомо пришел сдаваться собственный отец. Перед героем стояла нравственная дилемма: принести себя в жертву отцу или императору. Он отдал все свое имущество ради спасения отца, но советник императора из клана Фудзивара приказал его казнить.

Еще драматичнее оказалась дилемма, вставшая затем перед Тайра Сигэмори: здесь сыну пришлось поставить верность императору над сыновней любовью.

ДИЛЕММА ТАЙРА СИГЭМОРИ (1136–1179 гг.)

Вследствие войн периода Хоген и периода Хэйцзи прежде столь могущественный клан Минамото совершенно потерял влияние, а авторитет клана Тайра, наоборот, значительно вырос.

С возвращением спокойствия после смуты Киёмори постепенно упрочил свое влияние. В течение десятилетия после войны Хэйдзи он занимал все более высокое положение в иерархии титулов и должностей. Наконец, он был назван Дайдзё-дайджин, то есть первым министром. Вскоре он оставил эту должность и удалился в монастырь, где стал звать себя Дайдзё Нюдо. Члены семьи Киёмори достигли самых высоких постов, и владения клана простирались на тридцать провинций. Процветание Тайра даже превзошло процветание Фудзивара. И некоторые Тайра дошли до того, что хвастливо говорили: «Кто не является Тайра, тот не человек».

Во времена своего могущества Киёмори вел себя как эгоист. Экс-император Госиракава попытался его образумить, но ему это

не удалось. В конце концов он постригся, стал императором-монахом. Приближенные экс-императора, недовольные таким положением, тайно собрались в его загородном доме в Долине Оленей и стали обсуждать, как уничтожить могущество клана Тайра. Киёмори узнал об этом, сильно разгневался, велел арестовать этих людей и предать их смерти. Сигэмори, будучи послушным, но в то же время и глубоко верным своему императору, оплакивал это решение и советовал отцу: «Не следует убивать чиновников двора из-за того, что ты лично зол на них. Это нехорошо. Поскольку наша семья сейчас самая могущественная в стране, то и поведение наше должно быть самым безупречным. Нужно действовать так, чтобы и нашим потомкам передать в наследство процветание. Даже если ты недоволен, пусть никогда не властвует над тобой эгоизм. Поступай так хотя бы ради твоих сыновей. Ведь нужно, чтобы они гордились тобой».

Киёмори не прислушался к этим словам и не успокоился. Он вел себя внешне почтительно, но хотел отправить экс-императора в тюрьму. Киёмори созвал весь клан, и мужчины явились в его резиденцию в полном вооружении. Сигэмори явился с опозданием и единственный из всех — в своей обычной одежде. Это заметил Мунэмори и, потянув его тихонько за рукав, сказал: «Почему же ты явился без оружия в столь важный момент? Наш отец уже давно не снимает его». И Сигэмори ответил тоном суровой укоризны: «В чем же состоит это важное дело? Где враги императора? Я главнокомандующий императорской гвардии, и я не надеваю доспехов, поскольку не вижу дела, важного для двора».

Киёмори услышал эти слова, и ему стало стыдно. Не имея времени снять доспехи, он быстро набросил на них одежду и подошел к Сигэмори с видом нарочито спокойным. Однако под его затылком сверкнул металл доспехов. Слезы текли по щекам Сигэмори, когда он проговорил: «Говорят, что мужчина лишь тот, кому ведомо чувство благодарности. А тот, кто его не ведает, недостойн этого имени. Это — неблагодарный. Однако долг, который мы должны в первую очередь выполнять, — это наш долг по отношению к государю. Наша семья происходит от императора Камму, но еще недавно она была совсем слабой. Именно ты, мой отец, привел нас к успеху и удаче. И теперь, даже будь мы идиоты, разве нас не назначили бы на самые высокие посты, потому что государь к нам расположен! А ты забываешь о благодарности импера-

тору. Пренебрегая властью императора, ты навлечешь на себя месть богов, и кончится тем, что весь клан будет уничтожен. Если ты не примешь это во внимание, то я сам поведу войско на защиту экс-императора. Но я твой сын и не перенесу необходимости идти против отца. Итак, если ты, отец, решил доводить свой замысел до конца, то сначала руби голову мне».

Так он говорил с большой искренностью, и Киёмори в конце концов отказался от своих намерений. Поистине Сигэмори был верен до конца. Вот человек, достойный восхищения (IX.22).

САМОПОЖЕРТВОВАНИЕ ЁСИЦУНЭ

«Эгоизм отца тревожил Сигэмори Тайра. К несчастью, он заболел и не пережил Киёмори. А тот становился все большим тираном, и ничто его не сдерживало; несмотря на все свое уважение к императору, Киёмори все-таки подверг его заключению».

Минамото должны были прятаться, и прежде всего Ёритомо, сын Ёситомо, который первым откликнулся на призыв принца Мокихито, сына императора. Но вскоре за ним последовали все. К нему присоединился тогда его совсем юный брат Ёсицунэ, который в возрасте двух лет был принят в храм Курама. «Он решил во что бы то ни стало уничтожить могущество Тайра и со страстью предался изучению военного искусства». Узнав, что Ёритомо собирает армию, он тотчас отправился к брату на помощь. «Ёритомо был счастлив, увидев Ёсицунэ, и братья обнялись, вспоминая знаменитую историю встречи двух их предков — братьев Ёсииэ и Ёсимицу. Они плакали от радости [...]».

Первым, кто вернулся в Киото, стал их кузен Ёсинака. Он получил от императора Госиракава приказ сокрушить Тайра. Но он был очень груб, поссорился с императором и, наоборот, пошел приступом на дворец. Тогда глава семьи Ёритомо послал в Киото на борьбу с Тайра и Ёсинака своих братьев Нориёри и Ёсицунэ».

Тем временем Тайра успели восстановить свои силы, но все же Ёсицунэ их разгромил. Во время боя Тайра Ацумори,

спеша достичь лодок, где находились его друзья, погнал своего коня в море. Вассал Ёсицунэ помахал веером, провоцируя его вернуться. Ацумори, хотя он был совсем юн, повернул коня и ринулся назад, принимая поединок. Он тут же был сражен и обезглавлен. «Безусловно, юный Тайра Ацумори заслуживает звания истинного храбреца».

Итак, побежденным обязательно воздается честь...

После этого Ёсицунэ, несмотря на сильную бурю, переплыл на Сикоку, немедленно осадил замок Ясима и предал его огню. Мунэмори должен был тогда снова бежать с юным императором на запад. Именно в этом бою вассалы Ёсицунэ — Нацуно Ёки, знаменитый искусством стрельбы из лука, и храбрый Сато Цугинобу — заслонили своего господина и нашли свою славную смерть, пронзенные стрелами. Они доказали свою непоколебимую верность.

Ёсицунэ бросился в погоню за Тайра, который бежал до Данноура в провинции Нагато. Там произошел решающий бой. Армия Тайра была окончательно разбита, и генерал Мунэмори, будучи трусом, сдался в плен, тогда как другие члены клана сражались насмерть. Клан был окончательно уничтожен. Император, которому было тогда лишь 7 лет, утонул; его бабка Ниино-ама, супруга Киёмори, бросилась за ним в волны. Это было поистине трагическое событие.

Таким образом, героическим победителем клана Тайра был Ёсицунэ. Ёритомо, завидовавший ему и ненавидевший его, запретил ему приближаться к своему дворцу и даже пытался его убить. Тогда Ёсицунэ пришлось снова бежать в Хираидзуми, где ему предоставил убежище Хидэхира. Однако когда тот умер, его сын Ясухира, повинувшись приказу Ёритомо, убил Ёсицунэ. Тогда Ёритомо упрекнул Ясухира в том, что тот слишком долго давал убежище его брату. Во главе армии он отправился на север и в конце концов уничтожил власть Ясухира (IX.22).

В других версиях цикла о Ёсицунэ, в которых всегда переплетается реальность и миф, несчастный герой после своей победы понимает, что «раз заяц пойман, собака годится для котелка». Но он отказывается верить в зависть, ставшую навязчивой идеей старшего брата. Ёсицунэ, однако, отказывают в чести сделать доклад о победе, его имущество конфискуют,

за ним пускаются в погоню. При этом брат обращается к помощи императора. Ёсицунэ, прямодушные и верность которого были известны каждому, превращается в загнанного, лишенного пристанища беглеца. Его хрупкий силуэт можно было видеть в разных концах страны, у него осталось всего девять соратников, и им пришлось противостоять тридцати тысячам человек. Исход дела был предрешен, и Ёсицунэ, воспользовавшись затишьем, прочитал священный текст и сделал харакири. Своему верному другу Банкаю он поручил позаботиться о том, чтобы, когда будет вонзен меч, ему отсекали голову.

Образцовое харакири победоносного героя, который оказался идти против старшего брата и императора, всем ему обязанных и вследствие этого затаивших на него злобу, стало примером для подражания, что проявилось, например, в поступке 47 ронинов*, которые, исполнив долг, совершили коллективное самоубийство.

Это случилось несколько веков спустя. В описываемое же время, став хозяином положения, Ёритомо Минамото провозгласил себя сёгуном, полностью захватив политическую власть (1192 г.). Наступило правление военных, бакуфу, а блеск императорского двора постепенно тускнел.

ОИСИ ЁСИО И 47 РОНИНОВ

Сёгун Цунаёси вначале интересовался науками, но вскоре они ему надоели, и он увлекся театром Но. Он очень полюбил собак, так как выяснил, что родился в год собаки. Тех, кто плохо обращался с этими животными, строго наказывали. Он собрал всех бездомных собак и велел заботливо за ними ухаживать. Все это приводило к ослаблению правительства. Войны уже очень давно не было, в моду вошел театр. Поблекли идеалы военной доблести; нравы заметно смягчились.

В тот момент всех сильно поразила месть верных слуг из Акао. В новогодний праздник ставка сёгуна (бакуфу) всегда отправляла в Киото посланника с наилучшими пожеланиями императору. А двор имел обыкновение в ответ посылать императорского вестника в Эдо. Весной 14-го года периода Гэнроку (в 1702 г.) при

113-м императоре Хигасияма императорский вестник отправился в Эдо, и ставка поручила Асано Наганори, владельцу замка Харима-Акао, принять посланника; подробнейшие указание на этот счет были даны Кира Ёсинака. Однако Ёсинака, человек тяжелого характера, был к тому же очень жаден. Сочтя недостаточными преподнесенные Наганори подарки, он проявил недовольство. Он не только норовил выказать нелюбезность в момент передачи указаний, но и в самый день прибытия императорского вестника в замок так оскорбил Наганори в присутствии всех, что тот, выйдя из себя, тут же его ударил. Ставка осудила Наганори за поведение, не достойное обстоятельств, приказала ему немедленно сделать харакири и отняла его владения.

Один из вассалов Наганори звался Оиси Ёсио. Ёсио был совсем юн и изучал военное искусство под руководством Ямаго Сёкё. Впоследствии он уехал из Киото и изучал китайские тексты под руководством Ито Дзинсай. Таким образом, он стал одинаково силен как в упражнениях ума, так и в упражнениях тела. Однако Ёсио был спокойным и неболтливым человеком, он никогда не демонстрировал своих талантов, так что некоторые даже смеялись над ним, а его учитель Ито Дзинсай, наоборот, восхищался его характером.

Узнав о случае в Акао, Ёсио был очень удручен. Сначала он направил всю свою энергию на то, чтобы восстановить честь своего господина. Однако это оказалось невозможным. И тогда он принял решение убить Ёсинака, чтобы заставить его заплатить за зло, причиненное господину Ёсио. Среди товарищей его нашлись горячие головы, которые хотели немедленно приступить к делу. Но Ёсио убедил их дожидаться благоприятного момента. Он несколько лет скрывался в квартале Ямасина в Киото. За это время Ёсинака удалился от дел, оставив преемником своего сына, так как был уверен, что теперь уж клан Наганори не поднимется. Именно тогда Ёсио и его товарищи отправились в Эдо, чтобы привести в исполнение задуманный план мести. Зимой 15-го года периода Гэнроку Ёсио и 46 его товарищей глубокой снежной ночью внезапно проникли в резиденцию Ёсинака и убили его. Отдавая почести своему покойному господину, они положили голову Ёсинака на гробницу Наганори, чтобы облегчить его душу. А затем явились сдаваться бакуфу. Говорят, что на маленьком кинжале Ёсио было выгравировано: «Верность моему господину перевесит тысячи гор, а моя жизнь легка, как волосок». Сын Ёсио, Ёсиканэ, которому было лишь

15 лет, но который был очень умен и смел, присоединился к 47 товарищам и оказался очень полезен.

Цунаёси поздравил Ёсио и его друзей с тем, что они проявили верность своему господину, и в ставке кое-кто считал, что этим людям следует сохранить жизнь. Но в конце концов Ёсио и его друзьям был отдан приказ сделать харакири; таким образом хотели разом покончить с группировками, которые образовались вокруг этого дела. Однако героизм Ёсио вызывал всеобщее восхищение. Слава верных слуг из Акао стала очень велика, а присущий им рыцарский дух не перестают воспевать и до сих пор (IX.22).

ПРИНЦИП ЗАКОННОСТИ И УМОЛЧАНИЯ ИСТОРИИ

В этой героической истории наиболее почитаемы добродетели самоотречения, храбрости, верности и усердия. Наоборот, эгоизм, любовь к роскоши и зависть — самые презираемые недостатки. Добродетели и пороки распределяются, как уже было замечено, весьма обдуманно. И дело здесь не только в морали, но и в стремлении содействовать укреплению императорской власти.

Однако императорская власть в Японии начала деградировать в конце VII в. В период Фудзивара этот процесс усилился, власть перераспределилась в пользу придворной аристократии. Императоры становились все слабее, на смену пришла военная знать (буси): Минамото, Тайра.

Концепция истории, согласно которой законным для Японии является древний императорский режим, то есть власть должна возвратиться к компетентной бюрократии во главе с императором, возникла в стане врагов сёгунов и бакуфу. Эта концепция ненадолго восторжествовала в 1333–1336 гг., во время реставрации Кэмму.

Прочитанные выдержки из учебника касаются исключительно этих проблем, как, впрочем, и все остальные тексты в книге. Никаким другим аспектам жизни Японии значения не придается. Не рассказывается, например, что при Фудзивара Япония переживала культурный расцвет. Рассматривается только политическая власть, ее законность или незаконность.

С этой же точки зрения преподносится и история более поздних периодов. В истории XV в. прославляется эпоха «великих воинов». Между прочим, подобная проблематика актуальна и для японского кино. Именно вокруг нее выстроен один из шедевров Куросавы — «Тень воина». Не важны ни экономический расцвет XVI в., ни морская экспансия и успех очень развитого пиратства в отдаленных морях, ни обогащение садового искусства, ни возникновение театра Но. Все это отмечается лишь постольку, поскольку содействует укреплению законной власти. Не говорится также и о соперничестве южного и северного дворов. Это поставило бы под сомнение реальность принципов кокутай. Подобное приспособление исторической истины к требованиям времени и обстоятельств знакомо и христианскому Западу. В истории Святого престола, например, отсутствуют схизмы и антипапы.

В современных учебниках, особенно в иллюстрированных, где сам изобразительный ряд уже дает более широкое представление об архитектуре, нравах, предметах быта, все эти черты выражены гораздо меньше. Но следы их присутствуют. Каждое рассуждение в учебнике ведет к конечной цели: показать, что реставрация в 1868 г. императорской власти явилась возвращением, возобновлением традиции после 700-летнего сёгунского режима. «Этого желали все, и вот, когда император Мэйдзи отправился в Токио, на протяжении всего пути народ поклонялся кортежу, проливая слезы благодарности и радости». И ни слова о том, что известно около ста восьмидесяти крестьянских выступлений 1868–1874 гг., то есть сразу после реставрации.

Возвращения императора желали боги, оно имело законный характер. Оно не только укрепило мир и способствовало прогрессу, но также и воплощало в себе конфуцианскую теорию «мандата неба».

Таким образом, преподавание истории должно было не только учить детей верности и жертвенности, но также и устанавливать прямую связь государей с богами.

РАЗРЫВ

Большинство вышеприведенных учебных текстов свидетельствует о том, что, преподавая историю, взрослые стремятся внедрить в сознание детей и подростков определенные ценности. Это верность императору, являющемуся как бы центром воли нации, не символом, а самой сущностью государства. Это вера в превосходство Японии над другими странами, которой проникнуты также и учебники географии. Что касается времен, более близких к нам, — это уверенность в том, что модернизация несет в себе благо постольку, поскольку сохраняется специфика японской цивилизации.

Приведенные ценности пронизывают рассказ о прошлом, особенно самом отдаленном. Однако ими дело, конечно, не ограничивается. По мере приближения к современности все более отчетливо вырисовываются два разных видения истории Японии. Процесс их борьбы и взаимодействия проанализировал Х.-Дж. Рэй (IX.14).

Начало противостояния восходит ко временам революции 1868 г. Первая точка зрения состоит в соединении чисто японских ценностей с ценностями западными. Она окончательно сформировалась на рубеже XIX и XX вв. и являлась основной вплоть до победы в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Затем она уступила место второй — постулирующей обновление традиционных специфически японских добродетелей. В период с 1918 по 1933 г. между двумя системами взглядов установилось равновесие. Во время Второй мировой войны значительно усилилась и возобладавала вторая. Однако после войны позиции первой стали усиливаться и примерно с 1950 г. она обрела свое нынешнее ведущее положение.

Оба эти видения прошлого Японии сосуществуют и соотносятся с неумирающими основами кокутай.

Суть новой позиции, оформившейся к началу XX в. и сегодня возобладавшей вновь, состоит в высокой оценке индивидуальных заслуг человека наряду с учетом его происхождения и возраста. Подразумевается, что лишь общество, по-

строенное на принципах индивидуализма, может проявлять изобретательность и по-настоящему способно к обновлению. В качестве примеров иногда приводят иностранцев, например Франклина или д'Агессо, который «постоянно думал, как бы не потерять лишнего времени». Вспоминают английского врача Дженнера, сумевшего защитить своих сограждан от оспы, хотя все вокруг были настроены скептически и враждебно. При этом разъясняется, что врач проявлял «истинную» смелость, и тем самым показывается, что храбрость свойственна не только военным, что армия не обладает монополией на патриотизм и на служение обществу. Заходит речь также об Эдисоне, о Христофоре Колумбе, людях, которые «сумели выбиться из нищеты» и преодолели все общественные преграды.

Появилась идея, что развитие нации связано со свободным развитием граждан, всего общества в целом. Получалось, что сегодня прошлое не может служить моделью, потому что в те времена царило неравенство, несправедливость, высокомерие, грубость самураев.

По мере повышения интереса к западным ценностям, собственно азиатские черты отступали на задний план. Они обрисовывались в негативном духе, а Япония представала страной, имеющей истинную конституцию, парламент, страной, которую Запад признает современной державой.

В начале XX в. в качестве главной модели выступала Англия, где политическая демократия сочеталась с эффективной экономикой. До 50-х гг. весьма уважаемой являлась также Германия с ее развитыми традициями гигиены, знаменитыми университетами, передовой индустрией, с ее мощной армией. Америка восхищалась гигантскими масштабами городов, огромным богатством и высокой производительностью труда. Не слишком в чести была тогда Франция, поскольку сдала свои прежде передовые позиции. Однако к концу XX в. в Японии все больше начинали ценить французские вина, ткани, памятники.

РЕАКЦИЯ НА ВНЕДРЕНИЕ ЗАПАДНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Прославление общества в целом через превознесение больших возможностей каждого из его членов подвергалось критике. Для того чтобы понять ее суть, достаточно сравнить предисловие к учебнику 1903 г. издания с предисловием к учебнику 1910 или 1942 г. В первом говорится, что «каждый должен совершенствоваться», во втором и третьем отдельные граждане никак не принимаются в расчет. «Наша страна — это огромная семья. Мы должны быть почтительны по отношению к императору, так же как наши дети почтительны к нам». Это очень старая идея, хотя на самом деле теперь речь идет скорее о повиновении государству, которое вместе с императором становится более важным, чем общество. Верность, патриотизм, почитание предков — все это становится нераздельным. Культурное наследие ценится выше любых новаций; ни о каком прогрессе речи не идет. В 1937–1945 гг. японцы провозглашаются «детьми моря», и особенную значимость приобретает военная доблесть. Самурайская система ценностей — бусидо прославляется как никогда. Среди иностранцев теперь вспоминают о Дарвине с его теорией борьбы за выживание в природе. «Мы должны идти нашим путем в одиночку», — пишет Акира Ирийэ, так как «у нас нет друзей».

Вперед, вперед, никогда не отступай.
 Твой старый отец надеется,
 Что ты героически послужишь родине,
 Что ты вернешься домой с честью, как добрый сын.
 Позаботься о себе, — говорит твоя мать,
 Это ее единственное желание.
 В армии заботься о своем здоровье,
 И если ты умрешь, то только за родину.

Здесь появляется женщина, до сих пор не появлявшаяся на страницах истории. Но ее роль состоит лишь в том, чтобы воодушевлять воина.

Моряк плачет. Офицер бранит его. Тогда моряк показывает письмо от матери, которая стыдится, что ее сын все еще ни разу не был в бою. «Я не смею теперь смотреть в глаза соседям», — пишет она. Офицер извиняет его: сегодня войны уже не те, и невозможно умереть так, как хочется (IX.14).

Очень сильно обесценивается критический дух как таковой: «Японцам не нужно становиться великим народом, они и так им являются». Япония входит в число самых мощных мировых держав, и в прошлом она также всегда была великой страной. Эпоха Токугава, рассматривавшаяся прежде как обскурантистская, теперь представляется как период расцвета гениев, когда работали ученые и математики, подобные Сэки, сопоставимые с величайшими учеными Запада. Иностранцев больше не хвалят: Шанхай — это город шумный, Лондон слишком загроможден, в Каире жарко... Дарвинизм проникает в учебники, видимо, потому, что эта теория как бы подтверждает возвышение Японии. И кроме того, она ставит под сомнение христианское понимание человека, то есть западная культура получает двойной удар. А христианство обвиняется во всевозможной порче, включая и анархию периода Сэнгоку, предшествовавшего приходу к власти Токугава. Среди европейских держав наибольшее восхищение вызывает Германия, которая «стала могущественной, хотя у нее нет колоний, как и у Японии».

Героями в истории становятся люди вроде Ёсида Соин, совершившего подвиг верности при адмирале Перри, вроде Тоётоми Хидеёси, адмирала Того и особенно генерала Ноги.

Он потерял на войне (русско-японской) двух сыновей. Вместе со своей женой он покончил с собой по сигналу начала императорских похорон. Ребенком он был слаб и хрупок, но преодолел все преграды, поставленные ему природой. Он купался в ледяной воде, в 10 лет ходил пешком из Токио в Осаку, никогда не жаловался на пищу и постоянно совершал паломничества на гробницу 47 ронинов, пожертвовавших собой ради родины (IX.14).

Непосредственно во время войны установка на великое прошлое насаждалась с наибольшей настойчивостью. Теперь

западные ценности не просто ставились под сомнение, а осуждались. «Америка и Европа вторглись в Азию», а, следовательно, все, что могло бы говорить в их пользу, строго запрещалось. Это касалось Библии и Тойнби, Карла Маркса и Бертрана Рассела. Простые упоминания о западных странах становились крайне редки. Япония основана и всегда управлялась богами, и они не покинули ее. Страна всем обязана лишь самой себе; все, что приходит из-за рубежа, таит в себе угрозу и должно вызывать недоверие. Иностранцы всегда унижали Японию. В 1805 г., во время заключения договора в Симоносэки, именно арбитраж западных держав помешал Японии воспользоваться победой над Китаем. То же самое произошло в Портсмуте в 1905 г., когда после «самого крупного в истории морского сражения» при Цусиме и поражения русского флота в дело вмешались американцы. Наконец, на Вашингтонской конференции 1923 г. Японии было навязано ограничение военного флота.

Такое отторжение Запада сопровождалось «возвратом в Азию» и провозглашалось, что «на уроках истории детей следует учить пониманию ответственности Японии в мире и особенно в Азии».

Основной темой в это время было призывание японцев к морскому делу. Асикага Ёсимицу, согласившийся платить дань Китаю, представлялся предателем. Сотрудничество Китая с Японией никак не могло иметь меркантильного характера, поскольку это страны одной культуры и «все страны, производящие рис, должны помогать друг другу». Для того чтобы в этом убедиться, «достаточно сравнить нынешнюю политику терпимости, которую проводит Япония в Китае (1942 г.), с агрессивностью европейцев по отношению к Китаю в начале XX в. и авторитарной политикой русских в отношении советской Монголии».

Таким образом, японская агрессия в Китае превращалась в гуманитарную помощь, а среди героических предков обнаруживались предшественники. Это Ямада Нагасама, «который в 1620 г. основал японское поселение в Китае и защищал китайцев от нападений». Это храбрый капитан Хамада Яхёэ,

прогнавший португальцев и голландцев с Тайваня, поскольку те «позволяли себе проверять японские грузовые корабли и взимать налоги». Наконец, это Хидэёси, которого почитали всегда, а теперь стали почитать еще больше, поскольку именно он распространил власть Японии на Корею.

В картинке прошлого, преподававшейся во время Второй мировой войны, Япония была защитником Азии, а Европа — извечным агрессором. Оказывалось, что даже Великую стену китайцы построили с тем расчетом, что в будущем им придется защищаться от русских...

НИВЕЛИРОВАНИЕ ИСТОРИИ

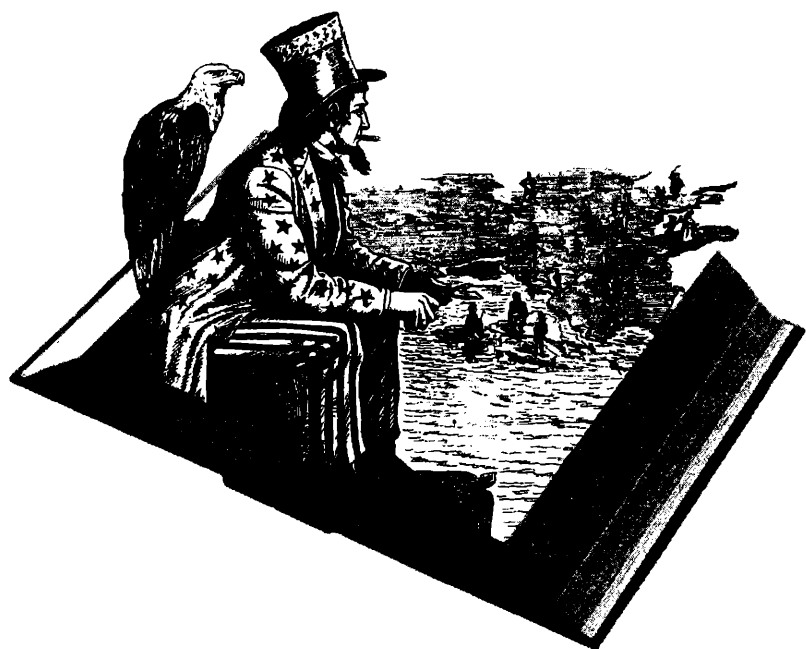
С 1945 г., после атомной бомбардировки и поражения в войне, содержание японских учебников снова изменилось. Страну контролировали американцы, и при их участии учебники очищались от текстов, в которых превозносились кокутай, милитаризм, военные доблести, национализм. Теперь, напротив, подчеркивались демократические идеалы и парламентаризм.

Японские книги по истории для детей перестали начинаться с богини Аматаэрасу, отныне в первом параграфе рассказывали о доисторических людях и первых орудиях труда. Государство и монарх появлялись лишь с конца VII в., в период составления первого кодекса. Историю не возводили больше к мифам об основателях, хотя в некоторых рассказах они и сохранились. Теперь они укоренены только в народной памяти благодаря театру Но, сказкам, синтоистским обрядам и традициям и, наконец — кино. Каждая из этих культурных форм по-своему утверждает непреходящую ценность системы кокутай.

В 60-е гг. демократическая идеология определенно взяла верх. Распространилась социалистическая и даже марксистская позиция, когда значительное место, как и в Китае, отдавалось крестьянским движениям до реставрации Мэйдзи, забастовкам и рабочему движению после нее. В то же время для Японии характерен феномен, аналогичный германскому: неприятие проблем истоков Второй мировой войны и самой

этой войны. Вследствие этого история одного из важнейших периодов XX в. сводится к примитивному изложению фактов, которое занимает две из ста шестидесяти восьми страниц в учебнике. С 1962 г. силы традиционализма начали противодействовать переоценке исторического процесса и демонтажу системы кокутай. Однако им трудно удерживать позиции, потому что именно они охотнее других идут на сотрудничество с американцами, в то время как левые силы мобилизуют общественное мнение против «оккупантов». Их невозможно обвинить в предательстве, как в 1930–1945 гг. Зато авторов современных школьных учебников обвиняют в «идеологизации» истории, имея при этом в виду, что они стали занимать «более левые позиции». Согласно традиционалистам, история была «нейтральной» тогда, когда она опиралась на мифы и занималась главным образом обоснованием законности государственной власти (IX.14).

С тех пор два видения истории ведут партизанскую войну друг против друга. Но хотя историки и разделены на разные лагеря, они тем не менее все больше и больше становятся силой, способствующей объективизации исторического повествования. Они все чаще используют количественный анализ процессов в экономике, все охотнее занимаются типологизированием социальных конфликтов. И при этом они снова и снова убеждаются в том, что японская цивилизация — это цивилизация совершенно специфическая...

ГЛАВА XIII

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ: ДЕМОНТАЖ «БЕЛОЙ» ИСТОРИИ

Последствия великих революций, ниспровержения династий и утверждения новых — все это ничто по сравнению с последствиями открытия Америки... Великие победы, как правило, не способствовали, а скорее препятствовали как счастью человечества, так и совершенствованию человеческого рода. А открытие Америки как раз помогло и тому, и другому, хотя и не везде. Что касается Южной Америки, то со времени ее завоевания прошло уже так много времени. Приходится признать, что расцвету искусств, научной мысли, производства на этом континенте препятствовала неспособность испанцев проникнуться духом предпринимательства. Им слишком легко доставалось золото и серебро, их духовенство было слишком суеверно и невежественно, а религия слишком авторитарна. Это хорошо видно по росту городов: в основанной в 1532 г. Лиме сейчас насчитывается 52 000 жителей, а в основанной только в 1682 г. Филадельфии — уже 92 000 жителей. Можно предположить, что в 1960 г. в Соединенных Штатах будут проживать 462 752 896 граждан, у которых всего будет вдосталь и которые будут наслаждаться счастьем, купаясь в лучах свободы.

Такими словами открывался первый учебник истории «для детского и семейного чтения», написанный в Соединенных Штатах Америки. Он был издан в 1823 г. Джоном Прентисом и напечатан в Нью-Хэмпшире (X.11).

В США ИСТОРИЯ И МИФ РОДИЛИСЬ ОДНОВРЕМЕННО

В приведенном отрывке в зачаточном виде присутствуют определяющие черты духовного багажа американцев. На

протяжении истории Америки он, разумеется, менялся, возможно, больше, чем где бы то ни было. В первый раз это произошло в самом конце XIX в., во второй — примерно в 70-е гг. XX в. И тем не менее следует отметить это первое появление характерных черт американской идеи: полемику с теми, кто потерпел поражение, — испанцами и католической церковью. Здесь с самого начала присутствует и миф о рае, который предстояло построить американцам в поте лица своего. «Дух предприимчивости требует упорных усилий и самоограничения. Лишь это позволит нам, связанным благотворными законами, обладающим общим правительством и общей конституцией, нам, составляющим единую нацию, которая распространилась от Атлантики до Тихого океана, — выстоять и укрепиться в лучах свободы» (X.11).

В первых учебниках историю Соединенных Штатов делили на пять больших периодов. Первый — период аборигенов, которые «происходили от израильтян». Затем шел период открытий. Сначала Америку открыли скандинавы, потом Христофор Колумб. Вслед за тем наступила эпоха колонизма; после нее — эпоха революции. И наконец наступила эпоха «национальной» истории.

Дополнительный раздел нередко посвящался другим народам, древним и современным. Так, автор учебника, изданного анонимно в Массачусетсе (X.11), полстранички посвятил истории Ассирии и Сирии, кое-что рассказал о прошлом Египта, Греции, Рима, Карфагена, Китая, татар, Индостана, Франции, Испании, Германии, России, Англии. В вышедшем в 1882 г. учебнике Хетгуэя (X.13) впервые помещалась хронологическая таблица. История человечества выводилась в нем, как это делалось в то время и в Европе, прямо из Священной истории и переплеталась с легендой:

Сотворение мира, Адам и Ева — 4004 г. до Р. Х.

Рождение Каина — 4003 г. до Р. Х.

Уничтожение старого мира великим потопом — 2348 г. до Р. Х.

Сооружение Вавилонской башни — 2247 г. до Р. Х.

Нин, сын Бела, основывает Ассирийское царство — 2059 г. до Р. Х.
Смерть Иосифа в Египте; конец Бытия — 1635 г. до Р. Х.

Кекроп приходит в Аттику из Египта и основывает Афины — 1556 г. до Р. Х.

Исход Моисея из Египта с шестьюстами тысячами евреев, не считая детей — 1491 г. до Р. Х.

Олимпийские игры в Греции — 1453 г. до Р. Х.

Похищение Елены, начало Троянской войны — 1193 г. до Р. Х.

Дидона основывает Карфаген — 869 г. до Р. Х.

Ромул основывает Рим — 753 г. до Р. Х.

В процессе преподавания истории решались воспитательные задачи. Хетуэй объяснял, что «мало знать имена тех, кто совершил открытия, или всех президентов Соединенных Штатов. Главное — понимать значение в истории тех или иных событий, правильно оценивать людей, разбираться в содержании доктрины Монро». Учебник представлял собой тысячу и один вопрос и ответ по истории Соединенных Штатов. Изложению фактов неизменно сопутствовали моральные оценки:

Вопрос: Почему следует восхищаться отцами-пилигримами?

Ответ: Потому что они сумели перенести большие страдания во имя своих идей.

Вопрос: Как обстояло дело с религиозными свободами в Массачусетсе?

Ответ: Гражданином являлся лишь тот, кто принадлежал к лону Церкви. В колонии были столь же суровые порядки и такая же нетерпимость, что и в любой религиозной секте Великобритании.

Вопрос: Какое спорное постановление было принято в Массачусетсе в 1656 г.?

Ответ: Был принят закон об изгнании квакеров. Оставшимся грозила смертная казнь. Четверо из них были казнены.

Вопрос: Почему восхищаются Уильямом Пенном?

Ответ: Потому что он был добр к индейцам. Он был квакером, умер в 1718 г. и принадлежал к числу благодетелей человечества.

Вопрос: Почему возникли Соединенные Штаты?

Ответ: Из-за религиозных преследований. Из-за них пуритане основали Массачусетс, квакеры — Пенсильванию, а католики — Мэриленд (X.13).

ОТ ИДЕОЛОГИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ К ИДЕОЛОГИИ MELTING-POT*

Итак, вплоть до начала XX в. в прошлом Америки подчеркивалось то, что ее разделяло. Это были конфликты между христианскими конфессиями, противостояние Джефферсона и Гамильтона, затем Гражданская война. Не упускались и крупные социальные конфликты кануна 1914 г.

Первая мировая война полностью изменила положение. В великую нацию вливались тогда миллионы новых американцев, в окопах рождалась новая реальность, которой соответствовала идеология *melting-pot*. Конфликты прошлого, межнациональные или идеологические, отходили на задний план. К тому же после 1918 г. к тем, кто оспаривал американские порядки, стали относиться как к чужакам, «неамериканцам» (*un-american*). Таких людей, например коммунистов, отовсюду изгоняли.

Акцент теперь делался на том, что объединяет американцев. Конфликты прошлого старались сгладить, даже если речь шла о войне за отделение южных штатов. Больше внимание обращалось на разрушительность ее последствий (разрушение структур аграрного общества на Юге, проблемы рынка труда на Севере и т. д.), чем на ее причины, будь то благородные порывы к освобождению рабов или опасения, что дешевая рабочая сила сделает южные штаты сильным конкурентом промышленности янки. Даже крупные забастовки 1890–1910 гг. теперь представляли не как проявление классовой борьбы, а как «неизбежные муки трудных родов» нового американского общества.

В результате получилась «история без историй», по выражению Пьера Нора (X.3). Новая концепция утверждала, что провозглашенные еще отцами-основателями ценности —

Равенство, Счастье, Свобода — привели к улучшению условий жизни человека. История Европы изобиловала войнами и трупами, в ней всегда были победители и побежденные. А вот прошлое Соединенных Штатов, по крайней мере с 1918 г., не знало подобной двойственности. Чаяния чернокожих в южных штатах или индейцев тоже, конечно, выражались, только не в истории. Они появились в литературе — у Фолкнера, Колдуэлла и др., а также в кинематографе.

Об этих процессах хорошо свидетельствует кино: простые и непосредственные семейные саги, предназначенные для разноязычного народа, рассчитанные на понимание евреев и итальянцев, греков и ирландцев, дедушек и внуков. Все фильмы о Гражданской войне, снятые после 1918 г., не имели коммерческого успеха. Еще в 1915 г. хорошо смотрели фильм «Рождение нации». До него были такие успешные картины о Гражданской войне, как «В старом Кентукки» (1911 г.), «Барбара Фриче» (1911 г.), «Трус» (1914 г.) и др.

А затем последовала серия провалов, несмотря на испытанные вроде бы приемы. В них по-прежнему изображали раскол семьи, когда отец, например, выступал сторонником Севера, а сын — Юга (или наоборот). Или женщина-южанка влюблялась в прекрасного северянина, или рвалась старая дружба. Все это были разные проявления раскола внутри нации, этого «самого большого несчастья».

Лишь в 1939 г. с успехом прошел фильм «Унесенные ветром». Но это оказался единственный кассовый фильм о войне Севера и Юга.

Истинная проблема Гражданской войны, да и других разногласий американского общества, — это проблема чернокожих. Большинство экранизаций «Хижины дяди Тома» было осуществлено до 1917 г., как, например, постановка Эдисона 1903 г. В ней старый слуга соединялся на небе со своей маленькой хозяйкой Евой, смерть которой он так оплакивал. Ева же стала ангелом, и перед ней разворачивались картины наиболее крупных американских конфликтов: Джефферсон и Гамильтон, борьба против англичан, декларация Линкольна об освобождении чернокожих, которая, как показывал

фильм, по существу, не соблюдалась. После 1917 г. исторических фильмов, содержащих в себе подобные обвинения, больше не будет.

Изменение идеологической атмосферы хорошо видно в сравнении фильмов «Рождение нации» и «Унесенные ветром». Картина «Рождение нации» построена на изображении крупных исторических событий и деятелей. Воссозданы многие реальные эпизоды, вроде марша генерала Шермана через Джорджию, капитуляции генерала Ли, убийства Линкольна и др. Гриффитс как бы притворяется историком и, согласно его собственным словам, представляет объективный, непредвзятый анализ. Это не мешает предлагаемому им толкованию истории быть идеологизированным и откровенно расистским. Воплощением зла в фильме является продажный депутат Остин Стоунмен. У него чернокожая любовница, и он стремится «установить иго черного Юга над белым Югом». Возмездие не заставляет себя ждать: мулат, которого депутат продвигает по службе, требует в жены его дочь, а получив отказ, насилует девушку. В роли благородного мстителя выступает молодой куклуксклановец.

Спустя двадцать пять лет Д.-О. Сэлзник, создавая киноверсию знаменитого романа Маргарет Митчелл, предлагает зрителю Гражданскую войну, из которой ушло историческое событие. Речь идет в большей степени о человеческих характерах, чем о политике. Герои фильма Скарлетт О'Хара и Ретт Батлер — это обычные люди, а не исторические персонажи. Среди действующих лиц нет ни генерала Ли, ни Линкольна. Ужасы войны показаны, разумеется, прекрасно, например пожар в Атланте. При этом фильм «Унесенные ветром» несет в себе идею национального примирения. Единственное, что роднит его с фильмом Гриффитса, — это то, что добрые чернокожие выступают в роли слуг.

Так история деполитизировалась, конфликты нейтрализовались, и победил своего рода антиинтеллектуалистский популизм, враждебный быстрому обогащению, воспевающий американские добродетели: семью, добрососедство и т. д. Американская народная память 1930–1960 гг. в этом

смысле великолепно отражена не только в школьных учебниках, но и в творчестве Джона Форда. В нем идеализировалась армия, войны с индейцами («Рио-Гранде»), традиционная семья («Как была зелена моя долина»), люди вне закона («Человек, который убил Либерти Вэланс»). В фильме «Юность Линкольна», своего рода оде герою, нет ни одного кадра, который бы касался политических проблем.

ИСТОРИЯ КАК РОМАН

Эту беспроblemную, очищенную, морализирующую историю воссоздает Лора Инголлс Уайлдер*, когда описывает жизнь своих родителей, истинных пионеров. Ее бестселлер «Городок в прериях» вышел в 1941 г. и с тех пор много раз переиздавался. Вот как представлен в нем школьный праздник в 1880 г:

Вдруг Лора услышала, как г-н Оуэн произнес: Лора Инголлс!

Ее маленькое, очень бледное личико выдавало страх. Наступил решительный момент. Лора поднялась и очутилась на эстраде, не вполне сознавая, как она туда попала. Г-н Оуэн объявил:

— Теперь мы послушаем обзор истории нашей страны. Начинай, Лора.

Повернувшись к публике, Лора начала:

— Христофор Колумб открыл Америку в 1492 г. Он родился в Генуе, в Италии, и долгое время добивался возможности проплыть по новому морскому пути — достичь Индии, отправившись на Запад.

Ее голос слегка дрожал. Несколько успокоившись, Лора продолжала более уверенно. Она не ощущала, что стоит здесь, на эстраде, в голубом кашемировом платье, с маминой перламутровой брошью, приколотой к кружевному жабо...

Она говорила о французских и испанских исследователях, об их первых попытках проникнуть в глубь материка, о неудаче Рейли, пытавшегося основать колонию в Виргинии, о торговых компаниях Массачусетса, купивших остров Манхэттен и обосновавшихся в долине Гудзона.

Вначале волнение застигло Лору глаза; но вот она стала различать лица; из толпы выделилось папино лицо. Он легонько покачал головой и его глаза встретились с глазами Лоры.

Потом она углубилась в славную историю американцев. Она вспомнила новые идеи Нового мира — Свободу и Равенство; она рассказала об угнетении в Европе, о войне против тирании и деспотизма, о борьбе за независимость тринадцати колоний, о выработке конституции. Тут она показала указочкой на портрет Джорджа Вашингтона.

Голос Лоры отчетливо звучал в сосредоточенной тишине. Она рассказывала о его несчастном детстве, о его поражении от французов при Форт-Дюкене, затем о долгих и отчаянных годах войны. Она говорила о единодушном избрании его первым президентом США. Его сменил Джон Адамс, а того — Томас Джефферсон. Последний сыграл большую роль в принятии Декларации независимости, установил религиозную свободу и право собственности в Виргинии, купил новые земли между Миссисипи и Калифорнией...

Она перевела дух, рассказав о войне 1812 г., о пожаре на Капитолии и в Белом Доме...

Несколько лет спустя президент Монро осмелился заявить самым древним и могущественным державам и их тиранам, что отныне им придется воздерживаться от вмешательства в дела Нового мира. Эндрю Джексон и ополченцы Теннесси разбили испанцев и завладели Флоридой, которую Соединенные Штаты, проявив честность, выкупили у Испании. В 1820 г. США пережили тяжелые времена. Банки разорялись, деловая активность замерла, люди теряли работу, умирали с голоду.

Тут Лора показала указкой на портрет Джона Куинси Адамса и рассказала о его избрании. Она вспомнила о борьбе мексиканцев за независимость. Развивалась торговля с Санта-Фе. Первые фургоны достигали Канзаса...

Лора заканчивала свое выступление. Она положила указочку и поклонилась замершей в тишине публике. По шквалу аплодисментов она поняла, что пора возвращаться на место...

Продолжать должна была Ида, сестра Лоры. Эту историю с середины XIX в. многократно воспроизводили в кино, это история половины американцев. Но если кто и изо-

бразил ее так, как она была пережита, так это Кинг Видор в «Американском романсе» в 1943 г. Фильм рассказывает историю иммигранта, хорвата или словенца, который ищет работу и учится жить в свободном обществе. Он узнает, что «здесь каждый может стать президентом». Меняя работу, он колесит по стране, находит свою любовь и в 1899 г. женится. Вот он приобретает небольшой домик, постепенно входит в общество, которое его принимает, потихоньку обуржуазивается, становится мелким хозяином. Его дети берут уроки музыки, он покупает автомобиль. Его сын приносит первую премию, и он, благодарный американской демократии, воспевает ее. В 1917 г. сын идет в армию и гибнет на войне. Тем временем дело растет. На заводе вспыхивает большая забастовка, и герой с ужасом узнает, что она организована его вторым сыном. «Никому не нужно твое место, папа, — говорит тот, — но необходим контроль, гарантии труда. Вспомни твое собственное прошлое...» Отец понимает, что сын не подвергает сомнению систему, а проповедует сотрудничество, примирение классов. И вот в тот момент, когда разражается Вторая мировая война, они падают друг другу в объятия.

ЖИВЫЕ МУЗЕИ

В исторической памяти американцев исключительное место занимает культ святых мест. Это похоже на ситуацию в Южной Африке, хотя причины такого явления одновременно и сходны, и разнятся. Важную роль, по-видимому, играет то, что память здесь воспринимают и «присваивают» все новые волны иммигрантов, которым преподается отказ от прошлого их настоящих предков. Они начинают отождествлять себя с первыми поселенцами, с первой столицей Соединенных Штатов Анаполисом, они совершают паломничества к могиле Джона Пола Джонса* или же на поле сражения под Геттисбергом, где генерал Джордж Мид победил генерала Роберта Ли. «Живые музеи» (*Living-Museums*) суще-

ствуют только в Соединенных Штатах и в Канаде. Старики вспоминают здесь свою молодость, а молодые узнают, как прежде работал шериф, как действовала почта, как вела урок учительница.

ПОВОРОТ

Революция, хотя бы и в историческом сознании, всегда имеет свои причины. Истоком тех больших изменений, которые кристаллизовались в эпоху Первой мировой войны, была реакция белых протестантов англосаксонского происхождения (*WASP – White Anglo-Saxon Protestants*) на наплыв иммигрантов из Ирландии, Средиземноморья, Восточной Европы. Католики, например, начали требовать раздела общественных фондов в Нью-Йорке, утверждая, что это вытекает из принципа равенства. В результате длительной борьбы, начавшейся около 1840 г., появились государственные школы под контролем избранных школьных советов, которых раньше никто не требовал. Англосаксонские протестанты выступали под флагом компетентности, профессионализма, более современных подходов и единства в образовании. Им удалось добиться того, чтобы воспитанием занимались специалисты. Это позволяло ассимилировать иммигрантов, приводить их в соответствие с нормами американской деловитости. Надежды прибывавших в Америку людей на начало здесь новой жизни, готовых восхищаться системой, дававшей им на это шанс, в чем-то совпадали с интересами верхушки общества. Со старой культурой нетрудно было расставаться, как с остатком устаревшей цивилизации, пока господствовала идеология *melting-pot*. Ее еще больше укрепила Вторая мировая война, утвердившая американцев во мнении, что коль скоро они обладают самой мощной индустрией и наилучшей, самой эффективной организацией труда, значит, и их политическая система самая лучшая, и их культура самая ценная.

После Второй мировой войны общество сильно демократизировалось. Постепенно в школах и университетах в большинстве оказалась не старая элита, а чернокожие, пуэрториканцы, белые не англосаксонского происхождения. Этих людей больше интересовало качество образования, чем его воспитательная функция. Школа становилась инструментом социального продвижения. Одновременно с этим американцы, уязвленные исключительными успехами науки и техники в СССР, стремились ответить на советский вызов в освоении космоса. В самые разнообразные научные исследования потекли кредиты, сильнее чем когда-либо стала развиваться специализация, в том числе и в гуманитарных науках.

Взрыв студенческого движения в 1968 г. в США был, конечно, вызван протестом против войны во Вьетнаме. Но он явился также и ответом на несоответствие глубокого общественного неравенства, которое поддерживала и в конечном счете воспроизводила система, тому духу равенства, что утверждался в университетских кругах. От критики конкретных курсов скоро перешли к критике самого содержания образования, особенно истории. Несогласные утверждали, что школа внедряет в качестве образцовой культуру «белых протестантов англосаксонского происхождения», игнорируя богатство других культур. Она насаждает в американском обществе самодовольство, вместо того чтобы говорить о его изъянах, о геноциде индейцев, о своего рода культурном геноциде в отношении всего, что не имело англосаксонского происхождения. Причем все это делается «именем свободы».

Таким образом, как это показал Ф. Фицджеральд в потрясшей Америку книге (X.1), любое появление старого видения прошлого теперь подвергалось сомнению во имя культурной индивидуальности каждой из общин. По выражению Фицджеральда, в Америке идеология *melting-pot* сменилась идеологией *salad-bowl**.

В конце XX в. Америка стала интересоваться и своей историей, и проблемами ее преподавания. Еще совсем недавно верхушка общества знала исключительно гармонично разви-

вавшуюся историю, ход которой вел исключительно к благу американцев. Гражданин Соединенных Штатов выглядел в ней терпимым, наделенным здравым смыслом, живым и критичным умом, привыкшим к демократическим порядкам. Какое бы то ни было сомнение на этот счет квалифицировалось как проявление неамериканизма. Еще в 1974 г. люди протестовали против того, что в учебнике истории школы в Канова Каунти были приведены тексты чернокожих авторов, в которых американское общество было представлено не столь симпатичным.

Американская демократия и на самом деле является очень действенной. Она открывает возможности для развития любых объединений граждан, всячески им благоприятствуя. Одно из таких обществ протестовало против включения в книги для детей сатиры Марка Твена на Библию. Другое критиковало наличие там пацифистских стихов, третье требовало изъятия приключений «коммуниста» Робина Гуда. Хорошо организованные частные интересы никогда не упускали случая проявить себя. В 1939 г. Американская федерация рекламы сумела добиться бойкота учебника истории Рагга, который ставил под сомнение пользу рекламы и показывал, что она оглупляет граждан. Церковь, Общество Джона Берча также играли роль блюстителей нравственности. Так что учебники истории, которые демократически выбирались школьными советами, сами по себе являлись объектом давления с разных сторон. И для обеспечения сбыта издателям приходилось «приспосабливать» авторские тексты.

Но вот в 60-е гг. резко изменилось само направление давления на школу. Борьба чернокожих за свои права повлекла за собой демократизацию преподавания. Поскольку для них было невозможно принять традиционные представления об истории, чернокожие выступили пионерами в деле их разрушения. При этом процесс «деколонизации» учебников начался, разумеется, еще до взрыва 60-х гг. На иллюстрациях, например, стали появляться не только несчастные черноко-

жие рабы на плантациях Юга, но и квалифицированные чернокожие рабочие на современных предприятиях центральных и восточных штатов. Начали выдавать должное выдающимся афроамериканцам, которых прежде история полностью игнорировала: Т. Букеру Вашингтону, Джону Вашингтону Карверу, представителю США в ООН Ральфу Джонсону Банчу, наконец, Мартину Лютеру Кингу и членам Лиги гражданских прав. И вот уже в учебник по истории Нью-Йорка включаются три главы о темнокожих.

В наши дни есть школы, в которых история чернокожих американцев составляет матрицу истории страны. Чернокожие стремятся создать собственную историю точно так же, как они создали свое собственное кино в противовес «белому» голливудскому. Такие фильмы, как «Право рождения», где люди с черной кожей представлены образцами добродетели, обычно бывает скучными. Но этого нельзя сказать о книгах, в которых пересматривается роль афроамериканцев в истории.

Движение, начатое чернокожими, распространилось на мексиканцев, на пуэрториканцев, на все американские меньшинства, на всех, кто не принадлежал к числу белых протестантов англосаксонского происхождения. Все они полагали, что отведенная им в традиционной истории роль несправедливо принижена.

У каждого меньшинства есть своя история Соединенных Штатов, в которой именно ему отдается преимущество. Теперь споры авторов и издателей фокусируются главным образом вокруг проблемы дозировки. Легче всего допускается переоценка места и роли белых, но не англосаксов и не протестантов, то есть ирландцев, украинцев, евреев и других. Пересмотр учебников в этом направлении осуществляется успешно. Произошел революционный переворот в освещении судьбы и места в истории чернокожих американцев. Эта проблема становится одной из центральных в учебниках для периода с Гражданской войны и ку-клукс-клана до создания организации «Черные пантеры».

Напротив, откат назад все время происходил в том, что касается индейцев. Если вначале признавалось существование своеобразной цивилизации аборигенов континента, то по мере продвижения белых на Запад и в особенности в начале XX в. история изображала индейцев дикими, жестокими и не способными к ассимиляции. «Ведь нужно же было как-то оправдать совершавшиеся тогда убийства».

Вплоть до конца XX в. школьные учебники в этом отношении продолжали сильно отставать от кино. Разоблачителем проблемы индейцев послужила вьетнамская война. После нее культура индейцев стала постепенно повышаться в цене, поскольку американское общество отвергало вьетнамскую авантюру как кошмар.

ИСТОРИЯ, РАССКАЗЫВАЕМАЯ АФРОАМЕРИКАНЦАМ

Когда темнокожие авторы пишут учебники и рассказывают в них об истории темнокожих, повествование выстраивается вокруг борьбы за свободу и равенство. Соответственно и периодизация осуществляется не по тем принципам, что в остальных учебниках

«Похоже, что в команде Христофора Колумба был чернокожий; во всяком случае историки обсуждают этот вопрос» — это первая фраза книги. Таким образом, прошлое афроамериканцев с первых слов отделяется от рабства. «Первые чернокожие, прибывшие в Америку, были не рабами, а слугами, освобожденными после нескольких лет службы; английские законы не признавали рабства. Почти век прошел, прежде чем в 1620 г. прибыли первые двадцать чернокожих, которыми можно было владеть, как собственностью. [...] Понемногу темнокожие теряли свои права, и в тринадцати колониях было разрешено рабство». Чернокожие не имели права владеть оружием, объединяться, вступать в брак с белыми, заключать договора и торговые сделки. В некоторых штатах закон запрещал им учиться читать и писать. Естественно,

они не могли перемещаться с места на место без разрешения своего хозяина. Их считали существами низшими, способными лишь работать на других.

Среди основателей Соединенных Штатов многие были противниками рабства: Вашингтон, Франклин, Джефферсон, Мэдисон, Адамс. Однако многие южные штаты отказывались войти в союз, если в нем будет запрещено рабство. Тем не менее 1 января 1808 г. был принят закон, запрещающий ввоз в Америку новых рабов. Проблема рабства должна была стать главной проблемой жизни американского общества, так как собственники рабов желали распространить рабство на другие штаты, а противники рабства стремились ограничить его теми, где оно фактически уже существовало.

Аболиционистское движение родилось вместе с независимостью Соединенных Штатов; во время революции чернокожие не оставались безучастны. «Одним из первых, кто погиб за свободу Америки во время бостонской бойни в 1770 г., был беглый раб Криспус Аттас. Около пяти тысяч темнокожих служили в армии и во флоте во время войны против англичан».

Казалось, война за независимость открыла путь к освобождению. «Но тем временем обыкновенная машина изменила ход истории и помогла сохранению рабства: это была машина Эли Уитни для вымолачивания хлопка. Она позволила увеличить размеры небольших до тех пор хлопковых плантаций и повысила потребность в рабочей силе». Рабство становилось для плантаторов средством сколачивания состояний, и аболиционистам Севера пришлось предпринимать большие усилия, чтобы добиться торжества своего дела. За это боролся их печатный орган «Либереитор». Среди самых ревностных борцов-аболиционистов была молодая беглая рабыня Хэрриет Табмен, «которой удалось переправить на Север более трехсот беглых рабов. Ее голову оценили в сорок тысяч долларов, а во время Гражданской войны она была санитаркой и разведчицей. Лидером движения стал Фредерик Дуглас, изучавший возможности осво-

бождения рабов при поддержке Севера. Это было не просто, поскольку многие боялись конкуренции чернокожих на рынке труда. «Американское общество колонизации» предполагало вернуть выходцев из Африки на родину предков. К 1820 г. уехало около двенадцати тысяч человек; они заложили основы африканского государства Либерии. Но путешествие стоило дорого, и большинство чернокожих предпочитало оставаться в Америке. Их недовольство и разочарование породили крупные выступления Д. Д. Визи и Ната Тернера, в которых было убито около шестидесяти белых. Успеху выступлений мешал недостаток организованности» (X.10).

Картина художника Томаса Уотермана Вуда «Ветеран» как бы напоминает о том, что в боях Гражданской войны погибло сорок тысяч чернокожих и две тысячи были ранены. Будущее темнокожих американцев было неопределенно. После указов Линкольна об отмене рабства и 13-й поправки к конституции они не являлись больше рабами, но они и не стали еще гражданами. Плантаторов Юга разорила война; вчерашние рабы оставались нищими. Белые пребывали в страхе и не знали, чего от них ждать. В течение десяти лет, до 1877 г., на Юге действовало федеральное управление; четырнадцать чернокожих были избраны в палату представителей и в сенат. Бывшим рабам оказывали существенную помощь в области образования, в приобретении земель и т. д. Однако некоторые мероприятия, якобы направленные на помощь темнокожим, были дискредитированы коррупцией. Вскоре снова утвердился принцип главенства белых, сторонники Юга вновь обрели ключевые позиции в администрации. Тайные общества вроде ку-клукс-клана ставили своей целью всячески препятствовать «реконструкции». Южные штаты вводили, например, «черные кодексы», ограничивавшие права чернокожих, избирательные цензы, исключавшие самых бедных из политической жизни, не позволяли темнокожим голосовать, заставляя их проходить специальные тесты. Сегрегационные меры осуществлялись в ресторанах, на

железных дорогах и в других местах. Верховный суд постановил, что эти меры не являются антиконституционными, так как белые и черные, будучи разделенными, остаются равными. «На самом деле они были разделены, но, конечно, отнюдь не равны».

ПОЯВЛЕНИЕ ЛИДЕРОВ У ТЕМНОКОЖИХ АМЕРИКАНЦЕВ

В конце XIX в. возникла новая реальность: у темнокожих американцев появились свои лидеры. Нередко это были люди, родившиеся рабами и боровшиеся за свою свободу. Все они имели общую цель, однако пути достижения ее видели по-разному. Самый знаменитый из них — Букер Талиафер Вашингтон, основатель Индустриального института для людей с черным цветом кожи в городе Таскиги, штат Алабама. Он считал, что темнокожим следует прежде всего добиваться равенства с белыми в образовании и в найме на работу, а уже затем решать задачу достижения полного гражданского равенства.

С точки зрения Уильяма Дюбуа, Вашингтон был человеком компромисса. Дюбуа полагал, что чернокожим должны быть немедленно предоставлены все права. Причем десятая их часть должна готовиться для исполнения управленческих функций и получать соответствующее образование.

Знаменитый ботаник и селекционер Джордж Вашингтон Карвер стал одним из пионеров развития в Америке агрономической науки. Широкую известность принесли ему исследования, касавшиеся картофеля и арахиса. Вашингтон Карвер верил в благотворную силу примера.

Наконец, Фредерик Дуглас призывал темнокожих доверять друг другу и демонстрировать свое равенство с белыми.

Перечисленные афроамериканские лидеры знали, что такое рабство, и потому умели ценить свободу. Они посвятили жизнь возрождению свободы своего народа.

В XX в. борьба за равенство усиливалась. Около 367 000 чернокожих участвовали в Первой мировой войне. Многие из них после завершения войны переехали на северо-восток — в Чикаго, Сент-Луис и другие места. Но здесь они столкнулись с той же сегрегацией, что и на Юге, а часто еще и с враждебностью профсоюзов. В случае увольнений темнокожие всегда получали расчет первыми, им доставалась самая тяжелая работа при самой низкой зарплате. Расовые конфликты и вспышки агрессии создавали атмосферу ненависти, которой не было до сих пор. Крушение иллюзий было особенно болезненным у чернокожих ветеранов, которые возвращались из Франции. Там к ним относились значительно лучше, в Америке же после завершения военных парадов им было уготовано наихудшее место. В 1919 г. имели место многочисленные случаи насилия, которые преувеличивались и раздувались пропагандой, враждебной всему иностранному и всем тем, кто критиковал американский образ жизни.

Положение темнокожих усугубил экономический кризис 1929 г. Тогда были организованы Лига защиты гражданских прав и Городская лига, активно боровшиеся за юридическое обеспечение гражданских прав афроамериканцев. Большие изменения к лучшему произошли при Рузвельте. Этот президент советовался с так называемым «черным кабинетом», вдохновителем которого выступал Ф.-В. Уайт — председатель Лиги защиты гражданских прав. Демократическая администрация привлекла на государственную службу выдающихся чернокожих деятелей вроде Ральфа Банча, который стал представителем США в ООН, и Р.-А. Уивера, позже ставшего министром в кабинете президента Джонсона. Положение темнокожих мало менялось в армии, причем даже в годы Второй мировой войны. Хотя в рядах вооруженных сил Соединенных Штатов насчитывалось более трех миллионов афроамериканцев, интеграция осуществлялась медленно. В то же время появился первый чернокожий генерал американской армии — Бенджамин О. Дэвис. Большую победу одержал председатель

Братства проводников спальных вагонов Ф. Рэндольф. В июне 1941 г. он добился от Рузвельта приказа № 8802, положившего конец сегрегации в военной промышленности. Это были первые шаги к десегрегации, которые стали проводиться в жизнь уже при Трумэне, во время войны в Корее.

«РАЗДЕЛЕНЫ, НО РАВНЫ»

Когда закончилась война, темнокожие американцы еще раз обнаружили, что имеют неравный статус с белыми. Единственным новым и важным решением было постановление Верховного суда от 1944 г., согласно которому незаконными считались любые меры, не дававшие им участвовать в первичных выборах. Были приняты также постановления, обеспечивавшие и подтверждавшие право афроамериканцев владеть имуществом. Но требовались еще важнейшие изменения, которые касались бы гражданских прав.

Принцип «разделены, но равны» был сформулирован еще в 1896 г. в связи с делом Плесси—Фергюсона. Конечно, при наличии разделения никакого равенства не существовало. В 1939 г. штат Миссури вынужден был принять в свой университет темнокожего студента, потому что эквивалентного университета для афроамериканцев в штате не было. Борьба против закона «разделены, но равны» достигла апогея в 1955 г. во время дела Брауна против Совета по просвещению в городе Топике. Это дело ясно показало, что равенство в условиях сегрегации невозможно, а значит, соблюсти закон невозможно. Лига защиты гражданских прав начала одерживать победы: поддержку Верховного суда и федеральных властей получила десегрегация в школах Литл-Рока. Если школы в знак протеста закрывали двери перед чернокожими учениками, то тех препровождали туда под вооруженной охраной.

Выход на политическую арену пастора Мартина Лютера Кинга превратил борьбу чернокожих в массовое движение. Оно использовало ненасильственные методы: бойкот про-

тив сегрегации в автобусах, сидячие забастовки, грандиозный марш на Вашингтон в 1963 г., который стал апогеем движения в защиту гражданских прав. Параллельно с этим возникла организация «Черные мусульмане», ратовавшая за создание отдельного государства черных и применение насилия. Результатом этих движений стал комплекс мер, принятых конгрессом по инициативе Кеннеди, а потом Джонсона. Дискриминация в ресторанах, отелях, общественных местах и дискриминация при приеме на работу объявлялась незаконной.

За свою деятельность в защиту гражданских прав афроамериканцев Мартин Лютер Кинг получил Нобелевскую премию мира. Тем не менее проблема не было окончательно решена, поскольку социальное неравенство сохранялось и в «гетто чернокожих» нарастало недовольство. В конце 60-х гг. происходили вспышки насилия и кровавые столкновения. В Детройте погибли не менее сорока трех человек, а в наведении порядка участвовали танки и бронетранспортеры.

Именно этот социальный аспект проблемы вызвал к жизни такую организацию, как «Черные пантеры». Она считала себя не организацией чернокожих, а организацией революционеров и стремилась противостоять власти именно с революционных позиций, а не просто отстаивать интересы людей с темной кожей. Идеи, выдвигавшиеся Стокли Кармайклом, были довольно популярны, но они наталкивались на желание большинства чернокожих не отделяться от белых американцев и не бороться с ними, а интегрироваться в американское общество.

ИСТОРИЯ, КОТОРУЮ РАССКАЗЫВАЮТ ПЭДДИ-ИРЛАНДЦУ

Когда о прошлом рассказывают живущим в Соединенных Штатах ирландцам, то все начинается с тяжелой жизни на первой родине. Речь заходит о Великом голоде 1845 г., о ни-

щите, об эксплуатации со стороны землевладельцев, лишивших бедняков имущества и прогонявших их, когда те не могли заплатить за аренду. Во время голода американцы оказывали ирландцам помощь, что отчасти и породило желание во что бы то ни стало уехать в эту великодушную страну. А кто-то из ирландцев стремился ускользнуть от власти англичан, не желая платить налоги и тем самым поддерживать англиканских священников. Опасности путешествия, трудности, связанные с устройством на новом месте, были очень велики. Поддавшиеся соблазну, зачарованные обещаниями «торговцев мечтой», ирландцы не ведали об уготованных им ловушках. Часто они оказывались без средств и даже в долгу раньше, чем ступали на американскую землю, или немедленно становились жертвами агентов, нанимавших их за мизерную плату.

Реальная жизнь пэдди, ирландского иммигранта, не имела ничего общего с мечтой. Он соглашался на любую, самую тяжелую работу, чтобы не умереть с голоду. Именно ирландцы вырыли канал, соединивший озеро Эри с Гудзоном, что сделало Нью-Йорк крупнейшим городом в мире, именно они построили Северо-Западную и Тихоокеанскую железные дороги. Пэдди работали в ужасных условиях, газеты каждый день сообщали о несчастных случаях, об утонувших, сгоревших или раздавленных ирландцах. У себя на родине они были, как правило, сельскими жителями, а в Америке превращались в горожан. Ирландцы любили собираться вместе на семейные праздники или в День святого Патрика. Они довольно быстро проникали в городские корпорации — пожарных, муниципальную полицию. Из-за того, что они много пили, появился стереотип вздорного, крикливого ирландца.

ПРОТИВ ЧЕРНОКОЖИХ, ПРОТИВ КИТАЙЦЕВ

Ирландцы выступали против отмены рабства, так как боялись соперничества бывших рабов на рынке труда. Сами ирландцы так трудно жили в городских трущобах, что от

них нелегко было ожидать жалости и участия к чернокожим. Тем не менее во время Гражданской войны власти северных штатов обращались к гражданским чувствам ирландцев, и те откликались, осуждая конфедератов Юга, которые угрожали целостности союза. Ирландская бригада участвовала в боях, ирландцем был защищавший Геттисберг генерал Джордж Мид.

Ирландцы отличались не только храбростью, но и очень большой недисциплинированностью. Они с трудом поддавались управлению, особенно в день получения жалованья. Ирландцы сочли несправедливым закон 1863 г. о воинской повинности. Они слишком мало зарабатывали и не могли платить 300 долларов, чтобы не идти на военную службу. 11 июля 1863 г. в Нью-Йорке проводилась жеребьевка, и в числе первых тысячи двухсот человек, которым выпало стать солдатами, оказалось огромное большинство ирландцев. В результате вспыхнул бунт.

Ирландцы понесли большие потери в течение двух лет кровопролитных сражений. Для них важным являлось сохранение целостности федерации, а для правительства Линкольна, как они полагали, — освобождение рабов. Когда же власти обратились к чернокожим, чтобы сорвать забастовку ирландских докеров в нью-йоркском порту, напряженность между двумя группами американцев достигла критического состояния. Последовали бунты, продолжавшиеся четыре полных дня; ирландцы обрушивались в основном на чернокожих, избивали их и даже вешали. Это был классический пример того, как несчастные мстят еще более несчастным, чем они сами.

После Гражданской войны энергия ирландцев находила выход в разных сферах. Многие из них успешно интегрировались в американское общество. Кто-то продолжал протестовать — теперь их беспокоил приток китайских иммигрантов, новых конкурентов на рынке труда, которых хозяева использовали для срыва забастовок. Дэннис Кирней бросил лозунги: «Америка американцам!» и «Долой китайцев!»

В 1882 г. был принят закон, направленный против «желтой опасности», запрещавший китайцам въезд в США. Теперь ирландцы использовали по отношению к новым иммигрантам те же приемы, жертвами которых, как они жаловались, прежде становились сами.

ФЕНИИ ХОТЯТ ОККУПИРОВАТЬ КАНАДУ

Особенно сильную активность ирландцы проявляли в рамках движения фениев. Организации фениев сформировали в Соединенных Штатах временное ирландское правительство и армию освобождения для избавления Ирландии от английского ига. Они надеялись достичь своей цели, завладев Канадой. 1 июня 1866 г. ирландская армия фениев под командованием офицера Гражданской войны Джона О'Нила вторглась в Канаду и заняла форт Эри. Они призывали канадцев провозгласить независимость. Однако канадцы оказали сопротивление, О'Нил снова перешел границу, и его люди были схвачены войсками президента Джонсона. Так потерпела крах попытка начать революцию одновременно и в Канаде, и в Ирландии, развязать войну между США и Англией, а затем заставить правительство США признать Ирландскую республику.

ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО «МОЛЛИ МАГВАЙРС»* И ДЕТЕКТИВ ПИНКЕРТОН

Тяжелые условия труда в угольных шахтах привели к возникновению тайного общества для борьбы за права ирландцев — «Молли Магвайрс». Шахтеров обманывали при взвешивании добытого угля, определении его качества и даже размеров наполняемых вагонеток. Люди в шахтах, в том числе и дети, работали в нечеловеческих условиях, их жизнь постоянно подвергалась опасности, большей, чем

жизнь рабов на плантациях. Гнев ирландцев нарастал. Члены «Молли Магвайрс» действовали террористическими методами против бухгалтеров, мастеров — всех тех, кто нес ответственность за притеснения ирландцев. Состав организации никому не был известен, кроме них самих, и лучше было не пытаться проникнуть в их тайны. И тех, кто был за, и тех, кто был против «Молли Магвайрс», объединял заговор молчания.

Президент одной из компаний, которую терроризировали члены «Молли Магвайрс», додумался обратиться в агентство Пинкертон. Молодой детектив, ирландец Джеймс Макпарланд, нанялся шахтером и внедрился в организацию. Ему удалось добиться ареста многих ее членов, и, хотя в конце концов Макпарланд был разоблачен и бежал, он унес с собой ценную информацию о тайном обществе. Постепенно «Молли Магвайрс» потеряла свое влияние.

Организация «Молли Магвайрс» привнесла терроризм в профсоюзную деятельность по защите прав трудящихся. Это не помешало ирландцам впоследствии сыграть ведущую роль в развитии профсоюзного движения в Соединенных Штатах. Председателем Американской федерации труда стал ирландец Джордж Мини.

ИНТЕГРАЦИЯ ПЭДДИ

Ирландцы интегрировались во все сферы жизни американского общества. В литературе это Юджин О'Нил, Френсис Скотт Фицджеральд; в кино — Джеймс Кэгни, Джон Уэйн, Грейс Келли, Лайонел Бэрримор и Син О'Фирна (Джон Форд). В церкви это кардинал Джеймс Гиббонс. Много ирландцев занято в архитектуре, в бизнесе и в других областях жизни.

Особенный вкус ирландцы проявили к политике, причем преимущественно в рамках демократической партии. Через организацию демократов «Таммани-холл», которая

организовывала помощь беднякам и тем самым направляла их голосование, они уже очень давно добились контроля над демократической партией в Нью-Йорке. Мощь ирландского лобби впервые проявилась в 1884 г., во время выборов президента Кливленда. Его соперник выдвинул неудачный лозунг, намекавший на ирландцев: он заявил, что демократы — это партия рома, Рима и бунта (*Rhum, Rome, Rebellion*).

Ирландцы первыми объединились при голосовании, сначала на муниципальном, а потом и на федеральном уровне, обеспечивая победу там, где ирландское население многочисленно. Ричард Дж. Дейли победил таким образом в Чикаго, Рональд Рейган — в Калифорнии и т. д. И если губернатор Нью-Йорка ирландец Эл Смит в 1928 г. проиграл на президентских выборах Гуверу, то семья Кеннеди все же добилась самого главного поста. Джозеф Кеннеди, пребывавший в ссоре с Рузвельтом, готовил своего старшего сына, военного летчика, к самому высокому предназначению. Джозеф Кеннеди-младший трагически погиб, однако его младший брат Джон в 1960 г. стал 35-м президентом Соединенных Штатов.

«ОБНОВЛЕНИЕ» ИСТОРИИ

В Соединенных Штатах сколько школ, столько и учебников, столько и разных видений прошлого и настоящего Америки. Кто-то утверждает, что страна уверенно идет по пути прогресса, кто-то пугает, что она движется к катастрофе. Разнообразные точки зрения никогда не сопоставляются друг с другом и неизбежно несут в себе много недостоверного. Получается вроде бы, что общепринятой истины не существует. Но так ли это?

Не совсем, потому что в недрах хаоса развивается более позитивное знание, не столь идеологизированное и опирающееся на достижения социальных наук.

Например, в курсе для средней школы Чикагского университета используются принципы, заимствованные в социологии. Изучается, например, Америка после Второй мировой войны, ее сельская и городская жизнь. Двадцать пять уроков семестра посвящены городу. Они посвящены урбанизации, преступности, интеграции представителей разных общин в школе, взаимоотношениям электоратов города и пригородов, частному и государственному образованию, организации здравоохранения, проблемам меньшинств, браку и разводу, профессиональной и социальной мобильности, государственным и городским финансам и т. д. Я присутствовал на этих занятиях. Здесь прослушивают три сообщения по двенадцать минут, и за каждым следует обсуждение. Участвуют около 15 мальчиков и девочек 14–16 лет, как белых, так и темнокожих, явно из простых семей. Очень интересное сообщение о браке опиралось на данные статистики, которые преподаватель Эрл П. Белл вручил всем ученикам. В период с 1918 по 1980 г. кривая уровня разводов резко поднималась вверх в 1941–1945 гг. и опускалась в 50-е гг. В 60-е и 70-е гг. она поднималась все быстрее и быстрее. Видно также, что начиная с 60-х гг. люди стали все реже вступать в брак повторно. Четырнадцатилетняя Лиза Коэн объяснила связь между уменьшением количества браков и кризисом 1929 г., а затем кризисом 1973 г. Она показала воздействие феминистского движения на динамику разводов, одновременно продемонстрировав соответствующую эволюцию законодательства. Девочка сопоставила штаты, где развод облегчен и где он затруднен, показав влияние того и другого на динамику вторичного вступления в брак. В докладе переплетались сведения, затрагивающие политику, экономику, культуру, содержалась историческая информация. Большое впечатление производили логика девочки, не достигшей еще пятнадцати лет, и то, с какой ясностью она излагала сюжет.

Дан Шпигель делал сообщение о юношеской преступности, а Майк Каони — о городском планировании. Они носили

более технический характер. В первом докладе правонарушения анализировались с юридической точки зрения, приводилась их классификация в связи с реформами в других областях общественной жизни — в политической системе, церкви. Во втором рассматривались вопросы финансирования, роль различных инстанций в составлении планов, типология систем строительства и т. д.

Очевидно, что подобная практика являет собой довольно редкий случай приобщения к реальной жизни общества. Это знакомство с историей американского города и живущих в нем людей вместе с их интересами есть изучение прошлого не ради прошлого, а для того чтобы разобраться в проблемах нашего времени. Занятия не носят директивного характера, и это напоминает методы, которые я наблюдал во Франции и в Бельгии. Однако здесь на уроке присутствовали дети года на два-три постарше, уже способные делать связные и последовательные сообщения. На занятиях использовался учебник «Соединенные Штаты: вопросы о прошлом» издательства *Unger*. После изложения истории каждого периода в книге сформулированы вопросы, нацеливающие на анализ его главных проблем. Например, относительно реконструкции после Гражданской войны предлагается вопрос: что не получилось? Относительно триумфального индустриального развития — вопрос: слишком или недостаточно? И так далее.

Эрл П. Белл попытался рассмотреть в проблемном плане всю историю американского общества, проанализировать все ее спорные моменты. Для их отбора он использовал следующие критерии:

- они были важны для рассматриваемой эпохи;
- они помогают понять сегодняшние Соединенные Штаты;
- они занимают важное место среди других проблем;
- они порождают споры как среди историков, так и в другой среде;
- они пробуждают интерес к прошлому и к будущему.

Вот, например, шесть вопросов, касающихся периода колониальной зависимости 1620–1763 гг.:

- Было ли общество первых колонистов демократическим?
- Произошли ли существенные изменения в политике по отношению к индейцам?
- Сильно ли повлияла на развитие колоний религия?
- Контролировали ли англичане экономику колоний?
- Сказывалось ли происхождение колонистов на деятельности их учреждений?
- Как изменились представления о семье периода колониальной зависимости в связи с применением в исследованиях компьютеров?

А вот вопросы, касающиеся внешней политики после 1945 г.:

- Нужно ли поставить ядерное оружие под контроль международных организаций?
 - Не следует ли конгрессу запрещать одностороннее вмешательство США в дела зарубежных стран?
 - Должен ли конгресс контролировать и ограничивать инвестиции за рубежом и в США?
 - Должна ли оборонная промышленность находиться в собственности государства?
 - Не следует ли конгрессу ограничивать власть президента в вопросах войны и мира?
 - Следует ли США вмешиваться в дела на Среднем Востоке, чтобы обеспечить себя нефтью?
- И так далее.

По каждому вопросу дается небольшая подборка текстов, показывающих главные точки зрения: фрагменты выступлений, аргументы сторон, статистические данные и т. д.

Нет сомнений, что при такой работе складывается картина прошлого, не совпадающая с традиционной. Факты не просто перечисляются и запоминаются, а вписываются в систему. Как и в школе в Сен-Жермен-ан-Лэ, новые методы ото-

двигают рассказ о событиях на второй план, превращают его в фон. Учебник выступает как бы в роли словаря; к нему обращаются за ориентирами, а не за заключительным выводом, в меньшей степени — за анализом. Это и есть истинная революция в преподавании истории.

Понятно, что Эрл П. Белл идет в авангарде. Много ли в США учителей, готовых на такое изменение подхода к преподаванию истории? Много ли учителей, работающих с книгой «Соединенные Штаты: вопросы о прошлом»? Думается, что немного. Подавляющее большинство, скорее всего, предпочитает благоразумно следовать традиции, разворачивая перед новыми поколениями детей американскую историю, в которой нет никаких проблем.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ПРОШЛОМУ

Единообразие не означает, однако, одинаковости. Преподавание в Соединенных Штатах очень разнообразно. Историю приспособляют к запросам граждан. Является ли учебное заведение частным или государственным, его работа в любом случае зависит от частных, муниципальных или государственных кредитов. Американское общество в массе своей настроено традиционалистски, и по закону демократии именно традиционализм, хорошо это или плохо, так или иначе навязывается образованию.

Соединенные Штаты демонстрируют большую вариативность в подборе исторического материала, в методах его изучения, чем какая-либо другая страна. Но при этом практически везде наблюдается отсутствие интереса к неамериканской истории. Она, конечно, изучается в старших классах, по явно не входит в необходимый минимум знаний школьников и даже студентов среднего уровня, если только они не специализируются по зарубежной истории. Американцы, как никто, игнорируют внешний мир.

Эта черта проявляется и в средствах массовой информации. В газетах всему зарубежному миру посвящается лишь не-

большая часть полос, притом то, что на них рассказывается, каким-то образом обязательно связано с жизнью Америки. То же самое — на телевидении, где большая часть информации касается Соединенных Штатов, даже конкретного штата, Алабамы, например, или Мичигана. Подобная децентрализация средоточий интереса сильно поражает европейца, тем более что в старых централизованных странах дело обстоит как раз наоборот. В Массачусетсе над более общими сюжетами преобладают сообщения о Бостоне, в Иллинойсе — о Чикаго... За местными новостями идет информация о Соединенных Штатах в целом, а уже затем — информация об их отношениях с зарубежными странами. Место, оставляемое новостям об остальном мире, очень незначительно, иногда их и вовсе нет. Каждый штат охотно сравнивает себя с другим (например, Индиана с Огайо), как если бы речь шла о двух соседних странах. Статус штатов здесь очень высок: это и в самом деле настоящие маленькие государства. Американцы неутомимы в обсуждении своих местных муниципальных проблем. Психологический аналитик увидел бы здесь свидетельство тревоги и неуверенности, выражающейся в потребности без конца вопрошать себя об устройстве своих учреждений и о своем будущем. Такие потрясения, как Уотергейт, только усиливают эту тревогу.

В этом самоанализе американцев всегда обнаруживается своего рода социальное самолюбование с сильным комплексом превосходства по отношению к экономическим, политическим и культурным системам других народов и обществ. Для общества в целом, если исключить специалистов, в конце XX в. было характерно, например, игнорирование проблем ислама или проблем СССР. Американский миф гласит, что с того момента, как в Америке сложилось общество, включающее в себя граждан всего мира, все остальные страны перестали представлять интерес для анализа. Отношения американцев с другими народами представляются искаженно. Например, не допускается сама мысль о существовании американского империализма, она кажется оскорбитель-

ной и абсурдной. Этот вопрос очень редко встает в курсах, разве что воссоздается эпоха «большой дубинки», когда в 1901 г. Теодор Рузвельт «освобождал кубинцев от испанского гнета».

И, наконец, последняя черта исторического образования в Америке. Нет в мире другой страны, где существовал бы больший разрыв между мудрствованиями узкого круга исследователей-специалистов и рудиментарным уровнем знания, распространяемого массовым порядком. Случай Э. П. Белла — это исключение.

Быть может, это издержка демократии, когда одновременно удовлетворяются потребности каждого из сегментов общества и предупреждаются всякие попытки «умников» навязать свое знание и возродить свои привилегии?

ГЛАВА XIV

ЗАМЕТКИ О «ЗАПРЕТНОЙ» ИСТОРИИ: АМЕРИКАНСКИЕ МЕКСИКАНЦЫ И АБОРИГЕНЫ АВСТРАЛИИ

С тех пор как Натан Уочтел опубликовал свое новаторское исследование об индейцах Перу доколониального периода, представления о видении прошлого «побежденными» сильно обогатились. Однако в этой стране история конкисты, переложенная в элегию Апу Инки Атавальпамана или же сохранившаяся в фольклоре, остается запретной контристорией. Изучение ее не поддерживается государством, она не отражена в учебниках для перуанских школьников. Напротив, в Мексике контристория возобладавала и превратилась в историю. У мексиканцев Соединенных Штатов, чиканос, контристория находится в промежуточном положении — она утвердилась, но не стала доминирующей.

Соответствующий поворот осуществлялся в Мексике не просто. Анализ Хосефины Васкес де Кнаут показал, что главной ареной борьбы между испанцами и креолами явилась именно история (XI.1). Первые отвергали прошлое, относящееся к эпохе до завоевания, вторые переоценивали его во имя обретенной в 1821 г. независимости.

В 1843 г. появился «Первый план обучения», в котором фиксировалась единая система образования и формулировалась цель воспитания граждан. Согласно этому плану история являлась обязательным предметом с первого класса, причем имя Кортеса в программе не упоминалось. Главными героями и самыми выдающимися личностями в первом мексиканском пантеоне стали Морелос, Мина и Итурбиде*. Церковь и люди, консервативно настроенные, выступали против такого подхода, и Кортес вскоре появился на страни-

цах учебников, однако его «рыцарские качества» затмевались благородством индейцев. На протяжении всего XIX в. историю страны оспаривали друг у друга консерваторы и либералы, но когда пантеоном овладели революционеры, оттуда был в свою очередь изгнан Итурбиде, а его место заняли Куатемок* и Хуарес*, герой борьбы против Наполеона III. Неизменной темой этой истории стала тогда борьба против иностранного, особенно североамериканского, империализма. Эта идея получила такое распространение, что в эпоху Панчо Вильи* и Сапаты* индихенизм в конце концов взял верх над католической и европоцентристской концепцией истории.

По другую сторону границы контристорию отстаивали мексиканцы, ставшие с 1848 г. американцами. Здесь она фактически переворачивала все традиционные представления американцев о прошлом континента.

Контристория чиканос пересматривает господствующую в Америке периодизацию. У мексиканцев колониальный период начинается не с 1607 или 1620 г., когда в Америку прибыли отцы-пилигримы, а с появления в 1536 г. испанцев в Новой Мексике. Завершается он не в 1776 г., то есть с принятием Декларации независимости, а в 1821 г., когда от метрополии отделилась Мексика.

Таким образом, история испано-индейского населения четырех «штатов», аннексированных в 1848 г. и издавна получивших название *raza*, состоит из пяти периодов: 1536–1809 гг. — смешение испанцев и индейцев; 1810–1848 гг. — проникновение англосаксов и техасская «революция»*; 1848–1910 гг. — вхождение четырех штатов в состав США, мексиканское население которых становится «забытым народом»; 1910–1940 гг. — наплыв иммигрантов приводит к тому, что их начинают считать «иностранцами» в собственной стране. С 1940 г. начинает пробуждаться национальное сознание этой группы, движение чиканос нарастает и развивается, народ требует осуществления своего права на культур-

ную самостоятельность (то есть узаконение языка почо, народных традиций и т. д.).

Во всем мире группы, подобные чиканос, весьма многочисленны. В противовес истории своих победителей они разрабатывают собственную контристорию. Как правило, она не пользуется поддержкой каких-либо институтов и испытывает трудности в процессе становления. Контристория вызревает подспудно и в словесной форме подчас бывает едва выражена. Ее развитие может занимать длительный период, как это было, например, на Аляске.

Но бывает, что она проявляется неожиданно, как будто из ничего. Именно так обстоит дело с аборигенами Австралии. Мы публикуем тексты, дающие представление об этой контристории, причем детское представление. Это история недавнего и далекого прошлого Австралии глазами детей.

АБОРИГЕНЫ АВСТРАЛИИ ГЛАЗАМИ УЧЕНЫХ

«Австралия была открыта Куком в 1770 г. Население ее тогда составляло всего лишь несколько сотен тысяч малоразвитых туземцев [...], и эти три или четыре сотни тысяч человек были легко отброшены колонистами. [...] Сегодня чистокровных аборигенов насчитывается сорок тысяч и еще тридцать тысяч метисов».

Эти сухие, как диагноз, и анонимные строки взяты из весьма ученой *Encyclopedia Universalis*. Ни географ, изучающий распределение населения, ни антрополог, интересующийся группой крови аборигенов, ни на секунду не задумываются, куда же они подевались, почему исчезли. В высшей степени серьезный труд профессора А. П. Элкина об аборигенах (ХП.1) содержит в себе целый параграф о... «демографическом приросте» у туземцев после 1930 г. Французское издание этой книжки насчитывает четыреста пятьдесят две страницы. Я напрасно искал на них хоть малейший намек на «демографический спад» предстоящего столетия. Об этом не говорится ни слова.

Исчезновение трех четвертей туземного населения Австралии, по-видимому, не относится к ведению ни одной из областей науки. Оно не содержит в себе предмета для исследования...

В конечном счете больше всего об этом узнаешь, читая «Детей капитана Гранта». Уж Жюль Верн-то не упустил случая заклеить совершенные англичанами злодеяния, и он предоставил всю необходимую информацию:

ГЛАВА 16, В КОТОРОЙ МАЙОР УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ЭТО ОБЕЗЬЯНЫ

...Колонисты смотрели на туземцев, как на диких зверей. Они охотились на них с ружьями и, убивая их, громили их селения, ссылаясь на авторитет юристов, утверждая, что поскольку австралиец вне закона, то убийство этих отверженных не является преступлением. Сиднейские газеты предложили даже радикальное средство избавиться от туземного населения, живущего вокруг озера Гунтер, а именно — массовое отравление. [...] Убийства все ширились, и целые племена исчезали с лица земли¹.

Но этот народ «без истории», как его классифицируют ученые, эти австралийские аборигены, имеют тем не менее свою память о прошлом. Эта память сохранилась в устной традиции, которая передается из поколения в поколение. И вот уже это прошлое вновь перелагается детьми.

ГЛАЗАМИ ДЕТЕЙ

Нижеследующие тексты уникальны (ХП.2). Они собраны по инициативе Ванджука Марика, возглавлявшего департамент туземной культуры в Австралии. Он попросил детей-аборигенов изложить письменно или нарисовать то, что родители, дедушки и бабушки рассказывали им о прошлом.

¹ Верн Ж. Собр. соч. М., 1955. Т. 3. С. 373–374. (Прим. перев.)

Получилось нечто среднее между мифом и историей. В преображенном виде здесь явственно проступает память о геноциде.

Эти кусочки текста написаны разными детьми. Они чисты и поэтичны, наивны и непосредственны. Их авторы — мальчишки и девчонки 8—12 лет. В отличие от других глав этой книги здесь я воздерживаюсь от комментариев.

Речь идет о сотворении мира, о древних временах, о появлении чужих... белых...

ТВОРЕНИЕ: ЭПОХА СНОВИДЕНИЙ

Море наступало, оно достигло берегового откоса... Там были белые холмы; эти холмы священны; именно там высадились два наших создателя. Их было двое, и они приближались, гарпуня рыбу, становились все ближе и ближе. Их звали Джанкава и Барама. Они разделили нас, йолнгу, на две группы, назвав их дхува и ири-тья. [...]

Вначале кругом была темнота. Духи создали людей и реки, пещеры, скалы и все, что живет. Каждому племени они дали свои земли, свой тотем, свои сновидения. [...]

Ни люди, ни звери, ни птицы не могли видеть, так как не было света, и каждый оставался там, где был, не двигаясь. Однажды все звери собрались и сказали: «Нужно сделать что-нибудь, чтобы был свет». Они поговорили, поговорили, но ничего не произошло. Наконец, лягушка говорит, что могла бы спеть волшебную песню и заставить явиться солнце. Она пропела, пропела еще, и вдруг над холмами показалось солнце. Земля осветилась, все живое возрадовалось и задвигалось. Звери стали переходить с места на место. Наконец, стало видно все, что было вокруг, — деревья, трава, холмы и реки. [...]

От той далекой эпохи сновидений до нас дошло много рассказов. Например, о том, что жил однажды великий охотник, и он увидел гигантскую птицу брольга со сломанным крылом. Птица была так велика, что охотник испугался и убежал. Но потом опечалился, пожалел несчастную птицу и возвратился. Он вежливо спросил брольга, что с ним случилось. Птица рассказывала охотнику свою историю, и в ее больших печальных глазах засверкали

крупные слезы. Брольга рыдал все сильнее и сильнее; слез становилось так много, что из них образовалась река, которая низвергалась с горы.

Рассказывая свою историю, бедная птица умирала от горя, а охотник поднялся на небо и стал Утренней Звездой.

[...] В эпоху сновидений звери были, как мы. Затем они преобразились и дали нам наши тотемы. Если мы принадлежим к тотему брольга, значит, в эпоху сновидений мы были брольга. [...]

Давным-давно жил один брольга. Он очень гордился своим убранством и своим умением танцевать. Каждую ночь, когда другие брольга спали, он уходил и тайком, вдали от всех, вертелся, размахивая крыльями, и кружился в лунном свете. И сегодня мы, в краю племени мойл, пляшем ночью в лунном свете, собравшись все вместе.

НАША ЖИЗНЬ В ЭПОХУ СНОВИДЕНИЙ

В прежние времена, задолго до того, как пришли белые люди, мы свободно бродили по джунглям. Мои дедушка и бабушка жили там, и единственной их работой было делать себе топоры и копья. Женщины искали пропитание, воду и присматривали за детьми. Никому не приходилось заботиться об одежде, обходились просто корой растений. Носили браслеты, ожерелья из ракушек и камушков. Жизнь тогда была счастливая и приятная. Все это мне рассказал мой отец. [...]

Когда люди женились, мужчина должен был поймать женщину, а женщина должна была изображать, что не желает этого мужчины. Если же она на самом деле отказывалась, то родные и друзья прятали ее.

В те времена старики учили молодых охотиться на эму и кенгуру и искать их в джунглях.

ПОЯВЛЕНИЕ МАКАССАНОВ

На косе Дримму растут тамариндовые деревья. Это высокие, могучие деревья, мы их зовем джамбангами; их плоды похожи на земляные орехи, а по вкусу — на лимон. Из них мы готовим

напиток; на них всегда много веток и совсем маленьких листочков. Они дают очень густую тень. Люди из леса говорят, что некоторым из этих деревьев больше пятисот лет.

Тамариндовые деревья появились вместе с макассанами, прибывшими из Индонезии с попутным ветром. [...]

Они были изумлены, когда увидели местных людей, оказавшихся недалеко вместе со своими семьями. Макассаны искали трепангов, то что мы зовем дарибя. Они похожи на большой черный огурец, и их собирают после морского отлива. Мы им помогали ловить трепангов, потом они соорудили нечто вроде шалаша и зажгли в нем огонь, чтобы их коптить. С попутным ветром они уплыли продавать трепангов китайцам. Они приплыли на больших лодках, которые мы увидели впервые; они были как большие птицы, плывущие по морю. Они дали нам молотки, ножи, трубки, табак; их научили охотиться на черепаху. После охоты макассаны дали нам арак, все опьянели, и начались потасовки. Драки случались, но обычно мы жили дружно. Они научили нас вывешивать флаг, когда кто-то умирает, чтобы к его дому не приближались. От них у нас слова: рупии (деньги), баланда (белые люди), нгарали (табак).

СТРАННЫЕ ЛЮДИ: БЕЛЫЕ

Однажды наши люди отправились бить гарпунами рыбу и увидели корабль со странными людьми. Наши люди перепугались и спрятались за кустарником; затем они поднялись на вершину холма и, когда странные люди приблизились, стали сбрасывать огромные осколки скалы. Наши люди думали, что те погибли, но оказалось, что нет; они стали стрелять из ружей. Тогда наши снова спрятались и стали метать в них свои копья. Странным людям удалось увернуться, они поднялись на борт своего корабля и исчезли. [...]

Однажды один из них возвратился; его звали капитан Кук. Он углубился в джунгли. Вдруг пролетел дротик и едва не задел его. Кук очень испугался, ведь его преследовали люди местного племени с очень острыми дротиками. Он поплыл на своей лодке к кораблю и исчез. [...]

В 1824 г. в форте Дундас появились английские солдаты. Мы их не убили, потому что мы были с ними друзьями. Их было пять-

десять, а нас две тысячи, и мы не боялись их пушек: в джунглях мы были непобедимы. У них были черные сапоги до колен, белые панталоны, куртки и красные лица. Их называли мурумтави, что значит краснолицые. Они умели ловить рыбу, но были совершенно неспособны к охоте. Они делали из земли кирпичи, а в сырую погоду их была лихорадка. Они говорили, что останутся на пять лет. Мы не убивали друг друга, но однажды они догнали одного из наших по имени Тамбу, опрокинули его каноэ и разбили ему голову веслами. [...]

Когда наши люди впервые увидели белого человека на спине лошади, то они подумали, что это одно существо; свою ошибку они обнаружили лишь тогда, когда белый слез с лошади. Одни говорили, что белые люди — это наши предки, они возвращаются в таком облике, другие — что это духи, третьи — что это животные, вроде кенгуру. Яган, герой-туземец, отправился к ним и подружился с ними; но они начали выступать против нас, и тогда он сказал, что убьет одного белого за каждого нашего. И тут как раз мимо проходил его брат, и белые стали в него стрелять. Это не прекращалось, и дела становились все хуже и хуже. Яган и даже его старый отец были убиты. Старая мама горько плакала.

ПОДВИГИ ЯПАНАНКИ

В 1928 г. группа наших людей работала на белого. Тот белый спал с женщиной из местного племени. Потом он взял другую на три дня и сказал, что убьет всякого, кто ему помешает. Тогда старейшины объединились, чтобы убить белого человека. Женщине они велели кричать, чтобы можно было понять, где он находится. Они бросили в него бумеранги, а старый Япананка перерезал ему горло топором. Затем старики вытащили тело и засунули его в кроличью нору. Потом они ушли.

Другой белый человек обнаружил, что произошло, и обратился в полицию. Тогда белые устроили огромную облаву и убивали всех местных людей. Убийцы того белого были очень далеко, но белые убивали людей еще и еще. Однако Япананка был слишком хитер, чтобы дать себя схватить. За ним гнались по пятам, но не могли поймать, несмотря на то, что у них был проводник из мест-

ных. Однажды они увидели стойбище людей у источника воды и убили всех.

«МИССИОНЕРЫ НАУЧИЛИ НАС ЛЮБИТЬ БОГА»

В давние времена около реки обосновалась миссия. Пять священников и семь братьев занимались тяжелым трудом под палящим солнцем. Для того чтобы защититься от жары, они надевали большие шляпы. Они выращивали рис, табак, ямс, разводили свиней. Они хотели, чтобы дети из племен приходили к ним. Родители приносили братьям плоды и обменивали их на чай, сахар или одежду. Так наши дети приобрели манеры и узнали другой язык. Отец общины говорил: «Пусть они останутся с нами», мы их «научим любить Бога». Они построили церковь и крестили детей, учили их строить дома, выращивать овощи. Миссия стала большой-большой, там появилась больница, сад. Землю вокруг нее они называют «уния», а дети из племен ходят в школу.

Когда я была маленькой, я все время плакала. Тогда мои дедушка и бабушка отвели меня в миссию, где меня положили в больницу. Я думала, что свет происходит от огня, огонь же принадлежит народу вальриби, моему народу. Попад в больницу, я очень испугалась, так как все были белые, и мне было страшно. Когда я вижу белых, я начинаю плакать.

БОЛЬШАЯ ВОЙНА ПЛЕМЕН С ЯПОНЦАМИ

У японцев и европейцев была большая война племен. С помощью бомбы они убили почти всех людей, кто жил на острове Батхурст. Однажды появился японский самолет; австралийские самолеты вылетели, но были сбиты. Но японские летчики тоже были сбиты. Матиас узнал, что они спрятались в джунглях. Он подкрался и увидел их; они держали у себя человека по имени Кларенс, которого его родственники повсюду искали. Они сказали Матиасу: «Верни нам его». Матиас шел и шел и снова нашел японцев. Вытащив револьвер, он закричал: «Руки вверх!» Японцы подняли руки, и Кларенс смог спастись.

«А ВОТ Я ПРЕДПОЧЕЛ БЫ РАБОТАТЬ НА КОМПАНИЮ»

Те, кто отправлялся в пустыню, имели большие трудности с местными племенами. А еще им было трудно добывать себе еду. Они разрушали землю, прорывая в ней норы, много нор.

Теперь в район Аурункун явились горнорудные компании. Среди людей нет согласия в том, что касается этих копей. Кто-то за, а кто-то против. А вот я предпочел бы работать на компанию, зарабатывать деньги, иметь дом и управлять экскаватором.

Там есть дома, в которых никого нет. Резервуары для воды пусты. Только лишь звери: динго, змеи и ящерицы. [...]

Такова наша страна; она идет издалека, очень издалека, и далеко ушла от эпохи сновидений. Здесь мы устроили наше стойбище, и от нас здесь останется наш прах и кости животных, которых убьют юноши.

Но даже наши следы вскоре будут стерты ветром... (XII.2).

В этих сочинениях выражено циклическое видение истории как неизменной данности: пустыня отвоевывает пространство, ветер стирает следы прошлого... Налицо здесь и мифы творения, мифы о создании людей, сходные с другими такими же мифами народов «без истории».

Точно так же у индейцев пуэбло вначале была ночь, а роль создателей отводится двум живым существам, которые не имеют пола.

У детей-аборигенов наблюдается заторможенное стремление к ассимиляции, временами прорывающееся и редуцирующее, стирающее картины прошлого. Венцом этой истории становится появление белого человека, своего рода начало апокалипсиса. Поразительное сходство обнаруживается, если сопоставить эти рассказы с устной традицией Анголы, рассказывающей о первых контактах с португальцами около 1700 г.

Наши отцы удобно жили на равнине Луабала. У них были коровы и поля. У них были соляные запасы и банановые деревья.

Вдруг они увидели в большом море большую лодку. У лодки были совершенно белые крылья, сверкающие, как ножи.

Белые люди вышли из воды и произнесли слова, которые были непонятны.

Наши предки испугались, они сказали, что это вумби, духи.

Залпами стрел их прогнали в море. Но вумби плевали огнем, производя удары грома. Много людей было убито, наши предки убежали.

Старейшины и колдуны сказали, что эти вумби прежде владели этой землей.

Наши отцы ушли, боясь возвращения лодки Улунгу.

Лодка возвратилась. Белые люди требовали кур и яйца. Они давали нам ткани и жемчуга.

С тех времен и до сего дня белые не принесли нам ничего, кроме войн и несчастий, маиса, маниоки и способа их выращивания (III.16).

ГЛАВА XV

ЕВРОПА 1939–1945 гг.: У КАЖДОГО СВОЙ ВЗГЛЯД

С начало Второй мировой войны прошло более полувека. Но по-прежнему каждая страна использует ее историю для оправдания собственной политики. Час окончательных суждений об этой войне еще не наступил. Это становится ясно, когда сравниваешь английские, западно- и восточногерманские, французские, советские или американские школьные учебники. Причем в одном лишь испанском учебнике открыто говорится о разных оценках войны, существующих в мире.

Сравнительное изучение учебников выявляет «горячие» точки этих разногласий. Проследим некоторые из них: чувство вины в связи с массовыми убийствами; ответственность за развязывание войны; способы и методы действия участников, а также их скрытые мотивы.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Уже по иллюстрациям, помещенным в книгах, можно судить об отношении каждого народа к этой войне. Оно проявляется также в умолчаниях, в том, о чем не говорится. Каждая нация, каждый общественный институт имеют свои «семейные» тайны, разглашение которых отнюдь не приветствуется. Эту задачу берет на себя, как правило, бывший противник.

В американских учебниках, например, нет ни одной иллюстрации, касающейся бомбардировки Хиросимы. О создании атомной бомбы говорится, но ничего — о страшных последствиях ее применения. Наоборот, в западногерманском

учебнике рядом помещены изображения «живых мертвецов» Хиросимы, изображения узников концентрационных лагерей для евреев и убитых там людей, трагического бегства немцев в 1944 г. от наступающих русских и, наконец, Кёльна, стертого с лица земли авиацией союзников. Преступления, совершенные каждым из участников войны, ставятся в один ряд и, следовательно, нивелируются.

В американской книжке, правда, указано, что «в Хиросиме погибло восемьдесят тысяч человек, а в Нагасаки — еще больше». Но эти цифры даются вслед за сообщением, что нацисты убили шесть миллионов евреев, и без упоминания о более отдаленных последствиях атомной бомбардировки для населения. Добавляется, что в создании атомного оружия «принимали участие многие зарубежные ученые, в том числе итальянский антифашист Энрико Ферми» (Эйнштейн не упоминается). Кроме того, американцы отмечают, что между первой и второй бомбардировками в войну против Японии вступил СССР, то есть как бы напоминает, что в тот момент американцев никто не осуждал. Отмечается также, что использование атомного оружия позволило избежать американского десанта в Японию, а значит, спасло жизни миллиона американцев. Именно так американская пропаганда оправдывала действия верховного командования еще в 1945 г.

А вот как трактуется та же проблема в западногерманском учебнике: «Почему рассмотрением вопроса о трагедии Хиросимы, как и вопроса о бомбардировке Дрездена, в которой погибло двести пятьдесят тысяч человек, не занялась Организация Объединенных Наций?..» Авторы немецкого учебника задаются вопросом, «не ставили ли американцы перед собой цели сопоставить эффект атомной бомбардировки с эффектом бомбардировки Дрездена?» В действительности бомбардировка Дрездена была предпринята также и по инициативе англичан в наказание за разрушение Ковентри германской авиацией в 1940 г. Геринг тогда даже придумал глагол *koventrieren*, обозначающий планы немцев в отношении других английских городов... Но об этих бомбардировках не упоминается в немецких учебниках.

В западногерманском учебнике жертвы войны распределены по четырем колонкам: 1) солдаты; 2) гражданские лица, погибшие во время бомбардировок; 3) жертвы массовых уничтожений (без уточнения, где и как), а также подпольщики и партизаны; 4) перемещенные лица. При такой классификации во 2-й колонке наиболее пострадавшими странами оказываются Германия и Япония, а в 4-й колонке главная, едва ли не единственная жертва — немцы.

В Италии другая система классификации. Здесь сопоставляются жертвы собственно войны и жертвы расовой дискриминации. Такой подход позволяет показать, что именно итальянцы (наряду с датчанами и болгарами) больше всего помогали евреям, защищая их от нацистского террора.

Немцы не уклоняются от ответственности за уничтожение евреев и цыган. Вместе с тем немецкий учебник настаивает на том, что преступления совершались в лагерях «тайно и тщательно скрывались». А ведь на самом деле, и это отмечают англичане, по меньшей мере двести тысяч человек имели прямое отношение к убийствам или были их свидетелями. Немецкий учебник как бы пытается снять с общества вину за преступление, которое связывается исключительно с нацистским режимом и его руководителями. Но ведь общество аплодировало этому режиму, по крайней мере до поворота к поражению. Один лишь восточногерманский учебник осмеливался по-своему отвергнуть и осудить как режим, так и тех, кто его поддерживал. Встав на интернационалистскую точку зрения, он решительным образом присоединялся к «антиимпериалистическому» лагерю и внимательно прослеживал борьбу антифашистской оппозиции, которая на самом деле была весьма незначительна. Рассказывалось об оставшихся в Германии коммунистах, о деятельности групп антифашистского Сопротивления, вроде «Красной капеллы», «Белой розы», деятельности немецких пленных в России... Все это широко освещалось, сопровождалось фотографиями малоизвестных борцов, Рихарда Зорге, Эрнста Тельмана. Однако не было традиционных изображений ликования немцев по поводу победы Гитлера, связанного, кстати, с трагическим поражением коммунистической партии.

Точно так же во французских книгах не демонстрируют ликование французов при появлении маршала Петена: поистине это мертвая зона в нашей официальной памяти. В современных учебниках, разумеется, подробно освещается и искренне осуждается геноцид и роль в нем правительства Виши. Но мало говорится о реакции на происходившее французского общества. Здесь располагается еще одна мертвая зона — враждебность населения к движению Сопротивления. «Террористы» внушали подозрения, хотя большая часть народа была весьма расположена к американцам и враждебна к немцам. Самое же главное заключалось в том, что люди в большинстве своем боялись, потому что действия Сопротивления могли вызвать репрессии. О нацистском терроре против населения говорится очень мало, а о страхе французов не говорится вообще. Правительство Петена его пестовало и поддерживало, «давало алиби» трусости. И об этом во Франции не любят вспоминать. Гораздо легче говорить о коллаборационизме и Сопротивлении, о де Голле, коммунистах, французских фашистах и т. д.

Западные немцы также не вспоминают о нацистском терроре, оставившем следы по всей Европе. Они полностью признают мученичество, на которое нацизм обрек евреев, и как бы говорят: да, нам стыдно, но в этом виноват прежде всего Гитлер. Но ведь у вас, когда вы стирали с лица земли Дрезден и Кёльн, не было даже и нашего оправдания — у вас ведь была демократия. Именно поэтому немцы не вспоминают ни Ковентри, ни террористический режим на оккупированных территориях, осуществлявшийся с помощью вермахта и подчинивший себе местные власти и гражданское население.

ПРИЧИНЫ ВОЙНЫ

Очень различны толкования причин Второй мировой войны. При этом один лишь автор испанского учебника Антонио Фернандес констатирует и принимает во внимание это несоответствие трактовок. Он отмечает, что консенсус существует

относительно ответственности Гитлера, проводившего милитаристскую экспансионистскую политику. Говорится, например, что нападение Германии на Польшу было спланировано в рамках политики расширения «жизненного пространства». Что же касается ответственности других держав, то тут консенсуса нет.

В Западной Германии (а иногда и в Англии) с легкостью заявляют, что миротворческие устремления западных стран — это не что иное, как нежелание признавать несправедливость Версальского договора, прежде всего то, что он нарушал право народов самостоятельно решать свою судьбу. Именно это право провозглашалось основой договора, признавалось законным, однако нигде не соблюдалось. В Австрии парламент еще в конце 1918 г. высказывался за аншлюс. Судетская область против воли ее жителей была присоединена к Чехословакии. Данциг, три четверти населения которого составляли немцы, остался в Польше. В западногерманских учебниках демонстрируется эта несправедливость. Здесь помещены фотографии счастливых австрийцев в Клагенфурте, встречающих немецкую армию. Но рядом с ними — фотографии марша тех же немецких солдат по улицам Праги. Чехи смотрят на них с отчаянием и сжимают кулаки...

Говоря о развязывании войны, испанцы используют схему «четырёх поворотов». Эта схема принадлежит И. Пабону и объясняет переход от Локарнского соглашения 1925 г. между Францией, Англией, Италией и Германией к состоянию войны в 1939 г. Первый поворот — это попытка Франции сблизиться с СССР. В результате Германия начинает проявлять по отношению к Франции открытую враждебность, а Польша — недоверчивость. Вторым поворотом знаменуется конфликтом между Англией и Италией по поводу Эфиопии. Англия отказывается от политики европейского равновесия и становится на позиции обеспечения «коллективной безопасности». Это приводит к третьему повороту: Италия жертвует Австрией во имя сближения с Гитлером. Образуется ось Рим — Берлин, следствием чего становится чехословацкий кризис. Четвертый поворот — сближение Германии с СССР

в августе 1939 г., раздел ими Польши и государств Прибалтики и вытекающая из этого раздела война, поскольку Англия выступала гарантом неприкосновенности польских границ.

Концепция «четырёх поворотов» не учитывает идеологические и психологические факторы, а они были весьма существенны. Что касается Англии и Соединенных Штатов, она принимает во внимание позицию Черчилля и Рузвельта (но не Чемберлена и американских изоляционистов), что в основе кризиса лежит нарушение Версальских соглашений. «Какую же политику следовало проводить по отношению к этому фанатику Гитлеру?» — вопрошает английский учебник. И объясняет трусливую самоубийственную политику Франции и Англии слабостью армии и авиации и уверенностью в том, что спасти Чехословакию было невозможно. Разумеется, позже, как пишут англичане, позиции полностью изменились, и у них, и во Франции. В возможность помощи со стороны СССР они не верили, да и кто мог бы заставить Польшу согласиться на переход советскими войсками ее границы для обеспечения второго фронта против Гитлера? Тут приводятся слова польского премьер-министра, что оккупированная немцами, Польша потеряла бы свободу, а оккупированная русскими она потеряла бы душу. «Наши представители на переговорах с СССР не спешили их завершать, — объясняет английский учебник, — на переговоры они отправились морем». При этом английский учебник явственно дает понять, что французы и англичане, конечно, мечтали развернуть силы Гитлера против советского режима. Например, публикуется русская карикатура 1938 г., на которой изображен броневи́к Гитлера, стоящий на перекрестке; два регулировщика Даладье и Чемберлен — с любезными улыбками на лицах, хотя и в некотором смущении, показывают ему верную дорогу: не на Запад, а на Восток, на Москву.

Естественно, что именно этот аспект мюнхенской политики Франции и Великобритании привлекал внимание в Советском Союзе. Здесь показывали, что политика Жоржа Бонне и Даладье в основе своей имела целью направить германскую мощь против СССР. Несомненно, верным в этом

утверждении является то, что французские правые считали союз с СССР чреватым войной против единственной силы, способной уберечь Запад от большевизма. Эти настроения отчетливо проявились в 1939–1940 гг. во время советско-финской войны. Французская пресса была тогда настроена не столько антинацистски, сколько антисоветски. «Мы же объявили войну Германии, а не Советскому Союзу», — напоминали англичане французам, тогда как французский сенат снова и снова приветствовал финнов. А в отношении Германии французские руководители занимали выжидательную позицию.

Восточные немцы шли гораздо дальше СССР. Они утверждали, что капитуляция в Мюнхене и предательство Чехословакии имело целью открыть дорогу экспансии Гитлера на восток, а последующие переговоры с СССР предпринимались только для отвода глаз. И Советский Союз должен был их прервать ради собственной безопасности. Он подвергался угрозе как со стороны Германии, так и со стороны Японии, которой монгольские и советские войска нанесли поражение при Халхин-Голе. СССР не мог воевать на два фронта, поэтому ему пришлось пойти на соглашение с Гитлером. Таким образом, германо-советский пакт обосновывается чисто оборонительными целями. Согласно версии учебника ГДР этот пакт был направлен против создания мощного антисоветского фронта и ограничивал агрессию лишь пересмотром восточноевропейских границ.

СПОСОБЫ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

Итак, по вопросам, касающимся военных преступлений, резко расходятся точки зрения немцев и союзников. Причины войны объясняются по-разному русскими, союзниками и немцами.

Что же касается стратегии, способов ведения войны, то тут советское толкование и еще более последовательное и решительное толкование ГДР противостояло западному.

Русские не испытывают недостатка в аргументах, когда показывают, что «империалистический лагерь» во главе с Черчиллем, а затем Трумэном и Дж. Фостером Даллесом делал все, чтобы его победа над Германией и над Японией стала также победой над СССР. Определенные круги на Западе действительно считали большевиков гораздо более опасным врагом, чем нацистов. Главным доказательством такого двуличия Запада в советских учебниках становилась история с задержкой открытия второго фронта. Восточные немцы доходили до утверждения, что союзники высадились в Нормандии лишь для того, чтобы помешать Советскому Союзу «освободить» всю Европу. Доказательство было бы еще убедительнее, если бы в учебнике не фигурировала начатая в 1943 г. итальянская кампания — всего три строки из семидесяти страниц, посвященных Второй мировой войне...

Советские учебники, несомненно, давали более взвешенное представление о политике англичан и американцев, чем учебники Восточной Германии. Там хорошо показывалось, что на первом этапе войны, сразу после «внезапного» нападения на СССР, Черчилль надеялся справиться с Германией, обескровив ее все более и более интенсивными бомбардировками. Эта стратегия, которая согласно советскому учебнику выявилась на московской конференции в октябре 1941 г., состояла в том, чтобы помогать СССР ровно столько, сколько необходимо, чтобы он не потерпел поражения. В Советском Союзе признавали, что Рузвельт и Хопкинс не были столь злонамеренны, но зато они были очень скептически настроены относительно боеспособности СССР и не желали зря «расходовать» ресурсы на помощь ему... А кроме того, они собирались воспользоваться слабостью СССР, чтобы заполучить базы в Сибири на случай войны с Японией.

Русские не упускают случая сообщить, что после победы под Москвой зимой 1941–1942 гг. в Англии активизировались сторонники открытия второго фронта, в оккупированной Европе пробудились деятельные силы Сопротивления. И главное: московская битва спасла Великобританию от десанта если не на сами Британские острова, то по крайней мере в британские колонии в Африке.

На втором этапе войны победила идея Черчилля о необходимости наступать в Средиземноморье. Вопреки обещанию, данному 26 мая 1942 г., высадка в Западной Европе без конца оттягивалась по причинам технического порядка. Высадка в Дьеппе, согласно советской точке зрения, стала результатом давления общественного мнения и лишь уверила немцев в неспособности англичан и американцев в тот момент открыть второй фронт.

В СССР писали, что в конце 1941 г. Япония собиралась напасть на них, но сопротивление советских войск, части которых в момент битвы за Москву вынуждены были оставаться на востоке, заставило японцев пересмотреть свои планы. Два года назад они уже получили урок от СССР. Гитлеру было важно натравить Японию на Советский Союз, и это заставило его говорить «с цветным народом как равный с равным». По соглашению от 18 января 1942 г. немцы и японцы обязались не подписывать сепаратного мира и поделили мир на сферы своего влияния. За Японией оставались страны восточнее 70° восточной долготы, включая Америку; за Германией и Италией — все, что находится западнее, включая Америку. Их флоты должны были курсировать из океана в океан в соответствии с потребностями. Весьма возможно, что наступление генерала Роммеля в Северной Африке весной 1942 г. было связано с этим договором.

Как бы то ни было, Япония не решилась послать войска против СССР. А после Сталинграда она тем более не чувствовала себя достаточно сильной.

Советское толкование, конечно, содержит в себе некоторое упрощение. Известно, что руководство вооруженных сил и деловые круги Японии предпочитали «стратегию, которая приносит доход», то есть действия в южных морях, «стратегии, которая стоит денег», то есть сухопутным операциям. Тем более что японская армия уже увязла в Китае. Верно, впрочем, и то, что эта стратегия становилась тем дороже, чем более успешно воевал Советский Союз.

Решительным поворотом в войне явилась Сталинградская битва, заставившая Германию отправить на Волгу почти все воздушные силы. Согласно советской интерпретации, имен-

но этим объясняются как победа англичан при Эль-Аламейне, так и легкая высадка в Северной Африке. Именно Сталинград стал также причиной кризиса в фашистском клане: в Италии, затем в странах — сателлитах Германии, которые осмелились теперь на первые шаги к заключению мира. Румыния, Венгрия, Финляндия использовали одну и ту же тактику. Они стремились дать понять англичанам и американцам, что, воюя против СССР, государства Центральной Европы на самом деле способствовали защите коренных интересов Запада.

Этим будто бы объясняются постоянные и увенчавшиеся на том этапе успехом усилия Черчилля, который убеждал американцев открыть второй фронт не на Западе, а на Юге: там было легче преградить путь наступающей на Австрию и Германию советской армии. Этот довольно прямолинейный тезис советского учебника еще более последовательно отстаивался в ГДР.

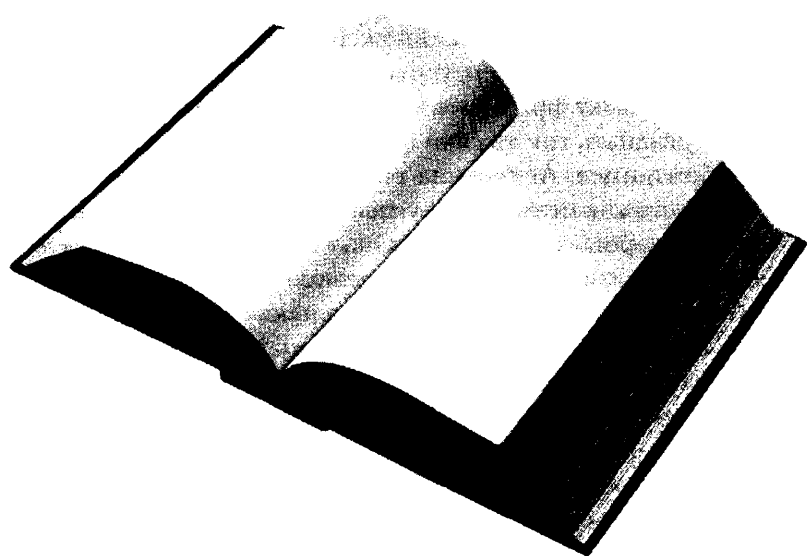
Такая интерпретация английской политики, конечно, противостояла возникшей во время холодной войны оценке, согласно которой СССР смог выстоять в 1941–1943 гг. лишь благодаря англо-американским поставкам. Но при этом она замалчивала такие важные факторы, как роль югославского Сопротивления, как двусмысленная роль сталинской политики в Китае в поддержку Чан Кайши, а не Мао Цзэдуна. Ничего не говорилось также о сопротивлении СССР идее выделения французской зоны оккупации в Германии; о том, что Сталин первоначально поддерживал идею раздела Германии. И, разумеется, отсутствовали какие бы то ни было упоминания о расстрелах поляков в Катыни и о намеренной остановке советских войск на подступах к Варшаве, чтобы немцы имели возможность без помех уничтожить жителей восставшего города. Именно это преступное двуличие так блестяще показано в фильме Анджея Вайды «Канал».

Со своей стороны, авторы западных учебников не отражают или во всяком случае недостаточно отражают тот очевидный оккупированной Европе факт, что гитлеровская военная мощь была сломлена именно Красной армией. Если немцы и говорят о крупнейшем в истории танковом бою —

под Прохоровкой, то забывают при этом вспомнить, что в их поражении проявилось большое техническое отставание. При этом ни западные немцы, ни англичане, ни французы, ни американцы по-настоящему не воздают должного польскому, голландскому, норвежскому и прочим движениям Сопротивления. Лишь в итальянском и восточногерманском учебниках упоминается тот факт, что антифашистов в Италии погибло больше, чем итальянских военнослужащих в Северной Африке и в России.

Англичане честно и с готовностью признают, что практически не помогли своим союзникам в мае 1940 г., хотя сегодня известны их потери во Франции — более 900 самолетов. Рассказывая об эвакуации из Дюнкерка, они не слишком стремятся опровергнуть легенду, что «спасали сначала англичан, а уже потом кучку французов». На самом деле было эвакуировано сто двадцать три тысячи французов и двести пятнадцать тысяч британцев. Англичане рассматривали эту операцию прежде всего как испытание, успешную проверку тактики совместных ударов «земля-море». Она стала своего рода прелюдией героической защиты от немцев уже непосредственно самой Англии. Что касается всего остального, то англичане не слишком превозносят собственную роль в войне, и это отличает их от всех остальных. Но как и все другие, они полностью игнорируют внутреннее Сопротивление в Польше, Чехословакии, Бельгии, Франции и других странах, лишь походя упоминая силы Сопротивления, действовавшие на фронтах: де Голля, Сикорского и т. д. Игнорируют они и нацистский террор в оккупированных странах, говоря только о трагической участи евреев, но ничего — о терроре против населения в Чехословакии, в Польше, в России.

Трагическую судьбу людей, в безвестности погибавших в Италии, в Польше или где-либо еще, блестяще воссоздали не официальные историки, а кинематографисты, такие, как Роберто Росселини («Пайза») или Анджей Вайда («Канал»).

ГЛАВА XVI

КАКОЙ БЫТЬ ИСТОРИИ ЕВРОПЫ?

1. В большинстве случаев история интерпретируется с точки зрения тех, кто ее интерпретирует, кто существует внутри нее и сохраняет о ней какую-то память. Стремление искоренить искажения, мифы, установить согласие в описании прошлого — иллюзорны. Можно было бы создать еще одну Историю внутри истории, однако рядом с ней так или иначе проявятся разнообразные толкования, легенды и конфликты.

Однако важной задачей исторического познания является идентификация всех этих искажений, мифов, замалчиваний, ошибок в понимании прошлого.

Иногда говорят, что во имя хороших отношений с другими народами в будущем следовало бы «обнулить» прошлое, начать с чистого листа. Но это всего лишь красивая формула, и она не имеет отношения к реальности. А отношения между народами непрерывно изменяются, преобразуются, как любовь.

2. Разные человеческие сообщества, в том числе целые народы, охотно присваивают себе те или иные кризисы прошлого, считают их собственными, пережитыми прежде всего именно этими сообществами или народами. Однако на самом деле многие из таких кризисов — от Реформации и так называемых религиозных войн до Просвещения, революций, идеологий, войн и тоталитарных режимов XX в. — затрагивали всю Европу «от Атлантики до Урала».

Хорошо бы для начала вычленить это прошлое, общее для всех.

3. После этого останется только разобраться в эволюции каждой нации или сообщества в отдельности. Насколько велика централизация или автономия регионов и что вытекает из этого фактора в Испании или, например, во Франции, или в России? На каких стадиях пребывает в разных странах сельское хозяйство? Какую роль играет Церковь и насколько секуляризована жизнь людей, скажем, во Франции, в Греции и в Германии? Как сказывались и сказываются в истории факторы перекраивания границ и пограничных споров, миграций и перемещения населения, особенно на Востоке? Какова была в истории роль женщин? Какое влияние оказывает на развитие стран колониальное наследие?

4. На протяжении столетий и тысячелетий целые народы в Европе — евреи, цыгане, армяне — находились в положении гонимых и отверженных. В некоторых регионах, особенно на Балканах и на Востоке, государства сменяли друг друга, возникали угнетенные, подавляемые меньшинства. Необходимо разобрать все эти проблемы.

5. Важно также рассмотреть и частные, внутренние конфликты. В далекие времена Средневековья это были иконоборческое движение в Византии, борьба гфельфов и гибеллинов в Италии и Германии в XIII—XIV вв. А сегодня — это споры о языках в Бельгии, македонский вопрос в Греции. Перечисление можно было бы продолжить.

6. Придется, кроме того, вспомнить смертоносные эпидемии, жертвой которых в свое время становилась Европа: средневековую чуму, холеру XIX в., туберкулез начала XX в., а сегодня — СПИД. Значение этих бедствий колоссально, но важно еще обратить внимание на политическую интерпретацию этих феноменов.

7. Необходимо понять, почему некоторые исторические персонажи (например, Аттила, Жанна д'Арк, Наполеон), события (крестовые походы, Французская революция) и про-

блемы (тирания, взаимоотношения личности и государства, героизм) никогда не переставали возбуждать интерес писателей и художников (Шекспира, Гёте, Александра Дюма, Висконти).

8. Наконец, существует потребность рассмотреть, как Европа видит другие народы и как другие видят ее. Нужно увидеть Европу в зеркале других культур и историй. Именно этому аспекту познания прошлого и посвящена эта книга.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. РАЗБИТОЕ ЗЕРКАЛО

Итак, зеркало разбито. Всемирной истории больше нет. Нет потому, что она и прежде была только миражом Европы, которая кроила ее на свой лад в зависимости от того, что происходило с ней самой. Другие народы интересовали ее лишь постольку, поскольку их пути пересекались с путями Европы. Египет, например, возник в европейской истории еще до ее собственного рождения. Позже неевропейские народы появлялись в эпоху Древнего Рима, во времена крестовых походов, Наполеона, Мухаммеда Али, Насера. История Египта, Индии, Армении — и скольких еще стран! — становилась Историей с большой буквы лишь тогда, когда сталкивалась с нашей историей.

Вариантом всемирной истории с центром в Европе являлась марксистская история, причем еще до того, как она стала ленинской, а потом маоистской. Она считала себя единственно научной и претендовала на универсальность. Вместо эпох она стала манипулировать способами производства, подчинив прошлое всех народов строго определенной периодизации. Мы рассказывали о советском и китайском вариантах марксистского толкования истории. Можно привести еще один пример того, к каким странным соединениям приводила подобная позиция превосходства. В 70-е гг. в Москве была издана «Истории Франции», третий том которой начинался... с 1917–1918 гг.! Можно подумать, что с приходом Ленина к власти в России во Франции начался новый период истории!

Неудивительно, что каждое человеческое сообщество, сталкиваясь с попытками втискивания его истории в чуже-

родную схему и умаления ее самобытного смысла, испытывало потребность в его внятном формулировании, хотя бы и скрытом от победителей.

И вот оказалось, что все живут в собственных мирах. Победители и побежденные, говорящие от имени своей веры, своей церкви, своей партии или профсоюза, от имени потерянной и вновь обретенной родины; арабы и армяне, европейцы и индийцы — все находятся в центре собственных миров. А китайцы так просто создали Срединную империю.

Кое-где обнаруживаются стереотипы, знакомые нам по западной истории. Японцы, например, превозносят красоту своей природы так же, как это делают в прекрасной Франции. Индия, как и Греция, гордится тем, что всегда умела пленить своих диких врагов красотой. А бывает, что стереотип приобретает противоположный смысл. Мы видели, например, как в противовес европейскому взгляду на историю алжирцы и турки прославляют цивилизацию кочевников, реабилитируют туарегов и Аттилу, а в Индии или в Африке отвергают миф о прогрессе и восхваляют стабильность, существовавшую до прихода европейцев.

I

Рассматривая культуры разных народов сквозь времена, замечаешь, что понимание и толкование Истории зарождается в нескольких очагах. Каждое из них особенно по смыслу, по форме и по целям.

Прежде всего это институциональная история, которая главенствует, поскольку выражает или узаконивает политику и идеологию существующего государства. Служит ли она Христу или султану, республике, Церкви или даже партии, она стремится подмять под себя историю, которая еще только формируется. Следовательно, составляющие ее исторические представления все время преобразуются, постоянно меняют систему обоснований, испытывают всяко-

го рода метаморфозы, приноравливаются к новым требованиям.

Такая история опирается на систему источников, подчиненных строгой иерархии. Во главе ее красуются сверкающие письма автографов монарших особ и другие священные манускрипты, исходящие от Мухаммада, Маркса или Мао. За ними следуют уже менее внушительные комментарии, законы, трактаты и хадисы, а также данные статистики. В хвосте кортежа, как смиренное третье сословие, одетое в черное, плетутся документы, непосредственно касающиеся жизни общества, и частные бумаги. Причем анонимные свидетели и обычные люди берут слово лишь для того, чтобы еще раз подтвердить чудесные деяния тех, в чьих руках находилась власть.

Институциональная история, независимо от того, трактует ли она вопросы права, торговли или какие-то еще, воспроизводит действия и решения власти и воплощается в определенных институтах. С угасанием данного института хиреет и история, которая на него опирается. Так, с концом свободной Армении исчезли и историки Армении, а когда в XVIII в. появилась организация, призывавшая возродить родину, появились и историки. Такой же уход в небытие пережила и еврейская историография в период гонений и угнетения народа — в те времена история сводилась к хронологии раввинов и к перечислению их пророчеств. Однако история возродилась с началом сионистского движения. Похожий феномен оскудения истории наблюдается и в шиитских странах, где, как отмечал Бернард Льюис, она питается лишь предвестиями пришествия Махди.

Однако параллельно с историей победителей, будь то церковь, нация, партия или государство, может существовать контристория, причем тоже институциональная. Она не пользуется столь мощной поддержкой, как первая, и может выжить подчас лишь в устной форме. Если же письменная культура доминирует, то контристория создает особые способы воспроизведения и распространения.

Эту скрытую историю, историю побежденных, первыми продемонстрировали народы колоний. Но она возникает или возрождается не только в них, а повсюду, где социальная группа, автономная прежде, чувствует себя подавленной, эксплуатируемой, ощущает, что разрушается ее целостная самобытность, а на ее историю налагается запрет. В такой ситуации самосознание группы крепнет, как это произошло с чиканос в Америке, бретонцами во Франции, жителями Квебека — со всеми «чужаками». И тогда возникает параллельная история.

Одна из главных черт институциональной контристории состоит в том, что она обращена вовне сообщества, определяет себя по отношению к другим — государствам, верованиям, народам. Другая черта, как было уже сказано относительно институциональной истории, состоит в ее конъюнктурности, постоянном изменении присущих ей исторических представлений.

II

Третьим очагом истории предстает индивидуальная или коллективная память общества. Временами и местами этот очаг может совпадать с первым или чаще со вторым, институциональной контристорией, когда группа сохраняет свое самосознание лишь посредством следования традициям — устным, обрядовым, бытовым. Тем не менее этот очаг существенно отличается от двух предыдущих.

Самое главное, что эта история не располагает специальными функционерами-историками. Она не подчиняется законам профессии, которые различаются, конечно, в зависимости от эпохи и культуры, но всегда ясно обозначены и четко определены. Историческая память, таким образом, оказывается не подвластна критике. Очень часто мифологическое время смешивается в ней с историческим, особенно когда речь идет о происхождении: племени берберов, японской нации и т. д.

Автономная и нетронутая, иногда проникающая внутрь господствующей официальной и преподаваемой детям истории, память выживает и остается весьма жизнеспособной, как бы та ее ни отрицала. Она не выдвигается в противовес, как контристория, а наслаивается на институциональную историю, роль которой и сама могла играть когда-то давно. Но теперь ее положение изменилось.

Некоторые праздники в Испании, вроде *Moros y Christianos*, профессиональные праздники ремесел, воспоминания эльзасских евреев, исследованные Рафаэлем, и даже представления современников о битве при Бувине, изученные Жоржем Дюби,* — все это в равной мере элементы исторической памяти. В какой-то момент эта память застыла, но вместе с тем под воздействием времени она подвергается неодолимому распаду. Память повернута к самой себе, а не вовне, и постепенно она обращается в пыль.

III

Итак, в истории главенствуют эти три очага. Перемешивая достоверное с иллюзорным, представляя различные и противоречивые толкования прошлого, они никогда не устанавливают научной истины, которой мог бы довериться каждый.

В этих условиях вытягивать «всемирную историю» из одного очага или даже из одного института — это признак либо лживости, либо тирании. В свободном обществе разные исторические традиции сосуществуют и даже борются друг с другом.

Однако не менее иллюзорно и абсурдно было бы игнорировать существование разных вариантов истории. Они являются такой же реальностью, как верования, или религия, или власть. Но из них невозможно составить одну общую историю — вот что хорошо почувствовали основатели школы «Анналов» Марк Блок, Люсьен Февр, а еще лучше Фернан Бродель. Он стал говорить о двойной необходимости знания

истории такой, какой она являлась до сих пор, и воссоздания ее на новом фундаменте, на этот раз подкрепленном экспериментом.

На страницах этой книги мы встречались с практиками экспериментальной истории, которые часто отталкивались от текста, от цифры или от картинки, чтобы произвести анализ прошлого. Будучи частичной, сегментарной, эта история не в состоянии пока претендовать на универсальное толкование всего развития общества. Она стремится стать глобальной, даже тотальной, но никак не тоталитарной.

Именно эти практики несут в себе будущее обновленной истории.

ПОСЛЕСЛОВИЕ РОССИЙСКОГО ИСТОРИКА

Книга Ферро увидела свет в 1981 г. В течение следующего десятилетия переводы вышли в Англии, США, Японии, Бразилии, Италии, Португалии, Нидерландах, Германии, Испании. Советское издание, разумеется, было невозможно. Русский перевод — появившись он тогда — несомненно обогатил бы самиздат и не остался бы незамеченным в диссидентской среде: уж больно насущной для инакомыслящих проблематике было посвящено исследование. Понадобилась перестройка с ее цензурными послаблениями и книжным бумом, чтобы исследование французского историка вышло в нашей стране.

Первому российскому изданию предпослано предисловие автора, в котором он обращается к *советскому* читателю. Между тем читатель, впервые открывший эту книжку, уже не был советским, — на дворе стоял 1992 г. Некоторые редакторские ухищрения, вызванные политическим контекстом, быстро теряли смысл. Так, специально для советского издания автор объединил главы, посвященные Советскому Союзу и Армении, а издательство «Высшая школа» выбросило из книжки некоторые эпизоды, сочтенные неуместными. При подготовке настоящего издания все купюры, естественно, были восстановлены.

Применительно к нашей стране текст Ферро стремительно устаревал, запечатлевая уходящую на глазах натуру. В 1989, 1990 и до августа 1991 г. (в этот период происходила основная работа по подготовке первого издания) цитирование Маркса и Ленина в работах студентов-гуманитариев по-прежнему было обязательно (или желательно, по крайней

мере), что уже тогда казалось диким, но оставалось реальностью образовательной системы. К моменту выхода книжки в свет цитирование «классиков» должно было выглядеть как демарш. Так действительность иллюстрировала рассуждения Ферро об «изменчивом облике истории» в СССР. Немыслимый по нынешним временам тираж — 50 тысяч — соответствовал перестроечному интересу к истории и гуманитарной мысли в целом.

Не только наша страна — весь мир претерпел за последние десятилетия большие изменения в том, что касается идеологий, ценностей, педагогических представлений. Спустя три десятка лет Марк Ферро переработал свой старый труд с учетом сегодняшних реалий, а Елена Лебедева подготовила перевод нового варианта.

Нынешняя редакция «Как рассказывают историю» не отражает всех произошедших изменений. Трудно предположить, что в современных испанских учебниках восхваляется Франко и замалчиваются репрессии против иудеев и мусульман, как это было полстолетия назад; вряд ли в современной иранской школе национальное начало превозносится над религиозным и воспитываются симпатии к западному миру, как это было до исламской революции 1979 г. Во многих странах Запада важнейшим трендом стала политкорректность. И все же сочинение Ферро остается полностью актуальным, ведь его цель — не столько фиксация текущего положения дел, сколько обнажение принципов и механики многообразной зависимости преподавания истории детям от политической конъюнктуры.

Конечно, в избранной теме французский историк не является Колумбом. То, что историческая наука и в особенности школьное преподавание истории часто выступают орудием политических манипуляций, воспроизводства мифов и клише, не было новостью и до того, как Марк Ферро предпринял свое исследование. Но Ферро уточняет наши представления, показывает настоящий масштаб явления. Картина, нарисованная историком, весьма впечатляющая: фальсификация, недобросовестное интерпретирование про-

шлого повсеместны. На всех широтах и при любых порядках школьная история служит правящим элитам. Но интерес исследования не только в установлении этого печального факта. Автор не довольствуется иллюстрированием исходного тезиса («история остается одинаково миссионерской: наукообразие и методология служат не более чем «фиговым листком» идеологии»). Ферро показывает, как формируются образовательные доктрины под влиянием религиозных и национальных традиций, как они меняются при смене политических курсов. Мы узнаем, каким образом строится система преувеличений и умолчаний, призванная вылепить из ребенка лояльного гражданина.

Говоря о складывании тех или иных исторических парадигм, Ферро всегда обращает большое внимание на обстоятельства их возникновения. Было бы нелишне обрисовать на этих страницах житейские обстоятельства самого Ферро.

Юность будущего историка пришлась на нацистскую оккупацию. В 1941 г. семнадцатилетнего выпускника школы, еврея по матери, переправили в «свободную зону», где он продолжил образование и принял активное участие в антифашистском подполье. Его мать, оставшаяся в Париже, погибла. Возможно, именно пережитый опыт Второй мировой войны, личная боль Холокоста и причастность к Сопротивлению способствовали интересу Ферро к эпизодам смены политического и социального порядка, к идеологиям. Ферро изучал историю большевистской и национал-социалистической революций, писал и снимал документальное кино о тоталитарных диктаторах — Ленине и Гитлере.

В методологическом отношении Ферро принадлежит к прославленной школе «Анналов», являясь соредактором журнала, давшего имя направлению. Конек анналистов — историческая психология, то есть изучение сознания людей разных эпох, их коллективных представлений (так называемых ментальностей). По «Анналам», представления людей сильнейшим образом влияют на их политическое и экономическое поведение, «бытие и сознание» в истории настолько связаны и взаимозависимы, что вопрос о первич-

ности не имеет смысла. Материальная и духовная культура определяют друг друга, причем присущее данному социуму мировоззрение в значительной мере создает характерные для него формы производства и потребления. Такое понимание социальной жизни предполагает повышенное (и скептическое) внимание исследователя к идеологиям и пропаганде.

Разоблачая идеологические спекуляции на истории, Ферро не обходит молчанием современную демократическую Европу, не щадит и своего отечества. Его подпись стоит под известным обращением французских историков, так называемым «Воззванием из Блуа»: «В свободном государстве ни одна политическая сила не вправе присвоить себе право устанавливать историческую истину и ограничивать свободу исследователя [...]. В демократическом обществе свобода историка — это наша общая свобода».

Обращение историка-анналиста к образовательной проблематике не случайно: история занимает не последнее место в коллективных представлениях, а «образ других народов или собственный образ, который живет в нашей душе, зависит от того, как в детстве нас учили истории», говорит автор в предисловии.

Ферро проводит границу между тем, что думают о прошлом историки, тем, что из этого сообщают школьные учителя и учебники, и тем фоновым знанием, которое формируется рассказами старших, беллетристикой, кино и прочим. Далее Ферро выделяет три формы (или очага, как он сам их называет) исторического сознания.

Во-первых, *институциональная история* — преобладающая в данном социуме и поддержанная основными его институтами, в первую очередь государством — история властвующих. Именно эта форма царит в школе и транслируется через учебники.

Во-вторых, *контфистория*, противостоящая институциональной. Это история побежденных и подчиненных — различных меньшинств, притесняемых, отрешенных от власти

и отодвинутых на периферию социальных групп. Контр-история может опираться на *не* господствующие социальные институты — например, католическую церковь в советской Польше и Литве; такую форму Ферро называет институциональной контристорией. При резких исторических поворотах — скажем, смене политического режима — институциональная история и контристория меняются местами. Оба очага относятся к «истории историков», то есть книжной.

Третья форма — *индивидуальная* или *коллективная память* общества. Это представления, бытующие как часть повседневной культуры и тесно сплетенные с различными житейскими воззрениями, они могут быть вообще не связаны с научным изучением прошлого, но основываться на семейных, религиозных, этнических и тому подобных преданиях.

Каково же соотношение этих трех форм в нашей стране? В советский период, который охватывает исследование Ферро, институциональная история была партийной, то есть предельно монополистской, идеологизированной и манипуляторской. Советский режим справедливо называют идеократией, и в Стране Советов история прислуживала идеологии более, чем где бы то ни было. Апологетичность, национальное и/или религиозное бахвальство, как показывает Ферро, свойственно любой институциональной истории. Но существуют различные степени мифологизации, и количество осознанно фальсифицированных фактов тоже существенно различается. В этом отношении советская историческая наука и педагогика были уникальны: подтасовками занимаются «и самые либеральные режимы... Однако за пределами СССР разные интерпретации фактов существуют рядом друг с другом (курсив мой. — Д.Е.). В СССР же это совершенно невозможно». Исключительный характер советской интерпретации истории придавал и коммунистический мессианизм, предполагающий прославление СССР как «первого в мире государства рабочих и крестьян» (ср. по Ферро гордость арабов как первых носителей и распространителей истинной веры).

До второй половины 1930-х советский взгляд на историю отличал радикальный культ революционности, столь же радикальный интернационализм и резко критическое отношение к дореволюционному прошлому России. С конца 1930-х и особенно во время и после войны дореволюционное прошлое частично реабилитируется, а ориентированный на мировую революцию пролетарский интернационализм сменяется русским национализмом и государственным патриотизмом в сталинской редакции. Сталинский образ прошлого, опиравшийся в числе прочего на карамзинскую доктрину благодетельности для России сильной власти, единоначалия и централизма, продержался в общих чертах до гибели СССР.

В позднесоветский период мессианский комплекс строителей коммунизма был неотделим от имперских амбиций «страны — победительницы фашизма» (и вообще победительницы), от национально окрашенного великодержавия (восхваление русского народа как старшего в «семье»: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь»). Именно такую конфигурацию идей мы находим во всех советских учебниках по отечественной истории, в советском кино и книгах по истории для детей.

Носителями контр истории в Советском Союзе были преимущественно диссиденты, читатели Солженицына и других запрещенных авторов сам- и тамиздата. Их дети знали о ГУЛАГе, репрессированных народах и вслед за родителями полагали, что Ленин — не освободитель, а диктатор, чекисты — не щит и меч, а скорее топор и плаха революции, СССР — не рай земной, а печальное во многих отношениях место. Критичность распространялась и на дореволюционную историю — вопреки школе дети либеральной интеллигенции догадывались, что не только СССР не есть всемирный оплот добра, но и Россия не родина слонов, норманисты были в чем-то правы, и так далее.

Впрочем, инакомыслящая интеллигенция была не только либеральной, уже в 1960-е наметилось возрождение «русской идеи», возобновилось традиционное деление на западников

и славянофилов, почвенников и сторонников модернизации. Поклонники национального начала идеализировали Российскую империю, противопоставляя русскую традицию не только коммунистической утопии, но и «западному пути» (в то же время национально окрашенная и одновременно антироссийская контристория формировалась на Украине, в Грузии, Литве и некоторых других «братских республиках»). Контристория очень быстро начала выбрасывать конкурирующие и даже враждующие ветви, как и должно было быть в сложно устроенном, неоднородном, развивающемся через катастрофы обществе.

Стоит ли говорить, что на школе эти подспудные процессы никак не сказывались? Альтернативную информацию, в том числе историческую, в советских условиях дети могли получать почти исключительно изустным путем, как до Гутенберга (Ферро отмечает, что контристория «может выжить подчас лишь в устной форме»). Понятно, что школьная/официальная и домашняя история часто входили в острое противоречие, порой же сложно соединялись и парадоксально преломлялись в сознании людей. Яркий пример: во время недавних войн чеченские комбатанты отождествляли Грозный со Сталинградом, себя с защитниками последнего, федералов же с «фашистскими агрессорами».

Вообще же коллективная память советского человека аморфна и недостаточно изучена. Историческое сознание и семейная память репрессированных, духовенства, раскулаченных, крымских татар или эстонцев сильно отличались от предписанного официозом. Десятилетия террора заставляли отказываться от прошлого — от собственного о нем мнения, от семейной истории, от передачи памяти о прошлом своим детям. Так, мифология Отечественной войны 1941–1945 гг., основополагающая для советской культуры второй половины XX в., противоречила непосредственному опыту советских пленных, остарбайтеров, миллионов людей, побывавших под оккупацией, но почти столетия этот опыт был табуирован, скрыт завесой молчания.

Поздний застой был временем растущего внимания к историческому — следствие окончательного отчуждения общества от идеологии, от самого государства, как бы вышедшего из потока истории и застывшего в брежневском окостенении. Спектр человеческих реакций на выхолащивание общественной жизни в 1970—1980-е был велик — от эскапизма до попыток осознать сложившееся положение. История годилась и для того, и для другого. В первом случае время предлагало антикварное увлечение древностью, русской стариной, во втором — размышление над причинами русской трагедии (путь, обозначенный Солженицыным). В *годы безвременщины* интеллигентная публика удовлетворяла свою тягу к истории книгами и медийными выступлениями Эйдельмана и Лихачева, широкая публика — читая романы Пикюля.

По-настоящему массовый интерес к истории спровоцировала перестройка. Интерес этот был не академический — как и всякий массовый интерес, — а прагматический. В предисловии к первому русскому изданию Марк Ферро замечает: «Именно в вашей стране сегодня, как нигде, высоки ставки истории». И тут же поясняет свою мысль: «Не построишь будущее страны, не представляя себе как следует ее прошлого и не зная ничего о том, как видят свою историю другие общества». Переосознать прошлое, чтобы пересоздать общественную жизнь, — таков был пафос эпохи. Ставки истории падали, по мере того как посткоммунистическое будущее становилось настоящим, надежда сменялась разочарованием или успокоенностью.

Революция в исторических представлениях была частью общей революции мировоззрения. Прежняя картина мира рушилась. На рубеже 1990-х граждане СССР *сжигали то, чему поклонялись, и поклонялись тому, что сжигали*. Кризис советской институциональной истории — следствие гибели политического режима, с которым она была так тесно связана. В полном соответствии с постулатами Марка Ферро на первый план выступила диссидентская контрстория в ее либеральном и националистических вариантах. И не только

она — одним из плодов недоверия к официальной историографии, скомпрометированной идеологическими применениями, стала популярность так называемой Новой хронологии Фоменко—Носовского, парадоксальным образом также выступающей в роли контристики — если подразумевать под этим термином прежде всего *иную*, оппозиционную историю, противостоящую общепризнанной. Главная причина успеха Новой хронологии и других направлений псевдоистории, собирательно именуемых фолк-хистори, — именно кризис институциональной истории и отсутствие научной альтернативы, привлекательной для публики. И, конечно же, высокая степень социальной напряженности, широкое недовольство истеблишментом, прислужницей которого видится его оппонентам официальная наука. Не случайно среди сторонников Фоменко мы встречаем героев вчерашней (Александр Зиновьев) и сегодняшней (Гарри Каспаров) оппозиции. Альтернативное прошлое выступает залогом альтернативного будущего.

Одной из черт перестройки был стремительно нараставший разрыв между учебниками, школьной историей как таковой и общественными настроениями. Глобальная переоценка советского и дореволюционного прошлого, легализация контристики в медиа — все это находилось в разительном несоответствии с состоянием образовательной системы, сохранявшей лояльность государству. Положение меняется после августа 1991 г.

С 1990-х российские учебники с большим или меньшим успехом пытаются совместить несовместимое — историю условно советскую (институциональную в недавнем прошлом) и условно диссидентскую (вчерашнюю контристику). Это двоемыслие предопределено двойственным характером современной российской государственности. Новая власть декларировала отказ от духовного наследия Советского Союза («возвращение к общечеловеческим ценностям»), но признала Россию его правопреемником и во многих отношениях выступает продолжателем коммунистиче-

ской империи. Преемственность, хотя бы и неполная, предполагает ту или иную степень пиетета к предшественнику. Пиетет к Советскому Союзу и верность его наследию выражается в частичной апологии советского государства, в особенности его внешней, военной политики. Влияние диссидентской контристории проявляется прежде всего в признании и осуждении коммунистического террора, отказе от теории классовой борьбы и некотором смягчении антизападнической линии. Либерализм и почвенничество в школьной истории послесоветской России являются в самых парадоксальных сочетаниях, в том числе на страницах одного учебника.

В последнее десятилетие удельный вес «советского» постоянно растет. Шаткий баланс между различными тенденциями в образовании определяется, в полном соответствии с постулатами Марка Ферро, зигзагами государственного курса. Государство, все более обозначающее свою связь с СССР, в том числе на уровне символики, — взять хотя бы ставшее притчей во языцех возвращение михалковского гимна, — просто не может отказаться от пристального контроля в столь идеологически значимой сфере, как образование. Институт школы, переживший в 1990-е воздействие демократической революции, испытывает на себе неизбежные последствия «бархатной реставрации», пользуясь удачным выражением польского публициста Адама Михника.

Не последний фактор, влияющий на преподавание истории, — состояние институций и социальных групп, заинтересованных в упразднении государственной монополии на интерпретацию прошлого. И в XIX, и в XX вв. носителем контристории — не государственных и не националистических взглядов на прошлое — была оппозиционная интеллигенция. Послесоветское двадцатилетие интеллигенция не пережила, перестав существовать как заметная общественная сила. Средний класс еще не сформулировал своих ценностных предпочтений. Констатация слабости гражданских институтов в России — общее место отече-

ственной публицистики и социологии. Реже попадает в поле публичного обсуждения другая проблема — отсутствие в гуманитарной сфере сколько-нибудь организованного экспертного сообщества — и, шире, консолидированной профессиональной среды, способной противостоять спекуляциям, исходящим как от государства, так и от различных маргинальных групп. Институциональная слабость академической науки и преподавательского сословия делает возможной ситуацию, при которой стеллажи книжных магазинов заполнены продукцией адептов фолк-истории, а школьные учителя могут открыто проповедовать сталинизм.

Последовательно применяя принципы Ферро, гипотетический сторонний наблюдатель мог бы успешно реконструировать состояние российской государственности и общественной жизни, опираясь исключительно на школьные учебники. Согласно Ферро, при смене политического режима контристория должна полностью вытеснить институциональную: последняя «хиреет, коль скоро хиреет и умирает институт, на который она опирается». Именно этого и не происходит — советская историческая доктрина жива и крепнет, ясно указывая на природу питающего ее института — современного государства российского. И государство отвоевывает территории, утраченные в 1990-е. Важными вехами этой реконкисты стала бурная риторическая кампания борьбы с «очернительством» и создание «учебников нового поколения». Венцом первой стало учреждение Комиссии по борьбе с фальсификацией истории. Не слишком деятельная комиссия важна как знак. «Нелегко рассказывать историю Польши под суровым взглядом Советского Союза», — замечает Марк Ферро в книге, которую читатель держит в руках. Вот комиссия и обозначает подобный взгляд — ее присутствие, даже и молчаливое, подобно присутствию постового милиционера.

«Учебники нового поколения», наиболее характерно выражающие современные государственные представления, связаны в общественном сознании с именем Филиппова.

Споры вокруг «учебника Филиппова» (на самом деле речь идет о нескольких пособиях, к которым имеет то или иное отношение Филиппов) не утихают третий год. При этом высказывания самих историков, работающих над новой линией учебников, и высказывания высокопоставленных чиновников образуют как бы хорошо слаженный дуэт. Тверской губернатор Дмитрий Зеленин излагает новую доктрину с партийной прямоотой — не как книжники и фарисеи, но как власть имеющий: «Необходимо понимать, что сегодня в России существует сильное государство [...] авторы учебников истории и обществознания, допущенных к использованию в образовательном процессе, должны оценивать наше прошлое и наше настоящее с государственных позиций. Раньше единого подхода к тому, что учителя говорят детям на протяжении одиннадцати школьных лет, не было. *Сейчас настало другое время* (курсив мой. — Д.Е.)». Цитата взята из интервью, посвященного новому учебнику отечественной истории в XX в. под редакцией Филиппова и Данилова.

В свою очередь, Данилов и его коллеги, излагая концепцию учебника, подчеркивают свое внимание к истории повседневности, но на первое место ставят все же историю власти: «Методологической основой данного учебника являются новейшие разработки российских историков, актуализирующие оценки нашей истории с точки зрения задач защиты и укрепления государственного суверенитета, воспитания гражданина-патриота России [...]. Основное внимание учащихся предполагается сконцентрировать на объяснении мотивов и логики действий власти». То есть школьники должны созерцать вершину пирамиды. Постигать высокую целесообразность государства: «Одной из главнейших задач учебника должны стать стирание искусственной границы между до- и послереволюционной историей России, демонстрация непрерывности и преемственности ее исторического пути». «Стирание границы» оборачивается частичной апологией Сталина, признанием его «модернизационных» успехов и осуждением концепции тоталита-

ризма как орудия холодной войны. Было бы ошибкой думать, что методологические принципы маститого автора Александра Данилова сложились давно. Его учебники пятнадцатилетней давности разоблачают «тоталитарную систему», имперскую политику Сталина, подчеркивают катастрофичность российской истории XX в.

Таким образом, Данилов—Филиппов дают образец внедрения в школу новейшей институциональной истории в ее наиболее откровенном и сервильном варианте.

Полностью в русле сталинистской риторики лежат отповеди Данилова оппонентам с непрямым их причислением к «пятой колонне» и «наймитам Запада»: «Что касается критики в наш адрес, то она не в последнюю очередь объясняется и попытками дискредитировать власть в определенных политических условиях, коль скоро наша концепция увязывается с позицией власти. Ведь пик критики пришелся на август 2008 г., в период обострения осетино-грузинского конфликта. Не случайно критические замечания высказывались первоначально на страницах СМИ, финансируемых из-за рубежа».

Александр Данилов строг, но не будем строги ни к нему, ни к его коллегам-единомышленникам — их так легко понять. Положение, при котором государство остается практически единственным заказчиком и оценщиком труда историка, учебной литературы, создает труднопреодолимый соблазн для гуманитарной братии. Брать под козырек, «изгибаться вместе с генеральной линией», пользуясь расхожим советским выражением, гораздо легче, чем иметь собственные взгляды, — их защита может оказаться весьма накладным делом. В свое время Марк Ферро дал советским историкам обидное, но справедливое определение: «дипломированные комментаторы официальных речей». Было бы натяжкой сказать, что ничего не изменилось. Современная историческая наука и школа отличаются от советских настолько же, насколько российское государство отличается от СССР. Сегодня *различные интерпретации фактов* возможны. Подтверждением тому служит наличие независимых ученых

и преподавателей. Но существование независимых фигур и возникающие вокруг них конфликты (известная история с репрессированным учебником Игоря Долуцкого) только оттеняют ведущий тренд. Резкие оценки Ферро, сделанные на излете советской империи, по-прежнему актуальны. Как и тогда, в России «не заметно настоящего стремления сделать историческую науку независимой, самостоятельной по отношению к институтам, будь то государство, политические партии или национальные движения».

Особо следует оговорить жанр книги Ферро. Среди отзывов в Рунете на издание 1992 г. можно встретить упреки автору в небрежности и даже в сумбурности изложения. Отчасти они вызваны именно непониманием жанра. Русский читатель привык ожидать от книги по истории академической важности, степенности, строгой последовательности. Вообще всякая «серьезная» — то есть на «серьезные» темы — книга в нашем представлении должна быть основательна и обстоятельна до занудства (легкомыслие допускается журналистам). Жанр научно-популярной и вообще познавательной литературы для широкой публики в России слабо развит. «Занимательная Греция» и другие просветительские книги М.Л. Гаспарова могли бы основать традицию, но пока что остаются оазисом среди пустыни — так же как и «Детский проект» Людмилы Улицкой, серия отлично написанных и прекрасно оформленных книг, выпущенных микроскопическим тиражом.

Для Франции же обычно, что гуманитарное сочинение почти всегда не только более или менее глубокомысленная аналитика, но и *бель летр* — изящная словесность. Порою с элементами публицистики, отпечатками идейных и политических пристрастий автора. Традицию писания о важном в непринужденной, остро субъективной, часто парадоксальной манере во Франции освятил еще Мишель Монтень. Для себя мы подобную традицию можем только пожелать. У нас ценится «объективность»; стилистическая сухость, тяжело-весность, а зачастую и косноязычие российских научных ав-

торов вызывают нарекания и в самой академической среде. Конечно, в России был остроумный, при всей фундаментальности легкий Ключевский (до него же — элегантнейший рассказчик Карамзин), да и в дальнейшем вплоть до наших дней находились авторы, пишущие занимательно и ярко. Но речь здесь идет не об исключениях, а о норме.

Итак, работа Ферро написана в стилистике эссе — живо, остроумно, порой язвительно. Видно, что за автором стоит длительная литературная традиция, богатая ироническими интонациями, риторическими фигурами, игрой метафор. Но все-таки Ферро в первую очередь именно исследователь, кропотливо изучающий свой предмет. В досужем красноречии его не упрекнешь; не упрекнешь и в поверхностности: ни одна из глав книги далеко не исчерпывает ни материала, ни разнообразных ракурсов темы, но любая из глав дает внятное представление о самых характерных особенностях государственного понимания и преподавания истории в той или иной части мира.

Не стоит подходить к Ферро с меркой, предполагающей главным достоинством автора умение «полностью раскрыть», а поелику возможно и закрыть тему. Закрыть тему в данном случае не представляется возможным, проблематика книги не может устареть. Независимым историкам Франции и других стран следовало бы основать не ограниченный во времени проект по продолжению труда Ферро — и обновлять его раз эдак в двадцать лет, если не чаще. Правозащитные организации ведут мониторинг нарушений прав человека по всему миру, журналистские организации отслеживают, как обстоят дела со свободой прессы. Ассоциации независимых историков могли бы проводить экспертизу исторического знания (и незнания) в разных странах. Известная формула *человек есть то, что он ест*, верна (хоть учитель Ферро Фернан Бродель и считал ее всего лишь каламбуром, который позволяет немецкий язык: «*Der Mensch ist, was er isst*») не только в отношении телесной пищи. Духовная пища, щедро приправленная идеологией и враньем, вредна — уж лучше оставаться в невежестве. Ферро «показывает,

что люди из разных стран живут в разных, плохо стыкующихся мирах. И только самостоятельно они могут пытаться преодолевать мифы истории, “подаренные” им в школе» — сказано в одном из интернет-откликов на первое русское издание. Неплохо бы историкам облегчить эти попытки, а не помогать идеологам и политикам строить барьеры между мирами. После книги Ферро строить барьеры несколько труднее, а преодолевать мифы немного легче, в этом ее главная общественная ценность.

Дмитрий Ермольцев

С. 19. «Холокост» — американский четырехсерийный 7-часовой художественно-документальный фильм, снят в 1978 г., режиссер Марвин Хомский, автор сценария Джеральд Грин. Название фильма может быть переведено как «истребление», «всесожжение», «полное уничтожение». Это греческое наименование древних ритуальных обрядов, связанных с человеческими жертвоприношениями. Фильм посвящен рассказу о планомерном уничтожении евреев гитлеровским фашистским режимом.

В центре фильма — судьбы видного берлинского врача Йозефа Вайса и его семьи, а также юриста Дорфа. Дочь, жена, сын доктора Вайса и наконец он сам проходят через пытки и душегубки концлагерей — Освенцима и Терезина. Все они погибают. А чистокровный ариец Дорф, в начале фильма безработный, поднимается по лестнице нацистской иерархии. Он становится подручным Кальтенбруннера и Гейдриха, вместе с Эйхманом разрабатывает программу «окончательного решения» еврейского вопроса тотального уничтожения.

Перед зрителями «Холокоста» проходят кадры начала антисемитской истерии в фашистской Германии, погромы 1938 г. Фашистские идеологи излагают свои расовые теории; показано создание системы лагерей уничтожения, их функционирование. Вот группу женщин с детьми сгоняют в «душевую». Надсмотрщица советует заставить детей поглубже втягивать воздух, чтобы легче было дышать. В «душевую» будет пущен отравляющий газ «Циклон-Б».

В «Холокосте» использовано большое количество кино- и фотодокументов о геноциде евреев. Случалось, что современные жители Америки и Западной Европы узнавали в обреченных узниках лагерей смерти своих близких.

«Холокост» потряс западное общество. Особенно большой резонанс он вызвал в ФРГ. Его демонстрацию западногерманское те-

левидение предварило показом документального фильма «Окончательное решение»; показ каждой серии сопровождался обсуждением с участием телезрителей. Более 40% телезрителей ФРГ смотрели «Холокост»; при обилии и разнообразии телепрограмм это беспрецедентная цифра для телефильма на Западе. И притом фильм показывался не в самое выигрышное телевизионное время.

С. 21. *Великий трек* (1830–1840) — от голл. *trek* («переселение»). Постепенное перемещение буров (голландских переселенцев в Южную Африку) из английской Капской колонии на север, в результате чего образовались республики Трансвааль и Оранжевая. Побудительной причиной трека были противоречия между англичанами и бурами. Великий трек сопровождался вытеснением коренных африканских племен с занимаемых ими территорий.

С. 23. *Тужулёры* (торобе) — африканские племена Западного Судана.

Аль-Хадж Омар (ок. 1797–1864) — африканский политический деятель и военачальник, ставший впоследствии героем легенд. В 1861–1864 гг. создал могущественное исламское государство на территории Западного Судана. Противостоял колониальным завоеваниям французов.

С. 36. «*Черная*» *контфистория*. Марк Ферро предпринимает своего рода классификацию всего многообразия представлений об историческом процессе и вводит определения для различных проявлений исторического сознания, форм истории. Подробнее см. Послесловие.

С. 37. *Кафрские войны* — утвердившееся на Западе название войн на юге Африки между племенами коса, с одной стороны, и англичанами и бурами — с другой. Эти войны продолжались с конца 70-х гг. XVIII в. до начала 80-х гг. XIX в. с этого периода практически вся территория коса была захвачена колонизаторами.

С. 47. *Марабуты* — мусульманский военно-религиозный орден в Северной Африке. В широком смысле — мусульманские аскеты, праведники.

Гриоты — каста сказителей-певцов в Западной Африке, своего рода хранители и распространители устной исторической традиции.

С. 52. «...*Образование государств Куба, Луба, Лунда... Вадаи*». Европейское Средневековье совпадает с расцветом в Центральной Африке ряда сильных централизованных государств с развитыми ремеслами и торговлей, с крупными городами, самобытной культурой.

Сонгаи — империя на территории Западного Судана. Подъем Сонгаи приходится на XV–XVI вв. Упадок Сонгаи связан с расцветом городов-государств *хауса*, находившихся на территории современных Нигерии и Нигера.

Канем-Борну — государство в Центральном Судане, возникшее в IX в. Возвышение его приходится на XIII–XVI вв.

Вадаи — государство в Центральном Судане, в районе озера Чад, существовавшее с XIV в. до начала XX в.

Куба, Луба, Лунда — государства в бассейне реки Конго.

С. 53. *Гана* — государство в Западном Судане, расцвет которого приходится на XI в. В XIII в. Гана стала частью возвысившегося соседнего государства Мали.

С. 54. *Мономотапа* — государство, несколько веков существовавшее в междуречье Замбези и Лимпопо. Расцвет его приходится на XIV–XV вв. В XVII в. разрушено соседними племенами.

С. 61. «...мы встречаем людей, кажется, всех наций мира...». Этническая пестрота населения Вест-Индии обусловлена исторически. Коренное население — индейцы — постепенно вытеснялось и уничтожалось колонизаторами: испанцами, затем англичанами. Для работы на плантациях англичане широко практиковали завоз рабов из Африки, а после отмены рабства в 1834 г. — законтрактованных сельскохозяйственных рабочих из Индии и Китая.

С. 69. «*Акбар основывает новую религию*». В условиях противостояния разных религиозных доктрин Акбар (годы царствования 1555–1605) пытался утвердить представления, основанные на слиянии их «разумных» черт. От сикхов предлагалось принять учение о покорности гуру (наставнику), от народного движения бхакти — призыв к примирению индусов и мусульман, от ортодоксального индуизма — обрядность и символику, от парсов — поклонение солнцу и огню.

С. 71. «*Чудесная история Рамы и Ситы*». Рамаяна — индийский эпос, сложившийся на основе древних легенд и записанный на санскрите во II–III вв. н.э. Посвящен подвигам мудрого, добродетельного царя-героя. Великий индийский поэт Тулси Дас (1532–1624) на основе этого эпоса создал на языке хинди свою «Рамаяну», поэму глубокого религиозно-философского содержания.

С. 74. *Будда*. В переводе с санскрита — «просветленный, умудренный». Сидхартха Гаутама, прозванный Буддой, — исторический персонаж, считающийся основателем буддизма. Традиционно годы жизни Будды определяются как 623–543 гг. до н.э.

Восемь заветов Будды: 1) праведная вера, 2) праведная мысль, 3) праведная речь, 4) праведные действия, 5) добытые праведным

путем средства к существованию, 6) праведные старания, 7) праведные воспоминания, 8) праведное созерцание.

Моральные заповеди Будды: не убий, не лги, откажись от роскоши.

«Средний путь» — это избавление от крайностей, роскоши, воздержание во всем. Тот, кто следует этим путем, приходит к нирване — полному спокойствию, избавлению от желаний.

С. 74. *Касты* — сложившаяся в Индии в древности система, освященная религиозными нормами и изначально определяющая место человека в социальной структуре, род занятий, не допускавшая изменений социального статуса.

«*Артхашастра*» — обширный древнеиндийский политико-экономический трактат, содержащий в себе теорию идеального государства. Поскольку «Артхашастра» основана на государственной практике державы Маурьев (конец IV — начало III в. до н.э.), в литературе сложилась традиция приписывать ее авторство Чанакье, министру основателя этой державы Чандрагупта Маурья. В современной индологии обоснованы более поздние датировки «Артхашастры».

Ашока (приблизительное время царствования 273–232 гг. до н.э.). Царствование Ашоки — это период расцвета державы Маурьев, включавшей большую часть Индостана.

С. 75. *Сюань Цзан* — китайский путешественник, ученый буддист, проживший в Индии с 630 по 643 г. и оставивший записки об этой стране.

Харшавардхана — крупнейший правитель Северной Индии этого периода.

С. 77. *Индуизм* — совокупность религиозных, мифологических, правовых и этических представлений, связанных с культами основных индийских богов — Шивы, Вишну (Кришны) и Брахмы. Сложился в древности. Основой индуизма были как религия вед, созданных арийскими племенами ок. XI–IX вв. до н.э., так и другие, местные верования. Видоизменяясь, индуизм дошел до наших дней.

Шанкара (Шанкарачарья) — индуистский проповедник VIII в., шиваит. Задался целью возрождения индуизма, для чего создал религиозный орден Санньяси. Его деятельность была очень результативной: буддизм был практически вытеснен из Индии. Индуизм в форме шиваизма и вишнуизма стал господствующей религией в стране.

С. 79. *Махмуд Газневи* (998–1030) — возглавлял исламское государство, образовавшееся в конце X в. в районе Газни на территории

современного Афганистана. Талантливый военачальник, проводил активную завоевательную политику.

С. 80. *Рамануджа* — индийский проповедник XI в., вишнуист.

Бхакти — в переводе с санскрита «любовь», «преданность». Демократическое индуистское движение, отмеченное сильной эмоциональной привязанностью к Шиве или Вишну. Слабо выраженное организационно, это движение было широко распространено географически, этнически, имело обширную социальную базу. Существовало с VI по XVII в.

Кабир (1440–1518) — индийский религиозный деятель и проповедник, стремившийся объединить доктрины индуизма и ислама.

С. 81. *Раджпуты* — династии и кланы, правившие в мелких индийских княжествах до мусульманского завоевания в VII–XII вв.

Перед лицом завоевателей раджпуты оказались не только во плещением политической власти, но и защитниками индуистской религии, хранителями культуры и традиций.

Сикхи — воинственная индийская религиозная секта. Основателем ее был поэт и проповедник Нанак (1469–1539).

Маратхи — народ Декана, создавший в XVII в. в борьбе против насаждения ислама сильное военное государство.

С. 85. *Торамана* — вождь гуннов, совершивший вторжение в Индию в начале VI в.

Мухаммед бин Туглак — султан Дели (1326–1351), отличавшийся жестоким нравом.

Хайдар Али — выдающийся индийский военачальник второй половины XVIII в., фактический правитель княжества Майсур, ставшего центром сопротивления англичанам. Реорганизовал армию, вел завоевательные походы.

Типу Султан — сын Хайдара Али и продолжатель его политики. Борьба Типу Султана с англичанами завершилась падением столицы Майсура в 1799 г. и превращением княжества в вассала Англии.

С. 86. *Рам Мохан Рай* (1772–1833) — выдающийся индийский философ и общественный деятель, гуманист и просветитель. Предлагал обрядовую и доктринальную реформу индуизма (монотеистический уклон и отказ от части архаических обычаев), способствовал сближению культур Индии и Запада.

Тилак Локаманья Бал Гангадхар, Гокхале Гопал Кришна — деятели партии Индийский национальный конгресс первой четверти XX в.

С. 99. «Начиная с эпохи халифов...» Первые мусульманские арабские «праведные» халифы: Абу Бекр (632–634), Омар (634–644), Осман (644–656), Али (656–661).

С. 105. *Ибн Халдун* (1332–1406) — крупнейший средневековый арабский историк, социолог и философ. Его социологическая теория изложена в «Мукадиме» (Введении), или «Прологоменах» к историческому сочинению «Книга поучений».

С. 106. *Племя курейш* — из племени курейш происходил основатель ислама Мухаммад.

С. 108. *Хиджра* — «переселение»; отъезд Мухаммада из Мекки в Медину 26 июля 622 г. Эта дата считается началом мусульманской эры, от нее ведется отсчет лет.

С. 109. «...когда после Халкедонского собора император Ираклий... провозгласил монофелитство государственной религией...» Халкедонский церковный собор 451 г. осудил как ересь *монофизитство* — христианское направление, возникшее в Византии в V в. Согласно ему, Христу присуща одна лишь божественная (а не человеческая и божественная одновременно, как считают ортодоксы) природа, и пострадал за человечество не богочеловек, а Бог. Распространившись на подвластных Византии территориях — в Армении, Сирии, Египте, где новое учение часто накладывалось на древние представления об умирающем боге, монофизитство становилось там знаменем сепаратизма.

Осуждение собором не остановило монофизитов, и в 638 г. император Ираклий предложил компромиссное решение, изложенное им в так называемом Экфесисе, где признавалось наличие у Христа двух природ, но лишь одной воли (божественной). Так было положено начало *монофелитству*, утвердившемуся в Армении и до их пор сохраняющемуся в армянской григорианской церкви.

С. 124. *Саладин* (Салах-ад-Дин) Юсуф ибн Айюб (1138–1193) — египетский султан, по происхождению курд, талантливый военачальник и политический деятель. В 1187 г. объединенное войско мусульман во главе с Салах-ад-Дином разгромило крестоносцев, изгнав их из Палестины и частично из Сирии. Салах-ад-Дин возглавлял борьбу мусульман против крестоносцев во время Третьего крестового похода (1189–1192). Салах-ад-Дин пользовался большим уважением современников и впоследствии превратился в своего рода человека-легенду, воплощение рыцарственности, причем как на Востоке, так и на Западе (см., например, роман В. Скотта «Талисман»).

С. 125. *Луи Мадлен* (1871–1956) — крупный французский историк консервативного толка.

С. 127. *Масинисса* (ок. 240–149 до н.э.) — правитель государства масиллов; вел успешную завоевательную политику и в 203 г. до н.э. присоединил царство масесиллов (Нумидию). Внутренняя политика

Масиниссы была направлена на укрепление нумидийского государства берберов, расширение торговых связей со всем средиземноморским регионом.

Югурта (160–104 до н.э.) — царь нумидийский, внук Масиниссы, незаконный сын брата нумидийского царя Миципсы. Назначенный наследником наряду с сыновьями Миципсы, Югурта добился единоличной власти путем убийства одного и военной победы над другим, ловко используя при этом поддержку Рима. В дальнейшем экспансионистские устремления Югурты столкнулись с аналогичными устремлениями Рима (Югуртинские войны 111–105 гг. до н.э.). Югурта был взят в плен и казнен в Риме.

С. 130. *Абдал-Кадеф* (1808–1883) — алжирский вождь, полководец и политик. С 1830 г. возглавлял борьбу алжирцев против французского колониального господства. В 1847 г. взят в плен.

С. 139. «...первая великая религия» — имеется в виду зороастризм: дуалистическая религия, возникшая, по-видимому, в VII в. до н.э., распространившаяся в Мидии, Персии, других странах Ближнего Востока. Название связано с именем Зороастра (Заратустры, Заратуштры), традиционно считающегося основателем религии. Основной источник представлений зороастризма — книга «Авеста». Согласно доктрине зороастризма, в мире борются доброе (бог Ахурамазда) и злое (бог Анхраманью) начала. Зороастризм был государственной религией Персии в период Сасанидов (III–VII вв. н.э.). После завоевания Персии арабами приверженцы зороастризма преследовались, насильственно обращались в ислам.

С. 146. *Мутазилизм* — рационалистическое направление в мусульманской теологии, возникшее в Арабском халифате в VII в. Мутазилизм отвергал догмат об извечности Корана, считая его литературным произведением, отрицал наличие положительных атрибутов Бога, отличных от его сущности. Критерием истины в мутазилизме считался человеческий разум, признавалась свобода воли человека. Мутазилизм был официальной доктриной в государстве Аббасидов при халифе Мамуне (813–833). В дальнейшем преследовался как ересь.

С. 149. *Кызылбаши* (азерб. «красноголовые») — тюркские племена, говорившие на азербайджанском языке и кочевавшие на территории Азербайджана и Ирана. Название происходит от обычая их воинов носить чалму с двенадцатью пурпуровыми полосами в честь двенадцати шиитских имамов. Племена кызылбашей находились в политической и религиозной зависимости от семьи шейхов Сефевидов, которые, опираясь на них и создав своего рода духовно-

рыцарский орден, вели завоевания, насаждая шиизм. В 1501 г. Сефевиды захватили шахскую власть в Иране. Руководящая роль в Иране Сефевидов вначале полностью принадлежала кызылбашистской знати, хотя ей постоянно приходилось вести борьбу со знатью другого этнического происхождения. Из кызылбашей назначались главные советники, наместники, военачальники. Войско Сефевидов в значительной степени состояло из ополченцев-кызылбашей. Лишь впоследствии, особенно при шахе Аббасе, влияние кызылбашей несколько ослабло, центральной областью государства стал не Азербайджан, а внутренний Иран.

С. 156. *Ататюрк* (турецк. «отец турок»), Мустафа Кемаль (1881–1938) – турецкий политический, военный и государственный деятель, основатель и первый президент Турецкой республики. Участвовал в младотурецкой революции 1908 г. В 1919 г. возглавил националистическое кемалистское (по его имени) движение в Анатолии, фактически управляя во главе Представительного комитета не оккупированной державами Антанты территорией. После провозглашения в 1923 г. республики проводил реформы антиклерикального и националистического характера. Государству был придан светский характер, столица перенесена из Стамбула в Анкару, упразднено министерство по делам религии, имущество духовенства секуляризировано, закрыты мусульманские школы, образование и юстиция переданы из ведения церкви в ведение государства. В последующие годы были приняты уголовный и гражданский кодексы европейского образца, запрещено многоженство, введен латинский алфавит, из конституции изъято указание о том, что ислам является государственной религией. Вместе с тем турецкая конституция 1924 г. объявляла всех жителей Турции турками, то есть в законодательном порядке отрицала существование в ней национальных меньшинств, узаконивая их ассимиляцию.

С. 161. В приводимом сценарии празднества народное сознание контаминировало представления об арабском завоевании VIII в. и о турецком нападении XV в.

С. 164. «...творения Рихарда Вагнера... укореняли в германском сознании величественный миф о Рейне». Рихард Вагнер (1813–1883) создал циклопическую оперную тетралогия «Кольцо нибелунга» (оперы «Золото Рейна», «Валькирия», «Зигфрид», «Гибель богов»). Основываясь на древнем германском эпосе, так называемой Старшей Эдде (IX–XI вв.), записанной в XII–XIII вв., а также на более поздней «Песне о нибелунгах» (XII–XIII вв.), Вагнер сам написал и литературный текст всех четырех опер. Ему удалось создать

широкоохватное, на редкость образное, идейно целеустремленное изложение германского эпоса. Оно несло в себе национальную идею, размышления о прошлом и будущем немцев. Все это было переплавлено в прекраснейшей музыке.

Тетралогия создавалась в 50–70-е гг. XIX в., то есть во времена, предшествовавшие созданию единого германского государства и непосредственно следовавшие за ним. Тетралогия «Кольцо нибелунга», как и другие оперы Вагнера, основанные на германском эпосе и фольклоре («Лоэнгрин», «Летучий голландец», «Тангейзер», «Парсифаль»), сразу стала символом германского единения.

В теоретических статьях Вагнер выдвинул идею об опере как о наивысшем из всех искусств, «совокупном произведении искусств» (*Gesamtkunstwerk*), поскольку именно оперное представление сочетает в себе музыку, поэзию, драму, живопись... В конце жизни Вагнер попытался реализовать эту идею на практике, построив в 1876 г. в Байрейте специальный театр для постановки собственных опер, прежде всего «Кольца нибелунга».

В 1930-е гг. наследие Вагнера было использовано нацистами для подкрепления и пропаганды идеи изначальной расовой исключительности немцев.

Сегодня ошибочными или устаревшими выглядят многие теоретические идеи Вагнера, но его музыкальные творения продолжают вдохновлять самых замечательных музыкантов и привлекают внимание слушателей. Ежегодно в Байрейте проводятся фестивали творчества Вагнера, неизменно становящиеся событием музыкальной жизни Европы.

С. 167. «Холокост» — см. комментарий к с. 19.

С. 181. «...Носителями демократических свобод были галлы». Так называемый германо-романский вопрос, о котором здесь идет речь, является одним из главных теоретических вопросов французской историографии XVIII — первой половины XIX в. Стремясь оправдать привилегии дворянства, дворянские историки XVIII в., в первую очередь Буленвилье, выдвинули теорию, согласно которой дворяне Франции — это потомки народа-завоевателя, франков, а вся остальная нация — потомки побежденных галло-римлян. Буленвилье оправдывал, таким образом, и борьбу аристократии за ограничение абсолютизма, то есть за сохранение ее «исконных свобод». В начале XIX в. эту идею подхватил крупный историк дворянского направления Ф.-Д. Монлозье. В противовес дворянскому германизму была выдвинута теория о том, что завоевания не было, а франки являлись союзниками и друзьями галло-римлян (аббат Дюбо, 1734 г.).

В XIX в. Огюстен Тьерри (1795–1856) предложил совершенно новую трактовку германской теории. Приняв мысль о том, что война дворянства с третьим сословием являлась борьбой двух народов — завоевателя и побежденного, Тьерри развил ее, доказывая, что «коммунальная революция» во Франции, то есть борьба населения средневековых городов за освобождение от власти сеньоров, была продолжением борьбы потомков галло-римлян с потомками франков. История демократических учреждений возводилась, таким образом, к галло-римлянам.

С. 183. Школа «Анналов» — историографическое направление, сложившееся вокруг журнала «Анналы экономической и социальной истории» (в настоящее время — «Анналы. Экономика. Общества. Цивилизации»), основанного в 1929 г. французскими историками Марком Блоком и Люсьеном Февром.

Неудовлетворенные состоянием исторической науки своего времени, занимавшейся прежде всего рассмотрением отдельных, преимущественно политических событий и приращивавшей знание в основном за счет все более детального анализа известных фактов, основатели «Анналов» поставили перед историками задачу рассмотрения глубинных процессов, движущих историю, задачу исторического синтеза. Уделяя огромное внимание экономике, аграрной истории, Блок и Февр вместе с другими писавшими для «Анналов» историками чрезвычайно расширили понятие социальной истории, понимая исторического человека не только в рамках его политического поведения, но также в обыденной жизни и в социальной психологии. Была поставлена задача приближения к воссозданию объективной и полной картины прошлого. Проблематика истории, сам ее предмет расширились, перед наукой открылись новые горизонты.

Плодотворность и жизненность подходов основателей «Анналов» доказаны 80-летним существованием журнала. Несмотря на смену поколений в его руководстве (после М. Блока и Л. Февра — Ф. Бродель, а затем третье поколение — Ж. Ле Гофф, Э. Леруа Ладюри, М. Ферро и др.), а вместе с тем и некоторую смену позиции, «Анналы» неизменно находятся в центре внимания всей гуманитарной науки Запада и во многом сохраняют лидирующие позиции.

В настоящее время школа «Анналов» — это мощное интеллектуальное движение, объединяющее ученых не только Франции, но и США, Англии, Германии, Австрии, Италии, Польши и других стран. Следует отметить, что Марк Ферро — один из нынешних руководителей «Анналов» и один из ярких представителей школы.

Для ученых, близких «Анналам», характерны широкие междисциплинарные подходы, использование методов психологии, лингвистики, семиотики, интерес к ментальным процессам в обществе, то есть к массовым восприятиям и поведению, коллективной психологии, демографии, к исторической антропологии.

В рамках школы ведется острая полемика о принципиальной возможности, границах и перспективах исторического синтеза и о месте истории в современном комплексе гуманитарных наук. Эта полемика косвенно отразилась на страницах книги М. Ферро.

С. 185. *Мишель Поль Фуко* (1926–1984) – французский философ-структуралист, историк и теоретик культуры, семиолог. Фуко начал с трудов по проблемам психиатрии, рассматривая критерии определения понятия «психическая болезнь» в их социальной обусловленности («Безумие и неразумие: История безумия в классический век», 1961). Затем он изучал в совершенно непривычном ракурсе чисто медицинскую проблему лечения болезни, установив ее связи с совокупностью различных социальных факторов и отношений («Рождение клиники: археология взгляда медика», 1963). Большой резонанс имела работа Фуко по истории и теории гуманитарных наук («Слова и вещи: археология гуманитарных наук», 1966), в которой предпринята попытка вычленения единого мыслительного пространства не только отдельных наук, но и их совокупности в разные периоды культурного развития Европы. Среди крупных работ Фуко – «Археология знания» (1969), «Надзирать и наказывать» (1975), «История сексуальности» (1976–1984). В настоящее время труды Фуко пользуются большим авторитетом. Его идеи, методология исследования оказали огромное воздействие на развитие всей гуманитарной мысли; их влияние, в частности, несомненно, сказывается в деятельности нынешнего поколения школы «Анналов».

С. 186. «...дало повод к упражнениям, достойным Ролана Барта». Похвала чрезвычайно щедрая. Ролан Барт (1915–1980) – французский культуролог, семиотик, лингвист и литературовед. Учительница использует на уроке методы, разработанные им на уровне науки. Рассматриваемый предмет становится своего рода знаком, позволяющим распознавать определенную, в данном случае социальную целостность.

С. 195. *Вальми* – деревня, близ которой французская революционная армия под командованием Дюмуре и Келлермана 20 сентября 1792 г. дала бой наступавшим на Париж прусским войскам. Сражение у Вальми, имевшее не столько стратегическое, сколько

моральное значение, считается первым значимым успехом в войнах революционной Франции против европейских монархий.

С. 198. *Жорж Огюстен Бидо* (1889–1983) — преподаватель истории, политик. Одна из главных фигур Сопротивления. С 1943 г. председатель Национального комитета Сопротивления, руководил августовским восстанием 1944 г., министр иностранных дел во Временном правительстве де Голля. В 1946, 1949–1950 гг. премьер-министр, в 1950-е гг. занимал различные министерские посты. В 1961 г. организовал антиголлистский Национальный комитет сопротивления, объединявший сторонников продолжения войны в Алжире. Причастен к покушению на де Голля в 1962 г., в 1963 г. бежал в Бразилию. Амнистирован в 1968 г., вернулся во Францию.

С. 203. Имена большинства русских и советских авторов, упомянутых в настоящей главе, ничего или почти ничего не говорят неспециалисту. Более других известны Покровский — как своего рода фаворит Советской власти в 1920-е гг. и Тарле — как создатель беллетризированной монографии «Наполеон» (1936), необычайно популярной и в силу своих высоких литературных достоинств, и в силу выигрышности самой темы. Тарле и Платонов названы Ферро как представители оставшихся в России небольшевистских историков, игравшие заметную роль в науке 1920-х и служившие носителями высокой академической традиции. Евгений Тарле, специалист по всеобщей истории, изначально придерживавшийся левых и западнических взглядов, и Сергей Платонов, специалист по русской истории, имевший правые и патриотические взгляды, были арестованы ОГПУ по так называемому Академическому делу (1929–1931), оба сосланы. Платонов, главный фигурант дела, умер в ссылке в 1933 г., реабилитирован посмертно в 1967 г. Тарле уцелел в последующих репрессивных кампаниях — возможно, благодаря некоторой благосклонности к нему Сталина.

С. 224. Здесь Ферро подразумевает высадку в Северной Африке экспедиционных сил США. Английские войска вели в Египте упорные бои с итальянцами и немцами еще летом 1942 г. Совместное наступление американцев и англичан против германо-итальянской группировки Роммеля с последующей высадкой союзников в Сицилии имеет отношение именно к «концентрации военных усилий в Средиземном море», а не к открытию второго фронта в Западной Европе, как того хотел Сталин.

С. 225. 19 августа 1942 г. 5-тысячный англо-канадский десант предпринял неудачный штурм французского порта Дьепп и отступил с большими потерями.

С. 228. *Пьетро Бадольо* (1871–1956) — генерал, участник всех войн, в которых участвовала Италия в конце XIX — первой половине XX в. Не был сторонником Муссолини, но, несмотря на конфликты с последним, занимал высокие военные и административные посты в фашистской Италии. Летом 1943 г. — участник военно-аристократического заговора против дуче. После ареста Муссолини 25 июля 1943 г. становится премьером. Правительство Бадольо, продержавшееся до немецкой оккупации страны (с 8 сентября 1943 г.), подавляло выступления коммунистов и капитулировало перед союзниками. В данном контексте важно, что Бадольо был представителем военной элиты, чуждым как фашистской идеологии, так и политически левому антифашизму.

С. 230. Просоветское польское правительство, альтернативное «лондонскому» — то есть правительству довоенной Польши, нашедшему прибежище в Англии и пользовавшемуся поддержкой английских властей.

С. 233. Речь идет о судьбе региона, обыкновенно называемого у нас Закарпатьем, населенного преимущественно русинами. До Первой мировой войны Закарпатье входило в состав Австро-Венгрии, а после ее распада стало частью Чехословакии. После оккупации этой страны Германией Закарпатье было передано дружественной нацистам Венгрии. В 1944 г. занято советской армией, но не возвращено Чехословакии, что было бы в духе заявлений антигитлеровской коалиции начального периода войны, а включено в состав СССР.

С. 246. Упомянутый здесь курган относится к древневосточному государству Урарту, существовавшему в первой половине I тысячелетия до н.э., то есть никак не связан с собственно армянской историей.

С. 248. *Моисей Хоренский* (Мовсес Хоренаци) — крупнейший армянский историк, «отец армянской истории»; жил и творил в V в. н.э. Автор «Истории Армении», доведенной до 442 г., где древняя история Армении излагается в тесной связи с библейскими преданиями. Автор «Географии», учебника риторики и других сочинений. «История Армении» Моисея Хоренского в XIX в. неоднократно издавалась на русском языке.

С. 255. «...в 314 г. Армения стала первым христианским государством». Традиционно принятой датой христианизации Армении считается 301 г. (см. с. 257). В бенедиктинском учебнике приводится более поздняя дата. После Миланского эдикта (313 г.) император Константин, давшего христианству равный статус с другими

религиями, Трдат специальным указом провозгласил христианство государственной религией, полностью порвав с язычеством. Это произошло в 314 или 315 г. Таким образом, Армения — первая страна, где христианство стало единственной государственной религией.

С. 270. «...после поражения турецкой армии у Сарикамыш». Сарикамышская операция (9(22) декабря 1914 — 5(18) января 1915 г.) русских войск против превосходящих сил турок принесла решительную победу первым. Эта победа оказалась определяющей и во всем развитии событий на Кавказском фронте, инициатива перешла к русскому командованию.

С. 276. В послевоенное время советское правительство проводило кампанию репатриации армян диаспоры. Подобная политика полностью находилась в русле имперско-собирательной политики Сталина.

С. 277. В самой «провинции» тем не менее в 1960-е гг. сложилось движение за независимость Армении. Создавались различные подпольные группы и даже Национальная объединенная партия Армении (1966), которой удалось осуществить столь беспрецедентную в СССР акцию, как радиотрансляция за независимость — в ереванском парке 24 апреля 1968 г., в День памяти геноцида. Армянские диссиденты провозглашали такие цели, как отделение АССР, передачу ей Нагорного Карабаха и Нахичевани, некоторые группы — изгнание азербайджанцев, восстановление Армении в исторических границах.

С. 288. *Петр Сцегаенный* (1801–1890) — польский священник и революционный деятель. Для революционной пропаганды среди крестьян использовал проповеди, основываясь на специально написанных «Золотой книжечке, или Истории рода человеческого», «Афоризмах об уставе человеческого общества», подложной папской булле. Создал тайную крестьянскую организацию. В 1844 г. был арестован и сослан русским правительством на каторгу.

С. 300. *Гуго Коллонтай* (1750–1812) — польский общественный деятель, ученый-рационалист и просветитель, активный участник патриотического движения эпохи разделов Речи Посполитой. Проводил образовательную реформу в духе французского Просвещения.

С. 305. *Юань Шикай* — президент Китая, пришедший к власти после Синьхайской революции 1911–1912 гг. В 1914 г. отменил конституцию и, сосредоточив в своих руках законодательную, исполнительную и судебную власть, готовился провозгласить себя

императором. Этим планам противостояло антимонархически настроенное офицерство. После неожиданной смерти Юань Шикая в 1919 г. политическая власть в Китае оказалась в руках милитаристских группировок.

Гоминьдан — Национальная партия, образованная в 1912 г. Сун Ятсеном. К 1928 г. гоминьдан под руководством Чан Кайши контролировал большую часть территории Китая. В 1949 г. под натиском коммунистической Народно-освободительной армии гоминьдановское правительство Чан Кайши бежало на Тайвань, где впоследствии образовалось государство, до сих пор не признаваемое властями Китайской Народной Республики.

С. 325. *Кокутай* — этим понятием обозначается в Японии мистическая сущность страны, присущая исключительно Японии и ее народу.

С. 329. *Фудзивара* — аристократический клан Фудзивара в IX–XII вв. обладал всей полнотой власти в Японии. Обычно представитель клана являлся регентом при малолетнем императоре, а когда тот достигал совершеннолетия, становился *кампаку* (канцлером), то есть занимал высшую должность в бюрократической иерархии государства. При этом чаще всего император очень рано отказывался от престола в пользу малолетнего родственника и постригался в монахи (так называемые экс-императоры). Со второй половины указанного периода господство Фудзивара постоянно оспаривалось другими аристократическими кланами (Тайра, Минамото).

С. 332. «...складывание режима *сёгуната*». Сёгунат — специфическая форма правления в Японии, когда вся реальная власть принадлежала военной самурайской верхушке, так называемой Полевой ставке сёгуна (*бакуфу*), а император был лишь номинальным правителем и осуществлял религиозные функции. Сёгунат существовал в Японии с XII в. до реставрации Мэйдзи.

С. 339. «...в поступке 47 ронинов». Ронин — в Японии самурай, в силу тех или иных обстоятельств оказавшийся без сюзерена.

С. 354. *Melting-pot* — плавильный котел, *salad-bowl* — салатница (см. с. 10). Использование этих терминов для обозначения изменений в ментальности американцев принадлежит Ф. Фицджеральду (см. X.1).

С. 357. *Лора Инголс Уайлдер* (1867–1957) — известная американская писательница, автор целого ряда книг, основанных на воспоминаниях о детстве и ставших классикой литературы о пионерах американского Запада. Ее книги переведены на многие языки.

С. 359. *Джон Пол Джонс* (1747–1792) — герой морских сражений, участник Войны за независимость, основатель флота Соединенных Штатов.

С. 361. *Salad-bowl* — см. комментарий к с. 354.

С. 373. «*Молли Магвайрс*». Существование этой террористической организации до настоящего времени нельзя считать доказанным, оно вызывает серьезные сомнения.

С. 383. «...выдающимися личностями в первом мексиканском пантеоне стали Морелос, Мина и Итурбиде». Все это деятели антииспанского движения. Хосе-Мария Морелос-и-Павон (1765–1815) — руководитель восстания 1811–1815 гг. Выдвигал радикальную социально-экономическую программу раздела латифундий, конфискации имущества церкви, отмены рабства и расовой дискриминации. После разгрома восстания казнен испанцами. Мина (1789–1815) — испанский революционер, принимавший участие в освободительной борьбе в колониях. Агустин де Итурбиде (1783–1824) — мексиканский государственный и военный деятель. Возглавив вооруженное выступление за отделение от Испании, он попытался в 1822 г. установить в стране военный диктаторский режим так называемой Империи. Попытка кончилась крахом и установлением в Мексике республики.

С. 384. *Куатемок* — ацтекский вождь, возглавивший сопротивление Кортесу. Был захвачен в плен при взятии столицы ацтекского государства Теночтитлана в 1521 г. и казнен Кортесом.

Бенито Пабло Хуарес (1806–1872) — деятель мексиканской революции 1854–1860 гг., президент Мексики в 1867–1872 гг.

Панчо Вилья (Д. Арранго, 1877–1923), *Эмилиано Сапата* (1880–1919) — деятели мексиканской революции 1910–1917 гг., руководители крестьянского движения, выступавшие за экспроприацию земель крупных собственников и передачу их крестьянам.

Техасская «революция». В 20-е гг. XIX в. происходила активная колонизация малонаселенного Техаса американскими плантаторами. В 1836 г. колонисты провозгласили отделение Техаса от Мексики и создание там независимой республики. Мексика отказалась признать независимость Техаса, но в результате войны 1846–1848 гг. вынуждена была согласиться с аннексией Соединенными Штатами не только Техаса, но также и Новой Мексики, Калифорнии, Орегона.

С. 414. «...воспоминания эльзасских евреев, исследованные Рафаэлем, и даже представления современников о битве при Бувине, изученные

Жоржем Дюби». Упомянутые автором исследования содержат яркие примеры того, как запечатлевается исторический процесс в коллективной памяти людей. Обе работы написаны в духе современной школы «Анналов». Коллективная память становится в них своеобразным историческим источником, и это дает исследователям возможность совершенно по-новому взглянуть на реалии прошлого.

В статье Ф. Рафаэля, опубликованной в журнале «Анналы» в 1970-е гг., изучается память эвакуированных в начале 40-х гг. из Эльзаса на юг Франции евреев. Спустя 30 лет исследователь интервьюирует эвакуированных, с восторгом вспоминающих свою прошлую жизнь в Эльзасе. Потом из других источников, в частности расспрашивая жителей эльзасских деревень, где жили евреи, историк выясняет, что воспоминания последних не вполне соответствуют действительности. Они забыли о бытовавшем среди эльзасцев антисемитизме. Таким образом, поднимается немаловажная проблема формирования исторической памяти, ее избирательности, анализируется психологический механизм формирования представлений людей об историческом прошлом.

Получившая широкую известность книга одного из крупнейших современных французских историков Жоржа Дюби «Бувинское воскресенье», вышедшая в 1973 г., посвящена конкретному историческому событию: сражению 1214 г. между войсками французского короля Филиппа II Августа, с одной стороны, и войсками английского короля Иоанна Безземельного, германского императора Оттона IV и графа Фландрского, с другой. Однако книга не являет собой традиционного изложения причин, развития и исхода военного конфликта. Опираясь на свидетельства современников, Дюби исследует нынешние представления о средневековом обществе, связывая их с развитием глубинных социальных структур.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Общие работы и история на Западе

1. Roy Preiswerk et Dominique Perrot, *Ethnocentrisme et Histoire*, Anthropos, Paris, 1975, 375 p.
2. Dominique Maingueneau, *Les Livres d'école de la République, 1870-1914*, Paris, Le Sycomore, 1979, 342 p.
3. Pierre Nora, «Ernest Lavisse, son rôle dans la formation du sentiment national», in *Revue historique*, 1962, p. 73-106.
4. Jacques Ozouf, «Le thème du patriotisme dans les manuels scolaires», in *Le Mouvement social*, 1964, p. 5-31.
5. Christian Amalvi, *Les Héros de l'Histoire de France*, Paris, Phot'œil, 1979, 320 p.
6. Bernard Guénée, *Histoire et culture historique dans l'Occident médiéval*, Paris, Aubier-Montaigne, 1980, 450 p.
7. G. Huppert, *L'idée de l'histoire parfaite*, Paris, Flammarion, 1973, 216 p.
8. *Historiographie de la Réforme*, sous la direction de Ph. Joutard, Neuchâtel, Delachaux, 1977, 500 p.
9. Alice Gérard, *La Révolution française, mythes et interprétations*, Paris, Flammarion.
10. Georges Duby, *Le dimanche de Bouvines*, Paris, Gallimard, 1973.
11. Suzanne Baudemont, *L'Histoire et sa légende dans l'école élémentaire victorienne (1862-1901)*, Paris, Klincksieck, 1980, 220 p.
12. E. Braudel, *écrits sur l'histoire*, Paris, Flammarion, 1972.
13. P. Nora et J. Le Goff, *Faire de l'histoire*, 3 vol., Gallimard.
14. *Aujourd'hui, l'Histoire*, collectif de la Nouvelle Critique, Paris, éd. Sociales, 1972.
15. Dialectiques, n°s 10-11 et 30; Recherches, n° 23.
16. Paul Veyne, *Comment on écrit l'histoire*, Paris, Le Seuil, 1971.
17. Claude Lefort, *Les Formes de l'histoire*, Paris, Gallimard, 1979.
18. François Chatelet, *Naissance de l'histoire*, Paris, éd. de Minuit, 1962.
19. François Hartog, *Le Miroir d'Hérodote*, Paris, Gallimard, 1980.

20. *Histoire et bande dessinée*, Colloque international, 13640 La Roque.
21. P. Daninos, *La Leçon d'histoire*, Paris, Julliard, 1979.
22. A. Kimmel et J. Poujol, «Certaines idées de la France», *Dossiers de Sèvres*, n° 3, 1980.

II. Нацистская Германия

1. Riemenschneider, Rainer, «L'enseignement de l'histoire en Allemagne sous le III Reich», *Francia, Forschungen zur westeuropäischen Geschichte*, 1979, 7, p. 401–428.
2. F. Selmeier, *Das nationalsozialistische Geschichtsbild und der Geschichtsunterricht, 1933–1945*, München, 1969.
3. Altmann, John, «Movies' role in Hitler's conquest of German Youth», *Hollywood Quarterly*, III, n° 4, Berkeley, s.d.
4. Harlan Veit, *Im Schatten meiner Filme*, Siegbert Mohn V., 1966.
5. Kracauer, Siegfried, *From Caligari to Hitler*, Princeton University Press, 1948; trad. fr. Lausanne, L'âge d'homme, 1970.
6. F. Courtade et P. Cadars, *Histoire du cinéma nazi*, éric Losfeld, 1974, 400 p.
7. David Steward Hull, *Film in the Third Reich*, University of California Press, Berkeley, 1969, 280 p.
8. Richard Taylor, *Film Propagandes: Soviet Russies and Nazi Germany*, Londres, Croom Hein, 1979, 264 p.
9. F. Garçon, «Les trois discours du Juif Süß», *Annales (E.S.C.)*, 1979, 4, p. 694–721.
10. Marie-Luise Christadler, *Kriegserziehung in Jugendbuch, Literarische Mobilmachung in Frankreich und Deutschland vor 1914*, Diss. Frankfurt, 1977, 468 p.
11. P. Ory, *Le Petit Nazi illustré*, Paris, Albatros, 1979.

Учебники

12. Grunwald-Lukas, *Von der Urzeit zur Gegenwart*, Frankfurt, 1936.
13. *Um Volk und Reich*, Erster Band, für die erste Klasse der Hauptschule, 1944.
14. *Volk und Führer, Deutsche Geschichte für Schulen*, herausgegeben von Dietrich Klagges, 1942.
15. *Klasse 1. Erzählungen zur deutschen Geschichte.*

16. Klasse 4. Preussen gestaltet das Reich.
17. Klasse 6. Von der Vorgeschichte bis zum Ende der Stauferzeit.

III. Черная Африка и «белая история»

Школьные учебники

1. A. M. M'Bow, J. Ki-Zerbo, J. Dévisse, collection « Histoire »: *Du VII au XVI siècle*, Paris, Hatier, 1978.
2. L'Afrique et le reste du monde, du XVIIe au début du XIXe siècle. La traite négrière, Paris, Hatier, 1978.
3. *Legacy of the Past, a History for Transvaal Schools*, S.T.D. III, by A. N. Boyce & W. A. Harrison, Johannesburg, 1967–1977, 138 p.

Другие работы

4. Histoire générale de l'Afrique noire, de Madagascar et des archipels, sous la direction de Hubert Deschamps, Paris, PUF, 2 vol., 1970.
5. Claude Perrot, «Le temps dans la société agni», *Annales* (E.S.C.), 1972.
6. Denise Bouche, L'Enseignement dans les territoires français de l'Afrique noire, 1817–1920; thèse de Lille, 1975, 2 vol.
7. Denise Bouche, «Autrefois notre pays s'appelait la Gaule», C.E.A., 290, 1968.
8. *Afrika Zambari*, revue d'histoire africaine, Yaoundé.
9. *L'Esclavage en Afrique précoloniale*, Paris, Maspero, 1975.
10. *Conversion to Islam*, ed. by N. Levtzion, Holmes and Meier, N.Y., 1979.
11. Jean Afan, Le Mythe de Chaka dans la littérature négro-africaine, Thèse de 3e cycle, Paris-III, 1974.
12. Guy Hennebelle et Cath. Ruelle, *Cinéastes d'Afrique noire*, CinémAction, 60 av. S. Bolivar, Paris 19e.
13. Camara Laye, *Le Maître de parole*, Paris, Pion, 1978.
14. Jacques Chevrier, *Littérature nègre*, Paris, A. Colin.
15. Georges Balandier, *Afrique ambiguë*, Paris, 1963.
16. W. R. Randles, *Le Royaume du Congo*, Paris, 1974.
17. La revue *Godo-Godo*, de l'université d'Abidjan.
18. Mohamed Sekou, *Bamba, Bas-Bandama précolonial*, Thèse de 3e cycle, Paris-I, 1978.

19. *Documents in Sth Africa Education*, ed. by B. Rose and R. Turner, A. Donker, Johannesburg, 1975, 320 p.
20. Marianne Cornevin, *L'Apartheid: pouvoir et falsification historique*, Paris, Unesco, 1979, 156 p.
21. Credo Mutwa, *My People*, Londres, Blond, 1969, 257 p.
22. J. Dévissé, «Comment enseigner l'histoire en Afrique?», dans *Recherche-Pédagogie-Culture*, n° 46, mars-avril 1980, Paris, Audecam, p. 34-44.
23. I. B. Kaké et E. M'bokolo, *Histoire générale de l'Afrique*, Paris, A.B.C., 1979, 1475 p.
24. «Réparations, restitutions, réconciliations. Entre Aftiques, Europe et Amériques», *Revue d'études africaines*, XLIV, 1-2, n° 173-174, 2004.

IV. Индия

Проблемы преподавания

1. *Education and Politics in India, Studies in Organisation, Society and Policy*, ed. by Suzanne Hoeber Rudolph and Lloyd I. Rudolph, Harvard University Press, 1972, 476 p.
2. Gautam, G., *Crisis in the Temples of Learning*, New Delhi, 1972, 133 p.
3. Khagendra, N. S., *Education and the Nation, an Indian Perspective*, University of Calcutta, 1970, 872 p.

Учебники и другие детские книги по истории

4. *Children's History of India*, Publications Division, New Delhi, 1960, 152 p., préface de J. Nehru.
5. *Modern India, a Textbook of History for Secondary Schools*, National Council for secondary schools, ed. by Bipan Chandra, Delhi, 1971, 296 p.
6. *In Memory of Gandhiji*, Indian illustrated classics, LP. Tr. Cy., n° 2, New Delhi, illustrated by Enver Ahmed, text by V. S. Bhatia, editor in chief J. D. Chowdhry (bande dessinée).

Историография

7. *Historians of India, Pakistan and Ceylon*, ed. by C. H. Philips, Oxford University Press, Londres, 1961, 504 p.
8. Harbans Mukhia, *Historians and Historiography during the Reign of Akbar*, Vikas pub. House, New Delhi, 1976, 196 p.

9. C. Markovits, «Le nationalisme indien», dans *Annales* (E.S.C.), 1979, 3, p. 512-525.

Работы по истории Индии

10. Louis Dumont, *Homo hierarchicus*, essai sur le système des castes, Paris, Gallimard, 1966, 438 p.
11. Daniel Dubuisson, «Trois thèses sur le Ramayana», *Annales* (E.S.C.), 1979, 3, p. 464-490.
12. J. Pouchepadass, *L'Inde au XXe siècle*, Paris, PUF, 1975, 214 p.
13. «Terre, pouvoir et marché, la naissance du marché foncier dans la plaine du Gange», dans *Annales* (E. S. C.), 1979, 3, p. 490-512.
14. K. M. Panikkar, *Histoire de l'Inde*, Paris, Fayard, 1958.
15. Alice et Daniel Thorner, «Le monde indien», dans *Le Monde depuis 1945*, tome 2, Paris, PUF, 1973.
16. Aziz Ahmad, *Studies in Islam in the Indian Environment*, Oxford, Clarendon, 1964.
17. W. Norman Brown, «La vache sacrée dans la religion indoue», dans *Annales* (E. S. C.), 1964, 4, p. 643-665.
18. Norman Brown, *The United States and India*, Bangla-Desh, Pakistan, Cambridge University Press, 1972.
19. K. S. Shelvankar, «Le sous-développement outre-mer, le cas de l'Inde», *Annales* (E. S. C.), 1962, p. 517-533.

Образ Индии у англичан

20. Ahan J. Greenberger, *The British Image of India*, Oxford University Press, Londres, 1969.
21. Jeffrey Richards, *Visions of Yesterday*, Londres, Routledge, 1973 (pour le cinéma).

V. Страны ислама

1. *Historians of the Middle East*, ed. by Bernard Lewis and P. M. Holt, Londres, Oxford University Press, 1962, 520 p.
2. Philippe Fargues, *Aspects idéologiques de l'enseignement de l'histoire en Égypte*, Thèse de 3e cycle sous la direction de Maxime Rodinson, E.P.H.E., 6e section, 1973.
3. Joseph S. Szyliowicz, *Education and Modernization in the Middle East*, Cornell University Press, Ithaca, 1973, 480 p.

4. André Miquel, *Géographie humaine du monde musulman*, Paris, Mouton, 2 vol., 440 p. et 701 p., 1975.
5. Claude Cahen, *L'Islam des origines au début de l'Empire ottoman*, Paris, Bordas, 1970, 280 p.
6. D. et J. Sourdel, *La Civilisation de l'Islam classique*, Paris, Arthaud, 1968, 672 p.
7. Franz Rosenthal, *A History of Muslim Historiography*, Leiden, E. J. Brill, 1968, 650 p.
8. Walter J. Fischel, «Ibn Khaldun: on the Bible, Judaism and the Jews», *Ignace Goldziher Memorial Volume*, Part II, p. 147–171, ed. by S. Lowinger, Jérusalem, 1958.
9. Abdallah Laroui, *L'Histoire du Maghreb*, Paris, Maspero, 1970, 390 p.
10. Lucette Valensi, *Fellahs tunisiens, l'économie rurale et la vie des campagnes aux XVIIIe et XIXe siècles*, Paris, Mouton, 1977, 422 p.
11. Ahmed Abdesselam, *Les Historiens tunisiens des XVIIe, XVIIIe, XIXe siècles, essai d'histoire culturelle*, Paris, Klincksieck, 1973, 590 p.
12. Olivier Carré, *La Légitimation islamique des socialismes arabes: analyse conceptuelle combinatoire des manuels scolaires égyptiens, syriens, irakiens*, Paris, 1979, 418 p.
13. Maxime Rodinson, *Mahomet*, Paris, Club français du livre, 1962, rééd. Le Seuil, 1968, 380 p. et *Les Arabes*, Paris, PUF, 1979, 174 p.
14. J. Berque et J.-P. Charnay, *De l'impérialisme de la décolonisation*, Paris, 1965, 500 p.
15. Bernard Lewis, *Race et couleur en pays d'Islam*, Paris, Payot, 1981 (1re éd. Harper and Row, 1971).
16. A. Abdel-Malek, *Idéologie et renaissance nationale, l'égypte moderne*, Paris.
17. P. M. Holt, Ann K. Lampton and B. Lewis, *The Cambridge History of Islam, vol. I: The Central Islamic Lands*, Cambridge, 1970, 816 p.
18. «Islamic education in the traditional and state systems in Northern Nigeria», in *Conflict and harmony in education in tropical Africa*, ed by G. N. Brown and Merwyn Hiskett, Londres, Allen and Unwin, 1975, 496 p.
19. A. L. Tibawi, *Islamic Education, its Tradition and Modernization, into the Arab National Systems*, Londres, Luzac and C°, 1972, 250 p.
20. Bernard Lewis, *History, Remembered, Recovered, Invented*, Princeton University Press, 1975.
21. Halil Inalcik, «Some Remarks on the Study of History in Islamic Countries», *Middle East Journal*, VI, 1953, p. 551–555.
22. Emmanuel Sivan, «Modern Arab Historiography of the Crusades», *Asian and African Studies*, VIII, 1972, 109–149.

23. S. R. Shafak, «Patriotic Poetry in Modern Iran», *Middle East Journal*, VI, 1952.
24. Mohammed el Nowaihi, «Al-Shi'r Al-jadid», *Texas Quarterly*, IX-A, 1966, p. 148–157.
25. W. Barthold, *Histoire des Turcs d'Asie centrale*, Paris, 1945, 200 p.

Учебники

26. *Al Tarikh Al Arabi Al Islami, Al Saff Al Khames Al Abtiday*, écrit par Dr Salek Ahmed Elalei, Dr Nazar Abellatif, Dr Abdel-Rahman Abel Karim, Khola Chaker Mohamed, 1re édition 1398–1978, Bagdad, 2 vol. (на арабском языке).
27. *Al Mawad Elegtemaia*, classe de 8e, Le Caire, 1976, 2 vol. (на арабском языке).
28. *Nasser*, écrit par Noamen Em Zakeri et J. Riviou, Publications de la Presse africaine associée, Paris, 1973, imprimé en Belgique (на арабском языке).
29. *De Cyrus aux Pahlavi, une image de l'histoire impériale de la Perse*, écrit par F. Talberg; les écrits ont été approuvés par l'université Pahlavi, Téhéran, 1976 (на фарси).
30. Kafesoglu et A. Deliorman, *Tarih, Lise 1, 11, 111*, Istanbul, 1976 (на турецком языке).
31. Je connais l'Algérie, s.d.

VI. СССР

Школьные учебники

1. М.А. Мельников, А.Г. Калашникова. «Новый путь» (2-я книга для чтения для сельских школ 1-й ступени), Москва, 1930 г., 176 с.
2. С.П. Алексеев, В.Г. Карцов. «История СССР» (учебник для 4 класса), Москва, 1956 г., 152 с.
3. М.В. Нечкина, П.С. Лейбенгруб. «История СССР» (учебник для 7 класса), Москва, 1972 г., 256 с.
4. А.В. Ефимов. «Новая история» (учебник для 8 класса), Москва, 1977 г., 316 с.
5. И.Б. Берхин, И.А. Федосов. «История СССР» (учебник для 9 класса), Москва, 1975 г., 382 с.
6. «История СССР», Прогресс, Москва, 1962 г., 396 с.

Историография

7. Anatole Mazour, *Modern Russian Historiography*, New York, 1958, 260 p.
8. Anatole Mazour, *The writing of History in the Soviet Union*, Stanford, 1971.
9. *Rewriting Russian History*, C. E. Black ed. r, New York, 1956, 412 p.
10. *Contemporary History in the Soviet Mirror*, ed. by John Keep, Londres, 1964, 332 p., notamment les études de M. Fainsod, Bertram D. Wolfe et L. Schapiro.
11. John Keep, «The Rehabilitation of M. N. Pokrovskii», dans *Révolution and Politics in Russia*, ed. by A. and J. Rabinowitch, 1972, Indiana Press.
12. G. Enteen, *The Soviet Scholar-bureaucrat, M. N. Pokrovskii and the Society of Marxist Historians*, Pennsylvania State University Press, 1978, 236 p.
13. B. Delmaire, «L'historiographie soviétique et le problème des origines russes», dans *Annales (Economies – Sociétés – Civilisations)*, 1974, I, p.151–166.
14. Roger Portai, *Russes et Ukrainiens*, Paris, Flammarion, coll. «Questions d'histoire», 1970, 178 p.
15. Simone Blanc, *Pierre Le Grand*, Paris, PUF, 1974, 128 p.
16. G. Enteen, T. Gorn, C. Kern, *Soviet Historians and the Study of Russian Imperialism*, The Pennsylvania State University Press, n° 45, 1979, 60 p.
17. Marc Ferro, *La Révolution de 1917*, Paris, Aubier, 2 vol., 1976.
- 17a. T. Kondratieva, *Bolcheviks et Jacobins*, Paris, Payot, 1989, 312 p.

VII. Армения

1. В.А. Парсамян, С.П. Погосян, С.Р. Арутюнян. «История армянского народа» (учебник для 9–10 классов), Ереван, 1967 г., 336 с.
2. *Histoire de mes ancêtres*, éd. des pères Mekhitaristes, St-Lazare, Venise, 1979, 86 p.
3. Avens Aharonian, *Les Anciennes Croyances arméniennes*, dissertation, Lausanne, 1912, éd., Roquevairè Parenthèses, 1980, 64 p.
4. *Contes et légendes arméniennes*, adaptés par C. Der Melkonian, Beyrouth, 1964.
5. *Contes, légendes et épopées populaires d'Arménie*, présentés et traduits par Frédéric Maclaire, Paris, 1928, 2 vol.

6. Hovanès Tottmanian, *Œuvres choisies*, trad. J. Champenois, Moscou, 1969, 170 p.
7. Michael Arlem, *Embarquement pour l'Ararat*, Paris, Gallimard, 1977, 250 p.
8. H. Pasdermadjian, *Histoire de l'Arménie, depuis les origines jusqu'au traité de Lausanne*, Paris, Librairie Samuelian, 1949, 486 p.
9. G. Dédéyan, «Les Arméniens dans l'Empire byzantin», dans *Histoire de l'Arménie*, Toulouse, Privât, 1981.
10. A. Ter Minassian, «Le mouvement révolutionnaire arménien», *Cahiers du monde russe et soviétique*, 3 et 4, 1974.
11. M. Kilbourne Matossian, *The Impact of Soviet Policies in Armenia*, Leiden, 1962, 240 p.
12. Claire Mouradian, «L'Arménie soviétique et la diaspora arménienne après la Seconde Guerre mondiale», *Cahiers du monde russe et soviétique*, 1978.
13. Vahakn N. Dadrian, «Nationalism in Soviet Armenia – a Case Study of Ethnocentrism», in *Nationalism in the USSR and Eastern Europe in the era of Brejnev and Kossygin*, G. W. Simmonds ed., University of Detroit Press, 1977, 534 p., p. 202–259.
14. Sophie Mappa, *Conscience et idéologie de la nation chez les Grecs (1850–1909)*, Thèse de 3e cycle, EHESS, Paris, 1981.

VIII. Польша

Школьные учебники и педагогические сочинения

1. Gustaw Markowski, *Historia, dla klasy V*, Warszawa, W.S.P., 1975, 174 p.
2. Marcelli Kosman, *Historia, dla klasy VI*, Warszawa, W.S.P., 1976, 206 p.
3. Adam Kersten, Tadeusz Łepkowski, *Historia dla klasy II*, P.Z.W.S., 1968, 610 p.
4. Mateusz Siuchninski, *An Illustrated History of Poland*, Interpress, Warszawa, 1979, 225 p.
5. Adela Bornholtzowa, Wanda Moszczeńska, *Nauczanie historii w szkole a nauka historyczna*, Warszawa, 1964, 107 p.
6. Adolfina Rogowska, «Okres przygotowawczy w nauczaniu historii w klasie V».
7. «Jak zaznajamiałam uczniów z przyszłością własnego regionu na lekcjach historii w klasie V».

8. Józef Olszewski, «Realizacja zadań wychowawczych na lekcjach historii w szkole podstawowej».
9. См.: *O lepsze wyniki w pracy nauczyciela historii*, Zbiór odczytów pedagogicznych, pod red. Krystyny Kuligowskiej, Warszawa, 1968, 144 p.

Работы по истории Польши

10. A. Gieysztor, et autres, *History of Poland*, Varsovie, 1968.
11. *The History of Poland since 1863*, ed. by R. F. Leslie, Cambridge University Press, 1980, 494 p.
12. Dziewanowski, M. K., *The Communist Party of Poland*, Cambridge, 1959.
13. Marian Malowist, «Un essai d'histoire comparée, les mouvements d'expansion en Europe aux XVe et XVIe siècles», dans *Annales* (E.S.C.), 1962, p. 923–930.
14. Marian Serejski, «Les origines et le sort des mots civilisation et culture en Pologne», dans *Annales* (E.S.C.), 1962, p. 1107–1117.
15. Andreej Wyczanski, «L'économie du domaine nobiliaire moyen en Pologne 1500–1580», dans *Annales* (E.S.C.), 1963, p. 81–88.
16. Irena Gieysztorowa, «Guerre et répression en Masovie aux XVI et XVIIe siècles », dans *Annales* (E.S.C.), 1958, p. 651–669.
17. Celina Bobinska, «L'action sociale des paysans polonais», dans *Annales* (E.S.C.), 1965, p. 528–537.
18. K. Pomian, «Religion et identité culturelle, le cas polonais», *Groupe de travail sur l'Europe centrale et orientale, Bulletin d'informations*, 3, 1980, p. 77–89.

IX. Китай и Япония

1. W. G. Beasley and E. G. Pulleybank, *Historians of China and Japan*, Oxford University Press, 1961, 500 p.
2. Etienne Balazs, *Chinese Bureaucracy and Civilisation, Variations on a Theme*, Yale University Press, trad. fr. Paris, Gallimard, 1964–1970.
3. Robert J. Smith and Richard K. Beardsley, *Japanese Culture, its Development and Characteristics*, Methuen, Londres, 1963, en particulier les études de E. Ishida, I. Yawata, N. Egami, S. Ono.
4. Cyrus H. Peake, *Nationalism and Education in Modern China*, Columbia University Press, 1932, avec d'importantes annexes, 234 p.

5. Martin, Roberta, «The Socialization of Children in China and in Taiwan: An Analysis of Elementary Textbooks », *China Quarterly*, 62, june 1975.
6. Ridley Charles, Paul Godwin, Dennis Doolin, *The Making of a Model Citizen in Communist China*, Stanford University Press, 1971.
7. *History in Communist China*, ed. by Albert Feuerwerker, essentiel, notamment les études de J. R. Levenson, H. Willhelm, James P. Harrison, H. L. Boorman, The M.I.T. Press, 1968, 382 p.
8. J. A. Cuadrado, The socialization Goals of the Two Chinas as Manifested in the Editorial Content of Children's Primers, sous la direction du Pr. S. Levinson, 1978.
9. *Manuel du maître d'histoire du lycée*, publié par le Centre d'éducation de Shanghai, Shanghai, 1958-1959 (на китайском языке).
10. *Zhingguo Lishi*, pour le lycée, tome 1, Pékin, Publ. du Centre d'enseignement populaire, 1956, éd. de 1959 (на китайском языке).
11. *Lishi*, tome 1, publié par le Centre national de l'éducation, Taiwan, 1972 (на китайском языке).
12. Bandes dessinées, en chinois, sur Lénine, La guerre des Souterrains.
13. Pierre-François Souyri, *Comment enseignait-on l'histoire aux jeunes Japonais avant la guerre*, Mémoire de maîtrise, Paris-X, 1977 (sous la direction de M. Vie).
14. Harold Wray, Changes and Continuity in Japanese Image of the Kokutai and Attitudes and Yoles towards the Outside World, Ph. D., University of Manoa, Hawaï, 1971.
15. P. A. Narasimba Murthy, The Rise of Modern Nationalism in Japon, a Historical Study of the Role of Education in the Making of Modern Japon, New Delhi, 1973, 518 p.
16. Ivan Morris, *La Noblesse de l'échec, héros tragiques de l'histoire du Japon*, 1975, trad. française, Paris, Gallimard, 1980, 396 p.
17. John Caiger, «Ienaga Saburo and the First Post-war Japanese History Text-book», *Modern Asian Studies*, III, January 1969.
18. Tanaka Hajime, «Les contradictions de l'enseignement au Japon», *Recherches internationales*, 28, n° 1961.
19. Delphine Baudry-Weulersse, *Récits de l'histoire du Japon*, Paris, Nathan, 1975, 256 p.
20. Keenleyside, H. Llewellynn and A. F. Thomas, History of Japanese Education and Present Education System, Tokyo, 1937.
21. Alan Silver, *The Samourai Film*, South Brunswick and New York, Cranbury, 1977, Londres, The Tantaury Press, 242 p.

22. *Histoire nationale élémentaire*, réédité de 1903 à 1943, avec plusieurs ajouts et changements, trad. de Pierre Souyri de l'original de 1938.
23. *Série de l'Encyclopédie par l'image: histoire du Japon*, sous la direction du professeur Kodama, de l'université Gakushuin, édition Shogakukan, 1973 (на японском языке).

X. США

1. Frances FitzGerald, *America Revised: History Schoolbooks in the Twentieth Century*, Little Brown & Co, 1979, 240 p., avec une bibliographie des livres scolaires.
2. Diane Ravitch, *The Great School Wars*, New York City, 1805–1973, a History of Public Schools as Battlefield of Social Change, Basic Books, Inc. New York, 1974, 448 p.
3. Pierre Nora, «Le fardeau de l'histoire aux États-Unis», *Mélanges Pierre Renouvin*, p. 51–74, Paris, PUF, 1966.
4. *Pastmasters, Some Essays in American History*, ed. by Marcus Cunliffe and Robin Winks, Harper Torchers, 1975, 492 p.
5. *The Historian and the Climate of Opinion*, ed. by Robert Allen Stockheim, Addison-Wesley, 1969, 218 p.
6. Robert L. Belknap and Richard Kuhns, *Tradition and Innovation, a General Education and the Re-integration of the University*, a Columbia report, Columbia, 1977, 130 p.
7. Jack Spears, *The Civil War on the Screen*, South Brunswick and New York, 1977, 240 p.
8. *Ethnic Images in American Film and Television*, ed. by Randall M. Miller, The Balch Institute, Philadelphia, 1978, 173 p.
9. Thomas Cripps, *Black Films as Genre*, Indiana University Press, 1978, 184 p.
10. Jeffrey Richards, *Visions of Yesterday*, Routledge and Kegan, Paul, 1973, 300 p.
11. *History of the United States of America, with a Brief Account of Some of the Principal Accounts, of Some of the Principal Empires and States of Ancient and Modern Times for the Use of Schools and Families*, by a citizen of Massachusetts, Keene, New Hampshire, published by John Prentiss, 1823, 280 p.
12. John Clark, *History of the United States, Prepared Especially for Schools*, J. Brothers, 1869, 250 p.
13. *1001 Questions and Answers on US History*, by B. A. Hathaway, Cleveland, 1882.
14. F. Freidel, H. N. Drewry, *America is*, C. E. Merrill, 1978, 592 p.

XI. Мексика и острова Карибского моря

1. Josefina Vasquez de Knauth, *Nacionalismo y educación en Mexico*, El Colegio de Mexico, 1970, 292 p.
2. Giorgio Bini, etc., *Los libros de texto en America Latina*, Editorial Nueva Imagen, Mexico, 1977, 180 p.
3. *A Documentary History of the Mexican-Americans*, ed. by W. Moquin & C. Van Doren, Bantam Books, Praeger, 1971, 510 p.
4. *Ciencias Sociales*, tercer grado, Mexico, 1973, 150 p.
5. *Ciencia Sociales*, quinto grado, Mexico, 1972, 280 p.
6. I. Appendini y S. Zavala, *Historia Universal, Antigüedad y Edad Media*, 1968, Mexico, 400 p.
7. *Historia Universal Moderna y Contemporanea*, 1968, 500 p.
8. J. M. Siso Martinez, H. Bartoli, *Historia de mi patria*, tercer grado, Caracas, 1968, 214 p.
9. Sheila Duncker, *A Visual History of the West Indies*, Evans Brother Ltd, 1965-1975.
10. E. H. Carter, G. W. Digby, R. N. Murray, *Our heritage, History of the West-Indian Peoples*, Nelson and Sons, Londres, 1951, 88 p.

XII. Аборигены Австралии и жители островов Тихого океана

1. A. P. Elkin, *Les Aborigènes australiens*, Paris, Gallimard, 1962.
2. *The Aboriginal Children's History of Australia*, written and illustrated by Australia's aboriginal children, Melbourne, 1977, 150 p.
3. C. M. Tatz, «Education for Aborigenes: Present Facilities and Needs», in *Critical Writings on Australian Education*, ed. by S. d'Urso, J. Wyley, Sydney, 314 p.
4. *A Child's History of Hawaiï*, written and illustrated by Hawaiïan children, originated and directed by E. J. McGrath Jr, Honolulu, 1973, 150 p.
5. Gavan Daws, *Shoal of Lime, a History of the Hawaiïan Islands*, McMillan, 1968, 490 p.
6. David MacLagan, *La Création et ses mythes*, Le Seuil, 96 p.
7. Hughes Robert, *The Fatal Shore: a History of the Transportation of Convicts to Australia, 1788-1868*, Pan Books et Collins, 1987, 688 p.¹

¹ В последние десятилетия положение в преподавании истории в Австралии изменилось. Чувство вины перед аборигенами возобладаало над невежеством в этой области. Появилось бесчисленное множество работ по этой теме. Данная работа является одной из лучших. (Прим. автора.)

ХIII. Дополнительная библиография

1. Giuliano Procacci, *La Memoria Controversia: revisionismi, nazionalismi e fondamentalismi nei manuali di storia*, AMD, 2003.
2. «Imaginaires nationaux: origines, usages, figures», sous la direction de A. Burguière et Brunhes, *Annales*, 1, 2003.
3. Maria Ferretti, «La mémoire refoulée, la Russie devant son passé stalinien», *Annales*, HSS 50, 6, 1995, p. 1237–1257.
4. Jacques Le Goff, *L'Europe est-elle née au Moyen-Âge?*, Paris, Le Seuil, 2004.
5. Shlomo Sand, *Le XXe Siècle à l'écran*, préface de Michel Ciment, Paris, Le Seuil, 2004.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Благодарности	15
От переводчика	17
Глава I. ПЕРЕЖИТКИ «БЕЛОЙ» ИСТОРИИ: ЙОХАННЕСБУРГ	21
Глава II. ДЕКОЛОНИЗИРОВАННАЯ ИСТОРИЯ: ЧЕРНАЯ АФРИКА. . .	41
Глава III. ЗАМЕТКИ О ТРИНИДАДЕ: ИСТОРИЯ-ЗАКЛИНАНИЕ	61
Глава IV. ИНДИЯ: ИСТОРИЯ, ЛИШАЕМАЯ СУЩНОСТИ	69
Глава V. ИСТОРИЯ ИСЛАМА ИЛИ ИСТОРИЯ АРАБОВ?	97
Глава VI. ПЕРСИДСКИЙ И ТУРЕЦКИЙ ВАРИАНТЫ АРАБО-МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР И ИРАН	135
Глава VII. ОТ СВЯЩЕННОЙ ИСТОРИИ К ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА И ГОСУДАРСТВА: ВЗГЛЯД ИЗ ЕВРОПЫ	159
Глава VIII. СССР: ИЗМЕНЧИВЫЙ ОБЛИК ИСТОРИИ	191
Глава IX. ИСТОРИЯ И СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В АРМЕНИИ	243
Глава X. ПОЛЬША: ИСТОРИЯ «В ПРОФИЛЬ»	279
Глава XI. ЗАМЕТКИ О НЕПОСТОЯНСТВЕ ИСТОРИИ В КИТАЕ	303
Глава XII. ИСТОРИЯ ЯПОНИИ: КОДЕКС ИЛИ ИДЕОЛОГИЯ?	321
Глава XIII. СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ: ДЕМОНТАЖ «БЕЛОЙ» ИСТОРИИ	351
Глава XIV. ЗАМЕТКИ О «ЗАПРЕТНОЙ» ИСТОРИИ: АМЕРИКАНСКИЕ МЕКСИКАНЦЫ И АБОРИГЕНЫ АВСТРАЛИИ ..	383
Глава XV. ЕВРОПА 1939–1945 гг.: У КАЖДОГО СВОЙ ВЗГЛЯД	395
Глава XVI. КАКОЙ БЫТЬ ИСТОРИИ ЕВРОПЫ?	407
Заключение. Разбитое зеркало.	410
Послесловие российского историка. <i>Дмитрий Ермолицев</i>	416
Комментарии	432
Библиография	449

Марк Ферро

Как рассказывают историю детям в разных странах мира

Издательский совет

В.Т. Бабенко,
А.В. Скорондаев,
О.И. Лютова

Выпускающий редактор

В.Т. Бабенко

Художественный редактор

В.В. Гусейнов

Корректоры

И.О. Горбатовская,
О.Н. Архипова,

Л.А. Хинчагашвили

Редактор

В.И. Генкин

Директор издательства

М.К. Харитонов

Подписано в печать 26.11.2010

Формат 60х90/16

Гарнитура NewBaskerville

Тираж 3000 экз.

Заказ № 9624

Книжный Клуб 36.6

105082, Москва, Бакунинская ул., д. 71, стр. 10

Тел.: +7 (495) 926-45-44

e-mail: club366@club366.ru

Информация в Интернете: www.club366.ru

Отпечатано в полном соответствии

с предоставленными файлами заказчика

в ОАО ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14.

ISBN 978-5-98697-136-0

9 785986 971360

